Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

КИТАЙ
В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXX
Ежегодное периодическое издание

Москва
ИКСА РАН
2025

УДК 327(510)(082)
ББК 66.4(5Кит)я4
К45

Рецензенты выпуска:
Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета;
Мамаева Наталья Леонидовна — доктор исторических наук, научный руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXX : ежегодное периодическое издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. — М.: ИКСА РАН, 2025. — 442 с.

ISBN 978-5-8381-0500-4
ISSN 2618-6888 (print)
ISSN 2949-0774 (online)
DOI 10.48647/ICCA.2025.38.88.001

XXX, юбилейный выпуск журнала/сборника научных статей «Китай в мировой и региональной политике. История и современность», уже 30 лет издающегося Институтом Китая и современной Азии РАН (до 2022 г. — Институт Дальнего Востока РАН), посвящен целому ряду актуальных тем, значимость которых в последние годы растет.

В выпуск вошли работы по проблематике американо-китайских отношений во времена обеих каденций Д. Трампа, диалога Китая и некоторых стран Евросоюза в свете Инициативы «Пояс и путь», статьи о роли Арктического региона в текущем международном курсе КНР.

В этом году журнал открывает новую рубрику — «КНР и международная безопасность», в статьях которой рассматриваются вопросы активности КНР в сфере безопасности, включая европейское, юго-восточноазиатское и африканское направления. Анализируются взгляды китайского руководства на диалог КНР и ФРГ в области безопасности, роль китайских ВС в обеспечении национальной безопасности «в новую эпоху».

Особое внимание уделено рассмотрению вопросов о председательстве КНР в ШОС-2025 в свете перспектив развития этой организации, а также о подходе Китая к системе глобального управления. Примечательны и представленные взгляды авторов на Китай как сверхдержаву, на отношения Китая и КНДР в свете укрепления отношений Москвы и Пхеньяна и на культуру как ресурс внешней политики КНР. Методически ценную информацию сдержит работа о российской историографии внешней политики КНР в эпоху Си Цзиньпина.

Обширен и информативен раздел о внешнеэкономической политике КНР. В нем освещаются вопросы российско-китайского и китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества, американо-китайской торговой и тарифной войн, политико-экономические отношения КНР с ЕС и Пакистаном и специальные вопросы китайской экономики, имеющих международное значение.

Раздел об истории российско-китайских отношений включает статьи на весьма интересные и малоизученные темы, относящиеся к периоду Второй мировой войны и 1920-х годов.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика КНР, российско-китайское стратегическое партнерство, безопасность, США, Арктика, ФРГ, Евросоюз, Южно-Китайское море, Африка, внешнеэкономические связи, китайская дипломатия.

УДК 327(510)(082)
ББК 66.4(5Кит)я4

© Сафронова Е.И., составление, 2025
© ИКСА РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-8381-0500-4

Редакционная коллегия: д.н., проф. **Алка Ачарья** (Индия); д.филол.н., проф. **К.В. Бабаев**; к.и.н. **Н.А. Замараева**; д.полит.н., проф. РАН **Я.В. Лексютина**; д.ю.н., проф. **Ли Юнхуэй** (КНР); д.и.н., проф. РАН **А.В. Ломанов**; д.и.н., проф. **С.И. Лунев**; д.э.н., доц. **В.М. Мазырин**; академик РАН, д.э.н. **В.В. Михеев**; к.э.н., проф. **Арильд Му** (Норвегия); д.полит.н. **В.Е. Петровский**; к.э.н. **Е.И. Сафронова** (отв. ред.-сост.); д.н., проф. **Шаида Уизарат** (Пакистан); к.и.н. **С.В. Уянаев**.

Редакция: с.н.с. **А.Л. Верченко**; к.и.н. **А.О. Виноградов**; д.э.н. **А.К. Криворотов**; к.э.н. **В.А. Матвеев**.

Ежегодное издание/сборник научных статей (журнал) «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» (ISSN: 2618-6888 (print); ISSN: 2949-0774 (online) выходит с середины 1990-х годов. Тематика журнала охватывает целый ряд сфер, относящихся к исследованию международных отношений КНР, российско-китайского стратегического партнерства, внешнеэкономической политики Китая и истории его международных связей.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83070 от 11.04.2022 (печатное).

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84000 от 30.09.2022 (электронное).

Отрасли науки (разделы рубрикатора ГРНТИ):

03.00.00	История. Исторические науки
06.51.00	Мировое хозяйство. Международные экономические отношения
11.25.91	Теория и практика международных отношений, внешняя политика и дипломатия отдельных стран

Статьи рецензируются, им присваивается DOI.

Входит в ядро Российского индекса научного цитирования (RSCI) Научной электронной библиотеки eLibrary и в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Тел.: +7 (499) 124 00 02

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН

E-mail: kitvmir@yandex.ru

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences

CHINA IN WORLD AND REGIONAL POLITICS

HISTORY AND MODERNITY

Issue XXX

Moscow
ICCA RAS
2025

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXX /Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), 2025.

The 30th anniversary issue of the journal/collection of scientific articles "China in World and Regional Politics. History and Modernity", published for 30 years by the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (until 2022 — the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences), is devoted to examining a number of topical issues, the significance of which has been growing in recent years.

The issue includes works on the problems of US-Chinese relations during both terms of D. Trump's presidency, China's dialogue with some EU countries in the context of the "Belt and Road" initiative, and articles on the role of the Arctic region in China's modern international course. Particular attention is paid to the issue of China's presidency of the SCO-2025 in the light of the development prospects of this organization, as well as to China'vs approach to the global governance system. Also worthy of attention are the authors' views on China as a superpower, on relations between China and the DPRK in the light of strengthening relations between Moscow and Pyongyang, on culture as a resource for China's foreign policy. Methodologically valuable information is contained in the work on the Russian historiography of China's foreign policy in the era of Xi Jinping.

This year's issue opens a new section — "China and International Security", the articles of which examine China's activities in the security sphere, including the European, Southeast Asian and African directions. The views of the Chinese leadership on the dialogue between China and Germany in the security sphere, the role of the Chinese Armed Forces in ensuring national security "in the new era" are also analyzed.

The section on China's foreign economic policy is extensive and informative. It covers issues of Russian-Chinese and Chinese-Central Asian economic cooperation, trade and tariff wars between the US and China, China's political and economic relations with the EU and Pakistan, as well as special issues of the Chinese economy that are of international importance.

The section on the history of Russian-Chinese relations includes articles on rare, interesting and little-studied topics relating to the period of World War II and the 1920s.

Keywords: China, China's foreign policy, Russian-Chinese strategic partnership, security, USA, Arctic, Germany, European Union, South China Sea, Africa, foreign economic relations, Chinese diplomacy.

© E.I. Safronova, compilation, 2025
© ICCA RAS, 2025
© Team of authors, 2025

China in World and Regional Politics. History and Modernity

Founder and Publisher: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

This periodical edition/journal (ISSN: 2618-6888 (print); ISSN: 2949-0774 (online) is a peer-reviewed analytical yearbook (collection of research articles) published by the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) since 1996. It provides a solid platform for academics, public figures and practitioners to share their knowledge and assessments of China's international relations, foreign economic activities and diplomatic history.

All articles are assigned Digital Object Identifier (DOI).

The periodical is included in the Russian Scientific Digital Library "eLibrary" and Russian Science Citation Index (RSCI): https://elibrary.ru/title_about.asp?id=50496

It is also included in the Russian Scientific Digital Library "CyberLeninka.ru»: https://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost

Editorial Board. **Alexander V. LOMANOV** — Professor of the RAS, Dr. Sc. (History); **Alka ACHARYA** (India) — Professor; **Arild MOE** (Norway) — Research Professor; **Elena I. SAFRONOVA** — Ph.D. (Economics) (Executive Editor, Compiler); **Kirill V. BABAEV** — Dr. Sc. (Philology), Professor; **Natalia A. ZAMARAEVA** — Ph.D. (History); **Sergey I. LOUNEV** — Dr. Sc. (History), Professor; **Sergey V. UYANAEV** — Ph.D. (History); **Shahida WIZARAT** (Pakistan) — Dr., Professor; **Vasily V. MIKHEEV** — Academician of the RAS, Dr. Sc. (Economics); **Vladimir M. MAZYRIN** — Dr. Sc. (Economics), Associate Professor; **Vladimir Ye. PETROVSKY** — Dr. Sc. (Political Science); **Yana V. LEKSYUTINA** — Professor of the RAS, Dr. Sc. (Political Science); **Yonghui LI (LI Yonghui)** — Dr. Sc. (Law), Professor.

Editorial Office. **Alla L.VERCHENKO** — Senior Research Fellow; **Andrey O. VINOGRADOV** — Ph.D. (History); **Andrey K. KRIVOROTOV** — Dr.Sc. (Economics); **Vladimir A. MATVEEV** — Ph.D. (Economics).

Branch of science (in the Russian Federation):

03.00.00 History. Historical Science
06.51.00 World Economy. International Economic Relations
11.25.91 Theory and Practices of International Relations, Foreign Policy and Diplomacy of Individual Countries

Contacts. Russian Federation, Moscow, 117997; 32, Nakhimovsky prospect. Tel. +7 (499) 124-00-02; E-mail: kitvmir@yandex.ru

The authors' opinion may not coincide with the Publisher's point of view. Authors are responsible for the accuracy of their information.

Боевому братству народов
СССР и Китая во времена Второй
мировой войны посвящается

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Петровский В.Е.
Китай и ШОС: председательство-2025, экспертные дискуссии о перспективах развития Организации 14

Лавров С.В.
Американо-китайские отношения при Трампе 2.0: новое обострение или новый этап соперничества? 25

Морозов Ю.В.
Противостояние Китая политике США во времена обеих каденций Д. Трампа 41

Виноградов А.О., Саакян П.А.
О проблемах продвижения китайской Инициативы «Пояс и путь» на европейском континенте (на примере Италии) 55

Криворотов А.К., Серова Е.В.
Отношения КНР—Северная Европа в «новой» Арктике 70

Мокрецкий А.Ч.
Об арктических стратегиях неарктической азиатской пятерки 87

Меркулов К.К.
Китай и система глобального управления (современность и перспективы) 105

Денисов И.Е.
Искусственный интеллект и китайская дипломатическая стратегия: от теории к практике 122

Wizarat, Shahida.
China as Superpower: a view from Pakistan (*Уизарат Ш.* Китай как сверхдержава: взгляд из Пакистана) 143

Асмолов К.В.
Об отношениях Китая и КНДР на фоне укрепления отношений Москвы и Пхеньяна 152

Портяков В.Я.
Российская историография внешней политики КНР в эпоху Си Цзиньпина 170

Бородич В.Ф.
Культура как ресурс внешней политики КНР «новой эпохи» 179

КНР И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Трунов Ф.О.
Эволюция диалога ФРГ и КНР в сфере безопасности и обороны в первой половине 2020-х годов 194

Полончук Р.А.
Взгляды китайского руководства на роль вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности «в новую эпоху» 208

Виноградов И.С.
Стратегия Китая в Южно-Китайском море: милитаризация и отстаивание исторических прав 226

Сафронова Е.И.
Об африканской политике Китая в сфере безопасности 245

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

Бредихин А.В., Нейматова А.Я
Проблемы и перспективы российско-китайского экономического сотрудничества 260

Joksimović M.
Russia-China Development of financial and economic relationships in the context of the Ukrainian crisis: a Serbian perspective (*Йоксимович М.* Развитие финансово-экономических отношений между Россией и Китаем в контексте украинского кризиса: взгляд из Сербии) 276

Сазонов С.Л.
КНР, Евросоюз, США и война пошлин на электромобили 295

Лексютина Я.В.
Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией 309

Макеева С.Б.
Провинция Шэньси в системе китайско-российского межрегионального сотрудничества (2000—2025 гг.) 324

Замараева Н.А.
Экономика и политика в пакистано-китайских отношениях (2024—2025 гг.) 336

Александрова М.В.
Функционирование контейнерных поездов «Китай—Европа» и особенности их транзита через территорию Российской Федерации . . . 349

Неустроева А.Р.
Проблемы и перспективы развития контейнерных перевозок между Россией и Китаем 370

Сергиенко Е.Е.
Транспортный коридор Китай—Кыргызстан—Узбекистан: перспективы и значение 383

Мамахатов Т.М.
Современное состояние и перспективы развития водородной энергетики в Китае. Значение для мировой энергетики 396

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Клименко А.Ф.
Некоторые вопросы сотрудничества СССР, Китая и Кореи в ходе Маньчжурской наступательной операции 1945 года: история и современность 407

Верченко А.Л.
Роль средств массовой информации в формировании имиджа Китая в СССР (на примере «Писем из Китая» Д.И. Заславского. 1927 г.) 424

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

Petrovskiy V. Ye.
China and the SCO: 2025 presidency, expert discussions on the Organization's development prospects 14

Lavrov S.V.
Prospects for Sino-American relations under Trump administration 2.0: a new complication or a new level of rivalry? 25

Morozov Yu.V.
China's confrontation with US policy during both D.Trump's presidencies 41

Vinogradov A.O., Saakian P.A.
On the problems of promoting China's Belt and Road Initiative on the European continent (using Italy as an example) 55

Krivorotov A.K., Serova E.V.
China-Nordic relations in the 'new' Arctic 70

Mokretskii A.Ch.
On the Arctic strategies of the non-Arctic Asian Five 87

Merkulov K.K.
China and the global governance system (modernity and prospects) 105

Denisov I.E.
Artificial intelligence and China's diplomatic strategy: from theory to practice 122

Wizarat, Shahida.
China as Superpower: a view from Pakistan 143

Asmolov K.V.
On the relations between China and North Korea in the context of the strengthening of ties between Moscow and Pyongyang 152

Portyakov V.Ya.
Russian historiography of China's foreign policy in the Xi Jinping era 170

Borodich V.F.
Culture as a resource of China's foreign policy in the 'new era' 179

THE PRC AND INTERNATIONAL SECURITY

Trunov Ph.O.
Evolution of German-Chinese relations in the sphere of security and defence in the first half of the 2020s 194

Polonchuk R.A.
Chinese leadership's views on the role of the armed forces in ensuring national security in the 'new era' 208

Vinogradov I.S.
China's South China Sea strategy: militarization and upholding of historical rights 226

Safronova E.I.
On China's African security policy 245

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

Bredikhin A.V., Neymatova A.Ya.
Problems and prospects of Russian-Chinese economic cooperation 260

Joksimović M.
Russia-China development of financial and economic relationships in the context of the Ukrainian crisis: a Serbian perspective 276

Sazonov S.L.
China, the EU, the US and the tariff war on electric cars 295

Leksyutina Ya.V.
Vectors of China's trade and economic cooperation with Central Asia 309

Makeeva S.B.
Shaanxi province in the system of Chinese-Russian interregional cooperation (2000—2025) 324

Zamaraeva N.A.
Economics and politics in Pakistan-China Relations (2024—2025) 336

Alexandrova M.V.

Operation of "China—Europe" container trains and peculiarities
of their transit through the territory of the Russian Federation 349

Neustroeva A.R.
Problems and prospects for the development of container transportation
between Russia and China 370

Sergienko E.Ye.
The China—Kyrgyzstan—Uzbekistan transport corridor:
prospects and significance 383

Mamahatov T.M.
Current state and prospects of hydrogen energy development in China 396

HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

Klimenko A.F.
Some issues of cooperation between the USSR, China and Korea
during the the Manchurian offensive of 1945: history and modernity 407

Verchenko A.L.
The role of the media in shaping image of China in the USSR
(«Zaslavsky's "Letters from China" as an example. 1927) 424

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.48647/ICCA.2025.32.46.002

В.Е. Петровский

КИТАЙ И ШОС: ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО-2025, ЭКСПЕРТНЫЕ ДИСКУССИИ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать взгляды китайских ученых и экспертов на перспективы развития ШОС накануне и в период председательства Китая в Организации. Повестка китайского председательства выстраивается с прицелом на повышение эффективности функционирования ШОС и наращивание многопланового практического сотрудничества в различных областях. Китайское экспертное сообщество предлагает выстраивать развитие ШОС в соответствии с «тремя большими инициативами», провозглашенными председателем КНР: Инициативой в области глобальной безопасности, Инициативой по глобальному развитию и Глобальной инициативой цивилизаций.

В России поддерживают такой вектор развития ШОС, в особенности стремление китайского председательства к устранению недостатков операционного потенциала и эффективности организации, внедрению инновационных механизмов принятия решений и повышению эффективности сотрудничества на основе принципа консенсуса путем консультаций.

Приоритеты и акценты китайского председательства в ШОС в 2025 г., а также более долговременная дискуссия в китайском

экспертном сообществе о путях и перспективах развития организации призваны содействовать реализации «трех больших инициатив» в сфере международных отношений и международной безопасности, предложенных китайским руководством в последние годы. Автор предпринял попытку проанализировать научную и экспертную дискуссию в Китае о путях и перспективах развития ШОС, не претендуя на полный охват публикационного массива, но сосредоточившись на ключевых научных публикациях по данной теме.

В частности, акцент на Инициативу по глобальному развитию и проблемах устойчивого развития призван усилить «экономическую составляющую» деятельности ШОС, к чему Китай как одна из стран — основательниц Организации стремилась изначально. Приоритет Инициативы в области глобальной безопасности призван укрепить обеспечение нетрадиционной безопасности как важнейшей «опоры» для ШОС и важнейшего направления ее деятельности. Акцент на Глобальную инициативу цивилизаций нацелен на культивацию «Шанхайского духа» как важнейшего элемента «мягкой силы» ШОС.

Ключевые слова: ШОС, российско-китайские отношения, приоритеты китайского председательства, «Три большие инициативы», устранение недостатков операционного потенциала и эффективности ШОС.

Автор: *Петровский Владимир Евгеньевич*, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-7714-1341.
E-mail: petrovsk4@gmail.com

***Конфликт интересов*:** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Петровский В.Е. Китай и ШОС: председательство-2025, экспертные дискуссии о перспективах развития Организации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 14—24.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.32.46.002.

V. Ye. Petrovskiy

China and the SCO: 2025 presidency, expert discussions on the organization's development prospects

Abstract. The author attempted to consider the views of Chinese scholars and experts on the prospects for the development of the organization on the eve of and during China's chairmanship of the SCO. The agenda of

the Chinese chairmanship is built with an eye to improving the efficiency of the Organization and building up multifaceted practical cooperation in various fields. The Chinese expert community proposes to build the development of the SCO in accordance with the «three big initiatives» proclaimed by the Chairman of the PRC: the Global Security Initiative, the Global Development Initiative and the Global Civilizations Initiative. Russia supports this vector of SCO development, especially the desire of the Chinese chairmanship to eliminate the shortcomings of the operational potential and efficiency of the organization, introduce innovative decision-making mechanisms and improve the efficiency of cooperation based on the principle of consensus through consultations. The priorities and emphases of China's 2025 SCO presidency, as well as a longer-term discussion in the Chinese expert community on the ways and prospects for the organization's development, are intended to facilitate the implementation of the «three big initiatives» in the field of international relations and international security proposed by the Chinese leadership in recent years. The author attempted to analyze the scientific and expert discussion in China on the ways and prospects for the development of the SCO, without claiming to fully cover the publication array, but focusing on key scientific publications on this topic. In particular, the emphasis on the Initiative on Global Development and Sustainable Development Issues is intended to strengthen the «economic component» of the SCO's activities, which China, as one of the founding countries of the organization, initially sought. The priority of the Initiative in the field of global security is intended to strengthen the provision of non-traditional security as the most important «support» for the SCO and the most important area of ??its activities. The emphasis on the Global Civilizations Initiative is aimed at cultivating the “Shanghai Spirit” as a key element of the SCO’s “soft power”.

Keywords: SCO, Russian Chinese relations, priorities of the Chinese presidency, “Three Big Initiatives”, eliminating shortcomings in the operational potential and effectiveness of the SCO.

Author: Vladimir Ye. PETROVSKIY, Dr. Sc. (Political Science), Chief Academic Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7714-1341. E-mail: petrovsk4@gmail.com

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Petrovskiy V. Ye. (2025). Kitay i SHOS: Predsedatel'stvo-2025, ekspertnyye diskussii o perspektivakh razvitiya Organizatsii [China and the SCO: 2025 presidency, expert discussions on the Organization’s

development prospects], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, 30(30): 14—24. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.32.46.002.

Деятельность в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) остается одним из важнейших приоритетов китайской внешней политики. Это особенно актуально в 2025 г., когда Китай вступил в права ежегодного председательства в Организации.

В статье предпринимается попытка проанализировать научную и экспертную дискуссию в Китае о путях и перспективах развития ШОС. Автор не претендует на полный охват публикационного массива, но сосредоточивается на ключевых научных публикациях по данной теме.

Власти Китая заявили о намерении обеспечить в 2024 г. реализацию своих глобальных инициатив за счет площадок международного взаимодействия, включая ШОС. Как подчеркивается в докладе правительства КНР о выполнении плана развития за 2023 г. и проекте на 2024 г.: «Необходимо углубленно продвигать реализацию инициатив по глобальному развитию, глобальной безопасности и глобальной цивилизации, укреплять сотрудничество в рамках таких многосторонних структур, как ООН, «Большая двадцатка», Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, БРИКС и ШОС, содействовать реформированию и совершенствованию системы глобального экономического управления»[1].

Обширная программа китайского председательства в ШОС направлена на усиление координации деятельности Организации, придание ей большей динамичности. В июле 2024 г. на саммите ШОС в Астане китайская сторона предложила объявить 2025 год Годом устойчивого развития ШОС. Китай обозначил обширную программу своего председательства под общим названием «Год устойчивого развития». Ее основные мотивы, судя по заявлениям представителей МИД КНР, отражают необходимость усиления солидарности и координации в деятельности Организации, придания ей большей динамичности для достижения целей китайской концепции создания сообщества единой судьбы человечества[2].

[1] КНР намерена в 2024 году реализовать глобальные инициативы с помощью БРИКС и ШОС. URL: https://tass.ru/ekonomika/20154895 (дата обращения: 10.03.2025).

[2] Китай обозначил интересную и обширную программу своего председательства в ШОС. Жэньминь жибао онлайн. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2025/0114/c31519-20265518.html (дата обращения: 10.03.2025).

Китайское председательство в ШОС в 2025 г.: приоритеты и акценты

9 сентября 2024 г. заместитель министра иностранных дел КНР Сунь Вэйдун охарактеризовал приоритеты китайского председательства в Шанхайской организации сотрудничества. Повестка председательства будет выстраиваться с прицелом на повышение эффективности функционирования Организации и наращивание многопланового практического сотрудничества в различных областях. После приема Белоруссии в 2024 г. совокупная территория государств — членов ШОС превысила 36 млн кв. км (свыше 65 % территории евразийского континента), а количество жителей достигло 3,3 млрд человек (почти 42 % населения Земли). Год китайского председательства пройдет под девизом «Продвижение «шанхайского духа»: ШОС в действии». В этот период КНР планирует организовать более 100 различных мероприятий в сфере безопасности, экономики, культурных обменов[1].

Россия изначально поддержала приоритеты китайского председательства в ШОС: «Особое значение придается предложениям по комплексной модернизации деятельности ШОС применительно к современному этапу. Речь, в частности, идет о придании дополнительной динамики работе органов ШОС, реформировании механизмов обеспечения безопасности, а также алгоритмов взаимодействия с партнерами по диалогу и наблюдателями. Важно не затягивая приступить к практической реализации договоренностей, которые будут согласованы. В период китайской вахты председательства предстоит эту работу начать, и мы со своей стороны готовы оказать китайским друзьям необходимое содействие»[2].

10—13 декабря 2024 г. в Секретариате ШОС в Пекине под председательством китайской стороны состоялось очередное заседание Совета национальных координаторов государств — членов (СНК) Шанхайской организации сотрудничества. Были предметно обсуждены вопросы совершенствования Организации, программа председательства КНР в 2024—2025 гг. и План основных мероприятий ШОС в 2025 г.

---

[1] Брифинг о приоритетах китайского председательства в ШОС. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/brifing_o_prioritetakh_kitayskogo_predsedatelstva_v_shos/ (дата обращения: 10.03.2025).

[2] В МИД РФ поделились своими планами по развитию ШОС под председательством Китая. URLhttps://russian.cgtn.com/news/2024-07-04/1808840548738646017/index.html: (дата обращения: 10.03.2025).

Ключевой приоритет китайского председательства — содействие реализации Инициативы по глобальному развитию, выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином в 2021 г. В этой связи китайскими учеными и экспертами предлагается следующее.

Во-первых, Китай должен энергично выступать и активно осуществлять субрегиональное и многостороннее сотрудничество в рамках ШОС и изучать новые пути выхода из структурного затруднительного положения экономического сотрудничества путем строительства демонстрационных зон и баз.

Во-вторых, институциональное сотрудничество должно быть приоритетным в экономическом сотрудничестве ШОС, чтобы преобразовать существующую модель сотрудничества под руководством правительств в ту, которая дает равный вес как государственному руководству, так и рыночно ориентированной деятельности.

В-третьих, ШОС должна своевременно активировать свой «энергетический клуб» и стремиться к созданию единого торгового рынка со стабильным и надежным спросом и предложением; создать механизм «продовольственного клуба» для обеспечения продовольственной безопасности в государствах-членах; расширить сценарии для расчетов в местной валюте, содействовать созданию Банка развития ШОС и постепенно создавать единую платежную и расчетную систему.

В-четвертых, ШОС должна ускорить процесс упрощения процедур торговли и инвестиций с учетом новой Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Для эффективной реализации Соглашения об упрощении процедур международных автомобильных перевозок государства-члены должны активизировать диалоги и консультации по вопросам региональной связанности и решать проблему конкуренции между различными планами по созданию упорядоченной и эффективной региональной транспортной сети.

В-пятых, ШОС должна расширять сотрудничество в таких новых областях, как технология 5G, умные города, искусственный интеллект и электронная коммерция, и постоянно изучать новые арены сотрудничества. [Li Tianyi, Deng Hao, с. 49—50].

Научно-экспертные дискуссии в Китае о перспективах развития ШОС

Научные дискуссии о путях и перспективах развития ШОС активизировались в последние месяцы накануне председательства КНР в

Организации, хотя постоянно велись и ранее. В китайском экспертном сообществе оценивают ШОС с точки зрения системы глобального и регионального управления как один из ее институтов. В этой связи отмечается, что ШОС уже приступила к запуску некоторых региональных или субрегиональных систем управления на своей обширной территории, охватывающей бóльшую часть Евразийского континента. Хотя ШОС «все еще находится в младенчестве как региональный механизм», она, несомненно, установила новую парадигму регионального управления, такую как пропаганда диалога и консультаций для разрешения конфликтов, установление прочного партнерства между региональными странами, содействие безопасности посредством сотрудничества и стремление к развитию посредством координации. [Qiang Xiaoyun Cao Jiahan, с. 5, 7].

Поскольку ШОС изначально создавалась для противодействия вызовам и угрозам в сфере нетрадиционной безопасности, в Китае полагают, что именно Инициатива в области глобальной безопасности обеспечивает стабильный рост архитектуры безопасности как цель, а механизм сотрудничества в области безопасности, представленный Шанхайской организацией сотрудничества, служит практической платформой. Во-первых, основные концепции и принципы ШОС и Инициативы глобальной безопасности во многом совпадают. Во-вторых, направление развития ШОС соответствует ключевым направлениям сотрудничества Инициативы глобальной безопасности. В-третьих, ШОС является ключевой платформой для Инициативы глобальной безопасности, направленной на содействие управлению региональной безопасностью. «Если Евразия является идеальной экспериментальной зоной для инициатив глобальной безопасности, то ШОС является пионером, реформатором и строителем, способствующим строительству инициативных экспериментальных зон» [Чэнь Сяоцинь, Пан Цзыян, с. 5—6].

Китайские ученые и эксперты полагают особенно важным в этой связи достижение консенсуса по вопросам безопасности. Они подчеркивают, что здесь необходимо построение сообщества с единым будущим, основанного на «Шанхайском духе» как основной ценности; укрепление взаимного доверия между государствами-членами; оптимизация механизмов принятия и исполнения решений Организации для повышения институционального признания, а также создание механизма разрешения споров по поводу разногласий в сфере безопасности между государствами-членами [Чэнь Сяоцинь, Пан Цзыян, с. 13].

Ввиду существования серьезных угроз безопасности в регионе ШОС в Китае предлагают отдать высший приоритет сотрудничеству в области безопасности, принять более эффективные меры по реализации Инициативы в области глобальной безопасности.

Во-первых, ШОС следует активно консультироваться с государствами-членами для дальнейшего расширения полномочий базирующейся в Ташкенте РАТС, чтобы она действительно могла стать основным механизмом Организации и оперативной основой в борьбе с угрозами региональной безопасности и стабильности.

Во-вторых, ШОС следует наладить более тесные связи с ОДКБ, Совещанием по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и другими механизмами для формирования коллективной силы в поддержании региональной безопасности и стабильности.

В-третьих, страны ШОС должны укреплять сотрудничество в области информационной и биологической безопасности, сдерживать распространение экстремистской идеологии и принимать многочисленные меры по борьбе с «тремя силами зла». Кроме того, следует укреплять сотрудничество в «мягких» и нетрадиционных областях, таких как защита окружающей среды, изменение климата, ликвидация последствий стихийных бедствий и реагирование на эпидемии, а также укреплять сотрудничество в сфере безопасности в финансовом, продовольственном, энергетическом и цифровом секторах.

В-четвертых, ШОС должна взять на себя более активную роль в управлении безопасностью, укреплять и углублять связи с другими глобальными и региональными организациями или механизмами безопасности, включая ООН, и больше участвовать в региональных и глобальных вопросах безопасности. Институциональное строительство сотрудничества ШОС в области безопасности должно осуществляться с учетом обязательств по улучшению глобального управления, и только таким образом соответствующие практики и опыт могут стать более широко применимыми и ценными и играть новаторскую роль.

В-пятых, ШОС должна обновить свою модель принятия решений для повышения эффективности сотрудничества в области безопасности. Приняв более гибкий подход к принципам консенсуса и невмешательства во внутренние дела в коллективном принятии решений, ШОС может разработать руководящие принципы «конструктивного взаимодействия» и создать механизмы для разрешения конфликтов. [Li Tianyi, Deng Hao, с. 49].

Шанхайская организация сотрудничества и «Шанхайский дух» являются, по мнению китайских ученых и экспертов, примерами ува-

жения разнообразия цивилизаций. В этой связи, по их мнению, необходимо укрепление «Шанхайского духа» как ориентира для отношений между государствами-членами, сформированного в процессе развития ШОС как ключевого элемента ее «мягкой силы». Его основной смысл — взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, консультации, уважение к различным цивилизациям и стремление к общему развитию. Именно из-за призыва к «Шанхайскому духу» и уважению разнообразия цивилизаций, все больше стран подают заявки на вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества [Zhu Zhongbo, с. 44].

Значительно возросшая «мягкая сила» ШОС предоставляет благоприятную возможность для всех сторон активно продвигать передовые концепции ШОС с «Шанхайским духом» и видением построения сообщества ШОС с общим будущим в его основе. Для этого необходимо:

• активно содействовать формированию «сознания ШОС», признанного государствами-членами. «Новые пять концепций» по развитию, безопасности, сотрудничеству, межцивилизационному взаимному обучению и глобальному управлению, которые Китай представил в ходе своего предыдущего председательства в ШОС в 2018 г., могут быть включены в «Шанхайский дух», в то время как видение построения нового типа международных отношений и сообщества единой судьбы человечества может быть интегрировано в систему ценностей ШОС.

• институционализировать общие ценности ШОС и дать им правовую основу;

• донести передовые концепции ШОС до гражданского общества государств-членов, чтобы они стали общими ценностями, которые все стороны будут признавать и сознательно соблюдать;

• разъяснить позиционирование организации и укрепить коллективную идентичность государств-членов;

• добиться максимально возможного консенсуса среди государств-членов и преобразовать общую цель построения сообщества ШОС с общим будущим в юридически обязательный принцип;

• содействовать более глубокому участию ШОС в глобальном управлении и способствовать новому международному порядку, который был бы справедливым и равноправным. [Li Tianyi, Deng Hao, с. 48].

По мнению китайских ученых и экспертов, для Китая важно активизировать усилия по содействию стратегической координации и институциональной синергии с Россией в регионе ШОС. В частно-

сти, он должен усилить стратегическую коммуникацию и согласование политики с Россией и эффективно сопрягать Инициативу «Пояс и путь» с ЕАЭС, одновременно содействуя ее скоординированному развитию с Большим Евразийским партнерством. Обе стороны должны активно реализовывать соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Китаем и ЕАЭС, ускорить переговорный процесс по Соглашению о Евразийском экономическом партнерстве и совместно содействовать торговле и инвестициям в ШОС [Li Tianyi, Deng Hao, с. 46].

* * *

В свете вышеизложенного можно заключить, что приоритеты и акценты китайского председательства в ШОС в 2025 г., а также более долговременная дискуссия в китайском экспертном сообществе о путях и перспективах развития Организации призваны содействовать реализации «трех больших инициатив» в сфере международных отношений и международной безопасности, предложенных китайским руководством в последние годы.

В частности, акцент на Инициативу по глобальному развитию и проблемах устойчивого развития призван усилить «экономическую составляющую» деятельности ШОС, к чему Китай как одна из стран — основательниц организации стремилась изначально. Приоритет Инициативы в области глобальной безопасности призван укрепить обеспечение нетрадиционной безопасности как важнейшей «опоры» для ШОС и важнейшего направления ее деятельности. Акцент на Глобальную инициативу цивилизаций нацелен на культивацию «Шанхайского духа» как важнейшего элемента «мягкой силы» ШОС.

Библиографический список [References]

Jingdong Yuan (2023). Forging a New Security Order in Eurasia: China, the SCO, and the Impacts on Regional Governance, *Chinese Political Science Review*: 8:422—439: 435. URL: https://doi.org/10.1007/s41111-022-00223-7 (accessed: 28.March, 2025).

Li Tianyi, Deng Hao (2024). China's Approach to Developing the Shanghai Cooperation Organization under New Circumstances, September/October, *Guójì wèntí yánjiū [International Studies]*:108: 35—57.

Qiang Xiaoyun, Cao Jiahan (2023). China's Initiatives and the development of Shanghai Cooperation Organization: Conceptual Guidance and Cooperative Vision, *Shanghai Institute for International Studies,* 13 p.

Chén xiǎo qìn, Pānzǐyáng (2024). Quánqiú ānquán chàngyì yǔ shànghǎi hézuò zǔzhī ānquán zhìl [Chen Xiaoqin, Pan Ziyang. Global security initiative and Shanghai Cooperation Organization security governance], *Dōngběi yà lùntán [Northeast Asia Forum]*: 3: 3—17. (In Chinese).

Zhū zhōngbó (2023). Quánqiú wénmíng chàngyì: Yuánqǐ, nèihán yǔ zhōngguó shíjiàn [Zhu Zhongbo. Global Civilization Initiative: Origin, Connotation and Chinese Practice], *Guójì wèntí yánjiū [International Studies]:* 5: 44. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 05.05.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: May 5, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.76.19.003

С.В. Лавров

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ТРАМПЕ 2.0: НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ ИЛИ НОВЫЙ ЭТАП СОПЕРНИЧЕСТВА?

Аннотация. Статья посвящена исследованию современного состояния отношений Китая и США после возвращения к власти Д. Трампа. Исходя из опыта первого президентства Д. Трампа в 2017—2021 гг. и его взглядов на Китай как главного и опасного конкурента США за глобальное доминирование, среди аналитиков преобладало мнение, что второе президентство Д. Трампа предвещает осложнение этих отношений, существенное усиление попыток сдерживания экономического и технологического развития КНР.

Прогноз оказался верным, и в первые же месяцы деятельности новой администрации США пошли на резкую эскалацию тарифной войны против Китая. Они также предъявили претензии большому числу стран и своих торговых партнеров, и даже союзников, добиваясь по сути пересмотра глобальных торгово-экономических отношений в свою пользу. Тем не менее, маловероятно, что Китай с его возможностями примет без борьбы американский диктат. Скорее, после начального натиска США сторонам придется вернуться к поиску обоюдоприемлемого компромисса через переговоры.

Цель работы заключается в рассмотрении отличительных характеристик текущих отношений сторон, ключевых внешнеполитических шагов новой администрации в контексте американо-китайского соперничества.

С теоретической и практической точки зрения важно определить — насколько преходящим или долговременным является взятый Трампом курс на эскалацию противоборства в отношении Китая и

насколько глубоки могут быть вызванные этим последствия: иными словами — насколько внесенные при Трампе изменения и акценты отражают субъективные воззрения лично Трампа и его окружения. И в какой мере эти изменения следует воспринимать как признаки фундаментальных сдвигов во внешнеполитическом поведении и позиционировании США в период ослабления мировых позиций коллективного Запада и лидерства США. В статье также предпринимается попытка предложить возможные сценарии дальнейшего развития американо-китайских отношений, в том числе с точки зрения интересов и вероятных последствий для России.

Ключевые слова: внешняя политика Д. Трампа, Китай, американо-китайское соперничество.

Автор: *Лавров Сергей Владимирович*, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0009-0003-4151-7540. E-mail: serg.v.lavrov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии Российской академии наук.

Для цитирования: Лавров С.В. Американо-китайские отношения при Трампе 2.0: новое обострение или новый этап соперничества? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 25—40.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.76.19.003.

S.V. Lavrov

Prospects for Sino-American relations under Trump administration 2.0: a new complication or a new level of rivalry?

Abstract. The article focuses on a comprehensive study of current trends in Sino-American relations after the Donald Trump return to power. Basing on Trump's first Presidential term policies (2017—2021) and his views of China as the main and formidable rival to USA for global leadership, experts predominantly predicted complications of Sino-American relations during Trump second term, dramatic increase of attempts to forestall China economic and technological advancement. Indeed, once the new Administration settled in office the US embarked on a sharp escalation of tariffs war against China, but also put forward various trade demands to a large number of countries in the world, including their traditional allies, seeking what amounts to a global economic reordering in its favor.

However, it seems highly unlikely that China with its current capabilities will succumb without resistance to the US demands. More reasonable to assume that after initial pressure the US will have to revert to negotiating a mutually acceptable compromise.

The purpose of the article is to valuate specifics of current relationship and US Administration key foreign goals, as they are relevant to Sino-American rivalry. From theoretical and practical point it is of paramount importance to correctly assess how circumstantial or long-term is the course on escalating competition with China to counter-engagement taken by Trump, and determine to what extent such policy reflects personal inclinations and views of Trump and his entourage, or to what extent it might be an indication of certain fundamental shifts in the US strategic posturing at a time of weakening global position of the West and of the US leadership, the ongoing global transformations and realignment of power.

The author also dwells on possible scenarios of future development of the US-China relations, including from the perspective of interests and possible consequences for Russia.

Keywords: D.Trump foreign policy, China, Sino-American rivalry.

Author: Sergei V. LAVROV, Ph.D. (History), Junior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0003-4151-7540. E-mail: serg.v.lavrov@gmail.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Lavrov S.V. (2025). Amerikano-kitayskiye otnosheniya pri Trampe 2.0: novoye obostreniye ili novyy etap sopernichestva? [Prospects for Sino-American relations under Trump administration 2.0: a new complication or a new level of rivalry?], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 25—40. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.76.19.003.

Введение

Отношения между США и Китайской Народной Республикой — двумя ведущими экономическими державами мира, на которые, по оценкам Всемирного Банка, сегодня суммарно приходится почти 45 % мирового ВВП[1] — являются одним из важнейших факторов, определяющих тенденции современного глобального развития и суще-

ственно влияющих на мировую экономическую и политическую конъюнктуру.

При этом они носят сложный и неровный характер, отличаются весьма подвижным соотношением элементов конкуренции и сотрудничества.

За прошедшие несколько десятилетий США приложили немало усилий к «встраиванию» потенциала Китая в нынешний созданный Западом либерально-глобалистский мировой экономический порядок. Однако по мере возрастания экономического веса Китая и превращения его в XXI веке в новый центр силы, отношение США к Китаю трансформировалось в установку на «сдерживание» экономического и технологического развития КНР, которая ныне стала мейнстримом американской внешней политики, разделяемой и республиканцами, и демократами.

Вместе с тем, ставя задачу сохранения лидерства США в мировых делах, в подходах разных групп американской элиты имеются определенные различия по вопросу оптимальной стратегии и способов разрешения американо-китайских противоречий, а каждая новая президентская администрация США привносит в американо-китайские отношения свою стилистику, набор инструментов и методов, отвечающих ее концептуальным воззрениям.

Тарифная война Д. Трампа 2025 г. — попытка передела экономического миропорядка

Исходя из опыта первого президентства Д. Трампа в 2017—2021 гг. и его взглядов на Китай как несущего реальную угрозу соперника США за мировое лидерство, эксперты спрогнозировали, что новый приход к власти Трампа предвещает осложнение этих отношений, интенсификацию тарифной и технологической войны с Китаем и процесса «декаплинга» (разъединения американской и китайской экономик) [Лексютина, с. 19].

Администрация Трампа действительно начала с резкой эскалации торговой войны с Китаем, приведя последовательным повышением пошлин на товары китайского экспорта до 145 % в апреле 2025 г. к абсурдной ситуации фактического взаимного торгового эмбарго (Китай

[1] World Bank GDP (current US$) Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD (accessed: 30.04.2025).

зеркально довел ответные пошлины на импортируемую американскую продукцию до 125 %)[1].

Это был явный отход Вашингтона от более умеренной линии администрации Байдена, которая пыталась (при всех зигзагах и нарушениях договоренностей американской стороной) выстраивать отношения «регулируемого соперничества», в том числе через сеть двусторонних каналов и связей, чтобы, признавая наличие противоречий, не допускать кризисной деградации отношений или неконтролируемого сползания сторон в прямой военный конфликт. Достаточно вспомнить знаковое заявление Дж.Байдена 16 февраля 2023 г. о том, что США «не ищут новой холодной войны» с Китаем и предлагают выработать некие правила ведения соперничества, на что Си Цзиньпин ответил, принимая в Пекине летом 2023 госсекретаря США Э. Блинкена, что Китай «не собирается оспаривать или занимать место США»[2] в глобальной системе управления. На основе найденного ситуативного баланса интересов в ноябре 2022 г. на Бали (Индонезия) и ноябре 2023 в ходе саммита АТЭС в Сан-Франциско состоялись две встречи на высшем уровне. Стороны договорились об образовании нескольких рабочих групп на различных уровнях по линии министерств финансов, торговли, таможенных служб, учредили межправительственную группу по ИИ, рабочую группу по сотрудничеству в борьбе с наркотиками, даже сформировали группу по контактам в кризисной ситуации. Были возобновлены контакты по военной линии.

Несмотря на то, что, по словам Трампа, в январе—феврале 2025 г. он дважды провел телефонный разговор с Си Цзиньпином и у них «очень хорошие личные отношения», количество и сфера контактов

---

[1] The U.S. tariff rate on Chinese imports now effectively totals 145 %, a White House official confirmed to CNBC. URL: https://www.cnbc.com/2025/04/10/china-trump-tariffs-live-updates.html#108130050-vgqTuf224;.Ответные меры Китая: Customs Tariff Commission of the State Council on Adjusting the Additional Tariff Measures on Imports Originating in the United States 11.04.2025. URL: https://gss.mof.gov.cn/gzdt/zhengcefabu/202504/t20250411_3961823.htm (accessed: 30.04.2025).

Трамп исходит из того, что объем китайского экспорта в США (438,9 млрд долл. в 2024 г.) втрое превышает импорт из США в КНР (143,5 млрд), поэтому китайская сторона заинтересована в сохранении доступа к американскому рынку и должна пойти на уступки. Но эта логика не учитывает, что в современной глобальной экономике и Китай, и США взаимозависят друг от друга и связаны многочисленными производственными цепочками и цепочками поставок. Причем дефицит сократился с 419 млрд долл. в 2018 г. до 295 млрд в 2024 г.

[2] U.S.-China relations: Takeaways from Blinken's Beijing visit. URL: https://www.cnbc.com/2023/06/20/us-china-relations-takeaways-from-blinkens-beijing-visit.html (accessed: 30.04.2025).

между сторонами после прихода к власти республиканцев резко сократились и не влияли на общий характер двусторонних отношений, основным содержанием которых стало обострение торговых противоречий. В отличие от односторонних торгово-финансовых санкций и ограничений доступа к технологиям, к которым Вашингтон активно прибегал еще при демократах Б. Обаме и Дж. Байдене, не говоря о первом сроке самого Трампа, они не носили такого напористого, всеобъемлющего характера.

Были предприняты и другие дискриминационные меры. В феврале Трамп подписал указ, ограничивающий (по соображениям национальной безопасности) допуск китайских инвестиций в «стратегически важные сектора» экономики США, в том числе — сферу высоких технологий, критическую инфраструктуру, сельское хозяйство, энергетику, добычу полезных ископаемых и т. д.[1] В марте США внесли еще более 50 компаний и юридических лиц из Китая, в том числе Пекинскую академию искусственного интеллекта (ИИ), в список юрлиц, с которыми американские контрагенты могут вступать в сделки только по получении лицензии от федеральных органов власти США. При этом в пресс-релизе Министерства торговли США прямо указывалось, что этот шаг направлен на сдерживание разработки в Китае сверхмощных компьютеров и квантовых технологий, потенциально применимых для военных целей, в частности, при создании гиперзвукового оружия[2].

Ряд аспектов экономических демаршей Трампа указывает на их более широкие цели, далеко выходящие за рамки улучшения условий торговли.

Судя по некоторым признакам, администрация Трампа поставила перед собой амбициозную задачу не просто «сдержать» рост потенциала Китая, последовательно сокращающего разрыв относительно мощи США, а переломить эту тенденцию путем переформатирования в пользу США всей системы международных торгово-экономических отношений (за счет Китая и Европы). Собственно, министр финансов и один из ближайших сподвижников президента США миллиардер Скот Бессент откровенно заявил, что Трамп задался целью «пере-

[1] Trump signs memorandum restricting Chinese investment in the US on national security grounds //America First Investment Policy.The White House. February 21, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/america-first-investment-policy/ (accessed: 30.04.2025).

[2] Commerce Further Restricts China's Artificial Intelligence and Advanced Computing Capabilities. March 26, 2025. URL: https://www.bis.gov/press-release/commerce-further- restricts-chinas-artificial-intelligence-advanced-computing-capabilities (accessed: 30.04.2025).

кроить глобальный экономический порядок»[1]. Тогда становится понятна логика эскапад и ультиматумов в адрес Канады, стран Евросоюза, Мексики[2]; выдвижение 2 апреля «встречных» тарифных требований большинству стран мира параллельно с эскалацией тарифной войны собственно с Китаем, жесткость и всеобъемлющий характер претензий.

Дезорганизуя сложившиеся цепочки поставок, усиливая фрагментацию мировой экономики, США стремятся подорвать лидерство Китая в мировом производстве и *торговле товарами*. Удар наносится по роли Китая как «мировой фабрики», сумевшего извлечь максимальные экономические выгоды из инициированной Западом существующей модели «глобализации» [Денисов, Сафранчук, с. 118]. Поскольку при нынешних условиях США проигрывают экономическую конкуренцию Китаю, то Вашингтон решил, по расхожему выражению американцев, «перевернуть все столы» и начать игру по новым правилам. Но при этом Трамп весьма избирательно обходит стороной *торговлю услугами* (где преимущества у США) и настаивает на сохранении доминирующей роли доллара в мировых финансах. Это во многом и является причиной макроэкономических глобальных дисбалансов, и позволяет США покрывать дефицит в торговле товарами [Божечкова А.В. и др., с. 30,39].

Вслед за начальным «шоковым» объявлением намерений резко ужесточить условия допуска на свой рынок, США приступили к «обработке» стран, затронутых угрозой повышения пошлин. Вашингтон стал добиваться на двусторонних переговорах торговых уступок, но прежде всего требуя сократить экономические связи с Китаем (внешне это завуалировано объявлением 90-дневной «паузы» с введением большинства различных видов новых пошлин в отношении всех стран, кроме Китая). Неслучайно 21 апреля с.г. Министерство коммерции КНР выступило с предостережением правительствам третьих стран от заключения торговых сделок с США за счет ущемления интересов Китая[3].

---

[1] US Treasury chief calls tariff war with China unsustainable and expects it to ease // South China Morning Post. April 23, 2025. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3307508/us-treasury-chief-says-tariff-war-china-unsustainable-and-he-expects-it-ease (accessed: 30.04.2025).

[2] Немаловажно, что Мексика, Вьетнам, Южная Корея и Канада входят в число ведущих маршрутов реэкспорта китайской продукции для конечного попадания на рынок США, например, сталелитейной продукции.

[3] Beijing warns countries not to act against China in trade deals with US // Financial Times. April 21, 2025. URL: https://www.ft.com/content/d3b4ec1b-671f-4287-8cf4-4d10028ccdbb (accessed: 30.04.2025).

Между тем специалисты высказывают обоснованные сомнения относительно реализуемости расчетов Трампа добиться возрождения индустриальной базы США, заставив давлением и запретительно высокими ввозными пошлинами перенести производство из других стран на американскую территорию. Они указывают, что одних пошлин мало, чтобы создать комфортную среду для бизнеса. Китайские эксперты, в частности, считают далеко не очевидным, что высокие тарифы США вынудят китайские компании в затронутых странах переместить производство именно в США. По мнению проф. Пекинского университета международных исследований Си Дао, производственные цепочки вряд ли вернутся в США в значительном объеме, «поскольку США растеряли квалифицированную рабочую силу, и не факт, что их сопутствующие товары конкурентоспособны по ценовым и качественным показателям»[1].

Еще менее реалистичными эксперты считают расчеты Трампа добиться не только полного «разъединения» китайской экономики с экономикой США, но и разрыва глобальных производственных цепочек с участием Китая, учитывая глубокую и всеобъемлющую взаимосвязанность современной мировой экономики [Demarais A.].

Возможности Китая как ключевой фактор уравнения

Есть основания полагать, что начатая Трампом тарифная война пошла не совсем так, как предполагал американский президент, и он не во всем просчитал последствия своих действий. Трамп, похоже, всерьез напугал инвесторов намерением порвать сложившиеся мирохозяйственные связи, что привело к панике на Нью-Йоркской бирже и других ключевых фондовых площадках Запада, резкому колебанию курса доллара и массовому сбросу держателями облигаций американского казначейства (так называемых *treasures*). Именно это можно считать не менее веской причиной, почему за объявленным введением «встречных» пошлин против большинства стран мира последовал почти мгновенный откат (90-дневная «пауза»).

Об этом же говорит вынужденная череда частичных послаблений и изъятий из новых тарифов: сначала администрация уступила просьбам американских гигантов электроники (когда, к примеру, выяснилось, что 80 % айфонов *Apple*, продающихся в США, собирается в Китае) и вывела из-под действия ограничений китайскую электронную

[1] How Ready is China for Trump Tariffs 2.0? // Sinical China. December 16, 2024. URL: https://www.sinicalchina.com/p/how-ready-is-china-for-trump-tariffs?utm_ (accessed: 30.04.2025).

продукцию, затем наступила очередь запчастей для американских автопроизводителей (которых-де защищает Трамп). Так, компания *Ford,* оценив серьезный спад по итогам первого квартала с.г., прогнозирует потерю 1,5 млрд долл. прибыли в 2025 г. из-за торговых мер, принятых Трампом[1].

Серьезный просчет Трамп допустил в оценке современных экономических возможностей Китая. Фокусируясь на существующих проблемах и диспропорциях в развитии китайской экономики, западные эксперты и политики подчас упускают, что общая величина экономики КНР уже превысила 70 % от объема экономики США (в текущих ценах). Но если сравнивать ВВП по паритету покупательной способности, то Китай уже обошел США в соотношении примерно 30 трлн долл. на 24 трлн в его пользу. Более существенно для оценки стратегического потенциала то, что Китай вдвое превосходит США по объему производственных мощностей: за два десятилетия после вступления в ВТО доля Китая в мировом производстве выросла до 30 %, а доля США сократилась до примерно 15 %. Это означает, что у Пекина имеется значительный экономический ресурс, который опасно недооценивать [Campbell & Rush Doshi].

Недостаточно учитывается, что к настоящему времени Китаю удалось добиться существенных результатов в увеличении внутреннего спроса, который рассматривается ныне как не менее значимый стимул развития факторов производства, чем внешнеэкономическая экспансия. По темпам роста потребления Китай опережает показатели ведущих стран Запада.

Во-вторых, за период с первой торговой войны при Трампе в 2018 г. Китай предпринял целенаправленные усилия по диверсификации своих экспортных потоков и цепочек поставок, добиваясь снижения зависимости от экспорта в США и перенеся акцент на рынки стран Глобального Юга. В результате за последние 6 лет доля импорта из Китая для США упала с 21 до 13,8 %[2]. За тот же период экспорт КНР в страны Глобального Юга превысил 40 %[3]. Так, в 2023 г. экс-

[1] Ford expects $1.5bn profit hit from Trump tariffs // Financial Times. April 23, 2025. URL: https://www.ft.com/content/c0561a20-137b-49be-8eb4-d5aaaa8e5763 (accessed: 30.04.2025).

[2] China's Position on Some Issues Concerning China-US Economic and Trade Relations // Xinhua. April 9, 2025. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2025-04/09/content_117814362_3.html# (accessed: 30.04.2025).

[3] China and the Global South: trade, investment and rescue loans // CIDOB Barcelona, 2025. URL: https://www.cidob.org/en/publications/china-and-global-south-trade-investment-and-rescue loans (accessed: 30.04.2025).

порт Китая в развивающиеся страны — участницы проекта ИПП превзошел экспорт в США, ЕС и Японию вместе взятых[1].

Задачи подготовиться к возможному обострению экономических отношений с США в случае вероятной победы Трампа просматриваются в решениях 3-го пленума ЦК КПК (июль 2024 г.), в том числе тех из них, которые касаются ресурсного обеспечения и форсирования собственных разработок новейших технологий, повышения устойчивости и надежности производственных цепочек и цепочек поставок, создания системы общенациональной мобилизации ресурсов для достижения ключевых технологических прорывных решений. Подтверждается прогноз экспертов о том, что в условиях обострения противоречий нынешнего переходного периода и глобальных трансформаций Китаю, возможно, придется сместить акценты внимания со своих международных торгово-экономических интересов на стратегические (Сафронова, с. 31).

В ноябре 2024 г. (когда в США подводили итоги выборов) руководство КНР объявило о новых масштабных мерах по финансовой поддержке экономики в размере 10 трлн юаней (1,4 трлн долл.) в течение ближайших 3—5 лет[2].

В апреле с.г. премьер Госсовета Ли Цян подтвердил готовность предоставлять господдержку экономике, чтобы преодолеть «внешние неопределенности», сделав акцент на расширении внутреннего спроса и активном внедрении инновационных технологий для повышения качества и гибкости в реагировании на изменения конъюнктуры рынка[3].

По-видимому, Трамп ожидал иной, более уступчивой реакции от Пекина, который жестко отвечал зеркально встречным повышением пошлин на каждый новый тарифный удар американской стороны.

Более того, выдержав первые удары без малейшего намека на колебания, Китай сделал администрацию Трампа заложником ситуации и вынудил американскую сторону искать выход из созданного ею же тупика. Вопреки непомерному эго Трампа, который уверял, что в Пе-

---

[1] Внешняя торговля Китая 28.01.2025 // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru (accessed: 30.04.2025).

[2] Власти Китая выделили $1,4 трлн для поддержки экономики // Ведомости. 08.11.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/11/08/1073841-vlasti-kitaya-videlili (accessed: 30.04.2025).

[3] 李强主持召开经济形势专家和企业家座谈会-新华网, Liqiáng zhuchí zhàokāi jīngjì xíngshì zhuānjiā hé qiyè jiā zuòtán huì-xīnhuá wang [Li Qiang presided over a symposium of experts and entrepreneurs on the economic situation] //Xinhua 09.04.2025. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/20250409/5ec107af31974945bf659c6e88fdec10/c.html (accessed: 30.04.2025).

кине «жаждут позвонить» ему, чтобы запросить переговоры, именно с американской стороны достаточно скоро последовали постоянным рефреном утверждения о том, что США и Китай уже ведут переговоры по торговым вопросам (на что каждый раз положительно реагировали индексы фондовых рынков). Симптоматично заявление министра финансов Бессента от 22 апреля (на полях ежегодной сессии МВФ/ВБ), что «никто не считает, что нынешнее статус-кво в 145—125 % пошлин можно выдержать» и что «очень скоро последует де-эскалация». Затем и сам Трамп сдал назад, заявляя, что ставки тарифов в торговле с Китаем он «скоро существенно снизит», но «они не будут нулевыми»[1].

Со своей стороны, заявив 11 апреля, что ввиду доведения ситуации до состояния, делающего невозможной двустороннюю торговлю, китайская сторона далее не будет отвечать на следующие повышения тарифов Вашингтоном, Пекин этим послал мягкий сигнал, что пора остановиться и начать договариваться. По видимому, предварительные контакты между сторонами имели место в ходе ежегодной сессии управляющих директоров МВФ и Всемирного Банка в Вашингтоне 22—24 апреля с.г.

10—11 мая с.г. в Женеве состоялись первые прямые контакты между США и КНР по урегулированию торговых споров (от США — министр финансов С. Бессент и торговый представитель США Дж. Грир, от КНР — вице-премьер Хэ Лифэн). Следует отметить, что сторонам удалось достаточно быстро выйти на некоторые меры 90-дневного «перемирия»: Китай и США временно снижают взаимно введенные пошлины с 125 до 10 % (правда, у США будет продолжать действовать плюс 20%-ная «карательная» пошлина, якобы, за распространение в США наркотика фентанила из Китая); снимают ряд других торговых ограничений. Устанавливается механизм двусторонних консультаций на высоком уровне (Бессент — Хэ Лифэн)[2].

Начало прямых консультаций является несомненным тактическим успехом китайской стороны, поскольку факт их проведения равнозначен признанию Вашингтоном, что ставка Трампа на ультимативное одностороннее давление не сработала. Вместе с тем очевид-

[1] US Treasury chief calls tariff war with China unsustainable and expects it to ease // South China Morning Post. April 23, 2025.URL:https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3307508/us-treasury-chief-says-tariff-war-china-unsustainable-and-he-expects-it-ease (accessed: 30.04.2025).

[2] Joint Statement on U.S.-China Economic and Trade Meeting in Geneva // The White House. May 12, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/05/joint-statement-on-u-s-china-economic-and-trade-meeting-in-geneva/ (accessed: 14.05.2025).

но, что принципиальные противоречия и разногласия между сторонами не устранены и мы наблюдаем лишь временную передышку, которая может привести к компромиссу, а может и не привести.

Переговоры США со многими странами находятся в самом разгаре, и пока неясно, насколько США удастся продавить свои требования. Китай предложил Евросоюзу совместно реагировать на «односторонний диктат» США, но публично какого-то внятного ответа от европейцев не последовало. Во всяком случае, договоренности 10—11 мая подводят некоторый предварительный итог под первым раундом торговой войны.

Риски и возможности глобальной перегруппировки сил

Экономический передел мира, начатый Трампом, объективно предполагает серьезный пересмотр геополитических приоритетов и очередности внешнеполитических задач США с общим замыслом перенести фокус американского внимания на Азиатско-Тихоокеанский регион и усилить стратегическое давление на Китай.

Для достижения этих целей администрация Трампа с первых дней начала энергично форсировать действия по переходу на менее затратную стратегию сохранения глобального лидерства США за счет перекладывания на европейских союзников по НАТО бремени военно-политических усилий по поддержанию безопасности в еврорегионе. При этом Вашингтон не стеснялся подчеркивать «вассальную» зависимость европейских партнеров от США.

Происходящая на наших глазах «маргинализация» Европы, в том числе ослабление ее экономики, бьет по долгосрочным интересам Китая, поскольку еще 5—10 лет назад Пекин рассматривал зону Евросоюза, страны Европы как едва ли не самый перспективный и ёмкий рынок для товаров и инвестиций из КНР.

Самым значительным изменением в американской внешней политике стали попытки Трампа наладить отношения с Россией в расчете на ослабление стратегической связки Москвы и Пекина. Он считает ошибкой Байдена то, что конфронтационные подходы к России привели лишь к укреплению российско-китайского взаимодействия. Кроме того, в последние годы в политико-экспертных кругах США усилилось беспокойство по поводу, как там считают, критической зависимости России от финансово-экономических и торговых связей с Китаем в условиях беспрецедентного санкционного давления Запада на Москву из-за конфликта на Украине [Бабаев, с. 15].

Пекин не может не видеть, что помимо уже предпринятых администрацией и возможных более существенных шагов по разрыву экономических связей и ограничению доступа Китая на рынки США, действия Трампа объективно меняют привычный расклад сил в мире, сложившуюся конфигурацию миропорядка, которая в целом была весьма комфортной для Китая. При этом Пекин оказывается в роли не драйвера, а объекта изменений, который вынужден на них реагировать.

Своим намерением очистить отношения США с Россией от балласта конфронтации и противостояния Трамп уже ломает сложившуюся с 2014 г. схему взаимоотношений между тремя ведущими мировыми державами.

Перспектива улучшения отношений США с Россией, в том числе получение вновь доступа для американских компаний к ресурсам России (и Украины), в частности, к редкоземельным металлам и иным критически важным элементам, необходимым для новых технологичных отраслей, может создать более сложную, конкурентную ситуацию для китайского бизнеса в России и одновременно — существенно усилить позиции США в глобальном экономическом противоборстве с Китаем.

Едва ли Трамп добьется «отдаления» России от КНР, но намерения американской стороны объективно могут привести к большей сбалансированности российско-китайских отношений, способствуя выправлению перекоса последних лет, когда росла зависимость России от финансово-экономических связей с Китаем. Теперь и Пекин со своей стороны должен быть не меньше заинтересован в поддержке Россией его политики в АТР, гарантировании транзитных маршрутов из Восточной Азии в Европу и Африку (не в последнюю очередь — имеющихся в распоряжении России как сухопутных, так и Северного Морского пути), да и в расширении доступа к сырьевым ресурсам РФ.

Вносимая Трампом стратегическая неопределенность в конфигурацию отношений между ведущими центрами силы ставит перед Пекином ряд новых вызовов и необходимость поиска оптимального ответа в усложняющейся ситуации, когда вектор американо-китайских отношений смещается в сторону более жесткого противоборства.

В ряду первоочередных задач, несомненно, стоит ослабление накала тарифной войны и ощутимая нормализация торгово-экономических отношений с США. Китай может попытаться «перетерпеть» ближайшие год-два до частичных перевыборов в конгресс США осенью 2026 г., по результатам которых республиканцы, скорее всего, утратят контроль над законодательной властью, что несколько свяжет руки

президенту. Или же Китай может найти определенные условия для геополитической контригры в условиях агрессивного нео-изоляционизма и исключительности, которых придерживается Трамп и его окружение («America First»); его неприязни к многосторонности, когда Трамп считает, что остальной мир «наживается» на США, а существующие многосторонние союзы, особенно в идеологизированной демократами проекции «всемирной борьбы за демократию против авторитарных режимов», ограничивают свободу действий Вашингтона [Kroenig].

По мнению некоторых аналитиков, из-за действий администрации «окно возможностей» для встречи Си Цзиньпина и Трампа, в ходе которой два лидера могли бы прийти к сделке, уменьшилось, но это не означает отсутствие желания заключить такую сделку. Именно такой настрой усматривают в подготовленном Госсоветом КНР в апреле с.г. развернутом документе — Белой книге[1] по спорным вопросам торгово-экономических отношений КНР—США, предлагающей урегулировать трения путем переговоров.

Заключение

Принципиально важный вопрос, поставленный в начале исследования текущего состояния американо-китайских отношений и их стилистики, внесенной администрацией Трампа, — идет ли речь о модификации тактического рисунка противостояния, или происходит изменение сущностных подходов США и переход соперничества в более жесткое противоборство? Проведенный анализ показывает, что на данный момент отмечаются признаки и того, и другого. Администрацией Трампа предприняты шаги, свидетельствующие о намерении перейти к стратегии более жесткого противоборства с Китаем, начиная с подрыва его позиций в экономической сфере в ходе переустройства глобального экономического порядка.

Насколько утвердятся новые акценты во внешнеполитическом поведении США зависит от того, в какой мере США при Трампе, действуя односторонне и в одиночку смогут добиться экономического передела мира и изменить глобальную расстановку сил, а также от дальнейших изменений баланса между группировками внутри амери-

[1] China's Position on Several Issues Concerning China-US Economic and Trade Relations // People's Daily. April 09, 2025. URL:http://world.people.com.cn/n1/2025/0409/c1002-40456478.html (accessed: 30.04.2025).

канской элиты — поддерживающими неординарные подходы Трампа, и теми, кто представляет либерально-глобалистское крыло, считая ошибочным ослабление традиционных отношений Вашингтона с союзниками.

В случае продолжения Трампом взятой линии на ужесточение конкуренции с Китаем, геоэкономическая и геостратегическая ситуация для КНР может усложниться. Действия Вашингтона способны создать для Китая серьезные дополнительные трудности. По меньшей мере, они могут заставить Пекин приложить немалые политические, да и материальные, финансовые усилия, чтобы добиться понимания и учета его торгово-экономических интересов перед лицом давления США на его контрагентов. Вместе с тем экономический потенциал и военно-технологические возможности Китая в настоящее время таковы, что любая попытка силой принудить Пекин к какому-либо принципиальному изменению его политики вряд ли пройдет без существенного ущерба для самих США. Думается, и в самих США будет складываться понимание, что единственным способом добиться от Пекина удовлетворения каких-либо требований является выработка обоюдоприемлемого компромисса.

В этой связи России важно тщательно отслеживать ход американо-китайских отношений и своевременно реагировать, чтобы не допускать или купировать возможные попытки разрешать противоречия между двумя державами в ущерб интересам РФ.

Библиографический список

Бабаев К.В. О некоторых итогах «Монтерейского триалога» Россия—КНР—США // *Аналитические записки ИКСА РАН*. 2024. № 7. С. 12—16. DOI: 10.48647/ICCA.2024.92.46.002.

Божечкова А.В., Колесник С.И., Трунин П.В. Глобальные экономические дисбалансы в современном мире // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2025. № 3. С. 23—42. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-3-23-42.

Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 3(48). С. 112—122. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122.

Лексютина Я.В. О политике США в отношении Китая при администрации Д. Трампа (2025—2028) //*Аналитические записки ИКСА РАН*. 2024. № 7. С. 17—21. DOI: 10.48647/ICCA.2024.65.65.003.

Сафронова Е.И. Китайский фактор в текущей эволюции многополярности // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2023. Выпуск XXVIII. С.20—33. DOI: 10.48647/ICCA.2023.40.96.003.

References

Babaev, K.V. (2024). O nekotorikh itogakh «Montereiskogo trialoga» Rossiya-KNR-SShA [On Some Results of the Monterey Trialogue between Russia, China and the US], *Analiticheskie zapiski IKSA RAN* [Analytical notes of the ICCA RAS]: 7:12—16. DOI: 10.48647/ICCA.2024.92.46.002. (In Russian).

Bozhechkova,A.V., Kolesnik,S.I., Trunin,P.V. (2025). Globalnie economicheskie disbalansy v sovremennom mire [Global Economic Imbalances in the Modern World], *Rossiiski vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal]: 3: 23—42. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-3-23-42. (In Russian).

Denisov, I.E.; Safranchuk, I.A. (2016). Chetyre problemy ShOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii [Four SCO Enlargement Problems], *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]:*3(48):112—122. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122. (In Russian).

Leksyutina, Ya.V. (2024). O politike SShA v otnoshenii Kitaya pri administratsii D.Trampa (2025—2028) [On U.S. Policy towards China under the Administration of D. Trump (2025—2028)] *Analiticheskie zapiski IKSA RAN [Analytical notes of the ICCA RAS]:* 7:17—21. DOI: 10.48647/ICCA.2024.65.65.003. (In Russian).

Safronova, E.I. (2023). Kitaiskii factor v tekutchei evolutsii mnogopolyarnosti [The Chinese Factor in the Current Evolution of Multipolarity], *China in World and Regional Politics (History and Modernity). Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) :* 28: 20—33. DOI: 10.48647/ICCA.2023.40.96.003. (In Russian).

* * *

Campbell, Kurt M. and Rush Doshi (2025). Underestimating China: Why America Needs a New Strategy of Allied Scale to Offset Beijing's Enduring Advantages, *Foreign Affairs,* 104: 3 (May/June 2025), *Published on April 10.* URL: https://www.foreignaffairs.com/china/underestimating-china (accessed: 30 April, 2025).

Demarais, A**.** Trump Can't Force a Global Decoupling From China, *Foreign Policy*, April 25, 2025. URL: https://foreignpolicy.com/2025/04/25/trump-tariffs-trade-war-china-us-decoupling-europe-global/ (accessed: 30 April, 2025).

Kroenig, M. (2025). What Is Trump's Foreign-Policy Doctrine? *Foreign Policy,* April 25. URL: https://foreignpolicy.com/2025/04/25/trump-first-100-days-global-stage-tariffs-immigration-china-india/ (accessed: 30 April, 2025).

Поступила в редакцию: 11.05.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: May 11, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.52.84.004

Ю.В. Морозов

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КИТАЯ ПОЛИТИКЕ США ВО ВРЕМЕНА ОБЕИХ КАДЕНЦИЙ Д. ТРАМПА

Аннотация. У Д. Трампа в его первый и второй сроки нахождения на посту президента США сформировались приоритеты в вопросах внешней политики и экономики, которые часто противоречат интересам КНР, являющейся важным торговым партнером США. Несмотря на это Трамп усиливает давление на Китай, чтобы сдержать рост его могущества. В ответ Пекин предпринимает контрмеры. Это оказывает негативное влияние не только на взаимоотношения США и Китая, но и на систему международных отношений, которая в настоящее время выглядит как «неравнобедренный стратегический треугольник», на одной из вершин которого находятся сторонники многополярности международных отношений во главе с Пекином и Москвой, на другой — приверженцы однополярности, возглавляемые Вашингтоном, в то время как государства, придерживающиеся нейтралитета, расположены на третьей вершине.

При этом влияние Вашингтона на международные дела становится более неустойчивым: альянсы, которые он возглавляет, сочетают в себе элементы конкуренции с Соединенными Штатами и сотрудничества с другими центрами силы, включая Китай. При этом Пекин стремится избежать ухудшения отношений с Вашингтоном, однако шансы на это невелики. Это подтверждается анализом политики Трампа в отношении КНР и реакцией Пекина на американскую политику. В связи с этим логично предположить, что отношения двух ведущих держав мира в ближайшей перспективе будут сложными.

Ключевые слова: США, Китай, Трамп, политика, санкции, конфликт.

Автор: *Морозов Юрий Васильевич*, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: г. Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-2047-6420.
E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Морозов Ю.В. Противостояние Китая политике США во времена обеих каденций Д. Трампа // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 41—54. DOI: 10.48647/ICCA.2025.52.84.004.

Yu.V. Morozov

China's confrontation with US policy during both D. Trump's presidencies

Abstract. The relevance of this article is due to the policy of D. Trump, who, during his first and second terms as president of the United States, formed priorities in American foreign policy and economic issues that often contradict the national interests of China, which is the third largest trading partner of the United States. Despite this, Trump increasing pressure on China to curb the growth of its power on the world stage. This has an impact not only on the growing tension between them, but also on the entire system of international relations. Which currently looks like an «unequal strategic triangle», at one of the peaks of which are supporters of multipolarity in international relations, led by China and Russia, on the other — adherents of monopolarity, led by the USA, States adhering to neutrality are located on the third peak. In this triangle, Washington's influence on international affairs is unstable, as the alliances it leads combine elements of competition with the United States and cooperation with China. In the future, it could avoid a deterioration in relations if Trump abandons his anti-China strategy, but the chances of this are slim, since his international acts, signed at the beginning of his second term, indicate that his carrot-and-stick policy will continue towards China. This confirmed by the analysis of Trump's policy towards it, as the reaction of the Chinese authorities to this policy. In this regard, it is logical to assume that relations between the two world leading powers will be complicated in the near future.

Keywords: USA, China, Trump, politics, sanctions, conflict.

Author: Yuri V. MOROZOV, Ph.D (Military Science), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32).
ORCID: 0000-0003-2047-6420. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Morozov Yu.V. (2025). Protivostoyanie Kitaya politike SShA vo vremena obeih kadencij D. Trampa [China's confrontation with US policy during both D.Trump's presidencies], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 41—54. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.52.84.004.

Введение

В условиях как глобальной нестабильности, характерной для первой четверти XXI века, так и связанного с ней процессом трансформации мировой экономической системы, все большее значение приобретает стратегическое партнерство между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Обе страны обладают уникальными возможностями для взаимодополняющего сотрудничества в политической, экономической, технологической и логистической сферах, что особенно важно в условиях всестороннего давления на Россию и Китай со стороны Соединенных Штатов. Чтобы сдержать развитие их стратегического партнерства, США регулярно вводят против РФ и КНР многочисленные санкции и ведут открытую торговую войну с Поднебесной. Ввиду этого целью данной статьи является анализ политики 45-го президента США в отношении РФ и КНР, антикитайской стратегии 47-го лидера Соединенных Штатов, а также реакции на эту стратегию со стороны Китая. В Заключении статьи приводятся выводы, касающиеся противостояния Китая политике США во времена обеих каденций Д. Трампа.

Политика 45-го президента США в отношении Китая и России

Стремительный рост могущества КНР и ее ориентация совместно с РФ на многополярность в международных отношениях (МО) расценивается американскими властями как угроза для национальных интересов США [Материалы конференции Китай—Россия, 2018]. В силу чего они, признавая определенную зависимость от КНР, демонстрировали готовность к сотрудничеству с Китаем в глобальных делах. Однако Пекин дипломатично отклонил идею разделить с Вашингтоном ответственность за судьбы мира.

Что касается РФ, то по отношению к ней американские власти периодически объявляли о «потеплении» отношений с Россией, од-

нако некоторое время спустя диалог двух стран вновь оказывался в состоянии кризиса. (Например, при 44-м президенте США Б. Обаме произошло частичное совпадение национальных интересов РФ и США, что определило успех «перезагрузки» их взаимоотношений). Однако говорить о том, что между США, КНР и РФ существуют продуктивные отношения, было бы неверно. Свидетельство тому — политика Д. Трампа, который став правопреемником Обамы, ввел в действие Стратегию национальной безопасности США (в 2017 г.), в которой отмечалось, что: «...Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подорвать американскую безопасность и процветание...»[1], а в Национальной оборонной стратегии США (2018 г.) говорилось: «...становится все более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью...»[2]. Это давало повод тогдашнему госсекретарю США М. Помпео заявлять, что: «...Компартия Китая стремится к мировому господству и угрожает безопасности США, поэтому либо он будет жить по законам западной цивилизации, либо с ним случится то, что ранее случилось с СССР...»[3]. Он полагал, что «российско-китайскому вызову Запад должен противопоставить свое единство — и тогда его авторитарные противники будут повержены»[4].

Чтобы достичь этой цели, 45-й президент США, используя лозунг «Сделаем Америку снова великой *(Make America Great Again)*», запретил продажу России технологии двойного назначения, а также ее кредитование. При его согласии США вышли из Договора по РСМД и ввели антироссийские санкции (после принятия Закона о противодействии противникам Америки/*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act*[5]).

Трамп также вывел США из «Транс-Тихоокеанского партнерства»; поставил крест на «Транс-Атлантическом партнерстве»; ввел в действие Индо-Тихоокеанскую стратегию (в которой отмечалось,

---

[1] John Weaver. The 2017 National Security Strategy of the United States // Journal of Strategic Security 11(1). April 2018. Pp. 62—71. DOI:10.5038/1944-0472.11.1.1655.

[2] Батюк В.И. Подходы США к сдерживанию России и Китая (по материалам стратегического планирования администрации Дж. Байдена). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-ssha-k-sderzhivaniyu-rossii-i-kitaya-po-materialam-dokumentov-strategicheskogo-planirovaniya-administratsii-dzh-baydena/viewer (дата обращения: 10.03.2025).

[3] Как Помпео обидел власти Китая // Газета.ру, 31.10.2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/31_a_12787340.shtml (дата обращения: 10.02.2025).

[4] Pompeo M. The West is winning // Munich Security Conference. February 15, 2020. URL: https://www.state.gov/the-west-is-winning/ (accessed: 10.03.2025).

[5] Countering America's Adversaries through Sanctions Act // Wikipedia. August 2, 2017. URL: https://en.wikipedia.org/wiki (accessed: 19.04.2025).

что «милитаризация Китаем Индо-Тихоокеанского региона и его активное участие в глобальном управлении продиктовано его желанием стать новой системообразующей державой»[1]. Он также начал торговую войну с КНР, введя сначала 25%-ный тариф на экспорт китайских товаров в США, впоследствии увеличив его до 45 %[2]. Другим указом Д. Трамп ввел заградительные пошлины поставкам технологий из КНР[3] (в ответ Китай принял аналогичные меры в отношении американских товаров). Это привело к тому, что в диалоге с Пекином Вашингтон стал прибегать к политике «жесткой силы», которая базируется на военной мощи США [Fajgelbaum, P.; Khandelwal, A., 2022].

Как следствие, в доктринальных документах национальной безопасности США произошли серьезные изменения. Например, в американском «Обзоре ядерной политики» (2018 г.) говорилось «о росте угрозы Соединенным Штатам со стороны Китая», который-де «усиливает роль стратегических ядерных сил в национальной стратегии»[4].

Поэтому американским компаниям было запрещено экспортировать электронные чипы в Китай, чтобы остановить там строительство суперкомпьютеров, пригодных для использования и в военных целях [Arezina, S., 2020] (в качестве ответной реакции промышленность КНР выпустила на международный рынок 250 млн компьютеров и 1,5 млрд смартфонов, тем самым коммерчески потеснив США[5]).

Видя, что санкции против КНР не дают должного эффекта, 45-й президент США сменил «гнев на милость». Так, во время встречи Трампа с Си Цзиньпином во Флориде в апреле 2017 г. в его заявлениях не было заметно каких-либо признаков враждебности по отношению к Китаю (хотя ранее Трамп говорил, что Пекин «изнасиловал экономику США»). В ответ на более благожелательный настой Трампа Си заявил, что «две великие державы имеют широкое пространст-

---

[1] Indo-Pacific Strategy — United States Department of State // US Department of State. 2018. URL: https://www.state.gov/indo-pacific-strategy/ (accessed: 10.04. 2025).

[2] Haberman M. Donald Trump Says He Favors Big Tariffs on Chinese Exports Archived // The New York Times. January 07, 2016. URL: https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/politics/first-draft/2016/01/07/donald-trump-says-he-favors-big-tariffs-on-chinese-exports/ (accessed: 10.04.2025).

[3] Trump orders national emergency on information security // South China Morning Post. May 16, 2019. URL: https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3010396/donald-trump-signs-executive-order-laying-ground-us-ban-chinas (accessed: 11.04.2025).

[4] Nuclear Posture Review // US Department of State. 2018. URL: https://dod.defense.gov/News/SpecialReports/2018NuclearPostureReview.aspx (accessed: 10.04. 2025).

[5] What will happen if USA stop importing from China completely? // Guangzhou Business. December 02, 2017. URL: https://www.quora.com/ (accessed: 20.03.2025).

во для сотрудничества...»[1]. Подтверждением этому стало американо-китайское торговое соглашение 2020 года, которое открывало китайские рынки для американских компаний (сохраняя при этом высокий уровень тарифов для китайской продукции) [Arezina S., 2021].

Согласно ему, к 2021 г. Китай обязался дополнительно закупить американских товаров и услуг на сумму 200 млрд долл.[2] Однако эта сделка была сорвана из-за глобальной пандемии коронавируса, которая нанесла серьезный урон Соединенным Штатам, поскольку на начальном этапе борьбы с эпидемией медслужбы США не сумели спасти всех заболевших. Чтобы оправдаться за это упущение, Трамп обвинил Китай в распространении COVID-19 и пригрозил Пекину суровыми карами, если выяснится, что тот сознательно скрывал вспышку коронавируса[3]. Помимо этого, он прекратил финансирование ВОЗ, так как она, дескать, играет на стороне Пекина.

В результате, к концу своего первого президентского срока Д. Трампу не удалось выработать систему координации внешней политики США с КНР и РФ, так как в отношении к ним он демонстрировал склонность к политике всестороннего давления, направленной на ослабление Китая и России, чего, однако, не произошло. Ответом на эту политику стало усиление стратегического партнерства РФ с КНР[4]. Помимо этого, Китай «зеркально»[5] реагировал на антикитайскую стратегию Трампа, что помогло ему за короткий исторический срок стать второй в мире державой по своему политико-экономическому значению.

---

[1] Here is what is on the Table at Trump & Xi Jinxing's First In-Person Talks // The Two-Way. April 07, 2017. URL: https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2017/04/07/522847830/trump-and-xi-s-mar-a-lago-meeting-no-golf-but-lots-of-uncomfortable-issues (accessed: 10.04.2025).

[2] US-China Phase One Trade Deal: How to Read the Agreement // China Briefing. March 02, 2020. URL: https://www.china-briefing.com/news/us-china-phase-one-trade-deal-takeaways-businesses-global-trade/ (accessed: 11.04.2025).

[3] Трамп пригрозил Китаю последствиями за сокрытие информации о коронавирусе // Коммерсантъ, 19.04.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4326079 (дата обращения: 17.04.2025).

[4] Янь Цзин, Хань Вэйе. Современное состояние и перспективы развития российско-американских отношений // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 12. С. 57—63.

[5] Под «зеркальным» реагированием Китая на антикитайскую стратегию Трампа в сфере экономики автор подразумевает, что КНР, опираясь на собственные ресурсы и возможности, успешно развивает высокие технологии, технику и вооружение и поставляет их на мировой рынок по ценам ниже американских.

Антикитайская стратегия США и реакция Китая

Став 47-м президентом США, Трамп продолжил антикитайскую стратегию под прежним лозунгом — «Сделаем Америку снова великой». Для достижения этой цели он пообещал «разъединить» Москву и Пекин, чтобы сосредоточиться на Китае как на основном противнике.

В ответ Пекин стал более активно развивать взаимовыгодные отношения с Москвой (об этом президенты обеих держав договорились по видеосвязи на следующий день после инаугурации Трампа[1]). При этом, по мнению главы МИД КНР Ван И, — «взаимоотношения Китая с Россией не представляют угрозы ни для одной страны мира и не подвержены вмешательству или влиянию со стороны третьей стороны. Они задают модель для нового типа международных отношений между крупными державами и являются жизненно важной стабилизирующей силой в меняющемся мире»[2].

Это противоречит внешней политике Белого дома, которая нацелена на сохранение глобального доминирования США. Ввиду этого в первые сто дней своего повторного президентства Трамп сообщил о введении дополнительных пошлин на товары из Китая на сумму в 524 млрд долл. Пекин также повысил тарифы на американский экспорт в КНР (но на меньшую сумму — в 163 млрд долл)[3].

Д. Трамп также заявил о претензиях на Гренландию, где есть залежи полезных ископаемых, важных для экономики США, в которых также заинтересован Китай. Есть и другая причина: на фоне укрепления сотрудничества КНР с РФ в Арктике Белый дом намерен увеличить там группировку ВС США, чтобы военно-силовым образом реагировать на вызовы американским интересам в этом регионе. В этой связи Трамп в своей соцсети написал, что в свете интересов безопасности Соединенные Штаты считают контроль над Гренландией «абсолютной необходимостью»[4] (на что представитель МИД КНР Линь

[1] China's Xi holds video call with Russia's Putin // Reuters. January 21, 2025. URL: https://www.yahoo.com/news/chinas-xi-holds-video-call (accessed: 19.03. 2025).

[2] China and Russia are friends forever and never enemies: Chinese FM Wang Yi. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202504/1331331.shtml

[3] China to impose 15 % tariff on coal, LNG products, 10 % on crude oil and other products in response to Trumps' tariffs//Associated Press. February 04, 2025. URL: https://finance.yahoo.com/news/china-impose-15-tariff-coal-052459955.html (accessed: 19.03. 2025).

[4] Trump: U.S. Ownership of Greenland 'Absolute Necessity' for National Security // BREITBART. December 23, 2024. URL: https://www.breitbart.com/politics/2024/12/23/trump-ownership-of-greenland-absolute-necessity-for-national-security-freedom/ (accessed: 19.03. 2025).

Цзянь заявил: «В вопросе Гренландии Китай всегда считал, что отношения между странами должны строиться в соответствии с принципами Устава ООН»[1]).

Кроме того, Трамп упорно добивается возвращения под контроль Вашингтона Панамского канала, на долю которого приходится 40 % морских контейнерных перевозок, направляемых в США, с тем, чтобы сократить расходы американских судов при прохождении канала[2]. Он опасается, что канал может попасть под контроль Пекина, который подписал меморандум с Панамой о ее участии в Инициативе «Пояс и путь» (ИПП) и является крупным инвестором в экономику этой страны (поэтому, чтобы сохранить независимость Панамы, ее президент заявил, что не будет продлевать действие меморандума о присоединении Панамы к ИПП). Однако Трамп продолжает настаивать на восстановлении контроля США над каналом. Тогда они смогут устанавливать свои тарифы для прохождения судов и получать информацию о том, кто, куда и какие грузы перевозит. Это вынуждает китайские судоходные компании обходить Суэцкий канал через мыс Доброй Надежды, что приводит к увеличению протяженности морской транспортировки с 6 тыс. до 10 тыс. км и затягиванию сроков доставки.

В начале второго президентского срока Трампа оставалась неясной его позиция в отношении Тайваня. Было известно только о том, что «Тайвань должен платить Америке за свою защиту, так как США ничем не отличаются от страховой компании»[3]. Но это не означает, что 47-ой президент США отказался от наращивания военного присутствия США в Южно-Китайском море. В этих целях там завершено формирование двух оперативных групп, способных проводить кибероперации и наносить удары высокоточным оружием. Помимо этого, продолжается рассредоточение авиабаз США по всему Тихому океану (чтобы Китаю было сложнее наносить удары по ним в случае начала войны) и создание «гибридного флота» ВМС США, состоящего из традиционных боевых кораблей и 40 % безэкипажных надводных,

[1] US playing up 'Russia, China threat' in Greenland reflects geopolitical calculus: Chinese expert // Global Times. March 29, 2025. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202503/1331127.shtml (accessed: 19.03. 2025).

[2] Trump suggests Panama Canal be returned to US control // The Hill. December 22, 2024. URL: https://thehill.com/homenews/administration/5052795-trump-suggests-panama-canal-be-returned-to-us-control/ (accessed: 19.03.2025).

[3] Trump says Taiwan should pay the US for its defence as 'it doesn't give us anything' // The Guardian. Juky 17, 2024. URL: https://www.theguardian.com/world/article/2024/jul/17/donald-trump-taiwan-pay-us-defence-china-national-convention (accessed: 19.03. 2025).

подводных и авиационных боевых средств (к середине 2030-х годов их количество должно возрасти до 60 %[1]).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в первые сто дней повторного президентства Трампа его антикитайская стратегия стала важной составляющей внешней политики США. В этом Трампа поддерживает вице-президент США Дж. Ди Вэнс, который планирует перенести центр тяжести в конкуренции с КНР в область искусственного интеллекта. Другим жестким оппонентом Китая является постоянный представитель США при ООН М. Уолтц, который считает КНР более опасной, чем СССР, и на этом основании он видит в Китае экзистенциальную угрозу для США[2]. К ним примыкает госсекретарь США М. Рубио, который назвал Китай страной, которая «проделала свой путь к статусу сверхдержавы за наш счет, а также ложью и воровством»[3].

В противовес этой «коалиции», за нормализацию отношений с Китаем выступают другие члены команды Трампа, имеющие опыт взаимодействия с Поднебесной. Это И. Маск, директор *Apple* Т. Кук и основатель корпорации *BlackRock* Л. Финк. Они не одобряют ухудшение отношений с Китаем и тем более развязывание военных действий с ним из-за Тайваня, так как в этом случае ВС США будет противостоять Народно-освободительная армия Китая. И если эти силы перейдут к применению ядерного оружия, то на планете настанет «ядерная зима» [Морозов Ю.В., 2024]. Поэтому США в эту авантюру пока ввязываться не планируют.

Вместе с тем разведка США обнаружила, что на верфях Гуанчжоу ведется строительство десантных кораблей, оснащенных аппарелями для высадки подразделений НОАК на труднодоступных плацдармах Тайваня. Помимо этого, ВС Китая регулярно проводят маневры в Южно-Китайском море, во время которых отрабатываются навыки десантирования на побережье остова, а также нанесения ударов по морским и наземным целям. Это вынуждает Трампа как можно ско-

[1] Top Stories 2024: Navy and Marine Acquisition // USNI News. December 30, 2024. URL: url:https://news.usni.org/2024/12/30/top-stories-2024-navy-and-marine-aquisition (accessed: 19.03. 2025).

[2] Mike Waltz wants America to focus on the threat from China // United States National security. November 13, 2024. URL: https://www.economist.com/united-states/2024/11/13/mike-waltz-wants-america-to-focus-on-the-threat-from-china?ysclid=m72xxg0xe722579534 (accessed: 19.03. 2025).

[3] Rubio to Say at Confirmation Hearing China Cheated Its Way to Superpower Status // Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-01-14/rubio-set-to-say-china-has-cheated-its-way-to-superpower-status (accessed: 19.03. 2025).

рее завершить украинский конфликт и сосредоточиться на активности группировки ВМС США в Южно-Китайском море.

Учитывая существующую диспропорцию в торговых отношениях с КНР (США импортирует из Китая гораздо меньше, чем продает), Трамп намерен ликвидировать этот перекос за счет роста тарифов на товары из Китая[1]. С этой целью он в начале апреля повысил пошлины на китайскую продукцию на 34 %, затем в течении этого месяца они были повышены до 145 %[2]. Трамп также требует, чтобы Киев заплатил за военную и финансовую помощь, которую оказывал Дж. Байден Украине. Это ему необходимо в контексте начавшейся тарифной войны не только с Китаем, но и с другими международными акторами после введения против них дополнительных пошлин.

Очевидно, в этой схватке двух экономических держав победителем будет Китай благодаря его громадному внутреннему рынку (основу которого составляют 1,4 млрд граждан КНР — потребителей продукции), а также рынки АТЭС, ШОС и БРИКС. Также Китай, обладая долговыми обязательствами США на сумму 859,4 млрд долл., начал избавляться от них, что привело к падению американских акций на мировых фондовых рынках. Чтобы не допустить их дальнейшего падения, Трамп объявил 90-дневный мораторий на введение повышенных пошлин для международных акторов (за исключением КНР) и начал торговаться с ними, чтобы заключить сделки на выгодных для США условиях.

Следует отметить, что на антикитайскую стратегию Трампа в его второй президентский срок китайские власти также реагируют адекватно: в ответ на увеличение им пошлин на продукцию из КНР, они «зеркально» повысили свои тарифы на американскую продукцию до 124 %[3]. Помимо этого, они обнародовали планы по поддержке национальной экономики на 1,4 трлн долл., которые должны помочь Китаю достичь целевого показателя роста ВВП в 5 %, чтобы в 2025 г. ВВП Китая сравнялся с показателем ВВП США. Этому способствует реализация плана «Сделано в Китае — 2025» и стратегия «Интернет

[1] Глобальная торговая война // Общественный центр информации. 28.02.2025. URL: https://dzen.ru/a/Z8B2SvQiMm24hdK0 (дата обращения: 28.02. 2025).

[2] Трамп повысил пошлины на товары из Китая до 145 процентов // РИА Новости. 10.04.2025. URL: https://ria.ru/20250410/tramp-2010553536.html?ysclid=m9nzqooekx496583595 (дата обращения: 19.04. 2025).

[3] Китай дал ответ на повышение пошлин Дональдом Трампом // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/04/2025/67f656e29a79479cc2811af7?ysclid=mc7a6o7rbm681123003 (дата обращения: 19.03. 2025).

плюс», которые ориентированы на комплексное обновление китайской экономики [Cui Hong, 2024].

Вместе с тем, учитывая антикитайскую направленность стратегии Трампа, Пекин укрепляет свои позиции в регионах мира, стараясь подорвать там влияние США. Так, в противовес его планам прекратить конфликт на Ближнем Востоке в секторе Газа за счет выселения оттуда палестинцев и превращения этого анклава в элитный курорт, что нереализуемо. Пекин рассматривает этот регион как важную составляющую в деле строительства ИПП, в рамках которой Китаю удалось наладить хорошие отношения со странами Ближнего Востока. В силу этого ближневосточные государства рассматривают курс КНР как альтернативу политике Трампа в этом регионе.

В странах Латинской Америки Китай заменил США в качестве доминирующего партнера (за исключением Колумбии и Мексики)[1]. В результате Пекин стал играть ключевую роль в региональных инфраструктурных проектах, оттеснив Вашингтон на второй план[2].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе Пекин сделал ряд шагов, направленных на улучшение отношений с ключевыми партнерами Соединенных Штатов — Японией и Южной Кореей, которые не желают быть втянутыми в торговую войну с Китаем. Пекин стремится возобновить с этими странами диалог по региональной безопасности.

На Африканском континенте власти Китая приступили к реализации Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, делая акцент на взаимной торговле и инвестициях в африканские экономики[3].

В Арктике Китай стремиться доказать, что ни у кого из приарктических государств (включая США и РФ) нет исключительных прав на обладание богатствами этого региона. Пекин, играя на противоречиях среди членов Арктического совета, пока проявляет осторожную активность, опасаясь аналогий с ситуацией в Южно-Китайском море, где амбиции Китая по обладанию там спорными территориями объединили страны региона в их противостоянии с КНР.

---

[1] How China Capitalized on U.S. Indifference in Latin America// The Wall Street Journal. November 14, 2024. URL: https://www.wsj.com/world/china-xi-jinping-latin-america-acf6dbc1 (accessed: 19.03. 2025).

[2] Zhonggong dui mei guanshui shengxiao: Mei zhong duonian maoyi zhan shijian biao [Chinese Communist tariffs on U.S. take effect: Timeline of a multi-year U.S.-China trade war] // Da jiyuan [Epoch Times]. February 11, 2025. URL: https://www.epochtimes.com/gb/25/2/10/n14434227.htm (accessed: 10.03.2025).

[3] Cui Xiaotao. China—Africa relations in 2015: more practical cooperation for strategic goals. CIIS Blue Book on International Situation and China's Foreign Affairs. Beijing: World Affairs Press, 2016. P. 497—511.

Помимо этого, Пекин нанес серьезный удар по планам Трампа стать лидером в области искусственного интеллекта по проекту «Звездные врата» *(Stargate)*, в который США вложили 500 млрд долл.[1] Китайская компания *DeepSeek* в начале 2025 г. выпустила на международный рынок нейросеть, которая оказалась в сотни раз дешевле американского проекта. Чтобы окончательно сорвать план Трампа, китайская компания *Alibaba* разработала модель нейросети *Qwen2.5-Max*, превосходящую американские модели.

Это свидетельствует о том, что Китай уверен в своих силах в противостоянии с США, тем более, что он совместно с РФ развивает взаимовыгодные отношения с государствами БРИКС. Согласно данным МВФ, по показателям ВВП в 2024 г. на 1-м месте находился Китай (33,1 трлн долл., 2-я экономика мира), на 3-м месте — Индия (16 трлн долл., 5-я экономика мира), Россия с 6,9 трлн долл. на 4-м месте) и Бразилия (11-я страна в мире по размеру ВВП)[2]. Поэтому Вашингтон обеспокоен тем, как сохранить свое доминирование во вновь формирующейся системе международных отношений в соответствии с американскими интересами и так называемыми ценностями[3]. В целом можно утверждать, что управление глобальной экономикой постепенно переходит от западных государств во главе с США к сторонникам многополярности, к которым относятся Китай и Россия [США—Китай..., 2018].

Заключение

Завершая анализ противостояния Китая политике США, находящейся под влиянием президента Д. Трампа, можно прийти к следующим выводам.

Д. Трамп во время своего первого президентского срока рассчитывал при помощи санкций и политического давления на КНР предотвратить рост ее влияния на мировой арене. Пекин «зеркально»

[1] Trump announces a $500 billion AI infrastructure investment in the US // CNN Business. January 21, 2025. URL: https://edition.cnn.com/2025/01/21/tech/openai-oracle-softbank-trump-ai-investment/index.html?iid=cnn_buildContentRecirc_end_recirc (accessed: 19.02. 2025).

[2] Rankings Gross Domestic Product 2024 // World Economics Research. December 28, 2024. URL: https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Economic-Size/Revaluation-of-GDP (accessed: 19.02.2025).

[3] Бидолей В. Ф., Глебов В. Перспективы расширения БРИКС // Международная жизнь 2023. № 4. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2813?ysclid=mc79cr9fqc889420260 (дата обращения: 19.02.2025).

реагировал на антикитайскую стратегию Трампа, благодаря чему за короткий исторический срок КНР стала державой, второй в мире по политико-экономическому значению. Поэтому целью Трампа во время его второго президентского срока остается оказание жесткого давления на Китай.

В ответ Китай, используя концепцию Си Цзиньпина о «построении единой судьбы человечества» и реализуя Инициативу «Пояс и путь», планирует к 2030 г. стать не второй державой в мире, а первой, в связи с чем отношения двух ведущих мировых держав в ближайшей перспективе останутся сложными. Поэтому маловероятно, что за оставшееся время второго президентства Трампа США смогут преодолеть все существующие разногласия с КНР. Положение осложняется еще и тем, что национальные интересы двух стран в меняющемся мире сильно разнятся.

Однако обе страны остаются «притягательными» друг для друга. США зависят от Китая в ряде ключевых областей, начиная с импорта дешевых потребительских товаров и кончая огромным кредитными обязательствами перед ним. Китай в свою очередь зависит от способности американских потребителей покупать его товары, а также от современных технологий США, столь важных для ключевых областей китайской экономики. Будет ли учитывать эту реальность 47-й президент США, чтобы нормализовать отношения с КНР, — покажет ближайшее будущее.

Библиографический список

Материалы международной научной конференции Китай—Россия—США трехсторонние отношения: состояние и перспективы. М.: Весь Мир, 2018. 176 с.

Морозов Ю.В. Будущее независимости Тайваня в контексте взаимоотношений США и КНР // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 5 (653). С. 34—46.

Супан В.Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 9. С. 23—31.

США—Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства. М.: ИМЭМО РАН. 2018. 65 с.

References

Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Kitaj — Rossija — SShA trehstoronnie otnoshenija: sostojanie i perspektivy (2018) [Proceedings of the International Scientific Conference China — Russia — USA Trilateral Relations: Status and Prospects]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir» [M: Whole World Publishing], 176 p.

Morozov, Y.V. (2024). Budushhee nezavisimosti Tajvanja v kontekste vzaimootnoshenij SShA i KNR [The Future of Taiwan's Independence in the Context of U.S.-CNR Relationship]. SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: economy, politics, culture]: № 5 (653). P. 34—46.

SShA—Kitaj: bor'ba dvuh strategij i praktik mirovogo liderstva (2018) [US-China: the struggle between two strategies and practices of global leadership]. M.: IMJeMO RAN [MOSCOW: IWEIR RAS], 65 p.

Supan, V.B (2019). Amerikano-kitajskie torgovo-jekonomicheskie otnoshenija: prichiny krizisa i ego perspektivy [U.S.-China Trade and Economic Relations: Causes of the Crisis and Its Prospects], *Rossija i Amerika v XXI veke [«Russia and America in the 21st Century»]*: 9: 23—31.

* * *

Arezina, Sanja (2020). U.S. — China Relations under the Trump Administration: Changes and Challenges, *China Quarterly of International Strategic Studies*: 5(3): 43—61. DOI: 10.1142/S2377740019500210

Arezina, Sanja (2021). Te lang pu dui zhong mei guanxi de chong ji yu meiguo dui hua zhengce pouxi [Trump's impact on Sino-US relations and an analysis of US policy toward China], *Fudan xuebao (shehi kexue ban) [Fudan Journal (Social Science Edition)]*: 5. (In Chinese).

Cui Hong (2024). Meiguo dui hua jingji zhicai: Qushi yu yingxiang [U.S. Economic Sanctions against China: Trends and Implications], *Center for American Studies,Fudan University, International Studies* :6: 32—52. (In Chinese).

Fajgelbaum, Pablo; Khandelwal Amit (2022). The Economic Influences on the US—China Trade War, *Annual Review of Economics* : 14(1): 205—228.

Поступила в редакцию: 23.04.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Apr 23, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.78.86.005

А.О. Виноградов, П.А. Саакян

О ПРОБЛЕМАХ ПРОДВИЖЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ» НА ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ)[1]

Аннотация. Инициатива «Пояс и путь»[2], предложенная в свое время лично председателем КНР Си Цзиньпином как мегапроект, имеющий исключительно важное значение для всего мира, в последние годы переживает не лучшие времена. Первоначально встреченная с большим энтузиазмом практически во всем мире, китайская инициатива с течением времени стала вызывать разочарование и недовольство со стороны стран, подписавших соглашения о сотрудничестве в строительстве Пояса и пути.

В частности, на прошедшем в Пекине в октябре 2023 г. — третьем по счету Международном форуме по сотрудничеству в строительстве Пояса и пути — не было представителей стран, в том числе и тех, кто ранее подписал Меморандумы о присоединении к китайской инициативе. Так, европейские страны были представлены только Венгрией и Сербией.

---

[1] В статье частично использованы материалы курсовых работ Саакян П.А. «Китайский фактор в экономике Италии в настоящее время» и «Торгово-экономическое сотрудничество Итальянской Республики и КНР на примере деятельности торговых палат (2020—2024)». Научный руководитель — Виноградов А.О. Данные материалы нигде ранее не публиковались и содержатся только в цифровой базе ВШЭ.

[2] Инициативу Пояса и пути в российской научной литературе и СМИ одно время переводили как «Один пояс, один путь». Правильный перевод термина 一路一带 — «Пояс и путь», Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) — the Belt and Road Initiative (BRI) *(прим. авторов)*.

Итальянская республика в 2019 г. стала первой страной Большой семерки — G7, подписавшей подобный меморандум. И вместе с тем первой страной, заявившей о своем выходе из ИПП в декабре 2023 г. В статье характеризуются обстоятельства, повлиявшие на эти события, а также особенности китайско-итальянских торгово-экономических отношений в последние годы. Пример Италии позволяет проследить, как меняется характер сотрудничества европейских стран с Китаем под влиянием внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: КНР, Итальянская республика, торговля, экономика, Инициатива «Пояс и путь» (ИПП).

Авторы: *Виноградов Андрей Олегович*, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinandr@mail.ru

Саакян Полина Арменовна, бакалавр Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. E-mail: polinasaakian@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Виноградов А.О., Саакян П.А. О проблемах продвижения китайской Инициативы «Пояс и путь» на европейском континенте (на примере Италии) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 55—69. DOI: 10.48647/ICCA.2025.78.86.005.

A.O. Vinogradov, P.A. Saakian

On the problems of promoting China's Belt and Road Initiative on the European continent (using Italy as an example)

Abstract. The Belt and Road Initiative, once proposed by Chinese President Xi Jinping as a project of paramount global significance, has faced some difficulties in the last years. Initially welcomed with great enthusiasm across the world, the initiative has gradually become a source of disappointment and discontent for the countries that signed cooperation agreements under the framework of the Belt and Road.

This shift in sentiment was particularly evident at the Third Belt and Road Forum for International Cooperation, held in Beijing in October 2023, where representatives of many participating countries, including those that had previously signed Memoranda of Understanding with China, were notably absent. Among European nations only Hungary and Serbia were represented.

Italy became the first G7 country to sign such a memorandum in 2019, and also the first to announce its withdrawal from the Belt and Road Initiative in December 2023. This article explores the circumstances that led to these developments, as well as the nature of Sino-Italian trade and economic relations in recent years. Through the case of Italy we examine how the EU-China cooperation is changing under the influence of both internal and external factors.

Keywords: People's Republic of China (PRC), the Italian Republic, trade, economy, Belt and Road Initiative (BRI).

Authors: Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D (History), Associate Professor of the School of Oriental Studies of the Higher School of Economics; Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinandr@mail.ru

Polina A. SAAKIAN, Bachelor's degree student of the School of Oriental Studies, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: polinasaakian@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Vinogradov, A.O.; Saakian, P.A. (2025). O problemah prodvizheniya kitajskoj Iniciativy «Poyas i put'» na evropejskom kontinente (na primere Italii) [On the problems of promoting China's Belt and Road Initiative on the European continent (using Italy as an example)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 55—69. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.78.86.005.

Напомним, что выдвинутая в 2013 г. лидером КНР Си Цзиньпином Инициатива «Пояса и путь» (ИПП) в качестве одной из основных своих целей имела строительство и расширение маршрутов и путей доставки китайской продукции конечному потребителю, под которым имелись в виду в первую очередь европейские страны. Существовавшие сухопутные и морские маршруты не отвечали запросам Китая, чье производство и экспорт постоянно увеличивались. Помимо этого, Китаю необходимо было обеспечить стратегическую безопасность как конечной продукции, так и поставок сырья, необходимого для производства данной продукции.

Именно Европа рассматривалась в качестве основного рынка сбыта расширившейся номенклатуры товаров из КНР, окончательно превратившейся к тому моменту в мировую производственную фабрику.

Помимо этого, с помощью ИПП предполагалось отчасти решить проблему избыточных мощностей в Китае (прежде всего в сфере строительства) путем более активного участия китайской стороны в строительстве различных объектов инфраструктуры за рубежом: железных и шоссейных дорог, портовых сооружений и т. п.

В 2014 г. после визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Италию (октябрь 2014 г.) именно эта страна была названа в комментарии «Жэньминь жибао» конечной точкой нового Шелкового пути (как морского, так и сухопутного) [Виноградов, 2016, с. 190]. Хотя на тот момент Италия являлась для Китая далеко не главным торговым и экономическим партнером среди европейских государств, значительно уступая таким странам, как Германия, Нидерланды, Франция и Великобритания.

Тем не менее, к 2016 г. Италия вышла на 3-е место среди европейских стран по объему привлеченных китайских инвестиций — за период с 2000 по 2016 г. он достиг 12,8 млрд евро, уступая лишь Великобритании (23,6 млрд) и Германии (18,8 млрд) [Hanemann, 2017]. Интерес к инвестициям в Италию китайские компании начали проявлять стразу после мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. и последовавшего за ним кризиса еврозоны, который затронул в первую очередь страны Южной Европы. К 2019 г. активные инвестиции в достаточно значимые итальянские активы *(CDP Reti, Ansaldo Energia, Pirelli и др.)* позволили Италии сохранить за собой 3-е место по объему прямых инвестиций из Китая, причем в бóльших физических объемах (15,9 млрд евро против 50,3 млрд у Великобритании и 22,7 млрд у Германии) [Алексеенкова, 2023, с.35].

С 2016 г. китайская сторона начинает активно интересоваться итальянскими портами, нуждающимися в реконструкции и страдающими от нехватки инвестиций. В 2016 г. одна из дочерних компаний *COSCO — Cosco Shipping Ports* — приобрела 40 % активов порта Вадо Лигуре, еще 9,9 % активов удалось купить порту Циндао *(Qingdao Port International)*.

В 2017 г. Китай и Италия подписали План действий по укреплению сотрудничества в области экономики, культуры и науки (2017—2020)[1]. Стороны договорились поддерживать свободную торговлю, бороться с протекционизмом, согласились с необходимостью расширения двусторонних инвестиций, подчеркнули значимость Италии

[1] Zhongguo he Yidali jiaqiang jingmao, wenhua he keji hezuo de xingdong jihua (2017—2020) [Action plan of China and Italy to strengthen economic, trade, cultural, scientific and technical cooperation (2017—2020)], Embassy of the People's Republic of China URL: http://np.china-embassy.gov.cn/chn/zgwj/201705/t20170516_1554433.htm (accessed: 21.04.2025).

для ИПП и выразили надежду на то, что переговоры по инвестиционному соглашению между Китаем и ЕС[1] будут успешными.

В марте 2019 г. Италия первой из стран Большой семерки подписала с Китаем соглашение о сотрудничестве в рамках Инициативы «Пояс и путь», что вызвало негативную реакцию как в руководстве Европейского союза, так и со стороны основных партнеров — Германии и Франции. Во время визита Си Цзиньпина в Европу, в ходе которого он посетил Италию, Францию и Монако, в Риме был подписан «Меморандум о взаимопонимании между правительством Итальянской Республики и правительством КНР о сотрудничестве в рамках экономического пояса шелкового пути и инициативы «морской шелковый путь XXI века»[2].

В ходе визита порты Триеста и Генуи подписали декларации о намерениях с компанией *China Communications Construction Company (CCCC),* которые также предполагали инвестиции Китая в развитие портовой инфраструктуры в этих городах. Однако реализация соответствующих планов столкнулась с сопротивлением: ряд стран ЕС, в частности уже упомянутые Франция и Германия, выразили обеспокоенность чрезмерным влиянием Китая, а США в августе 2020 г. включили *CCCC* в санкционный список, сославшись на ее связи с китайской армией, так что сделка не состоялась. Переговоры с Китаем были остановлены, и в сентябре 2020 г. 50 % акций порта Триеста приобрела немецкая *Hamburger Hafen und Logistik AG (HHLA)*.

Еще одним значимым моментом в сокращении итальяно-китайского сотрудничества стало дело компании *Huawei* в 2020 г. К 2020 г. итальянский рынок смартфонов для *Huawei* являлся вторым по величине после китайского; компания активно участвовала в проектах по внедрению сетей 5G в стране, планируя инвестировать свыше 3 млрд долл. и создать около 3 тыс. рабочих мест. Однако крупнейший телекоммуникационный оператор Италии — *Telecom Italia (TIM)* — исключил *Huawei* из тендера на поставку оборудования для 5G-сетей, а правительство Италии на основе «правила золотой силы»[3] запретило сделку телекоммуникационной группы *Fastweb* с *Huawei* [Алексеенкова, 2021, с. 28].

---

[1] Имеется в виду Всеобъемлющее инвестиционное соглашение (ВИС) между КНР и ЕС, переговоры о котором велись Европейским союзом с Китаем, начиная с 2012 г. 30 декабря 2020 г. стороны объявили о согласовании проекта ВИС, однако подписание соглашение вновь было отложено на неопределенный срок.

[2] Xi Jinping ha firmato l'accordo con l'Italia // Il post URL: https://www.ilpost.it/2019/03/22/visita-xi-jinping-italia/ (accessed: 13.04.2025).

[3] Правило «золотой силы» (англ. *golden power*) — особый инструмент итальянского правительства для защиты стратегических секторов (оборона, безопасность, энергетика, транспорт, телекоммуникации и технологии), позволяющий ограничивать или блокировать ПИИ и коммерческие сделки под предлогом угрозы национальной безопасности.

Отказ Италии от сотрудничества с Китаем объяснялся в первую очередь политическими факторами и был связан со сменой правительства. Осенью 2019 г. новый кабинет Дж. Конте (уже с проевропейской Демократической партией во главе вместо евроскептической «Лиги») взял курс на сближение с США и с НАТО.

Кроме того, в период пандемии COVID-19 в 2020 г. на фоне ухудшения отношений с Европейским союзом и с США, а также нарушения логистических цепочек в торговле с Европой, произошла некоторая переориентация внешней торговли Китая на страны Восточной и Юго-Восточной Азии. В 2019 г., до начала пандемии, крупнейшим торговым партнером КНР оставался ЕС — объем товарооборота составлял 4,86 трлн юаней. В 2020 г. это место заняли страны АСЕАН, объем торговли с ними составил 4,74 трлн юаней, а со странами ЕС товарооборот снизился на 5,3 %, составив 4,5 трлн юаней. При этом Китай в 2020 г. впервые вышел на 1-е место среди партнеров ЕС по объему торговли, обогнав США [Виноградов, 2022, с. 243].

Что касается Италии, то в 2019 г. она занимала 5-е место среди европейских стран по объему торговли с Китаем (378 млрд юаней). Ее опережали Германия, Нидерланды, Великобритания и Франция. Однако в 2020 г. Италия обогнала Великобританию и поднялась на 4-е место: двусторонняя торговля составила 381 млрд юаней, показав незначительный рост на 0,9 %[1]. В 2019 г. Китай стал 3-м партнером Италии по объему импорта — более 7 % всех ввозимых товаров приходилось на китайскую продукцию — и 9-м по величине партнером по экспорту — на Китай приходилось 2,9 % итальянского экспорта, преимущественно в сфере электроники и машинного оборудования[2].

В 2020 г. заместитель министра иностранных дел И. Скальфаротто заявил, что меморандум о взаимопонимании, подписанный с Китаем, не возымел ожидаемого эффекта: экспорт в Китай сократился, а импорт из Китая увеличился[3].

В 2021 г. напряженность в отношениях между Италией и Китаем продолжила нарастать. В апреле того же года, ссылаясь на «правило

[1] China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2020 (in CNY) // General Administration of Customs, People's Republic of China URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/6b07b84a-6ef4-4d18-9ac7-3270eb83786f.html (accessed: 20.04.2025).

[2] Is Italy's Economic Crisis an Opportunity for China? The Diplomat. URL: https://thediplomat.com/2020/04/is-italys-economic-crisis-an-opportunity-for-china/ (accessed: 20.04.2025).

[3] La bilancia commerciale tra Italia e Cina è peggiorata dopo il memorandum per la "Nuova via della Seta" // pagella politica URL: https://pagellapolitica.it/fact-checking/la-bilancia-commerciale-tra-italia-e-cina-e-peggiorata-dopo-il-memorandum-per-la-nuova-via-della-seta (accessed: 20.04.2025).

золотой силы», итальянское правительство заблокировало сделку по приобретению китайской компанией *Shenzhen Invenland Holdings Co.* производителя полупроводников *LPE SpA*. Вслед за этим премьер-министр М. Драги высказался в пользу расширения государственной защиты бизнеса от китайского проникновения.

Примерно в то же время власти Италии остановили продажу компании *Iveco SpA* — производителя грузовиков и тракторов — китайской корпорации *FAW Group Co.* Министр экономического развития Дж. Джорджетти подчеркнул, что Италия не возражает против внешних инвестиций как таковых, однако выступает решительно против «хищнических» инвестиций, при которых иностранные компании скупают ключевые активы[1].

С приходом М. Драги на пост премьер-министра в феврале 2021 г. Италия стала демонстрировать еще большую осторожность в отношениях с Китаем. Драги значительно усилил меры по защите национального бизнеса от иностранных поглощений, особенно со стороны китайских инвесторов, подчеркнув, что правило «золотой силы» будет применяться и далее для защиты стратегических секторов. Выступая в июне 2021 г. на саммите G7 в Карбис-Бэй, Драги заявил, что основой внешней политики Италии остаются приверженность европейской интеграции и евроатлантическому сотрудничеству, а также впервые упомянул о возможности пересмотра меморандума об участии в строительстве Пояса и пути, подписанного с КНР в 2019 г.[2]

В 2021 г. китайские инвестиции в Италию оставались на низком уровне — в значительной степени из-за активного применения правила «золотой силы». Тем не менее, двусторонний товарооборот продолжал расти: по сравнению с предыдущим годом он увеличился на 25 %, достигнув 478 млрд юаней — самый высокий рост среди всех европейских стран. Италия заняла 4-е место среди торговых партнеров Китая в Европе, уступив лишь Германии, Нидерландам и Франции[3].

В 2022 году эта динамика сохранилась. Объем торговли между Китаем и Италией вырос еще на 8 %, достигнув 518 млрд юаней, при этом Италия вновь заняла четвертую позицию среди экономических

---

[1] Draghi Shuns Chinese Cash with EU Recovery Funds Coming. Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-04-22/draghi-shuns-chinese-cash-with-european-recovery-funds-coming (accessed: 20.04.2025).

[2] Concluso il Vertice G7 di Carbis Bay. Le Cronache. URL: https://www.lecronachelucane.it/2021/06/13/concluso-il-vertice-g7-di-carbis-bay/ (accessed: 20.04.2025).

[3] China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2021 (in CNY) // General Administration of Customs, People's Republic of China URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/3c9dfa2f-5177-4470-bb2c-16cf268ea6e0.html (accessed: 20.04.2025).

партнеров КНР в ЕС. Однако экспорт из Китая увеличился на 20 %, тогда как итальянский импорт в КНР сократился на 8 %, что еще более усугубило торговый дисбаланс[1].

С октября 2022 г., с приходом Дж. Мелони на пост председателя Совета министров, внешнеполитический курс Италии стал еще более откровенно ориентироваться на Запад. Согласно данным, опубликованным *Corriere della Sera,* за период с 2010 по 2022 г. китайские компании осуществили в Италии 147 сделок по слиянию и поглощению на общую сумму 24,9 млрд евро. Однако в последние годы их активность заметно снизилась: в 2022 г. было зафиксировано лишь 9 сделок на сумму 494 млн евро, в 2021 — 8, а в 2019 — 12. Для сравнения, в 2017 г., который стал рекордным по числу таких операций, было проведено 22 сделки на сумму 1,51 млрд евро, а наивысшая общая стоимость китайских вложений за год была достигнута в 2015 г. — тогда сумма сделок составила 9,1 млрд евро. Таким образом, имело место сокращение почти на треть по сравнению с пиком[2].

В 2023 г. итальянское правительство снова применило правило «золотой силы», на этот раз в отношении производителя шин *Pirelli,* 37 % акций которого принадлежит китайской компании *Sinochem*. Правительство приняло ряд мер, включая ограничение доступа к информации, с целью защиты стратегически важного актива компании — кибердатчиков, имплантируемых в шины, которые могут быть использованы для мониторинга и сбора данных. Этот шаг был сделан для сохранения контроля над инновационными технологиями и предотвращения их передачи в Китай[3].

В конечном итоге это привело к выходу Италии из Инициативы «Пояс и путь», о чем премьер Дж. Мелони заявила 9—10 сентября 2023 г. на саммите G20 в Нью-Дели во время встречи с китайским премьером Ли Цяном[4]. При этом Мелони подчеркнула готовность

---

[1] China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2022 (in CNY) // General Administration of Customs, People's Republic of China URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/f7bb32d6-4bdc-46e9-afd0-a62e482c57ff.html (accessed: 20.04.2025).

[2] Cina, crollano le acquisizioni in Italia (e c'entra il golden power su Pirelli). Corriere della sera. URL: https://www.corriere.it/economia/aziende/23_luglio_26/cina-crollano-acquisizioni-italia-c-entra-golden-power-pirelli-f51ff174-2b05-11ee-8e96-a497dd857d5f.shtml (accessed: 20.04.2025).

[3] Pirelli, go-ahead from the Government to the Golden Power to protect Cyber sensors for tyres // First online URL: https://www.firstonline.info/en/pirelli-green-light-from-the-government-to-the-golden-power-to-protect-cyber-sensors-for-tyres/ (accessed: 20.04.2025).

[4] Меморандум 2019 г. был рассчитан на пять лет и действовал до марта 2024 г. Предусматривалось, что он будет автоматически продлен на следующие пять лет, если ни одна из сторон как минимум за три месяца до истечения указанного срока не уведомит

развивать двусторонние отношения, на что Ли Цян ответил призывом расширять объем торговли[1]. Китайская «Жэньминь Жибао» осудила это решение, напомнив Мелони ее же слова на саммите на Бали в ноябре 2022 г., где она обещала развивать сотрудничество, отвергала блоковую конфронтацию и выступала за диалог между странами. Газета обвинила Мелони в отступлении от своих принципов под давлением Вашингтона[2].

В октябре 2023 г. Еврокомиссия ввела дополнительные ограничения в отношении иностранных инвестиций, опубликовав список технологий, признанных критически важными для экономической безопасности Евросоюза. В этот список вошли биотехнологии, нейронные сети, вычислительные мощности, новейшие методы производства полупроводников и другие ключевые технологии [Кулинич, 2024, с. 56]. Тогда же ЕС утвердил так называемый инструмент для борьбы с принуждением, направленный на защиту торговли. Новый инструмент должен был помочь Евросоюзу бороться с попытками других государств ограничивать торговлю с целью повлиять на внутреннюю политику стран ЕС[3].

Благодаря политике протекционизма со стороны ЕС в 2023 г. объем китайского экспорта в Евросоюз снизился на 5,3 %, в то время как импорт Китая товаров из ЕС увеличился на 4,6 %. Однако в целом общий объем торговли между Китаем и ЕС сократился на 1,9 %. В Италии наблюдался аналогичный тренд: в 2023 г. объем торговли с Китаем сократился на 2 %, что сопровождалось снижением китайского экспорта на 6,7 % и ростом импорта на 6,8 %.

Италия официально покинула «Пояс и путь» в декабре 2023 г., став первой страной в мире, вышедшей из Инициативы. Правительство Итальянской Республики заявило, что результаты, достигнутые в ходе участия в инициативе, были недостаточными: не последовало инвестиций в инфраструктуру; итальянский экспорт в Китай вырос

другую в письменном виде о прекращении действия документа. В декабре 2023 г. правительство Италии официально уведомило китайскую сторону о том, что не собирается продлевать действие документа.

[1] G20, Meloni vede il premier cinese. E c'è l'addio alla Via della Seta // Corriere della sera URL: https://www.corriere.it/politica/23_settembre_09/g20-meloni-vede-premier-cinese-c-l-addio-via-seta-3f35b4fe-4f48-11ee-88f4-1ae26650d13b.shtml (accessed: 20.04.2025).

[2] Italy should not let siren call of Washington lead it astray from Belt and Road Initiative: China Daily editorial // China Daily URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202308/02/WS64ca3953a31035260b819f09.html (accessed: 29.05.2024).

[3] Anti-coercion instrument: the EU's new weapon to protect trade. European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230915STO05214/anti-coercion-instrument-the-eu-s-new-weapon-to-protect-trade (accessed: 20.04.2025).

незначительно — с 13 млрд евро в 2019 г. до 16,4 в 2022 г. В то время как китайский экспорт в Италию за это время увеличился почти в два раза — с 32 до 58 млрд евро[1].

Таблица, отражающая динамику торговли Китая с Италией, показывает, что присоединение Италии к китайской Инициативе «Пояс и путь» действительно не повлияло на объем ее торговли с КНР.

Таблица 1. **Годовой объем торговли, экспорт и импорт Китая с Италией с 2018 по 2024 г. (в 100 млн юаней)**

Год	Объем торговли	Экспорт (из Китая)	Импорт	Годовой прирост (+/- %)		
				торговля	экспорт	импорт
2018	3,577	2,188	1,389	6,4 %	10,6 %	0,4 %
2019	3,783	2,308	1,475	5,8 %	5,5 %	6,2 %
2020	3,819	2,283	1,536	0,9 %	-1,2 %	4,0 %
2021	4,778	2,819	1,959	25,2 %	23,6 %	27,6 %
2022	5,184	3,382	1,802	8,6 %	20,1 %	-8,0 %
2023	5,046	3,128	1,917	-2,0 %	-6,7 %	6,8 %
2024	5,161	3,287	1,874	2,3 %	5,1 %	-2,2 %

Источник: General Administration of Customs, People's Republic of China.

В 2024 г. ЕС по-прежнему являлся вторым по величине торговым партнером Китая, уступая лишь странам АСЕАН[2]. Китай остается для Италии главным торговым контрагентом в Азии и крупнейшим внеевропейским партнером после США. Италия занимает 22-е место среди рынков сбыта китайской продукции и 24-е среди поставщиков Китая. Объем торговли Китая с Италией в 2024 г. составил 516 млн юаней, с ростом в 2,3 % по сравнению с прошлым годом, причем экспорт из Китая, как обычно, больше импорта. Стоит отметить, что с 2023 г. экспорт из Китая вырос на 5,1 %, а импорт сократился на 2,2 %[3]. Основной статьей китайского импорта из Италии являются

[1] Via dalla seta, l'Italia prima al mondo ad uscire dall'accordo con la Cina. Che ha prodotto più danni che benefici. La Repubblica. URL: https://www.repubblica.it/economia/2023/12/06/news/via_della_seta_italia_cina_uscita-421591919/ (accessed: 20.04.2025).

[2] China-EU trade rises by 1.6 % in 2024, largely resilient despite some trade spats: General Administration of Customs. Global Times. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202501/1326779.shtml (accessed: 21.04.2025).

[3] China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2024 (in CNY) // General Administration of Customs, People's Republic of China URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/9f7b5f9e-3b3f-421b-8f4f-b5e613a03d2c.html (accessed: 21.04.2025).

фармацевтические препараты (4,72 млрд долл., 23 % общего импорта из Италии), следом идут текстиль, одежда, кожаные изделия и аксессуары (4,35 млрд, 21 %), машины и оборудование (4,02 млрд, 19 %). Основными товарами, экспортированными Китаем в Италию, стали компьютеры, электронные устройства (8,49 млрд долл., 17 % экспорта), электротехническое оборудование (6,98 млрд, 14 %), текстиль, одежда, кожаные изделия и аксессуары (6,71 млрд, 13 %)[1].

В июле 2024 г. состоялся первый с момента ее вступления в должность визит Дж. Мелони в Китай, где она была принята председателем КНР Си Цзиньпином. Переговоры прошли на фоне 20-летней годовщины установления «глобального стратегического партнерства» между Италией и Китаем. Лидеры двух стран обсудили ключевые аспекты двусторонних отношений, включая экономику, торговлю, а также партнерство в научной и культурной сферах, актуальные международные вызовы и вопросы глобального значения.

Мелони встретилась и с премьером Госсовета КНР Ли Цяном; в ходе встречи был подписан План действий по укреплению глобального стратегического партнерства между Китаем и Италией (2024—2027), в котором были выражены намерения расширить сотрудничество в области торговли, инвестиций, образования, охраны окружающей среды и продовольственной безопасности. В частности, Италия и Китай призвали к сбалансированному развитию двусторонней торговли. Стороны договорились расширять объем взаимных инвестиций, обеспечивая при этом прозрачную бизнес-среду и равные условия доступа к рынкам для компаний обеих стран. В этом контексте особое значение придается дальнейшему расширению деятельности Итало-Китайской экономической комиссии с целью развития делового сотрудничества.

Значительную роль в укреплении экономических связей должен сыграть и Итало-Китайский бизнес-форум, который служит платформой для диалога между правительствами и компаниями стран. Поддержка будет оказана и таким структурам, как Китайский совет по содействию международной торговле и Итальянское агентство по продвижению внешней торговли, а также их представительствам.

Стороны также заявили, что окажут необходимую поддержку деятельности Китайской торговой палаты в Италии и Итальянской тор-

[1] Osservatorio Economico Scheda di Sintesi: Cina // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale URL: https://www.infomercatiesteri.it/public/osservatorio/schede-sintesi/repubblica-popolare-cinese_122.pdf (accessed: 21.04.2025).

говой палаты в Китае, признавая важную роль организаций, занимающихся укреплением торговых связей и расширением инвестиций, а также предпринимательских ассоциаций двух стран в укреплении диалога и сотрудничества, предупреждении рисков и урегулировании возможных споров.

Мелони встретилась также с руководителем Шанхайского горкома Чэнь Цзинином. Центральной темой переговоров стало обсуждение экономических и торговых связей с Шанхаем, где сосредоточено наибольшее число итальянских предпринимателей в Китае. Стороны выразили заинтересованность в углублении сотрудничества в ключевых сферах, таких как промышленность, инновации, туризм и культура. Отдельное внимание было уделено поддержке взаимных инвестиций, прежде всего через развитие малого и среднего бизнеса[1].

4 октября 2024 г. страны ЕС проголосовали за предложение Еврокомиссии ввести компенсационные пошлины на импорт электромобилей из Китая. Это решение стало результатом расследования Еврокомиссии, которое показало, что китайские производители получают государственные субсидии, создающие несправедливое конкурентное преимущество на европейском рынке. Однако решение не было единогласным: десять стран, включая Италию, поддержали введение пошлин; пять выступили против, а двенадцать воздержались. После этого появилась информация о том, что Китай может приостановить переговоры по возможным инвестициям в те европейские страны, которые поддержали введение ограничительных мер. В частности, в Италии речь шла о возможных инвестициях китайской компании *Dongfeng Motors*. Компания обсуждала с итальянским правительством намерение создать производственное предприятие, однако после введения пошлин на китайские электромобили Китай пересмотрел свою инвестиционную стратегию и переговоры были остановлены[2]. *Changan Automobile* также отменила мероприятие по представлению своего бренда в Италии[3].

---

[1] Visita in Cina, Giorgia Meloni incontra Xi Jinping: promozione commerciale e investimenti. Le Cronache. URL: https://www.lecronachelucane.it/2024/07/29/visita-in-cina-giorgia-meloni-incontra-xi-jinping-promozione-commerciale-e-investimenti/ (accessed: 21.04.2025).

[2] La visita di Stato del Presidente Mattarella nella Repubblica popolare cinese // ISPI URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/la-visita-di-stato-del-presidente-mattarella-nella-repubblica-popolare-cinese-200203 (accessed: 21.04.2025).

[3] Dongfeng: Italia? No, grazie! Motori Online. URL: https://www.motorionline.com/dongfeng-italia-no-grazie/ (accessed: 21.04.2025).

В ноябре 2024 г. прошел второй со времени его избрания визит президента С. Маттарелла в Китай, в ходе которого также состоялись его встречи с Си Цзиньпином и Ли Цяном. В результате были подписаны десять соглашений в сферах торговли, кинематографа, научно-технического сотрудничества, туризма и сельского хозяйства. Три из этих соглашений были заключены в рамках Итало-Китайского культурного форума и подписаны министром иностранных дел Италии А. Таяни.

С началом 2025 г. в силу вступило Соглашение о предотвращении двойного налогообложения *(DTA),* направленное на снижение налогового бремени, предотвращение уклонения от налогов и стимулирование итальянских инвестиций в Китай.

Пункт соглашения о *Principal Purpose Test (PPT)* должен предотвратить заключение сделок с целью извлечения налогового преимущества, что помогает бороться с налоговыми схемами, известными как *treaty-shopping.* Помимо этого, были снижены налог на дивиденды до 5 % для акционеров с долей в компаниях, составляющей не менее 25 %; до 8 % налог для долгосрочных займов, используемых для инвестиционных проектов; налог на роялти с 7 % до 5 %; было упрощено налогообложение прироста капитала от продажи доли в компании[1].

Таким образом, нынешнее правительство Италии пытается сохранить уровень торгово-экономических отношений с КНР, несмотря на демарш с непродлением действия меморандума о присоединении к Инициативе «Пояс и путь». С одной стороны, заключение меморандума, действительно, не принесло итальянской стороне ожидавшегося роста китайских инвестиций и выравнивания торгового баланса в отношениях с Китаем, одновременно осложнив отношения Италии с европейскими партнерами и США. Однако при этом нельзя не признать, что итальянская сторона сама во многом способствовала этому, предприняв под давлением союзников меры по ограничению китайских инвестиций в страну. При этом Пекин, несмотря на явные имиджевые потери в результате выхода Италии из ИПП, продолжает рассматривать эту страну как одного из ключевых торгово-экономических партнеров в Южной Европе, проявляя завидное терпение и рассчитывая на сохранение Италии как покупателя китайских товаров и определенный плацдарм для дальнейшего проникновения на рынки ЕС.

[1] Italia, Cina — Nuovo DTA in vigore dal 2025: principali cambiamenti e implicazioni // Eurolink URL: https://eurolinkgeie.com/nuovo-dta-italia-cina-in-vigore-dal-2025/ (accessed: 21.04.2025).

Библиографический список

Алексеенкова Е.С. Италия в тисках американо-китайского противостояния // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. № 261. С. 23—31.

Алексеенкова Е.С. «Хлопок» вместо «шелка»: Италия на выходе из «Пояса и пути»// Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. Выпуск 4. № 27. С. 35.

Виноградов А.О. «Один пояс, один путь»: европейское измерение // Новый Шелковый путь и его значение для России / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. Москва: ДеЛи плюс, 2016. С. 189—206.

Виноградов А.О. Основные проблемы китайско-европейских отношений на современном этапе // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019—2021. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2022. С. 242—250.

Кулинич А. Д. Регулирование прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 1. С. 53—63. DOI: 10.15211/vestnikieran120245363.

References

Alekseenkova, E. (2021). Italiya v tiskah amerikano-kitajskogo protivostoyaniya [Italy in the grip of the US-China confrontation], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]:* 261: 23—31. (In Russian).

Alekseenkova, E. (2023). «Khlopok» vmesto «shelka»: Italiya na vykhode iz «Poyasa i puti» ["Cotton" instead of "silk": Italy at the exit from the Belt and Road], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]*, 27: 34—22. (In Russian).

Vinogradov, A. (2016) "Odin poyas, odin put": evropejskoe izmerenie [One Belt, One Road: the European Dimension], *Novyj Shelkovyj put' i ego znachenie dlya Rossii [The New Silk Road and its Significance for Russia]:*189—206. (In Russian).

Vinogradov, A. (2022) Osnovnye problemy kitajsko-evropejskih otnoshenij na sovremennom etape [The core issues of the sino-european relations at the present stage], *Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2019—2021. [The People's Republic of China: politics, economy, culture. 2019—2021]:* 242—250. (In Russian).

Kulinich, A. (2024). Regulirovanie pryamyh inostrannyh investicij v Evropejskom soyuze [Regulation of Foreign Direct Investment in the European Union], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]:* 37(1): 53 63. DOI: 10.15211/vestnikieran120245363. (In Russian).

* * *

Hanemann, T.; Huotari, M. (2017). Record flows and growing imbalances. Chinese Investment in Europe in 2016, *Papers on China:* 3.

La bilancia commerciale tra Italia e Cina è peggiorata dopo il memorandum per la "Nuova via della Seta". *Pagella politica*. URL: https://pagellapolitica.it/fact-checking/la-bilancia-commerciale-tra-italia-e-cina-e-peggiorata-dopo-il-memorandum-per-la-nuova-via-della-seta (accessed: 20 April, 2025).

La visita di Stato del Presidente Mattarella nella Repubblica popolare cinese, *ISPI* URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/la-visita-di-stato-del-presidente-mattarella-nella-repubblica-popolare-cinese-200203 (accessed: 21 April, 2025).

Osservatorio Economico Scheda di Sintesi: Cina. *Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale,* URL: https://www.infomercatiesteri.it/public/osservatorio/schede-sintesi/repubblica-popolare-cinese_122.pdf (accessed: 21 April. 2025).

Zhongguo he Yidali jiaqiang jingmao, wenhua he keji hezuo de xingdong jihua (2017—2020) [Action plan of China and Italy to strengthen economic, trade, cultural, scientific and technical cooperation (2017—2020)], *Embassy of the People's Republic of China*. URL: http://np.china-embassy.gov.cn/chn/zgwj/201705/t20170516_1554433.htm (accessed: 21 April, 2025). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 21.05.2025 Received: May 21, 2025
Принята к публикации: 30.06.2025 Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.66.006

А.К. Криворотов, Е.В. Серова

ОТНОШЕНИЯ КНР—СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА В «НОВОЙ» АРКТИКЕ

Аннотация. Президент Д. Трамп, вернувшись к власти в 2025 г., резко обострил отношения США и с КНР, и с государствами Северной Европы, особенно с Данией, от которой требует «уступить» ему Гренландию. В этих условиях северяне, не уверенные более в союзнической помощи США, усилили собственное военное строительство в Арктике, сопровождаемое антироссийской и антикитайской риторикой. Тем не менее, будучи объективно не заинтересованными в глобальных «торговых войнах», они стремятся сохранить и даже расширить контакты с Китаем, прежде всего по нейтральным вопросам, таким как экология и расширение взаимного товарооборота. Период после избрания Трампа был отмечен активизацией двусторонних обменов на министерских уровнях, мероприятиями по продвижению экспорта. Однако усиление подходов европейцев к КНР как к потенциальной угрозе национальной безопасности затрудняет торговое и, в еще большей степени, инвестиционное и научное сотрудничество. Результатами стали, в частности, уход китайских компаний из Гренландии и заметное ослабление контактов по линии полярных исследований. Сам Китай, столкнувшись с серьезным осложнением условий своей работы в мировой Арктике, может пересмотреть собственные подходы, сосредоточившись на более узких и менее амбициозных целях.

Ситуация будет оставаться неопределенной, пока Д. Трамп не обозначит свой принципиальный выбор — продолжит ли он прежнюю линию США на подавление Китая как стратегического конку-

рента или предпочтет, хотя бы на время, мирно поделить с ним сферы влияния. В последнем случае у сотрудничества Китая со странами Северной Европы откроются более благоприятные перспективы. Этот выбор прямо отразится и на интересах России как крупнейшей в мире и единственной в Азии арктической державы. Но, независимо от международной обстановки, именно Россия призвана играть в мировой Арктике ведущую роль, прежде всего, через эффективную реализацию собственной стратегии ее развития на внутреннем и на внешнем контурах, включая взаимовыгодное сотрудничество с КНР.

Ключевые слова: Арктика, Китай, Северная Европа, Трамп, Гренландия, двусторонние связи.

Авторы: *Криворотов Андрей Константинович*, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32). ORCID: 0000-0001-8983-5378; E-mail: krivorotov@starlink.ru

Серова Екатерина Вадимовна, старший преподаватель, заместитель директора Арктического центра, Петрозаводский государственный университет (адрес: 185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33). ORCID: 0000-0002-6137-4175; E-mail: katar.serova@gmail.com

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии Российской академии наук.

Для цитирования: Криворотов А.К., Серова Е.В. Отношения КНР — Северная Европа в «новой» Арктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 70—86. DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.66.006.

A.K. Krivorotov, E. V. Serova

China-Nordic relations in the 'new' Arctic

Abstract. Upon his return to the office in 2025, President Donald Trump aggravated U.S. relations dramatically with both China and the Nordic countries, especially with Denmark after his demands to sell Greenland. Under the circumstances, North Europeans, no longer sure of allied support from the U.S., have enhanced their own military buildup in the Arctic, accompanied by anti-Russian and anti-Chinese rhetoric. Nevertheless, they have no interest to get involved in global trade wars and seek to maintain, even expand their contacts with China, above all on neutral issues like environment or expanding mutual trade. The period after Trump's election was marked by intensified bilateral visits on ministerial level and

by export promotion missions. But the growing European attitude to China as a security risk complicates cooperation within trade, and even more so in investments and research. This has resulted among other in Chinese companies' withdrawal from Greenland and in much looser collaboration in polar research. China itself, facing the seriously harsher environment for its Arctic outreach, may revise its own approaches, focusing on narrower and less ambitious goals.

The situation will remain unclear until D. Trump takes a definite principal stand, whether he continues the previous U.S. pivot to counter China as a strategic competitor or opts, at least on a temporary basis, to divide spheres of control amicably. In this latter case, prospects for China-Nordic cooperation will be more favorable. This choice will also have an impact on Russia as the world's biggest and Asia's only Arctic nation. However, regardless of international trends, Russia is poised to play a leading role in the area, first and foremost by implementing efficiently its own Arctic development strategy on both domestic and external tracks, including a win-win cooperation with China.

Keywords: Arctic, China, Northern Europe, Trump, Greenland, bilateral relations

Authors: Andrey K. KRIVOROTOV, Dr. Sc. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0001-8983-5378; E-mail: krivorotov@starlink.ru

Ekaterina V. SEROVA, Senior Lecturer, Deputy Director of the Arctic Centre, Petrozavodsk State University (address: 33, Lenin Av., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6137-4175; E-mail: katar.serova@gmail.com

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support: The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Krivorotov, A.K.; Serova, E.V. (2025). Otnosheniya KNR — Severnaya Evropa v "novoj" Arktike [China-Nordic relations in the 'new' Arctic], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 70—86. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.66.006.

Приход к власти в США Президента Д. Трампа, круто изменивший всю систему международных отношений, непосредственно отразился и на мировой Арктике, служащей предметом повышенного внимания КНР. Весьма нестандартные подходы Трампа и к Китаю, и

к собственным европейским союзникам быстро сформировали качественно «новую реальность», требующую от всех заинтересованных сторон быстрого и адекватного реагирования.

Настоящая статья написана в мае 2025 г.; к моменту ее выхода в свет срок пребывания Трампа у власти более чем удвоится и обстановка, видимо, станет несколько яснее. Тем не менее, основные узловые вопросы и тенденции уже вполне определились и будут, видимо, носить достаточно длительный характер.

Трампизм и Арктика: «две с половиной» зоны влияния?

Для начала полагаем необходимым кратко обрисовать политический фон в Арктике (включая китайско-скандинавские отношения) до избрания Трампа.

Глобализация 1990-х годов, сняв былые политические барьеры, ознаменовалась налаживанием в Арктике многостороннего сотрудничества, до 2019 г. почти не затронутого общим похолоданием российско-западных отношений из-за Крыма. С начала XXI в. в Заполярье активно проникают и внерегиональные государства, среди которых наиболее масштабной и системной работой выделялась КНР. В 2013 г. Китай обрел статус наблюдателя в Арктическом совете (АС), а в 2018 г. опубликовал официальную Арктическую политику (Белую книгу), где прямо заявлено желание страны участвовать в освоении Арктики и управлении ею[1].

Государства Северной Европы — небольшие, лишенные великодержавных амбиций, но занимающие более четверти мировой Арктики и составляющие пять из восьми членов АС — привлекли тогда внимание китайских организаций как перспективная «точка входа» в новый макрорегион. Стороны активно развивали политические, научные, торгово-инвестиционные связи. США, уделявшие Арктике мало внимания, смотрели на эти контакты сквозь пальцы, хотя мы еще в 2013 г. на страницах журнала прогнозировали, что рано или поздно Вашингтон, спохватившись, начнет им препятствовать, пытаясь не столько «перекупить» европейцев своими вложениями, сколько оказывать политический нажим [Криворотов, 2013, с. 185].

[1] China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm (accessed: 27.04.2025).

Поворотным моментом стала речь госсекретаря США М. Помпео в Рованиеми (Финляндия) в 2019 г., где он обвинил Россию в «агрессивности», а Китай — в попытках под видом гражданских проектов установить в Арктике военное присутствие. С этого момента США начали подвергать страны Северной Европы, в особенности Исландию и Данию/Гренландию, растущему прессингу, требуя от них свертывания контактов с КНР и отказа от китайских инвестиций.

Ситуация резко ужесточилась в феврале—марте 2022 г., когда страны Запада на фоне украинских событий «поставили на паузу» сотрудничество с Россией в Арктике. Регион вновь оказался жестко разделен, но, впервые в истории, при широком участии внешних игроков. Западные страны, которые теперь все входят в НАТО, вовлекали структуры Североатлантического блока, Евросоюз, экологические НКО. США при этом навязывали союзникам узкое, специфично американское видение Арктики как площадки глобальной конфронтации с Китаем и Россией (причем именно первый считается основным противником) и низкоуглеродного перехода.

Россия, со своей стороны, планирует активно развивать свою Арктическую зону и приглашает к сотрудничеству заинтересованные государства, проводящие конструктивную или дружественную политику в отношении нашей страны. Наибольшие реальные перспективы имеются у КНР и Индии. Неслучайно аналитики ведущего американского мозгового центра РЭНД сообщали о намерениях США и их северных союзников по НАТО разработать отдельные стратегии взаимодействия с Москвой и Пекином в Арктическом регионе с целью ослабить сотрудничество между Китаем и Россией [Tingstad, Pezard, Shokh].

Многие авторы на Западе указывали, что без участия России невозможно решать насущные проблемы безопасности, климатической повестки и улучшения положения коренных народов Арктики [López-Blanco et al.; Zellen, pp. 266—285 и др.]. Тем не менее, ее политизированный раскол представлялся стойкой тенденцией, вполне органично выросшей из дискуссий в АС предшествующего десятилетия.

Д. Трамп принес с собой качественно иное видение будущей Арктики: США, поглотив Гренландию и Канаду, становятся мощнейшей полярной державой, уступающей только России; на Аляске развертывается очередной нефтегазовый бум (причем на сей раз обсуждаются

поставки СПГ оттуда не в материковый Китай, а на Тайвань[1]); открываются перспективы нового сотрудничества с Россией. Серьезной роли для НАТО американцы не видят не только в Арктике, но и в целом.

Последнее не означает, что США «уходят» из Северной Европы. Еще при Байдене были подписаны двусторонние соглашения о военном сотрудничестве с каждой из стран региона (и особо — с Гренландией) и американо-финско-канадский пакт ICE по строительству ледоколов, отставание в которых от России и Китая в США остро осознают[2]. Но в целом в трампистской картине мира европейская Арктика рискует резко маргинализироваться, «съежившись» до севера Скандинавского полуострова и узкого, уходящего в Ледовитый океан клина со Шпицбергеном в центре. Только здесь смогут найти себе применение НАТО и Евросоюз, и то с оговорками: Норвегия и Исландия не входят в ЕС, Шпицберген — демилитаризованная территория.

Главный фактор озабоченности северян связан с тем, что современная Россия воспринимается ими как непосредственная военная угроза, а они более не уверены в союзнической помощи США. И вопрос даже не столько в том, смогут ли ведущие европейские державы защитить арктический фланг НАТО без американцев, но захотят ли[3].

В наиболее сложном положении, безусловно, оказалась Дания, от которой Трамп вновь, как и в 2019 г., прямо потребовал «продать» ему Гренландию. Королевство при этом потеряет 98 % территории и покинет престижный «арктический клуб». На сей раз заявления Вашингтона звучат много настойчивее, обосновываются ссылками на интересы национальной безопасности и подкреплены визитами на остров представителей высшего руководства США. Причем, выступая 28 марта 2025 г. на американской базе Питуффик (бывшая Туле) на севере Гренландии, вице-президент США Дж.Д. Вэнс прямо аргументировал эти подходы интересами соперничества с Россией и КНР

[1] Herz N. Alaska's governor flew to Taiwan to sell LNG. China's not happy. URL: https://alaskabeacon.com/2025/04/19/alaskas-governor-flew-to-taiwan-to-sell-lng-chinas-not-happy/ (accessed: 22.04.2025).

[2] Волгин С., Гулиев И. Догнать Россию и перегнать Китай: новый ледокольный флот для Трампа. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dognat-rossiyu-i-peregnat-kitay-novyy-ledokolnyy-flot-dlya-trampa/ (accessed: 29.04.2025).

[3] Thorsson E. Can Europe defend the Arctic without the U.S.? // The Arctic Today. April 10, 2025. URL: https://www.arctictoday.com/can-europe-defend-the-arctic-without-the-u-s/ (accessed: 12.04.2025).

в Арктике, включая защиту острова от их «многочисленных, очень агрессивных поползновений»[1].

Готовность США развязывать глобальные тарифные войны и в традициях «классического» империализма вести территориальный передел с союзниками стала неожиданностью для всех, требуя срочной адаптации, в том числе от стран Северной Европы.

Политические контакты

Доминирующие в регионе настроения, пожалуй, хорошо выразил старший научный сотрудник Датского института международных исследований Ханс Моуритцен, отметивший, что Трамп отбросил традиционную американскую двойную игру: под флагом универсальных ценностей вторгаться в сферы интересов конкурентов, бдительно охраняя свою собственную. Вместо этого он готов через головы своих младших партнеров договориться с другими великими державами — Россией и Китаем — о разделе таких сфер. Конфликтный потенциал между ними «скорее геоэкономический, чем геополитический: грядет торговая, а не “настоящая” война». Обойденными при этом оказываются западноевропейцы, неспособные, как показала практика, достичь единства даже по столь значимому для них украинскому кризису. И если они хотят сохранить присутствие США в Европе, то им придется пойти по некогда весьма непопулярному пути «финляндизации». То есть, вести себя, как Хельсинки с послевоенным СССР: принять подчиненную роль, не выпячивать противоречий со старшим партнером, а в чем-то ему и уступать, дабы сохранить главное[2]. Кстати, именно финны после вступления в НАТО наиболее последовательно проводят проатлантическую линию во внешней политике и намеренно переориентируют свои торговые связи в Азии с КНР на Индию [Lajeunesse, Lackenbauer, p. 110; Serova, p. 4].

Стремясь реагировать на новые угрозы и поднять собственную значимость для США, северяне резко активизировали военное строительство, особенно в Арктике. Причем речь идет не только о Швеции

[1] Glebova D., Nelson S., Doornbos C. JD Vance rips into Denmark’s government, urges Greenland to embrace US for security and economy: ‘You have not done a good job‘ // New York Post. March 28, 2025.

[2] Mouritzen H. Hvordan sikres USA’s forbliven i Europa? Svaret er kollektiv finlandisering. URL: https://www.diis.dk/publikationer/hvordan-sikres-usas-forbliven-europa-svaret-kollektiv-finlandisering (accessed: 24.04.2025).

и Финляндии — этих, по выражению В.В. Путина, «новобранцах» НАТО[1], спешно переоборудующих свою территорию под задачи новых союзников — но и о давних членах блока. В Норвегии и Дании правящие партии заключили с оппозицией «оборонные компромиссы» о резком наращивании военных расходов. Так, норвежская армия вырастет с одной до трех бригад, из них две — за Полярным кругом. Военные приготовления северян сопровождаются риторикой об «укреплении китайско-российского военного сотрудничества в Арктике», что, безусловно, создает негативный информационный фон. Его усиливают инциденты с повреждением подводной инфраструктуры на Балтике. В двух из них Финляндия и Швеция прямо обвинили суда из КНР, причем в одном случае китайцы признали свою вину, пусть и неумышленную.

Особый случай являет собой Гренландия. Датчане «обороняют» ее, прежде всего, от США, действуя по нескольким направлениям: твердо заявляют, что остров не продается, заручившись поддержкой Евросоюза и генсека НАТО; тесно взаимодействуют с местными властями, чтобы притушить сецессионизм; разъясняют, что у США на Гренландии уже имеется воинский контингент, который при необходимости может быть увеличен. И в этом же ряду расширяют собственное военное присутствие. Правительство Дании 27 января 2025 г. заключило с органами самоуправления Гренландии и Фарерских островов первое частичное соглашение (второе обещано до конца года) об усилении обороны Арктики, включая строительство трех боевых кораблей и двух разведывательных дронов[2]. Новое коалиционное правительство острова, сформированное после выборов в марте 2025 г., держит курс на неускоренное самоопределение и всестороннее, но равноправное сотрудничество с США.

В этих дискуссиях постоянно фигурировала тема Китая, хотя отношения с ним фактически свернуты. Позицию самой КНР отразила жесткая редакционная статья газеты China Daily. В ней отмечалось, что лидеры США, разглагольствуя о «китайской угрозе» Гренландии, не скрывают, что их подлинные интересы — расширение военного присутствия на острове, доступ к его ресурсному и транзитному потенциалу. «В то время, как Вашингтон давит, угрожает и милитаризу-

[1] Международный форум «Арктика — территория диалога». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76554 (дата обращения: 01.04.2025).

[2] Denmark boosts Arctic defence spending by $2.1 billion, responding to US pressure. URL: https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/denmark-announces-21-bln-arctic-military-investment-plan-2025-01-27/ (accessed: 28.01.2025).

ется, Пекин создавал в Арктике экономические партнерства и инфраструктурные инвестиции, не требуя допуска своих военных или смены режимов»,— подчеркнула редакция. По иронии судьбы, ярлык «государства-изгоя», который США любят наклеивать на неугодные страны, более всего подходит им самим[1].

Серьезные подвижки произошли в Исландии, наладившей очень тесные отношения с КНР [Бабаев]. Еще в ноябре 2024 г. консервативный американский аналитик М. Рубин назвал ее «троянским конем Китая» в Арктике и НАТО[2]. Но спустя буквально неделю по итогам парламентских выборов 2024 г. пришло к власти проатлантическое правительство, скептически настроенное к КНР. Новая министр иностранных дел Т.К. Гуннарсдоттир более всего озаботилась скорейшим оформлением внешней и оборонной политики (что довольно необычно для страны, не имеющей собственной армии), делая упор на НАТО, двусторонние связи с США и с соседями по Северу Европы[3].

Несмотря на это, политических контактов с Китаем северяне не прекратили и даже стремятся их оживлять. Видимо, во избежание обострений с США упор делается на нейтральные темы: зеленую энергетику, бизнес, экологию, гендерное равенство. Сотрудничество в Арктике, недавно столь популярное, нигде не упоминается.

Наиболее решительно поступал премьер-министр Норвегии Й. Гар Стёре, нанесший продуктивные официальные визиты и в Пекин (сентябрь 2024 г.), и в Вашингтон (24 апреля 2025 г.), где встречался с главами обоих государств. С Китаем, в числе прочего, инициирован «океанический диалог» хозяйственно-экологической направленности. Позиции Норвегии благоприятны: она не входит в ЕС, имеет отрицательное сальдо с США, экономика устойчива к сбоям в торговле с КНР благодаря колоссальному нефтяному фонду, половина средств которого, кстати, вложена в американские акции. В ноябре 2024 — апреле 2025 гг., уже при Трампе, Китай также посетили министр рыболовства и моря Норвегии М. Сивертсен Нэсс, министр по делам сотрудничества и внешней торговли Швеции Б. Дуз (первый контакт на таком уровне за шесть лет), министр продовольствия,

[1] Greenland should make 'rogue state' go away // China Daily. March 31, 2025. P. 8.

[2] Rubin M. Iceland: China's Trojan Horse in Europe? // National Security Journal. November 22, 2024. URL: https://nationalsecurityjournal.org/iceland-chinas-trojan-horse-in-europe/ (accessed: 29.04.2025).

[3] Minister announces defence policy formulation and actions. 12 March 2025. URL: https://www.government.is/news/article/2025/03/12/Minister-announces-defence-policy-formulation-and-actions/ (accessed: 13.03.2025).

сельского хозяйства и рыболовства Дании Я. Йенсен, главы двух департаментов МИД Исландии. Почти все визиты были приурочены к мероприятиям по продвижению экспорта.

Экономические и научные связи

Практическое сотрудничество, однако, тоже не беспроблемно. Китай является для всех северных стран крупнейшим торговым партнером в Азии — поставщиком товаров ширпотреба, электроники, ряда видов стратегического сырья и, одновременно, очень емким и привлекательным рынком сбыта. Развязывание полномасштабной торговой войны США с КНР сильнее всего ударит не по ним самим, а по европейцам из-за перенаправления китайского экспорта, блокированного высокими американскими тарифами, на рынки Европы[1]. По оценкам датских экономистов, их стране это нанесет ущерб в 85 млрд дат. крон (около 13 млрд долл. США) и потерю 30 тыс. рабочих мест[2]. Поэтому скандинавы, избирательно поддерживая американские санкции на поставку в КНР продукции военного или двойного назначения, к общеэкономическим мерам не присоединяются и, напротив, продолжают и в такой обстановке изыскивать возможности расширения товарооборота.

Так, шведский кабинет министров во главе с У. Кристерссоном, сформированный в октябре 2022 года, последовательно выступает за снятие барьеров для ведения бизнеса с КНР. Показательно, что в октябре 2024 г. Швеция не поддержала предложение Еврокомиссии ввести импортные компенсационные пошлины в отношении электромобилей китайского производства [Sydow von, s. 32—33]. Хотя переговоры КНР—Норвегия о зоне свободной торговли не ведутся с 2021 г., инициатива группы депутатов формально их заморозить из-за украинского кризиса была отклонена в парламенте подавляющим большинством голосов (97 против 4). Представители правительства и крупнейших фракций отмечали значимость КНР как торгового партнера и ее достаточно сдержанную, хотя и солидарную с Россией, линию по Украине[3]. В апреле 2025 г. прошли заседания китайско-нор-

[1] Sverdrup-Thygeson B. Europa i knipetangen // NRK. 8. november 2024. URL: https://www.nrk.no/ytring/europa-i-knipetangen-1.17117745 (accessed: 23.04.2025).

[2] Bartels Kastrup Chr., Vikkelsø Chr. Handelskrige kan sv?kke dansk økonomi med 85 mia. kr. URL: https://www.danskindustri.dk/arkiv/analyser/2024/9/handelskrige-kan-svakke-dansk-okonomi-med-85-mia.-kr (accessed: 23.04.2025).

[3] Sak nr. 15 // Stortingstidende. Referat fra møter i Stortinget. Sesjonen 2021—2022. Nr. 87. 3. juni. S. 4346-4349, 4376.

вежской и (после восьмилетнего перерыва) китайско-шведской смешанных комиссий по торговле. Тогда же в Пекине были подписаны три датско-китайские торговые соглашения, в том числе о заметном облегчении режима поставок дикой (не выращенной) рыбы в КНР, что, по прогнозам, поможет Гренландии серьезно нарастить обороты главной статьи своего экспорта[1].

В то же время, все более актуальным и конфликтным сюжетом становится торговля критически значимыми минералами. В свете линии США и Евросоюза на понижение зависимости от их поставок из КНР, воспринимаемой как серьезная уязвимость [Калантзакос, с. 23—26; Сафронова, с. 77—81], скандинавы готовы частично заместить Китай, выступая его конкурентом. Особую значимость в этой связи приобретают залежи редкоземельных металлов (РЗМ) в Гренландии и недавно открытые на крайнем Севере Швеции, близ Кируны.

Отношение к китайским инвестициям в Скандинавии, в начале 2010-х годов вполне доброжелательное, затем неуклонно ухудшалось. Сказывались общий негативный медиа-фон о КНР (муссирование тем прав человека, Гонконга и др.), а также регулярные публикации местных контрразведок и давление США, рассматривающих такие вложения через призму угроз национальной безопасности. Китайские компании, ощутив это, со временем всё менее выпукло обозначали свое участие в проектах по добыче РЗМ в Гренландии, однако, все равно оказались оттуда выдавлены [Sverdrup-Thygeson, Mathy; Andersson, Zeuthen]. В Швеции китайцы в 2015—2019 гг. приобретали по 9—10 компаний в год (в рекордном 2017 г. — 15), затем пошел резкий спад, до всего одной в 2023 г.

Еще сложнее ситуация с арктическими исследованиями. Ее двусмысленность признало само правительство Норвегии в свежем (март 2025 г.) докладе по научной политике: Китай — единственная страна, имеющая статус приоритетного партнера в сфере высшего образования и НИОКР, которую при этом же норвежские спецслужбы открыто называют фактором угрозы[2].

Отметим, что сами китайские ученые продолжают наращивать объемы работ. Доля их статей о Северном Ледовитом океане в рецен-

---

[1] Munk Veirum T. Ny aftale med Kina kan hjælpe grønlandsk eksport // Sermitsiaq, 22. april 2025. URL: https://www.sermitsiaq.ag/samfund/ny-aftale-med-kina-kan-hjaelpe-gronlandsk-eksport/2224169 (accessed: 22.04.2025).

[2] Meld. St. 14 (2024—2025). Sikker kunnskap i en usikker verden. Oslo: Kunnskapsdepartementet, 2025. S. 58. (In Norwegian).

зируемых научных журналах возросла за 2000—2024 гг. в 5 раз, с 2 % до 10 %, на фоне резкого падения вклада ученых США (с 30 % до 14 %). Доля российских авторов держится на уровне 8—9 %[1]. Летом 2024 г. в Арктике впервые вели исследования сразу три китайских ледокола: «Сюэлун-2», «Чжуншань дасюэ дзиди» и только что построенный «Цзиди» [Paul, p. 1]. В конце декабря 2024 г. в Гуаньчжоу состоялся спуск на воду еще одного ледокольного научно-исследовательского судна «Тансуо Санхао», приспособленного для спуска обитаемых подводных аппаратов. Ожидалось, что летом 2025 г. ученые КНР смогут с его помощью вторыми в мире спуститься на дно в точке Северного полюса[2].

Но в европейской Арктике условия для их работы ухудшаются. Американцы (в частности, спецкомитет Палаты представителей США по делам КПК, в открытом письме к главам Госдепартамента и Пентагона в октябре 2024 года[3]) все настойчивее заявляют, что на китайско-исландской полярной станции Каурхоутль на севере острова и китайской «Желтая река» на Шпицбергене могут вестись «исследования двойного назначения». В этом их поддерживали представители властей обеих стран, особенно при нынешнем правительстве Исландии[4]. Открыть третью станцию, на Гренландии, китайцам не разрешили. В апреле 2025 г. норвежцы по формальным основаниям демонстративно потребовали убрать статуи львов, уже 20 лет украшавшие вход на станцию «Желтая река».

По общему мнению, сбавляют обороты флагманские проекты, основанные еще в 2013 г. — авторитетная международная конференция «Арктический круг», намеренно открытая для неарктических государств [Белухин], которую Исландия впервые презентовала именно в КНР, и Китайско-североевропейский центр арктических исследо-

[1] Landriault M. Chinese scientists are increasingly shaping the future of the Arctic amid China's rising presence // The Conversation. June 5, 2024. URL: https://theconversation.com/chinese-scientists-are-increasingly-shaping-the-future-of-the-arctic-amid-chinas-rising-presence-230509 (accessed: 29.04.2025).

[2] Chen Bowen. TAN SUO SAN HAO to pioneer future of deep-sea exploration // China daily. 29 December 2024; China Set To Become 2nd Nation To Explore Arctic Seafloor With Manned Mission. URL: https://www.marineinsight.com/shipping-news/china-set-to-become-2nd-nation-to-explore-arctic-seafloor-with-manned-mission/ (accessed : 26.04.2025).

[3] Letter to Pentagon and State Department on Chinese Military Research in the Arctic // The Select Committee on the Chinese Communist Party. October 17, 2024. URL: https://selectcommitteeontheccp.house.gov/media/letters/letter-pentagon-and-state-department-chinese-military-research-arctic (accessed: 17.04.2025).

[4] Lanteigne M. Kina i et usikkert Arktis // Nordnorsk debatt. 09.03.2025. URL: https://www.nordnorskdebatt.no/kina-i-et-usikkert-arktis/o/5-124-353793. (accessed; 12.03.2025).

ваний. Последний расширил число участников с 10 до 16, устраивает регулярные симпозиумы, но из него вышли шведские учреждения, сайт не обновлялся с лета 2024 г.

Вместо заключения

Приведенный краткий обзор наглядно показывает, насколько осложнились сейчас условия работы с КНР для малых стран Запада. Дилемму емко обрисовало норвежское правительство во впервые принятой Стратегии национальной безопасности (май 2025 г.): «Китай бросает вызов правилам игры и ценностям, базовым для безопасности, роста и благосостояния Норвегии... Одновременно с этим, из-за его масштабов, мощи и экономического потенциала многие крупнейшие проблемы современности без сотрудничества с Китаем решены быть не могут»[1].

Скандинавы, вполне в китайском духе, осторожно прощупывают каждый шаг, пытаясь определить границы возможного, тонко балансируя свои выгоды и риск попадания в тиски противостояния великих держав. Норвежцы официально называют такую линию «сотрудничеством, основанном на интересах», и эти интересы нередко внутренне противоречивы.

Столь же заметно затруднилась и работа самого Китая в Арктике. Безусловно, органы его внешнеполитического планирования должны были допускать, что рано или поздно натолкнутся там на сопротивление, особенно после включения Заполярья в инициативу «Пояс и путь». Но, судя по нынешней сдержанности страны, сила этого сопротивления явно превзошла ожидания. В марте 2025 г. авторитетная газета South China Morning Post сообщила: «Эксперты и инсайдеры ожидают, что Китай пересмотрит свою арктическую политику — включая амбиции стать великой полярной державой к 2030 г. — на фоне все более пристального внимания к себе дальних северных стран и возможной договоренности США с Россией о сотрудничестве в регионе». Отмечалось, что КНР уже узко сосредоточилась в Арктике на НИОКР и избегает называть себя «приарктическим государством»[2]. Но перспективы даже ее полярных исследований в Скандинавии достаточно туманны.

---

[1] Nasjonal sikkerhetsstrategi. Oslo: Statsministerens kontor, [2025]. S. 12.

[2] Sylvie Zhuang. Warming US-Russia ties could put China's Arctic ambitions on ice, experts warn // South China Morning Post. 16 March 2025. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3302384/warming-us-russia-ties-could-put-chinas-arctic-ambitions-ice-experts-warn (accessed: 18.03.2025).

Неопределенность будет сохраняться до тех пор, пока не прояснится фундаментальная стратегия Д. Трампа — продолжит ли он линию своих предшественников на подавление Китая как стратегического конкурента США или предпочтет, хотя бы на время, мирно поделить с ним сферы влияния. Каждый из этих сценариев мощно затронет Арктику как сферу интересов обеих держав. Если Трамп замкнется на узких национальных интересах, заняв весь север Америки и безраздельно контролируя ее юг, то у скандинавов, предоставленных самим себе, появятся и возможности, и интерес к развитию сотрудничества с КНР. Если же США вернутся (при этом или следующем президенте) к глобальной конфронтации, то Север Европы будет полностью «мобилизован», что грозит дальнейшим свертыванием контактов с Китаем к ущербу для обеих сторон и для панарктического сотрудничества в целом. При этом по своей значимости для КНР и США Арктика со всеми своими жителями несравнима с проблематикой «тарифных войн», ситуации вокруг Тайваня или в Южно-Китайском море. Она останется лишь второстепенным театром, объектом потенциальных «разменов» или компромиссов.

Эти соображения имеют прямое отношение к интересам нашей страны. В противостоянии КНР и США особое место будет отведено именно российской Арктике, с ее уникальным военно-географическим положением (выход и в Европу, и на север Тихого океана), транзитными возможностями, запасами ископаемого топлива и руд, включая РЗМ. Очевидно, что созданный Китаем крупный и дорогостоящий потенциал полярных исследований будет искать себе достойного применения. И, сталкиваясь с затруднениями в Америке и Европе, с удвоенной энергией устремится в Россию.

Объективно возрастает и давний интерес судовладельцев КНР к транзиту по Севморпути [Липунов, с. 81—82, 87], поскольку под давлением США китайские фирмы принуждают продать свои порты на обоих концах Панамского канала. В этой связи стоит упомянуть решение о создании новых зон контроля выбросов в арктических водах Канады и Норвежском море, принятое в начале октября 2024 г. на 82-й сессии Комитета Международной морской организации по защите морской среды. На полях прошедшей вскоре XIII Китайско-российской арктической академической встречи в г. Циндао подчеркивалось, что Китай воспринимает это не иначе как вызов существующей системе прохода иностранных судов по трассе Севморпути, требующий от России активных шагов с привлечением КНР и других стран-партнеров, в том числе в рамках БРИКС.

Россия и Китай, как вновь подчеркнуто в Совместном заявлении от 8 мая 2025 г., выступают за сохранение в Арктике мира и стабильности, предотвращение в этом регионе военно-политической напряженности. Однако нашей стране необходимо быть готовой к любому сценарию. Ей было бы равно невыгодно предстать объектом как для распри, так и для очередной трамповской «большой сделки».

Представляется, что главное слово здесь должна сказать сама Россия как крупнейшая в мире и единственная в Азии арктическая держава — прежде всего, через эффективную реализацию стратегии развития собственной Арктической зоны на внутреннем и на внешнем контурах. Упор при этом необходимо делать не только на укрепление военного потенциала и добычу полезных ископаемых, но и на их глубокую переработку внутри страны, наращивание передовых научно-технических разработок, создание примеров подлинно взаимовыгодного сотрудничества в Арктике с Китаем и со всеми заинтересованными государствами.

Библиографический список

Бабаев К.В. Исландия и Китай: Стратегическое партнёрство в Арктике и Евроатлантике // Современная Европа. 2023. № 2. С. 33?48. DOI: 10.31857/S02017083 23020031.

Белухин Н.Е. Исландия: от «отшельника Атлантики» к «вратам в Арктику»? // Россия и Америка в XXI веке : электронный научный журнал. 2024. № 4. URL: https://rusus.jes.su/s207054760030774-8-1/ (дата обращения: 12.02.2025). DOI: 10.18254/S207054760030774-8.

Калантзакос С. Редкоземельные элементы и геополитика Китая. Санкт-Петербург: Библиороссика, 2024. 328 с.

Криворотов А.К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 158—192.

Липунов Н.С. Образы Северного морского пути в российском официальном дискурсе (2008—2024) // Международная аналитика. 2025. Том 16 (1). С. 78—98. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-78-98.

Сафронова Е.И. Редкоземельные элементы и геополитическое значение БРИКС // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 6. С. 74—90. DOI: 10.31857/S0131281224060058/

References

Babaev, K.V. (2023). Islandiya i Kitay: Strategicheskoe partnyorstvo v Arktike i Evroatlantike [Iceland and China: Strategic partnership in the Arctic and Euro-Atlantic],

Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe], 2: 33—48. (In Russian). DOI: 10.31857/S0201708323020031

Belukhin, N.E. (2024). Islandiya: ot "otshelnika Atlantiki" k "vorotam v Arktiku"? [Iceland: from 'hermit of the Atlantic' towards 'gateway to the Arctic'?], *Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in 21st century]*: 4. URL: https://rusus.jes.su/s207054760030774-8-1/ (accessed 12.02.2025). (In Russian). DOI: 10.18254/S207054760030774-8.

Kalantzakos, S. (2018). China and the Geopolitics of Rare Earths. *New York: Oxford University Press*, 248 p.

Krivorotov, A.K. (2013). Arkticheskaia aktivizatsiya Kitaya: vzglyad iz Skandinavii [China's Arctic activation: a view from Scandinavia], *Kitay v mirovoi i regional'noi politike, Istoriia i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 18: 158?192. (In Russian).

Lipunov, N.S. (2025). Obrazy Severnogo morskogo puti v rossiyskom ofitsialnom diskurse (2008—2024) [Images of the Northern Sea Route in the Russian Official Discourse (2008—2024)], *Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics]* 16(1): 78—98. (In Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-78-98.

Safronova, E.I. (2024). Redkozemelnye elementy i geopoliticheskoe znachenie BRICS [Rare Earth Elements and the Geopolitical Significance of BRICS], *Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Studies],* 6: 74—90. (In Russian). DOI: 10.31857/S0131281224060058/

* * *

Andersson, P.; Zeuthen, J.W. (2024). How China Left Greenland. Mutually Reinforcing Securitization Policies and Chinese Mining Plans in Greenland. In: Jacobsen, M.; W?ver, O., Pram Gad, U. (Eds.) Greenland in Arctic Security. (De)securitization Dynamics under Climatic Thaw and Geopolitical Freeze. *Ann Arbor: University of Michigan Press :* 175—195. DOI: 10.3998/mpub.12676130.

Lajeunesse, A.; Lackenbauer, W.P. (2024). Selling the 'Near-Arctic' State. China's Information and Influence Operations in the Arctic. *Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars,* 180 p.

López-Blanco, E.; Topp-Jørgensen, E.; Christensen T.R.; Rasch, M.; Skov, H.; Arndal, M.F.; Bret-Harte, S.; Callaghan, T.S.; Schmidt, N.M. (2024). Towards an increasingly biased view on Arctic change, *Nature Climate Change*: 14: 152—155. DOI: 10.1038/s41558-023-01903-1.

Paul, M. (2025). China's Arctic turn: reasons, developments, perspectives. *SWP Comment,* 8: 1—5. DOI: 10.18449/2025C08.

Serova, E. (2025). Dynamics of Nordic-Asia Relations Post Finland and Sweden's Accession to NATO. *Strategic Analysis*, 04 March 2025. URL: https://doi.org/10.1080/09700161.2025.2459574 (accessed 12 April, 2025) DOI: 10.1080/09700161.2025.2459574.

Sverdrup-Thygeson, B.; Mathy, E. (2020). Norges debatt om kinesiske investeringer: Fra velvillig til varsom [Norway's Debate about Chinese Investments: From Benevolence to Caution], *Internasjonal politikk [International politics]*: 78: 1: 79—92. DOI: 10.23865/intpol.v78.2078 (In Norwegian).

Sydow, A. von (red.) (2025). Sverige och Kina i återblick 2024 [Sweden and China, 2024 lookback]. [Stockholm]: *Nationellt kunskapscentrum om Kina,* 63 s. (In Swedish).

Tingstad, A.; Pezard, S.; Shokh, Y. (2024). China-Russia Relations in the Arctic. What Are the Northern Limits of Their Partnership. *Santa Monica: RAND Publishers*, 20 p.

Zellen, B.S. (2024). Arctic Exceptionalism. Cooperation in a Contested World. *London: Lynne Rienner Publishers*, v, 327 p.

Поступила в редакцию: 18.05.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: May 18, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.25.46.007

А.Ч. Мокрецкий

ОБ АРКТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ НЕАРКТИЧЕСКОЙ АЗИАТСКОЙ ПЯТЕРКИ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу арктических стратегий пяти неарктических государств (Китая, Японии, Индии, Республики Корея и Сингапура), которые в 2013 г. стали странами — партнерами Арктического совета.

Современная арктическая политика КНР ставит следующие цели и задачи: изучение, защиту, использование и участие в управлении регионом; отстаивание общих интересов всех государств и международного сообщества в Арктике, содействие устойчивому развитию региона Северного полюса.

Япония же, реализуя арктическую стратегию, решает целый ряд задач национального развития, которые обусловлены ее положением как крупной морской державы, так и одного из глобальных технологических лидеров.

Индия стремится диверсифицировать свою стратегию в Арктике, разворачивая в регионе различные научно-исследовательские программы и надеясь, что рост политической значимости страны позволит укрепить ее геополитические позиции и на Северном полюсе, и в Арктическом совете.

Для Республики Корея Арктика представляет растущий интерес с точки зрения геоэкономики и геополитики. Энергетическая безопасность страны, объемы торговли и производства, а также развитие науки во многом зависят от полярных ресурсов.

Республика Сингапур, несмотря на отсутствие официального документа, декларирующего ее позицию в отношении Арктики, имеет собственные интересы в регионе, обусловленные перспективами Се-

верного морского пути как конкурента страны в качестве глобального транспортного узла, а также опасениями последствий таяния морских льдов.

Согласно нормам международного права и Конвенции ООН по морскому праву, вся неарктическая пятерка активно пользуется существующими привилегиями, такими как правом на проведение научных исследований, свободу навигации (судоходство) и полетов, рыболовство, прокладку подземных кабелей и трубопроводов в акватории Северного Ледовитого океана, а также на разведку и освоение природных ресурсов в международном районе морского дна.

Вместе с тем, детально разработанные стратегии и программные документы этих стран (за исключением Сингапура, у которого отсутствует официальный проект) говорят о том, что изначально сугубо научно-исследовательские интересы все более приобретают геополитическую и геоэкономическую «окраску».

Ключевые слова: Арктика, стратегия, Китай, Япония, Индия, Республика Корея, Сингапур.

Автор: *Мокрецкий Александр Чеславович*, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0002-5150-7747; E-mail: 88am@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Мокрецкий А.Ч. Об арктических стратегиях неарктической азиатской пятерки // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 87—104. DOI: 10.48647/ICCA.2025.25.46.007.

A. Ch. Mokretskii

On the Arctic Strategies of the Non-Arctic Asian Five

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the Arctic strategies of five non-Arctic states (China, Japan, India, the Republic of Korea and Singapore), which in 2013 became partner countries of the Arctic Council.

The contemporary Arctic policy of the People's Republic of China pursues the following goals and objectives: to study, protect, use and participate in the management of the region; to defend the common interests of all states and the international community in the Arctic, and to promote the sustainable development of the North Pole.

By implementing the Arctic strategy, Japan is solving a number of national development tasks, which are conditioned by both the positions of a major maritime power and one of the global technological leaders.

India is seeking to diversify its strategy in the Arctic by deploying various research programs in the region and hoping that the country's growing political importance will strengthen its geopolitical positions both at the North Pole and in the Arctic Council.

The Arctic is of growing interest to the Republic of Korea from the point of view of geo-economics and geopolitics. The country's energy security, trade and production volumes, as well as the development of science largely depend on polar resources.

Despite the absence of a relevant official document on the Arctic, the Republic of Singapore has its own interests in the region, due to the potential challenge that the Northern Sea Route could pose to Singapore's role as a global transport hub, as well as the consequences of melting sea ice.

According to the norms of international law and the UN Convention on the Law of the Sea (UNCLOS III), the entire non-Arctic five actively enjoys existing privileges, such as the right to conduct scientific research, freedom of navigation and flights, fishing, laying underground cables and pipelines in the Arctic Ocean, as well as exploration and development of natural resources in the international area of the seabed.

At the same time, the detailed strategies and program documents of these countries (with the exception of Singapore, which does not have an official draft) indicate that their research interests are increasingly acquiring geopolitical and geo-economic features.

Keywords: Arctic, strategy, China, Japan, India, Republic of Korea, Singapore.

Author: Alexander Ch. MOKRETSKII, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5150-7747; E-mail: 88am@mail.ru

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Mokretskii A.Ch. Ob arkticheskikh strategiyakh nearkticheskoy aziatskoy pyaterki [On the Arctic strategies of the non-Arctic Asian Five], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 87—104. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.25.46.007.

Введение

Арктика в XXI веке становится регионом большой геополитической и геоэкономической «игры» между ведущими державами мира. Все государства, входящие в Арктический совет (далее АС)[1], имеют свои программные документы и стратегии по освоению и использованию арктического региона в рамках собственных национальных интересов.

Наша страна не является исключением. Выдающийся советский и российский ученый-китаевед академик М.Л. Титаренко часто вспоминал основоположника российской науки, энциклопедиста М.В. Ломоносова, который еще в середине XVIII в., во время укрепления централизованного российского государства в виде Российской империи, сформулировал три стратегические задачи, которые должно было решить российское государство, чтобы обеспечить для себя устойчивое и нормальное развитие и играть отведенную ему историей роль [Титаренко]. Фундаментальной сутью этих трех программных задач являлись:

Во-первых, как подчеркивал М.В. Ломоносов, — «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» (Цит. по [Титаренко]).

Во-вторых, «когда ему... желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана» (Цит. по [Титаренко]).

Третья задача, опосредованно связана с Арктикой, тем не менее актуальна и по сей день. Речь идет о «сбережении» и «приумножении российского народа» не менее чем миллионом новорожденных в год. В этой же связи великий ученый придавал большое значение налаживанию добрых отношений русского населения с коренными народами Сибири и Дальнего Востока, исключающих взаимное истребление (Приводится по [Титаренко]).

Геополитический соперник, противник и конкурент РФ — США тоже разработали концептуальные основы своего арктического курса. До своего «второго пришествия» в Вашингтон ныне действующий американский президент Д. Трамп объявил, что Канаде лучше стать 51-м штатом, а крупнейший в мире остров — Гренландию, принадле-

[1] Межправительственная организация арктических государств, наиболее авторитетный орган по международному взаимодействию в Арктике. Действует с 1996 г.

жащий Дании, посчитал правильным сделать американским, прежде всего для «обеспечения международной безопасности»[1].

Согласно данным официальной страницы АС[2], в его состав входят 8 арктических государств[3], 6 постоянных участников, представляющих коренные народы Арктики[4], 6 рабочих групп[5] и 38 наблюдателей, среди которых 13 стран, 13 международных и 12 неправительственных организаций.

Итак, учитывая вышеизложенное, автор и посвящает данную статью изучению, сравнительному анализу аналогий и различий в арктических стратегиях пяти неарктических государств, получивших статус наблюдателей АС по итогам 8-й министерской встречи стран-членов в шведском городе Кируна 15 мая 2013 г., а именно: Китая, Индии, Сингапура, Республики Корея и Японии.

Китай

Спустя два года после получения Китаем статуса наблюдателя в Арктическом совете, в Пекине 26—27 ноября 2015 г. состоялась 9-я всекитайская конференция политологов на тему «Новые пространства в дипломатии и международных отношениях. Новые тренды: изучение теории и практики». В нем приняли участие известные китайские и зарубежные эксперты в области мировой политики, международных отношений и глобальной безопасности.

Приняв участие в очередном Всемирном экономическом форуме в Давосе, председатель КНР Си Цзиньпин остановился в штаб-квартире ООН в Женеве, где 18 января 2017 г. выступил с речью «Вместе создавать сообщество [единой] судьбы человечества». Среди прочего

---

[1] Трамп с мечом: Президент США вновь обещал присоединить Гренландию силой // Российская газета. 05.05.2025. URL: https://rg.ru/2025/05/05/tramp-s-mechom-prezident-ssha-vnov-obeshchal-prisoedinit-grenlandiiu-siloj.html (дата обращения: 05.05.2025).

[2] Арктический совет. URL: https://arctic-council.org/ru/ (дата обращения: 05.05.2025).

[3] Канада, Королевство Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Российская Федерация, Швеция и Соединенные Штаты Америки.

[4] Алеутская международная организация, Арктический совет атабасков, Международный совет гвичинов, Инуитский приполярный совет, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Союз Саамов.

[5] Рабочая группа по устранению загрязнения Арктики; Рабочая группа по реализации программы арктического мониторинга и оценки; Рабочая группа по сохранению арктической флоры и фауны; Рабочая группа по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций; Рабочая группа по защите арктической морской среды; Рабочая группа по устойчивому развитию в Арктике.

китайский лидер озвучил «новые области сотрудничества для всех сторон» (gefang hezuo de xin jiangyu). К ним относятся интернет-пространство, два полюса, космос и глубоководные моря. Как подчеркнул Си Цзиньпин, эти «новые области» не должны становиться ареной для геополитических игр, поэтому необходимо соблюдать принципы мира, суверенитета, преференций (или всеобщего блага) и совместного управления[1].

Через год после выступления Си Цзиньпина в Женеве, 26 января 2018 г., Пресс-канцелярия при Госсовете КНР выпустила Белую книгу «Арктическая политика Китая» на двух языках: китайском и английском. В документе Пекин изложил собственную позицию по Арктике — ареалу одного из мировых полюсов, который вместе с Антарктикой входит в вышеуказанные «новые пространства сотрудничества».

Подробнее остановимся на положениях Белой книги, определим текущий статус Арктики и происходящие в регионе изменения, проследим историю отношений Пекина с Северным полюсом, отметим цели и основные принципы китайской внешней политики в регионе, а также охарактеризуем перспективы дальнейшего участия КНР в делах Арктического совета.

В вводной части документа подчеркивается растущее значение Арктического региона, прежде всего в геополитике, экономике, научно-технологической сфере, защите окружающей среды, или экологии, транспортной логистике и ресурсном потенциале. Пекин убежден, что проблемы Арктики больше не являются сферой интересов сугубо арктических государств и давно преодолели региональные рамки. Более того, Северный полюс разделяет (или формирует) «общую судьбу» существования (точнее выживания) и развития человечества. Именно поэтому Арктика имеет глобальное значение и международное влияние [Zhongguo de Beiji zhengce].

Неарктические государства не обладают территориальными правами и суверенитетом в Арктике. Тем не менее, согласно международному праву, в частности Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву[2], принятой в результате работы Третьей

[1] Си Цзиньпин чжуси цзай Ляньхэго Жинэйва цзунбу дэ яньцзян (цюаньвэнь) [Си Цзиньпин выступил в штаб-квартире ООН в Женеве] // Агентство Синьхуа, 19.01.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-01/19/c_1120340081.htm (дата обращения: 15.05.2025).

[2] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf?ysclid=masfdmt7t194785699 (дата обращения: 15.05.2025).

конференции по морскому праву (UNCLOS III), прошедшей в 1976—1982 гг. и подписанной в ямайском городе Монтего-Бэй в декабре 1982 г., неарктические государства имеют право вести научные исследования, осуществлять свободную навигацию (судоходство) и авиаполеты, прокладку подземных кабелей и трубопроводов в акватории Северного Ледовитого океана, открытого моря Арктики и других морских районов, а также на разведку и освоение природных ресурсов (включая рыбные) в международном районе морского дна [Zhongguo de Beiji zhengce].

Что касается самого Китая, то он является активным «участником», «строителем» и «акционером» в делах Арктики, непрерывно вкладывая в регион свою «мудрость» и «силу». Пекин рассматривает себя географически «приарктическим государством», одной из стран, которая расположена ближе всего к Северному полярному кругу на суше. Происходящие изменения в Арктическом регионе, включая климат и экологию, согласно китайскому мнению, непосредственно влияют на экономические интересы страны, в том числе на ее сельское хозяйство, лесную и рыбную отрасли и другие сферы. Как подчеркивают в КНР, китайский капитал, технологии, рынок, знания и опыт играют и в перспективе будут играть важную роль как в расширении транспортно-логистической сети водных путей Арктики, так и стимулировании социально-экономического развития стран, граничащих с регионом [Zhongguo de Beiji zhengce].

В Белой книге приводится короткая справка участия Китая в арктических делах. История начинается с 1925 г., когда Китайская Республика присоединилась к Договору об островах Шпицберген, или Шпицбергенскому трактату от 9 февраля 1920 г.[1] В 1996 г. Китай стал членом Международного арктического научного комитета[2]. С 1999 г. КНР успешно провела как минимум 13 арктических научных экспедиций на исследовательском судне «Снежный дракон» (Сюэлун)[3]. В 2004 г. в районе Нью-Олссон на островах Шпицберген была основа-

[1] Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г. // URL: http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2017/10/%D0%94%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%BE-%D0%A8%D0%BF%D0%B8%D1%86%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

[2] The International Arctic Science Committee (IASC) // URL: https://iasc.info/about (accessed: 16.05.2025).

[3] Китайские ученые завершили первый этап 13-й экспедиции по Северному Ледовитому океану // ТАСС, 14 августа 2023 г. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/18503217?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 16.05.2025).

на арктическая станция «Хуанхэ». В 2005 г. Китай успешно провел Неделю арктического научного саммита[1] в рамках Конференции высокого уровня по арктическим вопросам, создав прецедент для проведения ее в азиатских странах. В 2013 г. Китай стал официальным наблюдателем при АС. Год спустя КНР запустила инициативу «Один пояс, один путь» (ныне — Инициатива «Пояс и путь»), позднее сосредоточившись на Северном морском пути или «Ледовом Шелковом пути» в китайской версии перевода [Zhongguo de Beiji zhengce]. Таким образом, деятельность Китая в Арктике значительно расширилась: Пекин активно участвует в глобальном управлении (в рамках АС), региональном сотрудничестве, многосторонних и двусторонних механизмах, включая проведение научных исследований, экологическую проблематику, социально-экономическое развитие и культурные обмены.

Современная арктическая политика КНР ставит следующие цели и задачи: изучение, защиту, использование и участие в управлении регионом; отстаивание общих интересов всех государств и международного сообщества в Арктике, содействие устойчивому развитию Северного полюса [Zhongguo de Beiji zhengce].

В заключении Белой книги отмечается, что будущее Арктики затрагивает интересы как арктических, так и неарктических государств, а также влияет на благосостояние всего человечества. Китай, как ответственная держава, придерживаясь принципов «уважения, сотрудничества, общей победы и устойчивого [развития]», использует «исторические возможности» развития Арктики, проявляет активность в преодолении различных вызовов, которые приносят изменения на Северном полюсе [Zhongguo de Beiji zhengce].

Инициатива «Пояс и путь» в увязке с концепцией формирования «сообщества единой судьбы человечества» прямо включает в себя арктический регион путем продвижения «Ледового Шелкового пути», что, по мнению китайской стороны, «вносит вклад в мир, стабильность и устойчивое развитие Арктики» [Zhongguo de Beiji zhengce].

Япония

16 октября 2015 г. Канцелярия кабинета министров Японии опубликовала документ «Арктическая политика Японии», который осветил стратегию Токио по арктической проблематике. В документе были выделены семь приоритетных инициатив [Japan's Arctic Policy],

[1] About Arctic Science Summit Week (ASSW) // URL: https://assw.info/ (accessed: 16.05.2025).

в том числе: вопросы экологии; сохранение общественно-экономического образа жизни коренных народов; научно-технологическая кооперация; обеспечение верховенства права и содействие международному сотрудничеству; развитие Арктического морского пути; разведка, освоение и добыча природных ресурсов, включая минеральные и морские биоресурсы, и национальная безопасность.

Исходя из семи выше перечисленных инициатив, можно выделить три фундаментальных направления-измерения арктической стратегии Японии [Japan's Arctic Policy].

Во-первых, изучение и разработка новых продуктов, технологий и совершенствование выпускаемой продукции (так называемое направление R&D [Research and Development] в бизнесе). К комплексу мер относятся продвижение арктических исследований в целях информированности при принятии политических решений, например, развитие проекта «Арктический вызов устойчивому развитию» (Arctic Challenge for Sustainability Project[1]), запущенному в 2015 фискальном году; совершенствование систем наблюдения и анализа, а также разработка современного инструментария наблюдения; учреждение научно-исследовательских станций в арктических государствах; обмен данными и управление ими; обучение и поддержка научных кадров; разработка специализированных арктических исследовательских судов.

Во-вторых, расширение многоуровневого взаимодействия с государствами, входящими в состав АС, и внерегиональными партнерами по различной проблематике, включая решение глобальных проблем, разработку нормативно-правовых документов, представительство в международных организациях, таких как ООН, Международная морская организация, Арктический совет и др.

В-третьих, устойчивое развитие путем активного и полноформатного вовлечения японских компаний в хозяйственную деятельность в Арктике, дальнейшего совершенствования инфраструктуры «Арктического морского пути», разведки, освоения и добычи минеральных ископаемых и морских биоресурсов.

---

[1] Как отметил в своем выступлении посол Японии по вопросам Арктики Мари Миёси на открытии сессии Арктического круга в Рейкьявике (Исландия) 10 октября 2019 г., Национальный институт полярных исследований (NIPR), Японское агентство морских наук и технологий (JAMSTEC) и Университет Хоккайдо являются ключевыми акторами в проекте ArCS. «Арктический вызов устойчивому развитию» нацелен на прояснение изменений климата и экологических последствий в Арктике, а также направлен на улучшение прогнозов, экологической оценки и жизни населения в Арктике. См. подробнее: Speech by H. E. Ms. MIYOSHI Mari, Ambassador of Japan in charge of Arctic Affairs at the Arctic Circle 2019 Opening Session, 10 October 2019, Reykjavik, Iceland. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/arctic_circle_2019.pdf (accessed: 15.05.2025).

Однако, по мнению российских японоведов, Северный полюс в настоящее время не является приоритетным направлением для внешней политики Японии, но имеет важное перспективное значение [Корнеев, Кистанов]. Реализуя стратегический курс в Арктике, Токио решает задачи национального развития, обусловленные положением Японии как крупной морской державы и одного из мировых технологических лидеров.

Иными словами, в Арктике Япония осуществляет постепенный переход «из чисто научно-исследовательской плоскости в плоскость конкретных экономических интересов». Другим качественным изменением в японской политике, как полагает известный эксперт Д.В. Стрельцов, стало «намерение играть более активную роль в определении регионального порядка в Арктике и возможного «сопряжения» установленных там правил и норм интересам неарктических стран» [Стрельцов].

Индия

Индия представила свою арктическую стратегию 17 марта 2022 г. В документе «Формируя партнерство ради устойчивого развития» (*Building a partnership for sustainable development*) обозначены пять целей и шесть «опорных столпов» этой стратегии [India's Arctic Policy]. К целям Индии в Арктике относятся: укрепление сотрудничества Индии с Арктическим регионом; гармонизация или согласование полярных исследований с «третьим полюсом» — Гималаями; вклад в усилия по углублению понимания человечеством значения и роли Арктического региона; укрепление международных усилий по борьбе с изменением климата и охране окружающей среды; содействие изучению и пониманию Арктики в Индии.

Отдельно стоит выделить изучение «третьего полюса» индийским руководством [Kanagavalli Suryanarayanan, Seethi][1]. В Индии растет убежденность, что существует ряд взаимосвязей между полярными

[1] В индийских экспертных кругах широко распространен тезис о «трехполярности» Индии. Не являясь арктическим государством, она занимает уникальное положение как «трехполярное государство» со своими научными базами и исследовательскими возможностями во всех трех полярных регионах — Арктике, Антарктике и Гималайском регионе в качестве «Третьего полюса». См. подробнее: *Kanagavalli Suryanarayanan.* India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development // The Yearbook of Polar Law Online. December 4, 2024. URL: https://brill.com/view/journals/yplo/15/1/article-p474_20.xml?srsltid=AfmBOoonX_9olVWqulMwvrYXv8f-3vaFXQX9lltTenOKoN4KRS4mUCX8 (accessed: 14 May, 2025).

исследованиями и изучением Гималаев. Немалый опыт Индии в научных исследованиях в Антарктиде и на «третьем полюсе» — в Гималаях, которые обладают самыми большими запасами пресной воды в мире, поможет научному сообществу Индии лучше понять Арктический регион. Вместе с тем, представляется, что взаимовыгодное сотрудничество РФ со своим стратегическим партнером Индией (как и с КНР) на Северном полюсе не только отвечает национальным интересам двух стран, но и может стать одним из важных направлений, так как видения приоритетов и задач Москвы и Нью-Дели имеют точки соприкосновения[1].

Шесть «опорных столпов» арктической стратегии Индии включают: науку и технологии; климат и защиту окружающей среды; экономическое и человеческое развитие; транспортную взаимосвязанность; управление и международное сотрудничество; наращивание национального потенциала [India's Arctic Policy].

В ряде публикаций подчеркивается тезис о том, что хотя интересы Нью-Дели в регионе носят научный, экологический, коммерческий и стратегический характер, наука должна играть роль приоритетного направления деятельности Индии по достижению национальных интересов [Middleton; Zaikov, Bhagwat; Pronina, Eidemiller etc.][2].

---

[1] Российско-индийские отношения в Арктике: перспективы для науки и инфраструктуры, 5 октября 2022 г. URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/273144734 (дата обращения: 14.05.2025). Среди перспективных проектов двустороннего взаимодействия называются следующие восемь: Арктический научно-исследовательский стационар Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН в городе Лабытнанги (Ямало-Ненецкий автономный округ); Беломорская биологическая станция им. Н.А. Перцова Биологического факультета ММГУ им. М.В. Ломоносова и Беломорская биологическая станция «Мыс Картеш» Зоологического института РАН, расположенные в Лоухском районе Республики Карелия; всесезонные станции «Белый нос» и «Канин Нос» в Ненецком автономном округе; Обсерватория имени Э.Т. Кренкеля (остров Хейса архипелага Земля Франца-Иосифа в Архангельская область); Международная биологическая станция «Виллем Баренц» в Красноярском крае; Геофизическая станция «Ловозеро» в Мурманской области; Международная биологическая станция «Лена-Норденшельд» и Полярная геокосмофизическая обсерватория «Тикси» в Республике Саха (Якутия); Полярная станция и Научно-исследовательский стационар «Ледовая база «Мыс Баранова»» на архипелаге Северная земля в Красноярском крае и др. См. также: Индия стремится к партнерству в Арктике со странами-единомышленницами // Российский совет по международным делам, 7 марта 2024 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/indiya-stremitsya-k-partnerstvu-v-arktike-so-stranami-edinomyshlennitsami/?sphrase_id=208806430&ysclid=mapo1eg89b514869091 (дата обращения: 14.05.2025).

[2] Коллектив ученых из Санкт-Петербурга убежден, что в краткосрочной перспективе Нью-Дели расширит свое влияние в Арктике, но оно будет ограничено дипломатиче-

Несколько иной акцент поставлен в статье Т.Л. Шаумян и В.П. Журавеля. Эксперты полагают, что Индия стремится диверсифицировать свою стратегию в Арктике, разворачивая в регионе различные научно-исследовательские программы и надеясь, что рост политической значимости страны позволит укрепить ее геополитические позиции как на Северном полюсе, так и в Арктическом совете [Шаумян, Журавель].

Южная Корея

Согласно первому постановлению правительства Республики Корея (РК) о деятельности в Арктике, опубликованному в 2013 г. [Dongmin Jin], история отношений страны с Северным полюсом начинается в 1993 г. В тот год РК были проведены первые фундаментальные исследования Арктического региона. Спустя шесть лет страной в сотрудничестве с КНР были начаты совместные исследования Северного Ледовитого океана. В 2002 г. основана арктическая научная станция «Дасан» [Ким][1] на Шпицбергене. Южная Корея присоединилась к Международному арктическому научному комитету. В 2009 г. при содействии России было спущено на воду ледокольное научно-исследовательское судно «Араон». Получив статус страны-наблюдателя в Арктическом совете в 2013 г., РК разработала первый план действий в Арктике. Позднее были приняты новые пятилетние планы арктического курса — в 2018 и 2023 г.[2]

ской и научно-исследовательской активностью и не сможет конкурировать с Арктической политикой КНР. При этом активизация Индии в регионе вызвана реакцией Нью-Дели на экспансию Пекина в циркумполярном севере (т. е. области от Северного полюса до Полярного круга или несколько южнее). Индийское руководство опасается, что в отсутствии противовеса КНР завладеет энергоресурсами Севера и торговыми путями и таким образом снизит свою зависимость от Малаккского пролива, который является одним из основных рычагов влияния Индии на китайскую политику. Об опасениях Индии в Арктике читайте также: *Nima Khorrami*. India's Arctic Challenge: Aligning Strategic Interests With Regional Realities, September 30, 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/09/indias-arctic-challenge-aligning-strategic-interests-with-regional-realities/ (accessed: 14.05. 2025).

[1] Известный российский кореевед Ким Ен Ун называет 1999 г. годом реального начала арктической политики РК. Тогда на острове Шпицберген по согласованию с правительством Норвегии была создана полярная станция Южной Кореи под названием «Дасан».

[2] *Кирьянов О.* Южная Корея обнародовала пятилетний план деятельности в Арктике и Антарктике // Российская газета, 5.12.2022. URL: https://rg.ru/2022/12/05/iuzhnaia-koreia-obnarodovala-piatiletnij-plan-deiatelnosti-v-arktike-i-antarktike.html?ysclid=maeccq26sy457620127 (дата обращения: 14.05.2025).

Как было подчеркнуто в документе 2013 г., таяние арктических льдов открывает новые возможности для роста прежде всего по таким направлениям, как ресурсы развития и коммерциализации Северного Морского пути (СМП). В то же время таяние льдов (и падение уровня моря) станет серьезным вызовом, который повлияет на морскую экосистему, являющуюся уязвимой частью окружающей среды, и угрозой для среды обитания местных жителей, включая коренные народы Арктики.

За последние несколько лет, по мнению отечественных кореееведов, Сеул принял ряд важных документов, регламентирующих работу правительства в полярных регионах (с октября 2021 г.), долгосрочную Стратегию деятельности в Арктике—2050 (ноябрь 2021 г.), а также инициировал строительство второго ледокола, который будет функционировать в Арктике на постоянной основе.

Закон о стимулировании деятельности в полярных регионах [Кирьянов] определяет приоритетной целью «оказание всесторонней помощи и поддержку работы по устойчивому развитию полярных регионов, осознание их лидирующей роли в решении стоящих перед человечеством общих проблем, а также содействие развитию национальной экономики и достижение национальных интересов Республики Корея».

Стратегия деятельности в Арктике—2050 («Полярное видение—2050») [Со, Пак, Чистов]) определила четыре фундаментальных направления активности Республики Корея в регионе: вклад в решение проблем Арктики; расширение горизонтов арктической дипломатии; участие в устойчивом развитии Арктики и совершенствование базы для работы в регионе [Кирьянов]. Как заключает российский эксперт Ким Ен Ун, поставленная в документе амбициозная задача достижения Южной Кореей лидерства в управлении Арктикой к 2050 г. выражает волю правительства к рывку вперед как нации [Ким].

В целом, Арктика представляет растущий интерес для Республики Корея с точки зрения геоэкономики и геополитики [Nicole Covery]. Энергетическая безопасность страны, объемы торговли и производства, а также развитие науки во многом зависят от полярных ресурсов [Krasnozhenova, Kulik etc.]. Связь политики и экономики выражается в стремлении Сеула «создать политические рамки для максимального использования потенциала корейских предприятий и внесения вклада в устойчивое развитие Арктики, опираясь на сплоченное сотрудничество с арктическими государствами» [Dongmin Jin].

Сингапур

Сингапур — город-государство, бывшая британская колония площадью 735,6 км^2, расположенное на островах, отделенных от Малакки Джохорским проливом. Несмотря на отсутствие политической повестки страны на Северном полюсе и, как следствие, официального документа по Арктике, Республика присоединилась в 2013 г. к Арктическому Совету в качестве наблюдателя, а также имеет собственные интересы в регионе [Bennett Mia M.],[What is the connection], обусловленные потенциальным вызовом, который Северный морской путь может нанести роли Сингапура как глобального транспортного узла, а также последствиями таяния морских льдов.

В отличие от других азиатских неарктических государств, Сингапур не имеет исторических традиций полярной науки. Начиная с 2019 г. сингапурские ученые изучают «пение» приливных ледников на основе акустических измерений, особенно в районе Шпицбергена. В целом, участие Сингапура в Арктическом регионе началось в 2000-х годах, среди интересов было судоходство, энергоресурсы и изменение климата[1].

Правительство выделяет три основных блока, объясняющих важность Северного полюса для Сингапура и четыре важные цели-«роли», преследуемые Республикой в том числе в рамках АС[2]. Важность региона обуславливается изменениями климата (Арктика представляет собой критический барометр изменений климата), торговыми путями (таяние арктических льдов откроет новые маршруты, что станет как потенциальным вызовом, так и перспективной возможностью) и бизнесом (развитие портовой инфраструктуры и обеспечение свободы судоходства). «Роли» определяются следующими положениями: участие во встречах старших должностных лиц по Арктике, Рабочих и Целевых группах, соответствующих арктических форумах; вовлечение коренных народов Арктики в диалог; вклад в исследование Арктики; повышение осведомленности о проблемах Арктики в Восточной Азии и др.

На сайте Министерства иностранных дел Республики Сингапур информация о деятельности страны в АС размещена в рубрике

[1] См. подробнее историю участия Сингапура в Арктике. URL: https://www.thearcticinstitute.org/country-backgrounders/singapore/ (accessed: 16.05.2025).

[2] Singapore and The Arctic Council, March 23, 2018. URL: https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Announcements-and-Highlights/2018/03/Singapore-and-The-Arctic-Council (accessed: 16.05.2025).

«Внешняя политика. Страны и регионы. Европа». Согласно открытым данным[1], интересы страны в Арктике включают: защиту окружающей среды региона (экологическая повестка); развитие безопасной Арктики (безопасность и развитие); экономический рост Северного полюса; развитие человеческого капитала в Арктике и изменение климата. Подчеркивается, что Сингапур является низколежащим островным государством, поэтому он особенно уязвим к повышению уровня моря из-за таяния арктических льдов. Руководствуясь поставленными целями, Сингапур стремится определить точки сближения своих возможностей с деятельностью АС, активно участвует в ряде форумов[2], связанных с Арктикой, а также тесно взаимодействует с коренными народами региона.

Таким образом, Сингапур с его международным статусом технологического «гиганта» и богатым опытом государственного (и иного) управления имеет широкие возможности занять достойную нишу [Журавель, Данилов] в таких областях, как использование современных технологий для Арктического региона в инфраструктуре и судостроении, финансирование инвестиционных проектов, связанных с Северным полюсом, исследование изменений климата на примере «прослушивания» таяния ледников.

* * *

Итак, сравнительный анализ сходства и различий в арктических стратегиях КНР, Японии, Индии, Республики Корея и Сингапура показывает, что Арктический регион становится если не приоритетным, то перспективным направлением в политике каждой из пяти неарктических стран. Активное использование основанных на Конвенции ООН по морскому праву и других общепризнанных нормах международного права привилегий на научные исследования, судоходство и авиаполеты, рыболовство, разведку и освоение природных ресурсов и др. демонстрируют растущий интерес этих стран к Арктике.

Согласно известному высказыванию В.И. Ленина, «Политика есть самое концентрированное выражение экономики» [Ленин В.И., с. 278]. Данное выражение диалектично по сути. Иными словами, растущие экономические, научно-технологические, транспортно-ло-

[1] Информационная справка о Европе. URL: https://www.mfa.gov.sg/SINGAPORES-FOREIGN-POLICY/Countries-and-Regions/Europe (дата обращения: 16.05.2025).

[2] Singapore's Participation in the 16th Arctic Frontiers Conference, 28 January to 4 February 2023, Februry 3, 2023. URL: https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2023/02/16afc (accessed: 16.05. 2025).

гистические, ресурсные и иные интересы различных акторов (прежде всего арктических и приарктических государств) побуждают их добиваться еще более активной политической роли в регионе. Остается надеяться, что будущий передел большого арктического «пирога» (а он неизбежен в силу изменений климата и других обстоятельств) не приведет к крупному вооруженному конфликту.

Библиографический список

Журавель В.П., Данилов А.П. Сингапур на пути в Арктику // Арктика и Север. 2016. № 24. С.145—154.

Ким Ен Ун. Особенности арктической политики Республики Корея // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 3. URL: https://rusus.jes.su/s207054760030460-3-1/ (дата обращения: 15.05.2025).

Кирьянов О.В. Новые аспекты арктической политики Республики Корея // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 72—89. DOI: 10.48647/ICCA.2022.49.46.016.

Корнеев К.А., Кистанов В.О. Интересы Японии в Арктике и перспективы сотрудничества с Россией // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 80—92.

Ленин В.И. Полное собрание соч. 5-е изд. Т. 42.

Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М.: Эксмо, 2003. 702, [1] с.

Со Х.-Г., Пак Ч.-К., Чистов И.И. Цели и задачи государственной политики Республики Корея в Арктике (эволюция и перспективные направления) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 8. С. 90—96. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-90-96

Стрельцов Д.В. Политика Японии в Арктике // Сравнительная политика. 2017. Т.8. № 1. С. 93—103. DOI: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103.

Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли. 2008. 624 с.

Шаумян Т.Л., Журавель В.П. Индия и Арктика: охрана окружающей среды, экономика и политика // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 175—184.

References

Kim En Un (2024). Osobennosti arkticheskoj politiki Respubliki Koreya [Peculiarities of the Arctic Policy of the Republic of Korea], Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st Century]: 3. URL: https://rusus.jes.su/s20705476003 0460-3-1 (accessed: 15 May, 2025). DOI: 10.18254/S207054760030460-3. (In Russian).

Kiryanov, O.V. (2023). Novye aspekty arkticheskoj politiki Respubliki Koreya [New Aspects of the Arctic Policy of the Republic of Korea], *Koreevedenie [Koreanology]:* 2 (3): 72—89. DOI: 10.48647/ICCA.2022.49.46.016. (In Russian).

Korneev, K.A.; Kistanov, V.O. (2024). Interesy Yaponii v Arktike i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej [Japan's Interests in the Arctic and Prospects for Cooperation with Russia], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*: 4: 85. (In Russian).

Lenin, V.I. Polnoe sobranie soch. [The Complete Collection of works], 5 izd. [5th ed.]: 42. (In Russian).

Lomonosov, M.V. (2003). Zapiski po russkoj istorii [Notes on Russian History]. Moscow: Eksmo, 702, [1] p. (In Russian).

Shaumyan, T.L.; Zhuravel', V.P. (2016). Indiya i Arktika: ohrana okruzhayushchej sredy, ekonomika i politika [India and the Arctic: Environmental Protection, Economics and Politics], *Arktika i Sever [Arctic and North]*: 24: 175—184. (In Russian).

So H.-G., Pak Ch.-K., Chistov I.I. (2021). Celi i zadachi gosudarstvennoj politiki Respubliki Koreya v Arktike (evolyuciya i perspektivnye napravleniya) [Goals and Objectives of the State Policy of the Republic of Korea in the Arctic (Evolution and Promising Directions)], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]:* 65: 8: 90—96. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-90-96. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2017). Politika Yaponii v Arktike [Japan's Policy in the Arctic], *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]*: 8: 1: 93—103. DOI: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103. (In Russian).

Titarenko, M.L. (2008). Geopoliticheskoe znachenie Dal'nego Vostoka. Rossiya, Kitaj i drugie strany Azii [The Geopolitical Importance of the Far East. Russia, China and Other Asian Countries]. Moscow, *Pamyatniki istoricheskoj mysli [Monuments of Historical Thought PH]:* 624. (in Russian).

Zhuravel' V.P., Danilov A.P. (2016). Singapur na puti v Arktiku [Singapore on its Way to the Arctic], *Arktika i Sever [Arctic and North]:* 24: 145—154. (In Russian).

* * *

Bennett, Mia M. (2017). Singapore: The “Global City” in a Globalizing Arctic, *Journal of borderlands studies*. DOI: https://doi.org/10.1080/08865655.2017.1367708.

Covery, Nicole (2023). The Republic of Korea in the Arctic. URL: https://www.naadsn.ca/wp-content/uploads/2023/07/23-June-ROK-Policy-Brief.pdf (accessed: 14 May, 2025).

Dongmin Jin (2017). Arctic Policy of the Republic of Korea, *Ocean and Coastal Law Journal*. DOI: https://doi.org/10.1088/1755-1315/625/1/012011.

India's Arctic Policy (2022). Building a Partnership for Sustainable Development, Government of India. URL: https://library.arcticportal.org/2015/ (accessed: 13 May, 2025).

Japan’s Arctic Policy (2015). The Headquarters for Ocean Policy. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2018n/202207/t20220704_130568.html (accessed: 12 May, 2025).

Kanagavalli Suryanarayanan (2022). Third Pole's View on the North Pole — India's Arctic Policy. URL: https://polarconnection.org/third-pole-india-arctic-policy/ (accessed: 14 May, 2025).

Krasnozhenova E.E., Kulik S.V., Chistalyova T., Eidemiller K.Yu. and Karabushenko P.L. (2021). The Arctic policy of the Republic of Korea, International Round Table "Modern Problems of the Arctic". IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. DOI:10.1088/1755-1315/625/1/012011.

Middleton Alexandra (2022). India's Arctic Policy: Strong foothold on science and business interests. URL: https://www.highnorthnews.com/en/indias-arctic-policy-strong-foothold-science-and-business-interests (accessed: 14 May, 2025).

Pronina V.A., Eidemiller K.Yu., Khazov V.K., Rubtsova A.V. (2020). The Arctic Policy of India, 5th International Conference "Arctic: History and Modernity", IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012047.

Seethi, KM (2021). The Contours of India's Arctic Policy. URL: https://www.thearcticinstitute.org/contours-indias-arctic-policy (accessed: 14 May, 2025).

What is the Connection Between Singapore and the Arctic Region? (2016), *Polar Research and Policy Initiative*. URL: https://polarconnection.org/connection-singapore-arctic-region (accessed: 16 May, 2025).

Zaikov, K.S.; Jawahar, V. Bhagwat (2022). India's Arctic Policy: The Historical Context, *Arctic and North*: 48: 225—236.

Zhōngguó de Běijí zhèngcè báipíshū" (quánwén) (2018) [White Paper "China's Arctic Policy" (full text)]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2018n/202207/t20220704_130568.html (accessed: 12 May, 2025). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 18.05.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: May 18, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.76.31.008

К.К. Меркулов

КИТАЙ И СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

Светлой памяти родителей посвящаю

Аннотация. В статье рассмотрен ряд вопросов по линии «Китай — система глобального управления (ГУ)» на современном этапе (в «эпоху Си Цзиньпина») и вероятные в будущем подходы КНР к названной проблеме. Констатируется, что особенности личности председателя КНР Си Цзиньпина как выдающегося политика и государственного деятеля придали особые характеристики внутренней и внешней политике КНР (начиная с 2012—2013 гг.), которую многие именуют «новой эпохой» или «эпохой Си Цзиньпина». Подчеркнуто, что «эпоха Си» ознаменовала и новый этап во взглядах Поднебесной на систему ГУ. Проведен системный контент-анализ пяти главных глобальных инициатив Си Цзиньпина по оптимизации системы ГУ в 2013—2023 гг., имея в виду, что обзор новых предложений КНР в сфере ГУ в 2024—2025 гг. — предмет отдельной НИР. Отмечено, что ныне подход Пекина к системе международных отношений в целом и к системе ГУ в частности отличается умеренным китаецентризмом. Однако есть основания предполагать, что в «эпоху после Си», т. е., видимо, ближе к середине нынешнего века, роль факторов уже сверхдержавного китаецентризма в глобальной стратегии и тактике «возрожденного» и модернизированного Китая может возрасти, согласно ряду солидных источников, до внешней силовой экспансии, в том числе «на Запад». Это диктует острую необходимость для нашей страны не просто трезво оценивать реальный рост китайского потенциала, в том числе и силового, в ближайшие десятилетия, но и уже сейчас пытаться нейтрализовать вероятность его использования вразрез интересам нашей

страны, в том числе путем инициирования Россией особых миротворческих и дипломатических шагов в духе концепции дружбы и сотрудничества с КНР в «новую эпоху», в частности в сфере ГУ.

Ключевые слова: Китай (КНР); геоцентры; глобальное управление (ГУ); «эпоха Си Цзиньпина».

Автор: *Меркулов Катенарий Катенарьевич*, доктор экономических наук (РФ МАН Сан-Марино, 1994, г. Москва); кандидат исторических наук (МГИМО МИД СССР, 1990); старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

Благодарности. Автор искренне благодарит своих родителей и всех учителей, друзей и коллег за доброе содействие в жизни и в научных исследованиях.

***Конфликт интересов*:** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Меркулов К.К. Китай и система глобального управления (современность и перспективы) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 105—121. DOI: 10.48647/ICCA.2025.76.31.008.

K.K. Merkulov

China and the global governance system (modernity and prospects)

In Memoriam to my Blessed Parents

Abstract. The article examines a number of issues along the line of "China — the global governance (GG) system" at the present stage (in the "Xi Jinping era") and the likely future approaches of the PRC to this problem. It is pointed out that the personality traits of the Chairman of the PRC Xi Jinping as an outstanding politician and statesman have given special characteristics to the domestic and foreign policy of the PRC (starting from 2012—2013), which many call the "new era" or the "Xi Jinping era".

It is emphasized that the "Xi era" also marked a new stage in China's views on the GG system. A systemic content analysis of Xi Jinping's five major global initiatives to optimize the GG system in 2013—2023 is carried out, taking into account that a review of China's new proposals in the GG sphere in 2024—2025 is the subject of the author's separate research work. It is noted that Beijing's modern approach to the system of international relations in general and to the GG system in particular is characterized by moderate Sinocentrism. However, there is reason to believe that in the "post-XI era", i.e., most likely, closer to the middle of the current century,

the role of factors of already superpower Sinocentrism in the global strategy and tactics of the "revived" and modernized China may increase, according to a number of authoritative sources, to external power expansion, including "to the West". This dictates to our country the urgent need not only to soberly assess the real growth of Chinese potential, including power, in the coming decades, but also to try to neutralize the likelihood of its use contrary to the interests of our country, including by initiating special peacekeeping and diplomatic steps in the spirit of the concept of friendship and cooperation with the PRC in the "new era", in particular in the sphere of GG.

Keywords: China (PRC); geocenters; global governance (GG); "Xi Jinping era".

Author: Katenariy K. MERKULOV, Dr. Sc. (Economics) (IAS San-Marino), PhD (History) (MGIMO); Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

Acknowledgements: The author sincerely thanks his, alas, now deceased parents and all teachers and friends for their kind assistance in the preparation of this and similar research projects.

***Conflict of interests*:** The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Merkulov K.K. (2025). Kitay i sistema global'nogo upravleniya (sovremennost' i perspektivy) [China and the global governance system (modernity and prospects)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 105—121. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.76.31.008.

Введение[1]

Эволюция подходов Китая к системе ГУ ранее исследовалась в мировой науке[2]: [Глобальное управление, 2022], [Ларин, 2023], [Лексютина, 2020, с. 6—20], [Лю Цзинюань, 2022, с. 114—118]. Ныне этот

[1] Ряд использованных в этой статье новых научных категорий, по существу впервые вводимых в широкий научно-практический оборот, ранее определен в фундаментальных НИР ученых семьи Меркуловых.

[2] Рамки статьи не позволяют упомянуть все достойные НИР по данной теме, важнейшие положения которых историко-философски обобщены и посильно синтезированы автором в данной статье и в других более общирных НИР.

вопрос становится объектом все более пристального внимания в НИР многих «мозговых трестов» и отдельных ученых. В их числе отличается особой информативностью структурированный анализ а докладе Совета по международным делам (СМД, США) «Китай и глобальное управление», подготовленном в 2021 г. Хуан Яньчжуном и Дж. Курлациком [Yanzhong Huang, Joshua Kurlantzick 2021].

В докладе СМД выделены и системно исследованы шесть основных специфических этапов в истории подходов Китая к системе ГУ:

Этап 1 — «Императорский Китай» (с III века до н.э. и до начала XX в. н.э.).

Этап 2 — «Революционный Китай» (1949—1976).

Этап 3 — «Реформируемый Китая» (1977—2000).

Этап 4 — «Возрождающийся Китай» (2001—2012).

Этап 5 — «Центральная сцена» (2012 — настоящее время).

Этап 6 — «Смотря вперед».

В том же источнике комплексно проанализировано развитие стратегии КНР в области ГУ в четырех важнейших сферах: 1) глобальное здравоохранение (ГЗ); 2) глобальное управление Интернетом (ГУИ); 3) глобальное изменение климата (ГИК); 4) глобальное финансирование развития (ГФР).

По нашему мнению, в этот перечень стоит добавить в том числе сферу глобальной дипломатии и область миротворческих операций.

С точки зрения автора, в почти 76-летней истории КНР допустимо выделить следующие пять важнейших этапов эволюции подходов «коммунистического Китая» к системе ГУ:

1) КНР и система ГУ в «эпоху Мао» (1949—1976), т. е. в период, когда «китайский народ поднялся с колен и распрямил плечи»[1], и КНР делала первые дипломатические и иные шаги в сфере ГУ;

2) КНР и система ГУ в «эпоху после Мао» (1977—2012), т. е. в период проведения дэнсяопиновской «конвергентной» политики «реформ и открытости внешнему миру», когда Китай «разбогател» и постепенно стал превращаться во все более влиятельное действующее лицо в системе ГУ;

---

[1] Мао Цзэдун. Отныне китайский народ поднялся с колен и распрямил плечи (中国人民站起来了). Выступление на открытии первой сессии Народного политического консультативного совета Китая 21 сентября 1949 г. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Мао_Цзэдун (дата обращения: 20.03.2024). Де-юре считается, что Мао сказал это 1 октября 1949 г. с трибуны Тяньаньмэнь в День провозглашения Китайской Народной Республики.

3) КНР и система ГУ в «эпоху Си» (2012 — до н/в), т. е. в период всеобъемлющей модернизации («обновления») КНР, комплексного усиления внутренней мощи Китая и резкого роста внешнего влияния КНР на пути к статусу «сверхдержавы № 1»;

4) КНР и система ГУ в «эпоху после Си», т. е., предположительно, ближе к середине нынешнего века — в период пока трудно предсказуемых подвижек к потенциально все более рельефной «мировой гегемонии Китая» [Истинные планы Китая 2024];

5) КНР и система ГУ в «постконфликтном мире», т. е. в прогнозируемый в ряде научных и конфессиональных источников «новый золотой век» Земли [Меркулов и др. 2025—2027][1].

В любом случае, в «эпоху Си Цзиньпина», т. е. после прихода к высшей власти в КПК и КНР в 2012—2013 гг. Си Цзиньпина и его группы, в истории подходов Китая к системе ГУ начался новый (и по форме, и по содержанию) этап. Кратко, это — «эра Фусин» («эпоха возрождения»)[2]. Итоговую оценку ее сути и главных характеристик, включая и «спорные» элементы теории и практики «сицзиньпинизма», даст сама жизнь и история.

О некоторых особенностях «эпохи Си Цзиньпина»

В 2012—2013 гг. во внутренней и внешней политике Китая началась «новая эпоха», которую многие политологи и практики также именуют «эпохой Си Цзиньпина». На Западе Си часто называет диктатором, но он напоминает, скорее, некий архетип «демократического китайского Сталина»[3] с поправкой на иные время, географию и т. п.

В «эпоху Си» началась, повторим, и новая глава в истории отношения Китая к системе ГУ. Исходя из того факта, что внешняя политика национального государства (как и любого самодостаточного геоцентра) является продолжением его внутренней политики, суть принципиальной (и количественной, и качественной) трансформации отношения КПК и КНР к комплексу вопросов ГУ в «эпоху Си» по

[1] См. также: Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий. М.: Издательство святителя Алексия, 1997. С. 54—58.

[2] Тавровский Ю.В. Товарищ Си и эпоха фу син. XIX съезд КПК как начало новой эры в истории Китая. URL: https://zavtra.ru/blogs/tovarish_si_i_epoha_fu_sin?ysclid=ltz1iueovs421522362 (дата обращения: 20.03.2024).

[3] Маслов А.А. Си Цзиньпин — демократический китайский Сталин // Pravda.RU. 23.12.2016. URL: https://pravda.ru›world/1321030-maslov/ (дата обращения: 26.04.2021).

сравнению с «эпохой Мао» и «эпохой Дэна» допустимо рассматривать через призму эволюции подходов Китая к теории и практике «великоханьской» модернизации (т. е. «обновления») в духе великой «китайской мечты» о «великом Возрождении великой китайской нации» [Виноградов, 2013, с. 247].

Резюме контент-анализа пяти главных глобальных инициатив Си Цзиньпина

По состоянию на начало 2025 г., в арсенале глобальных дипломатических инициатив КНР, официально озвученных председателем КНР Си Цзиньпином и затем детализированных в различных документах и материалах внешнеполитической тематики Китая, фигурировало пять главных начинаний[1].

Так, в тексте Предложения КНР по реформированию и развитию глобального управления от 13.09.2023 г. особо упоминаются предложение Си Цзиньпина о построении «Сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ)»; Инициатива «Пояс и путь» (ИПП); Глобальная инициатива безопасности (ГИБ); Глобальная инициатива развития (ГИР) и Глобальная цивилизационная инициатива (ГЦИ) — Xi's proposal on building a community with a shared future for mankind (CSFM); the Belt and Road Initiative (BRI); the Global Security Initiative (GSI); the Global Development Initiative (GDI); and the Global Civilization Initiative (GCI).

Примечательно, что до середины 2024 г. в официальных заявлениях Си Цзиньпина и документах МИД КНР, судя по доступным источникам, при характеристике инициативы о построении СЕСЧ по-прежнему использовался только термин *A Community with a Shared Future for Mankind*, *CSFM*, т. е. «Сообщество единой судьбы человечества, СЕСЧ», а формулировка *A Global Community of Shared Future*, *GCSF*, т. е. «Глобальное сообщество общего будущего, ГСОБ», была использована лишь в англоязычных версиях двух Белых книг, выпущенных Информационным бюро Госсовета КНР 26.09.2023 г. и 10.10.2023 г. При этом, судя уже по названию Белой книги, выпущенной Информационным бюро Госсовета КНР 10.10.2023 г., ИПП рас-

[1] Подробнее см.: Proposal of the People's Republic of China on the Reform and Development of Global Governance? // 中华人民共和国外交部, Zhōnghuá rénmín gòng héguó wàijiāo bù. September 13, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbxw/202309/t20230913_11142010.html (дата обращения: 09.11.2023).

сматривалась в качестве ключевой основы формирования «Глобального сообщества общего будущего»[1].

Основополагающим концептуальным ориентиром теории и практики китайской дипломатии в «эпоху Си Цзиньпина» по праву стала идея «Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ, Community with a Shared Future for Mankind, CSFM; 人类命运共同体 — *Rénlèi mìngyùn gòngtóngtǐ*) [Ларин 2023, с. 14—34]. Де-юре председатель КНР Си Цзиньпин представил идею СЕСЧ международному сообществу в ходе юбилейной 70-й сессии ГА ООН в 2015 г., а де-факто Си Цзиньпин впервые сформулировал ее еще 23 марта 2013 г. в выступлении в МГИМО-Университете МИД России в ходе своего официального визита в РФ — первого визита такого ранга после его избрания на высший государственный пост в КНР[2].

За истекшие 10 лет с момента своего обнародования идея СЕСЧ постоянно обогащалась. Си Цзиньпин конкретизировал свою исходную инициативу предложением из пяти пунктов в речи в ходе дебатов на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г.

Эти пять пунктов таковы: «Мы должны строить партнерские отношения, в рамках которых страны будут относиться друг к другу как к равным, участвовать в обширных консультациях и укреплять взаимопонимание. Мы должны создать среду безопасности, характеризующуюся справедливостью, совместными усилиями и общими интересами. Мы должны способствовать открытому, инновационному и инклюзивному развитию, которое принесет пользу всем. Мы должны расширить межцивилизационные обмены, чтобы способствовать гармонии, инклюзивности и уважению различий. Мы должны построить экосистему, в которой Мать-Природа и зеленое развитие будут стоять на первом месте»[3].

Как следует из того же источника, позже председатель Си предложил пять целей для мира в своей речи в Отделении ООН в Женеве в

[1] При переводе исходного названия инициативы “A Community with a Shared Future for Mankind, CSFM”, позднее названной в Белых книгах, выпущенных Информационным бюро Госсовета КНР 26.09.2023 г. и 10.10.2023 г., как “A Global Community of Shared Future, GCSF”, т. е. «Глобальное сообщество общего будущего, ГСОБ», нами априори использовался только термин «Сообщество единой судьбы человечества», СЕСЧ.

[2] Си Цзиньпин. Идти в ногу со временем, содействовать мирному развитию на планете. Выступление в МГИМО Москвы (23 марта 2013 года) // О государственном управлении. Том I. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. С. 368.

[3] Full Text: A Global Community of Shared Future: China’s Proposals and Actions. White Paper, released by the State Council Information Office of the People’s Republic of China // Xinhua. September 26, 2023. URL: https://english.news.cn/20230926/689e17beb34c44e6a41aead2e0475223/c.html (дата обращения: 13.11.2023).

2017 г. Эти пять целей таковы: «Мы должны построить мир прочного мира посредством диалога и консультаций. Совместными усилиями мы должны построить мир общей безопасности для всех. Мы должны построить мир общего процветания посредством взаимовыгодного сотрудничества. Мы должны построить открытый и инклюзивный мир посредством обменов и взаимного обучения. Мы должны сделать наш мир чистым и красивым, стремясь к экологически чистому и низкоуглеродному развитию»[1].

Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) (The Belt and Road Initiative, BRI, B&R; One Belt One Road; кит. яз.: 一带一路) в единстве проектов совместного строительства сухопутного «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути» XXI века (МШП) стала геополитико-экономической проекцией идеи (а затем и концепции) СЕСЧ на трансконтинентальную и региональные подсистемы международных отношений в масштабе Евразии и других регионов мира.

Идея совместного с другими странами строительства ЭПШП была выдвинута Си Цзиньпином в выступлении в Университете им. Н. Назарбаева 7 сентября 2013 г.[2], а тезис о совместном строительстве МШП-XXI века был сформулирован председателем Си в выступлении в Совете народных представителей в Индонезии 3 октября 2013 г.[3]

Как отмечено в Белой книге, выпущенной Информационным бюро Госсовета КНР 10.10.2023 г., Инициатива «Пояс и путь» продвигает и воплощает в жизнь идеи, которые актуальны для современной эпохи, мира, развития, безопасности, открытости, сотрудничества, цивилизации и управления; обеспечивает не только концептуальную основу, но и практическую дорожную карту для всех стран по достижению общего развития и процветания. Эта инициатива осно-

[1] Full Text: A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. White Paper, released by the State Council Information Office of the People's Republic of China. Source: Xinhua. Editor: huaxia 2023-09-26 10:01:30. Beijing. September 2023. 37 p. P. 3. URL: https://english.news.cn/20230926/689e17beb34c44e6a41aead2e0475223/c.html (accessed: 13.11.2023).

[2] Си Цзиньпин. Совместное строительство «Экономического пояса Шелкового пути». Выступление в Университете им. Н. Назарбаева (7 сентября 2013 года) // О государственном управлении. Т. I. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. С. 387—393.

[3] Си Цзиньпин. Совместное строительство «Морского Шелкового пути» XXI века. Выступление в Совете народных представителей Индонезии (3 октября 2013 года) // О государственном управлении. Т. I. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. С. 394—399.

вана на принципах масштабных консультаций, совместного вклада и общих выгод[1].

Глобальная инициатива безопасности (ГИБ, Global Security Initiative, GSI; 全球安安倡议, *Quánqiú ānquán chàngyì*) была выдвинута Си Цзиньпином в ходе ежегодной сессии Боаоского Азиатского форума 21 апреля 2022 г. Выступая на открытии Форума, председатель Си призвал поддерживать принцип неделимой безопасности, строить сбалансированную, эффективную и устойчивую архитектуру безопасности и выступать против укрепления национальной безопасности на основе отсутствия безопасности в других странах[2].

Критики этой инициативы назвали ее механизмом усиления глобального влияния Китая[3]. 21 февраля 2023 г. на сайте МИД КНР был опубликован официальный документ, развивающий положения исходного варианта указанной инициативы «Концептуальный документ Глобальной инициативы в области безопасности», в котором были изложены 6 принципов, 20 приоритетов и 5 платформ и механизмов действий в сфере обеспечения глобальной безопасности[4]. Если теоретически ГИБ отражает грандиозный проект Пекина по стабилизации режима международной безопасности и достижения мира и стабильности на всей нашей планете на обозримую перспективу, то практически эта инициатива, согласно официальной оценке МИД КНР от 13.09.2023 г., предполагает опираться на шесть конкретных базовых принципов[5]. Эти принципы таковы: (1) приверженность видению общей, всеобъемлющей, основанной на сотрудничестве и устойчивой безопасности; (2) обязательство уважать суверенитет и территориаль-

---

[1] Full text: The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. White Paper, released by the State Council Information Office of the People's Republic of China // Xinhua. October 10, 2023. URL: https://news.cgtn.com/news/2023-10-10/Full-text-China-releases-white-paper-on-Belt-and-Road-cooperation-1nMwG1FHWLu/index.html (дата обращения: 13.11.2023).

[2] Rajeswari Pillai Rajagopalan. China's Xi Proposes Global Security Initiative // The Diplomat. May 7, 2022. URL: https://thediplomat.com/2022/05/chinas-xi-proposes-global-security-initiative/ (дата обращения: 11.03.2023).

[3] Xi Jinping's Quest for Order. Security at Home, Influence Abroad. By Sheena Chestnut Greitens // Foreign Affairs. October 3, 2022. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/xi-jinping-quest-order (дата обращения: 11.03.2023).

[4] The Global Security Initiative Concept Paper. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. February 21, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230221_11028348.html (дата обращения: 11.03.2023).

[5] Proposal of the People's Republic of China on the Reform and Development of Global Governance. September 13, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbxw/202309/t20230913_11142010.html (accessed: 09.11.2023).

ную целостность всех стран; (3) обязательство соблюдать цели и принципы Устава ООН; (4) обязательство серьезно относиться к законным интересам безопасности всех стран; (5) приверженность мирному разрешению разногласий и споров между странами посредством диалога и консультаций; (6) приверженность поддержанию безопасности как в традиционных, так и в нетрадиционных сферах взаимодействия.

Глобальная инициатива развития (ГИР, Global Development Initiative; 全球发展倡议, *Quánqiú fāzhǎn chàngyì*) была выдвинута председателем КНР 21 сентября 2021 г. во время общей дискуссии на 76-й сессии ГА ООН. Тогда Си Цзиньпин призвал мировое сообщество к «совместной работе, чтобы управлять глобальным развитием» и предложил для этого шесть главных принципов[1]. В их числе: (1) рассматривать само развитие в качестве главного приоритета; (2) ставить в центр этого развития интересы, благополучие и безопасность всех людей на земле; (3) следовать при всем этом принципу «с положительной суммой для всех и каждого — каждой»; (4) опираться на инновации, создавая открытую, справедливую, равноправную и недискриминационную среду для развития науки и технологий; (5) стремиться к гармонии между человеком и природой; (6) ориентироваться на конкретные результаты, прежде всего в таких областях, как борьба с бедностью, продовольственная безопасность, борьба с COVID-19, финансирование развития, изменение климата и зеленое развитие, индустриализация, цифровая экономика и взаимосвязанность[2]. Тогда же (21.09.2021 г.) для конкретизации плана ГИР МИД КНР распространил детализированный документ «Глобальная инициатива развития — на основе ЦУР 2030 года для более сильного, экологически чистого и здорового глобального развития (Концептуальный документ)»[3].

Глобальная цивилизационная инициатива (ГЦИ, Global Civilization Initiative, GCI; 全球文明倡议, *Quánqiú wénmíng chàngyì*) была выдвинута Си Цзиньпином 15.03.2023 г. на церемонии открытия диало-

[1] Xi Jinping Attends the General Debate of the 76th Session of the United Nations General Assembly and Delivers an Important Speech. September 22, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/gjs_665170/gjsxw_665172/202109/t20210923_9580159.html (accessed: 12.11.2023).

[2] Global Development Initiative — Building on 2030 SDGs for Stronger, Greener and Healthier Global Development (Concept Paper). URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/topics_665678/GDI/wj/202305/P020230511396286957196.pdf (accessed: 12.11.2023).

[3] Ibidem.

га высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира в Пекине[1]. В рамках данной инициативы Си призвал следовать ряду принципов: (1) уважать многообразие цивилизаций; (2) отстаивать общечеловеческие ценности; (3) высоко ценить преемственность и одновременно — инновационность цивилизаций; (4) совместными усилиями стимулировать устойчивые международные обмены и сотрудничество».

Строительство СЕСЧ и реализацию других глобальных инициатив в «эпоху Си» Пекин увязал с реформой и развитием системы глобального управления (ГУ), при этом констатируя «свою ведущую роль»[2]. Позднее эта идея была комплексно развита в различных официальных документах КПК и КНР, а ее «апофеозом» по состоянию на конец 2023 г. стало обнародование МИД КНР 13 сентября 2023 г. вышеупомянутого документа «Предложение Китайской Народной Республики о реформе и развитии глобального управления», публикация которого была приурочена к началу 78-й сессии ГА ООН, а затем и издание Информационным бюро Госсовета КНР двух упомянутых Белых книг.

Ниже следует резюме документа «Предложение Китайской Народной Республики о реформе и развитии глобального управления», подготовленное автором этой статьи.

Помимо кратких Введения и Заключения, Документ состоит из 5 основных частей. Их названия таковы: I. Форсирование управления глобальной безопасностью и защита мира и стабильности во всем мире; II. Улучшение управления глобальным развитием и совместное достижение глобального устойчивого развития; III. Продвижение глобальных прав человека и социального управления и совместное содействие цивилизационному обмену и прогрессу; IV. Развитие глобального управления на новых рубежах и построение структуры глобального управления с видом на будущее; V. Укрепление ключевой роли ООН и продвижение реформы глобальной системы управления.

В качестве итоговой оценки роли Китая в современной системе ГУ в документе подчеркивается, что Китай принимает активное уча-

---

[1] Си Цзиньпин принял участие в диалоге между КПК и другими политическими партиями мира и выдвинул Инициативу глобальной цивилизации // *Синьхуа*. 16.03.2023. URL: https://russian.news.cn/20230316/a2bc0c83102e4cdea489909f82693a4d/c.html (дата обращения: 21.03.2023).

[2] См., напр.: Си Цзиньпин. Стремиться сформировать новую обстановку в дипломатии великой державы с китайской спецификой. Тезисы выступления на Рабочем совещании ЦК КПК по иностранным делам (22 июня 2018 года) // О государственном управлении. Т. III. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2021. С. 630.

стие в реформировании и развитии системы ГУ. КНР практикует консультации, сотрудничество и соблюдает общие выгоды в ГУ, поддерживает истинную многосторонность, способствует большей демократии в международных отношениях и работает над более справедливым и равноправным ГУ.

Далее, приведем резюме содержания выпущенных Информационным бюро Госсовета КНР вышеупомянутых двух Белых книг.

Помимо лаконичных Предисловия и Заключения, Белая книга «Глобальное сообщество общего будущего: предложения и действия Китая» (26.09.2023 г.) состоит из пяти частей. Их названия: I. Человечество на перепутье; II. Ответ на вызов времени и план на будущее; III. Глубокие корни в истории и культурных традициях; IV. Направление и путь; V. Действия и вклад Китая.

Как отмечено в этой Белой книге (подраздел «2.2. Подчеркивая новые особенности глобального управления»), «концепция глобального сообщества общего будущего»[1] постулирует, что все страны имеют общее будущее, и выступает за мир, характеризующийся открытостью и инклюзивностью, равенством и справедливостью, гармоничным сосуществованием, разнообразием и взаимным обучением, а также единством и сотрудничеством. В самом конце документа отмечено: «Когда все страны объединятся в стремлении к общему благу, будут вместе планировать и действовать сообща изо дня в день в правильном направлении построения глобального сообщества общего будущего, мы сможем построить открытый, инклюзивный, чистый и красивый мир с такими чертами, как прочный мир, всеобщая безопасность и общее процветание, а также совместно творить лучшее будущее для всего человечества»[2].

Помимо кратких Преамбулы и Заключения, Белая книга «Инициатива “Один пояс, один путь”: ключевой столп глобального сообщества общего будущего» (10.10.2023 г.) состоит из пяти основных частей. Их названия таковы: I. Предложено Китаем, но принадлежит всему миру; II. Прокладывая путь к совместному развитию и процветанию; III. Содействие всестороннему взаимодействию в различных областях; IV. Внесение позитивной энергии в мир и развитие во всем мире; V. Обеспечение неуклонного и устойчивого прогресса в высо-

[1] Данный термин использован в англоязычной версии этого акта как синоним «СЕСЧ» (*прим. автора*).

[2] Full Text: A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. White Paper, released by the State Council Information Office of the People's Republic of China // Xinhua. September 26, 2023. URL: https://english.news.cn/20230926/689e17beb34c44e6a41aead2e0475223/c.html (accessed: 13.11.2023).

кокачественном сотрудничестве в рамках реализации инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Заключение к этому документу гласит, в частности, что «Инициатива «Пояс и путь» дала новую жизнь истории культурных обменов, насчитывающей более двух тысячелетий, и вдохновила более 150 стран на стремление реализовать новые мечты. За 10 лет, прошедших с момента запуска Инициативы, сотрудничество в рамках ИПП принесло в мир замечательные и глубокие изменения и стало важной вехой в истории человечества. ИПП — это долгосрочный, транснациональный и системный глобальный проект XXI века. Удалось сделать первый шаг на долгом пути. Продолжая путь от этой новой отправной точки, Инициатива продемонстрирует большую креативность и жизнеспособность, станет более открытой и инклюзивной, а также создаст новые возможности как для Китая, так и для остального мира»[1].

Такова тезисная характеристика пяти главных глобальных инициатив председателя КНР Си Цзиньпина в 2013—2023 гг. и ряда новейших документов внешней политики и дипломатии КНР, детализировавших идеи и концепции председателя Си в указанный период времени.

В итоге, есть основания полагать следующее: с одной стороны, хотя ныне отношение Пекина к системе ГУ абсолютно неправомерно называть «великоханьски ультранационалистическим», как это делают многие западные и иные «политологи», однако в будущем, особенно в «эпоху после Си», вероятно усиление факторов китаецентризма в подходах Поднебесной к системе ГУ и к мировым делам в целом [Меркулов и др. 2025—2027].

О важнейших новых инициативах КНР в области ГУ в 2024—2025 гг.

В 2024—2025 гг. руководство КПК и КНР выдвинуло ряд новых важных стратегических и тактических инициатив в сфере ГУ, которые, на взгляд автора, дают основания полагать следующее.

• В «новую эпоху» КНР, руководимая КПК, стремится к роли глобального лидера, и этот стратегический курс Пекина варьируется

[1] Full text: The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. White Paper, released by the State Council Information Office of the People's Republic of China // Xinhua. October 10, 2023. URL: https://news.cgtn.com/news/2023-10-10/Full-text-China-releases-white-paper-on-Belt-and-Road-cooperation-1nMwG1FHWLu/index.html (accessed: 13.11.2023).

от активного участия в многочисленных международных организациях до собственных международных инициатив, в том числе «Пояс и путь», АБИИ и др. [CPC 2022, p. 5][1].

• По мнению зарубежных синологов, «в Пекине существует иерархия проблем безопасности, на вершине которой находится безопасность режима», при этом «Пекин должен сбалансировать и все системные вызовы, включая потенциальную напряженность между интересами безопасности и экономическим развитием» [CPC 2022, p. 181]. В итоге можно сказать, что суть концепции «национальной безопасности с характеристиками КПК» ныне заключается в том, что «главной заботой КПК является безопасность режима; второе — региональная безопасность в Азии; и третье — глобальная безопасность. Вместе они составляют «целостный взгляд на национальную безопасность», — концепцию, выдвинутую Си Цзиньпином в 2014 году» [CPC 2022, p. 181].

• Возражения КНР против «порядка, основанного на правилах» западной рыночной демократии, весьма весомы. Их можно суммировать так: Пекин считает, что «система, основанная на [западных рыночно-демократических и т. п.] правилах», была создана Вашингтоном для выгоды США и их союзников, но Пекин пришел к выводу, что глобальная система должна быть изменена в соответствии с его интересами, так как иначе эта система может сработать против КНР и подорвать власть КПК внутри страны [CPC 2022, p. 177].

Основные выводы

1. В «эпоху Си» началась новая глава в подходе КНР к системе ГУ. И все это — на фоне гармоничного сочетания во внутренней и внешней политике Пекина элементов возрождающейся общей конфуцианской традиции, «великоханьской» автократии, неомарксистско-ленинской и отчасти «сицзиньпинизированной» партократии, «неосталинизма на ханьский манер», «смешанной, или гибридной, социалистической рыночной экономики» в духе «неоленинской НЭП» (т. е. баланса, в том числе в свете итогов 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва 15—18 июля 2024 г., видимой силы госплана и невиди-

[1] Данный сборник статей ряда крупнейших мировых китаеведов под редакцией профессоров Фрэнка Н. Пика и Берта Хофмана был издан в 2022 г. (накануне XX съезда КПК) в Сингапуре под эгидой Восточно-Азиатского института Национального университета Сингапура. Краткая рецензия Меркулова К.К. на эту книгу опубликована в № 5 журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2023 г.

мой роли рынка), атрибутов «азиатского способа производства» и др. (см. [Борох, Ломанов 2024, с. 120—141]).

2. В «эпоху Си» подход КПК и КНР к системе ГУ ознаменовался не только отказом от геополитических заветов Дэн Сяопина — отца-основателя» курса реформ и открытости Китая внешнему миру[1], предлагавших Китаю «держаться в тени», но стал и стратегически, и тактически все более определяться внутренними и внешними императивами «великоханьской» модернизации с прицелом на роль Китая как «сверхдержавы № 1» (на смену США) и соответствующими этим целям «реформой и развитием» системы ГУ, прежде всего, в интересах самой Поднебесной.

3. Ныне подход Пекина к системе международных отношений в целом и к системе ГУ в частности отличается умеренным китаецентризмом. (Исключением может стать «тайваньский вопрос».) Но есть основания предполагать, что в «эпоху после Си», т. е., видимо, в середине нынешнего века, роль идей «сверхдержавного» китаецентризма в стратегии и тактике «возрожденного» Китая возрастет, судя по ряду прогнозов, вплоть до допущения внешней силовой экспансии, в том числе «на Запад» [Истинные планы Китая 2024].

Подробнее комплекс вопросов отношения Китая к системе ГУ, в том числе в обозримой перспективе, исследован, среди прочих солидных НИР, в специально посвященных данной теме фундаментальных трудах дипломатов и ученых семьи Меркуловых [Меркулов и др. 2025—2027]. При этом был адекватно учтен передовой опыт КПК и КНР в плане оптимизации системы ГУ, в том числе в виде так называемого Пекинского («конвергентного») консенсуса.

Библиографический список

Виноградов А.В. Новые основания политических реформ // Китай в эпицентре глобальных проблем КНР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16—18 октября 2013 г. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 247—248.

[1] Подробнее см., например: Си Цзиньпин призвал внести еще больший вклад в продвижение китаизации и осовременивания марксизма /подробная версия-1/. 29.11.2024 // Russian.News.Cn. URL: https://russian.news.cn/20241129/79474435846145 5eacbe7b32ee31db26/c.html (дата обращения: 19.12.2024); Статья Си Цзиньпина о сохранении традиционных устоев и развитии инновационной деятельности будет опубликована в журнале «Цюши» /подробная версия-1/. 30.11.2024 // Russian.News.Cn. URL: https://russian.news.cn/20241130/fa7c0dde7aaf49a3a2bb98909e3ec1d4/c.html (дата обращения: 19.12.2024) и др.

Глобальное управление в новую эпоху: концепции и подходы / Под ред.: И. Иванов, Xie Fuzhan, А. Кортунов, Сунь Чжуанчжи. Пекин: Издательство КАОН, 2022 // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/globalnoe-upravlenie-v-novuyu-epokhu-kontseptsii-i-podkhody/ (дата обращения: 22.08.2022).

Истинные планы Китая. Китай готов поглотить весь мир..., включая нас. (Лекция профессора Цзинь Цаньжуна в Китайском народном университете Гуаньча, 2024 г.). URL: https://mail.google.com/mail/u/0/#inbox/FMfcgzGxRngxvfTclQjjkjffjVsKqchN?projector=1 и URL: https://www.youtube.com/watch?v=_u8II4gCVns (дата обращения: 24.02.2024).

Ларин В.Л. Китайская повестка мировой политики XXI века // Российское китаеведение. 2023. № 1. С. 14—34. DOI: 10.48647/ICCA.2023.97.55.001.

Лексютина Я.В. Участие КНР в глобальном управлении: исторический фон и современный этап // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 6—20.

Лю Цзинюань. Взгляд китайских ученых на систему глобального управления // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 6А. С. 114—118. DOI: 10.34670/AR.2023.14.45.010

Меркулов К.А., Меркулова Э.А., Меркулов К.К. Манифест истинного добра. В 20 т. М.: Издательство «Спутник +», 2025—2027. (Готовится к печати).

References

Global'noe upravlenie v novuyu epohu: koncepcii i podhody (2022). [Gobal governance in the new epoch: concepts and approaches] / Ed.: I. Ivanov, Xie Fuzhan, A. Kortunov, Sun' CHzhuanchzhi. *Beijing, KAON PH; Moscow, RSMD.* URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/globalnoe-upravlenie-v-novuyu-epokhu-kontseptsii-i-podkhody/ (accessed: 22 August, 2022). (In Russian).

Istinnye plany Kitaya. Kitaj gotov poglotit' ves' mir..., vklyuchaya nas. (Lekciya professora Czin' Can'zhuna v Kitajskom narodnom universitete Guan'cha, 2024 g.) [China's Real Plans: China is Ready to Absorb the Whole World... Including Us (Lecture by Professor Jin Canrong at Renmin Guancha University of China)] (2022). URL: https://mail.google.com/mail/u/0/#inbox/FMfcgzGxRngxvfTclQjjkjffjVsKqchN?projector=1 and https://www.youtube.com/watch?v=_u8II4gCVns (accessed: 24 February, 2024). (In Russian).

Larin, V.L. (2023). Kitajskaya povestka mirovoj politiki XXI veka [Chinese Agenda of World Politics in the 21st Century], *Rossijskoe kitaevedenie [Journal of Russian Sinology]:* 1: 14—34. DOI: 10.48647/ICCA.2023.97.55.001 (In Russian).

Leksyutina, Ya.V. (2020). Uchastie KNR v global'nom upravlenii: istoricheskij fon i sovremennyj etap [China's Participation in Global Governance: Historical Background and Current Stage], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]:* 2: 6—20. (In Russian).

Liu Jinyuan. Vzglyad kitajskih uchenyh na sistemu global'nogo upravleniya [The view of the Chinese scholars on the global governance system], *Teorii i problemy*

politicheskih issledovanij [*Theory and practice of political studies*]: 11: 6A: 114—118. DOI: 10.34670/AR.2023.14.45.010 (In Russian).

Merkulov, K.A.; Merkulova, E.A.; Merkulov, K.K. Manifest istinnogo dobra [Manifesto of the True Good]. V 20 t. [In 15 vol.]. (Is being prepared for publication). (In Russian).

Vinogradov, A.V. (2013). Novye osnovaniya politicheskih reform [New foundations for political reforms], *Kitaj v epicentre global'nyh problem KNR: Tezisy dokladov HH Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kitaj, kitajskaya civilizaciya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy»*. Moskva, 16—18 oktyabrya 2013 g. [China at the Epicenter of Global Problems of the PRC: Abstracts of the Reports of the XX International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and the World. History, Modernity, Prospects". Moscow, October 16—18, 2013]: Moscow, IFES RAS: 247—248. (In Russian).

* * *

Chestnut Greitens, Sheena (2022). Xi Jinping's Quest for Order. Security at Home, Influence Abroad, *Foreign Affairs,* October 3. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/xi-jinping-quest-order (accessed: 11 March, 2023).

CPC Futures. The New Era of Socialism with Chinese Characteristics (2022). Ed. Frank N. Pieke and Bert Hofman, *Singapore: National University of Singapore Press for the East Asian Institute:* VIII, 194 p.

Yanzhong Huang; Kurlantzick, Joshua (2021). China's Approach to Global Governance. CFR Report // *CFR.* 2021. URL: https://www.cfr.org/china-global-governance/ (accessed: 4 May, 2021).

Поступила в редакцию: 16.05.2025 Received: May 16, 2025
Принята к публикации: 30.06.2025 Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.56.57.001

И.Е. Денисов

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу внедрения приложений искусственного интеллекта (ИИ) в систему китайской дипломатии. В работе рассматриваются политико-идеологические основания применения ИИ во внешнеполитическом процессе, экспертные дискуссии о роли ИИ в современном миропорядке, а также систематизируются подходы КНР к прогнозированию конфликтов и оценке геополитических рисков с помощью алгоритмов. В статье отмечается, что руководством КНР развитие ИИ рассматривается как часть реформы государственного аппарата и модернизации национальной системы управления. Обновление содержания и стиля внешней политики после прихода к власти пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином тесно связано с задачей усиления аналитической поддержки, в том числе с использованием современных технологий сбора и обработки информации. Подчеркивается, что Китай рассматривает ИИ не просто как вспомогательный инструмент, а как стратегический ресурс для усиления своих позиций в мире. В исследовании проанализированы китайские взгляды по таким вопросам, как влияние ИИ на современный миропорядок, последствия милитаризации цифровых технологий, вызовы ИИ для глобального управления и международного права. Оценка внешнеполитических рисков является приоритетным функционалом существующих и проектируемых систем поддержки решений на основе ИИ. Китайские эксперты уделяют внимание проблемам применения ИИ для внешнеполитического анализа, включая ограниченные возможности объяснительных моделей и недостаток «эмпатической компе-

тенции». Выдвинутая концепция «гибридной дипломатии» (*hunhe waijiao*) показывает противоречие между амбициями Китая в сфере ИИ и прагматичной оценкой потенциала «слабого ИИ». Делается вывод о том, что, несмотря на сложности, связанные с аппаратной и алгоритмической базой, а также с необходимостью интерпретации многоуровневых политических контекстов, Китай продолжит активно развивать и внедрять ИИ в процессы внешнеполитического анализа и принятия решений.

***Ключевые слова*:** Китай, искусственный интеллект, внешняя политика, цифровая дипломатия, алгоритмы, большие данные, внешнеполитический анализ, эмпатическая компетенция.

***Автор*:** *Денисов Игорь Евгеньевич*, старший научный сотрудник, МГИМО МИД России (адрес: 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: iedenisov@yahoo.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Денисов И.Е. Искусственный интеллект и китайская дипломатическая стратегия: от теории к практике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 122—142. DOI: 10.48647/ICCA.2025.56.57.001.

I.E. Denisov

Artificial intelligence and China's diplomatic strategy: from theory to practice

Abstract. This article analyzes the integration of artificial intelligence (AI) applications into the system of Chinese diplomacy. It examines the political and ideological foundations of AI use in foreign policy, explores expert debates on the role of AI in the modern world order, and systematizes the People's Republic of China's (PRC) approaches to conflict forecasting and geopolitical risk assessment through algorithmic tools. The study emphasizes that the Chinese leadership views AI development as part of the reform of the state apparatus and the modernization of the national governance system. The transformation of the content and style of foreign policy since the rise of the fifth generation of leaders under Xi Jinping is closely linked to the goal of enhancing analytical support, including through the use of advanced information collection and processing technologies. It is highlighted that China regards AI not merely as an auxiliary tool but as a strategic resource for strengthening its global position. The article analyzes Chinese perspectives on such issues as the impact of AI on the world order, the consequences of digital technology militarization, and the challenges AI poses to global governance and international law. Risk assessment in foreign policy is identified as a key function of both existing and developing AI-based decision support systems. Chinese experts pay part-

icular attention to the limitations of explanatory models and the lack of «empathetic competence» in applying AI to foreign policy analysis. The proposed concept of «hybrid diplomacy» (*hunhe waijiao*) reveals a tension between China's ambitions in the AI domain and its pragmatic assessment of the capabilities of «weak AI». The study concludes that, despite challenges related to hardware, algorithms, and the interpretation of complex political contexts, China will continue to actively develop and apply AI in the processes of foreign policy analysis and decision-making.

***Keywords*:** China, artificial intelligence, foreign policy, digital diplomacy, algorithms, big data, foreign policy analysis, empathic competence.

***Author*:** Igor E. DENISOV, Senior Research Fellow, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: iedenisov@yahoo.com

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Denisov I.E. (2025). Iskusstvennyj intellekt i kitajskaya diplomaticheskaya strategiya: ot teorii k praktike [Artificial intelligence and China's diplomatic strategy: from theory to practice], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*:30(30): 122—142. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.56.57.001.

Введение

Использование искусственного интеллекта (ИИ) в КНР для модернизации государственного управления и создания системы социального контроля подробно изучено в ряде работ. Однако практика внедрения новых технологий в сфере дипломатии остается мало исследованной в отечественной и мировой синологии. Между тем китайские эксперты все чаще публикуют работы о применении ИИ и машинного обучения в рамках «интеллектуализированной дипломатии» для повышения качества внешнеполитических решений.

Термины «цифровая дипломатия», «алгоритмическая дипломатия», «интеллектуализированная дипломатия» и «дипломатия данных» в китайской академической литературе используются взаимозаменяемо, несмотря на отсутствие устоявшихся определений. Эти понятия охватывают применение ИИ и больших данных для анализа и прогнозирования международной обстановки, внешнеполитического планирования, развития новых цифровых форматов «мягкой силы». В ряде случаев термины могут означать участие Китая в глобальных инициативах по регулированию информационных технологий и ИИ,

однако этот вопрос не является основным предметом нашего исследования.

Цель настоящей статьи — проанализировать политико-идеологические основания применения ИИ во внешнеполитической сфере, обобщить китайские экспертные дискуссии о влиянии ИИ на международные отношения и систематизировать существующие подходы к прогнозированию конфликтов и оценке рисков с помощью алгоритмов.

Концептуальная основа «дипломатии данных»

Обновление содержания и стиля китайской дипломатии после прихода к власти пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином связано с усилением аналитической поддержки внешней политики, включая использование современных технологий сбора и обработки информации. Важным мотивом реформы системы принятия внешнеполитических решений стало осознание политической элитой уникальности момента выдвижения Китая в центр мировой политики. «Период стратегических возможностей», о котором говорили предшественники Си, больше не воспринимается как данность, слабо зависящая от качества аналитики и гибкости управления. Слишком общий или запаздывающий взгляд на быстро меняющуюся внешнюю среду может привести к просчетам. Учитывая интеграцию Китая в мировую финансово-экономическую систему, возможные ошибки имеют и материальное измерение.

Современное китайское внешнеполитическое мышление, сохраняя стабильность общего курса и оценок, что выражается в понятии «大局, *daju*» (общая обстановка), становится многоуровневым и проактивным, с повышенным вниманием к деталям и достоверности информации. Актуальной становится создание целостной и эффективной системы поддержки внешнеполитических решений. Все большее внимание уделяется оценке не только возможностей, но и связанных с ними рисков. В китайских работах по ИИ отмечается, что хаотизация мира, разнонаправленные потоки информации, к которым в эпоху «постправды» примешивается дезинформация и «белый шум», предъявляют новые требования к аналитическому продукту для лиц, принимающих решения.

Технологическую перенастройку механизма экспертной поддержки в дипломатии КПК увязывает с более широкой задачей — реформой государственного управления, с акцентом на повышение способности партии реагировать на вызовы более сложного общест-

ва. Именно внутренние мотивы в решающей степени определяют содержание реформы аналитической работы, несмотря на то что в политической культуре КНР декларируется равное внимание к внешней и внутренней обстановке.

Эти акценты были обозначены на Центральном совещании по внешнеполитической работе (22—23 июня 2018 г.), прошедшем под председательством Си Цзиньпина. В своей речи он связал реформу дипломатического аппарата и всей сферы внешних связей с выполнением стратегической задачи **модернизации национальной системы управления**. Особое внимание Си Цзиньпин уделил точности оценок мировой динамики: «В международном хаосе, который так сложен и изменчив, мы не должны потерять ориентиры и в погоне за мелочами забыть о главном». Он потребовал «не только спокойно анализировать различные международные явления, но и включать себя в ситуацию, рассматривать проблемы в контексте отношений Китая с миром, прояснять нашу позицию и роль в эволюции мировой обстановки, научно формулировать нашу внешнюю политику»[1].

Призыв к «спокойному анализу» (冷静分析, *lengjing fenxi*) у многих представителей внешнеполитической бюрократии вызвал ассоциации с формулой Дэн Сяопина из 24 иероглифов, которая как раз начиналась с требования «спокойно наблюдать» (冷静观察, *lengjing guancha*). Дипломатия Си Цзиньпина задает новую парадигму, включающую активную оценку рисков и расширение горизонта анализа с помощью ИИ и больших данных.

31 октября 2018 г. состоялась коллективная учеба Политбюро ЦК КПК на тему «Текущая ситуация и тенденции развития искусственного интеллекта». В выступлении Си Цзиньпина эта сфера была названа стратегически важной для Китая, поскольку искусственный интеллект оказывает «далеко идущее влияние на экономическое развитие, социальный прогресс, международную политическую и экономическую обстановку». Среди приоритетов Си Цзиньпин назвал строительство интеллектуальной информационной инфраструктуры, разработку систем ИИ для государственных услуг и принятия решений[2].

---

[1] Xi Jinping: nuli kaichuang zhongguo tese daguo waijiao xin jumian [Си Цзиньпин: Энергично создавать новую ситуацию в дипломатии большого государства с китайской спецификой] // Xinhua. 23.06.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-06/23/c_1123025806.htm (accessed: 15.05.2025).

[2] Xi Jinping: tuidong woguo xin yi dai rengong zhineng jiankang fazhan [Си Цзиньпин: содействовать здоровому развитию нового поколения искусственного интеллекта в нашей стране] // Xinhua. 31.10.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-10/31/c_1123643321.htm (accessed: 15.05.2025).

Постоянное внимание руководства КПК к вопросам развития и регулирования ИИ подтверждается регулярным включением этой темы в повестку партийных совещаний. 25 апреля 2025 г. на коллективной учебе Политбюро Си Цзиньпин отметил, что в связи с быстрым развитием технологий нового поколения ИИ необходимо придерживаться курса на самодостаточность и укрепление собственного потенциала (自立自强, *zi li zi qiang*), обращать внимание на прикладные разработки. Генеральный секретарь подчеркнул, что для обеспечения лидерства в области ИИ «необходимо достичь прорывов в фундаментальных теориях, методах и инструментах», построить «автономную, контролируемую и скоординированно функционирующую программно-аппаратную систему ИИ». ИИ рассматривается не как вспомогательный инструмент, а как стратегический ресурс модернизации и усиления глобального влияния («прочно удерживать инициативу в развитии и управлении ИИ»)[1]. Этот политико-идеологический подход четко соотносится с необходимостью модернизации внешнеполитической сферы и создания в Китае суверенной системы «интеллектуализированной дипломатии», чтобы не отстать от глобальных тенденций смещения центра тяжести дипломатии в цифровое пространство.

Развитие искусственного интеллекта и система международных отношений: взгляд из Китая

Дискуссии о влиянии ИИ на мировую политику начались в Китае задолго до публикации «Программы развития искусственного интеллекта нового поколения» (июль 2017 г.), однако вторая половина 2017 г. и особенно 2018 г., на фоне обострения технологического противостояния США и КНР, стали рубежом, после которого футуристические представления китайских экспертов о роботизированной дипломатии и войнах будущего обрели практическую актуальность. Атаки США на ZTE, Huawei и китайские интернет-платформы заставили аналитиков по-новому взглянуть на ИИ как средоточие самых современных технологий, которыми владеет государство, как ключе-

[1] Xi Jinping: zai Zhonggong Zhongyang Zhengzhiju di ershi ci jiti xuexi shi qiangdiao jianchi zili ziqiang tuchu yingyong daoxiang tuidong rengong zhineng jiankang youxu fazhan [Си Цзиньпин подчеркнул в ходе двадцатой коллективной учебы Политбюро ЦК КПК необходимость придерживаться самодостаточности и укрепления собственного потенциала, акцентировать прикладную направленность и продвигать здоровое и упорядоченное развитие искусственного интеллекта] // Xinhua. 26.04.2025. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/20250426/63f5cde8f4b54e22ba35aa7ec7884b3a/c.html (accessed: 15.05.2025).

вой элемент, определяющий позиции Китая в мире и его отношения с ведущими мировыми державами. Вопросы ИИ стали стратегическим фокусом для лиц, принимающих решения.

Искусственный интеллект привлекает все более пристальное внимание китайских специалистов по международным отношениям. Примечательно, что директором одного из авторитетных научных центров по ИИ — созданного в ноябре 2018 г. Исследовательского центра стратегии и безопасности Университета Цинхуа — назначена бывшая замглавы МИД КНР, посол Фу Ин[1]. В рамках этой аналитической структуры работает Междисциплинарный центр искусственного интеллекта и государственной безопасности (人工智能与国家安全跨学科中心, *Rengong zhineng yu guojia anquan kuaxueke zhongxin*)[2] (далее — Центр). В открытом доступе отсутствуют полные сведения о руководителе и сотрудниках Центра, но по опубликованным докладам видно, что среди авторов есть как академические исследователи, так и практики. Междисциплинарный подход обеспечивается формированием научных групп с участием специалистов в области информационных технологий, кибербезопасности и технологий баз данных, с одной стороны, и экспертов в области государственного управления и международных отношений, с другой.

Несмотря на то что Центр появился на фоне ухудшения китайско-американских отношений (по сути — необъявленной «технологической войны»), его работа прицельно сосредоточена на США. Он играет ключевую роль в обменах с американскими мозговыми центрами, которые не прервались даже после возвращения Д. Трампа в Белый дом. В аналитической продукции Центра США уделяется особое внимание (в частности, летом 2020 г. был подготовлен доклад о восприятии инициативы «Цифрового Шелкового пути» в Соединенных Штатах). Есть и примечательные кадровые пересечения: один из наиболее активных сотрудников Центра, исполнительный секретарь Чэнь Ци, одновременно возглавляет Центр китайско-американских отношений Университета Цинхуа, а также является одним из ключевых участников китайско-американского диалога по ИИ и международной безопасности в рамках второй дорожки *(U.S.-China Track II*

---

[1] Официальное наименование центра на английском языке — Center of International Security and Strategy, Tsinghua University (CISS), на китайском языке — 清华大学战略与安全研究中心, *Qinghua daxue zhanlue yu anquan yanjiu zhongxin*.

[2] В составе Университета Цинхуа в 2018 г. был также создан Институт искусственного интеллекта (директор — академик Чжан Бо), который сосредоточен на разработке алгоритмов и приложений ИИ.

Dialogue on Artificial Intelligence and International Security). С октября 2019 г. по февраль 2025 г. состоялось 10 раундов (последний по времени прошел 13—14 февраля 2025 г. в Мюнхене на полях Мюнхенской конференции по безопасности) [U.S.-China Track II...]. В опубликованном списке китайских участников специально подчеркивается его неполнота и анонимность ряда «важных членов проектной группы» [Zhongmei rengong...]. Косвенно это указывает на участие экспертов с чувствительными аффилиациями — от военных и разведывательных структур до представителей партийно-государственных органов и технологических компаний. Это соответствует логике дипломатии второй дорожки, где гибкость формата и анонимность участников обеспечивают как содержательную глубину диалога, так и гарантированную защиту от политических издержек.

Анализ научных публикаций Центра показывает, что они касаются наиболее острых проблем влияния ИИ на международную безопасность. Эксперты подчеркивают двойственную природу ИИ как источника трансформации международного порядка [Fu Ying] и одновременно фактора стратегической неопределенности в условиях милитаризации технологий и нарастания глобальной конкуренции [Chen Qi, Zhu Rongsheng]. В центре внимания авторов — необходимость глобальных усилий по созданию правовой базы и принципов безопасного управления ИИ, включая выработку этических норм [Fu Ying, Li Ruishen].

Суммируя оценки экспертов Центра, можно выделить ключевые тезисы, формирующие стратегический ответ Китая на наступление эпохи ИИ:

1. Обсуждение влияния ИИ на международные отношения следует ограничить существующими технологиями ИИ и приложениями, которые основаны на больших данных и глубоком обучении и характеризуются тремя элементами: вычислительной мощностью, алгоритмами и данными. Непрактично обсуждать будущие технологии «сильного ИИ».

2. ИИ меняет взаимоотношения между глобальными акторами, бросает вызовы существующим международным нормам и вызывает появление новых норм, тем самым формируя новый международный порядок. Развитие ИИ, вероятно, приведет к углублению многоаспектной зависимости малых и слабых стран от крупных держав. Возникают новые вызовы для глобального управления, связанные с трансграничным перемещением данных.

3. «Новая индустриализация» на основе ИИ приведет к возвращению производства в развитые экономики. Многие развивающиеся страны испытают ускоренную «деиндустриализацию», закрепится их

ресурсный статус, а перспективы индустриального развития могут быть безвозвратно потеряны.

4. Международная система развивается в направлении биполярности с Китаем и США в качестве двух полюсов. США и Китай, лидирующие в области ИИ и комплексной национальной мощи, в ближайшие годы могут оставить другие страны позади.

5. В интеллектуализированных войнах подавляющее превосходство на поле боя принадлежит сторонам, имеющим технологическое преимущество в ИИ. Эпоха алгоритмического противоборства предполагает сбор данных и обучение алгоритмов для достижения качественной модернизации военной мощи. Технологически передовые страны развернут более совершенное оружие или создадут новые оперативные концепции, основанные на ИИ. В логике реализма это может усилить гонку вооружений и взаимное недоверие, повышая риск конфликтов.

6. Китайские эксперты все чаще сравнивают ИИ и ядерное оружие как фактор стратегической нестабильности. Однако на техническом уровне риски, вызванные ИИ, не являются полностью неустранимыми. Повышение точности сбора и анализа разведывательных данных с использованием ИИ может сделать сдерживание более надежным.

Китайский анализ вызовов, связанных с ИИ, подчеркивает, что большие генеративные модели (например, ChatGPT) представляют собой «качественно новый тип негосударственного актора», выходящий за рамки традиционных теорий международных отношений. Такие модели не только «передают определенные ярлыки, знания и ценности», но и «способны массово генерировать таргетированные высказывания, имитировать речь пользователей и осуществлять атаки в интернет-пространстве». В этом контексте китайские эксперты фиксируют смещение акцента с классических акторов международных отношений на новые технологические носители власти и влияния [Yu Nanping, p. 95—96].

Не все исследователи готовы считать большие языковые модели полноценными участниками мировой системы, хотя консенсусом является признание того, что четвертая промышленная революция действительно трансформирует задачи дипломатии и характер ее институтов. В частности, Цай Цуйхун и Дай Литин полагают, что в связи с развитием социальных сетей с их мгновенным доступом к информации усилились «глубина, эффективность и влияние различных акторов в дипломатии», а «развитие ИИ и больших данных превратилось в ключевую тему международной конкуренции» [Cai Cuihong, Dai

Liting, p. 141—143]. Это, по их мнению, ведет к фрагментации повестки дня и формированию «новой дипломатии», чувствительной к сетевым настроениям, киберугрозам и соперничеству. Как отмечают авторы, «до четвертой промышленной революции дипломатия была сосредоточена на интересах в области «высокой политики», теперь же технологическое доминирование само по себе стало основным элементом национальной безопасности» [Cai Cuihong, Dai Liting, p. 143].

Согласно Хань Сяо и У Чжичэну, «США все больше сосредотачивают свою дипломатическую стратегию на цифровой сфере, рассматривая технологические преимущества и конкурентоспособность как ключ к консолидации глобальных стратегических ресурсов, с целью укрепления альянса западных демократий и активизации стратегического соперничества с Китаем» [Han Xiao, Wu Zhicheng, p. 97]. В другом исследовании подчеркивается, что основной задачей для Китая в ответ на цифровое давление Запада является «взвешенный анализ геополитической конфигурации и конкуренции в цифровую эпоху». Создание «передовой системы цифровой дипломатии» в Китае требует «модернизации технологий и переосмысления стратегических установок», а также «проектирования на высшем уровне» (顶层设计, *dingceng sheji*) [Dong Qingling, p.83].

Текущий этап развития прикладных разработок в КНР характеризуется активным поиском оптимальных решений в напряженном геополитическом контексте. Для полноценного внедрения ИИ в дипломатическую практику требуется не только время, но и качественный прорыв в технологической сфере, продуманные институциональные и кадровые решения.

Технологический поворот МИД КНР

Несмотря на растущее количество китайских работ о применении ИИ в дипломатии, сведения о практическом внедрении конкретных разработок в системе МИД КНР весьма скупы и отрывочны. В 2018 г. гонконгская *South China Morning Post* впервые сообщила, что в Китае разрабатываются несколько прототипов дипломатической системы, использующей алгоритмы ИИ[1]. Источники в МИД КНР подтвердили газете существование плана по использованию ИИ-приложений для

[1] Chen Stephen. Artificial intelligence, immune to fear or favour, is helping to make China's foreign policy // South China Morning Post. July 30, 2018. URL: https://www.scmp.com/news/china/society/article/2157223/artificial-intelligence-immune-fear-or-favour-helping-make-chinas (accessed: 15.05.2025).

совершенствования работы министерства. В статье говорится, что, по крайней мере, одна система, созданная Китайской академией наук (КАН), уже используется в Департаменте по вопросам внешней безопасности (涉外安全事务司, *Shewai anquan shiwu si*) МИД КНР. «Платформа моделирования и прогнозирования геополитической обстановки» использовалась для проверки «почти всех зарубежных инвестиционных проектов». Система имеет доступ к правительственным базам данных, использует глубокое обучение и нейросети для оценки рисков и прогнозирования политических кризисов, в том числе террористических атак. Хотя сама система не способна принимать стратегические решения, ее опытная эксплуатация дает «обнадеживающие результаты».

Исследователь из Шанхайской академии международных исследований Фэн Шуай заявил гонконгской газете, что ИИ-системы принятия решений уже привлекают внимание, хотя исследования в этой области в Китае находятся на ранней стадии. Разработкой занимаются несколько научных групп. При этом, как указывается в статье, у дипломатических приложений ИИ есть ограничения: для работы необходим большой объем данных, некоторые из которых могут быть недоступны. Кроме того, алгоритмы требуют четкого целеполагания, что может быть сопряжено с трудностями. Есть влияние человеческого фактора, поскольку оператор системы может сгладить результаты, произвольно изменив некоторые параметры. Несмотря на перечисленные проблемы, отказ от практического применения ИИ считается проигрышем. «Субъекты, лишенные помощи искусственного интеллекта, окажутся в абсолютно невыгодном положении во многих аспектах, таких как оценка рисков, выбор стратегии, эффективность принятия и исполнения решений, надежность принятия решений», — отметил Фэн Шуай[1].

Исследователь из Института автоматики КАН Лю Юй, участвовавший в разработках систем ИИ по заказу НОАК, оптимистично оценивает перспективы использования искусственного интеллекта в дипломатии. Лю Юй считает, что дипломатам будет трудно выиграть стратегическую игру против ИИ, поскольку ИИ думает на несколько шагов вперед, рассматривает множество возможных сценариев и способен выработать наилучшую стратегию[2].

Хотя стремление разработчиков стимулировать «аппетиты» заказчика иногда бывает очевидно, стоит отметить, что подобный востор-

[1] Ibidem.
[2] Ibidem.

женный взгляд разделяют не все. Как отметил в беседе с газетой анонимный эксперт КАН, машина никогда не заменит дипломатов, а может лишь оказать поддержку в процессе принятия решений. Кроме того, по оценке этого специалиста, не только технические проблемы являются ограничителем широкого использования систем ИИ. Существуют и весьма серьезные бюрократические барьеры. По словам источника, все еще затруднен обмен данными между государственными учреждениями КНР. Например, МИД КНР не всегда получает доступ к необходимым данным из-за административных ограничений.

Анализ литературы по ИИ показывает, что оценка рисков является приоритетным функционалом существующих и проектируемых систем ИИ. Научный сотрудник Шанхайской академии международных исследований Чжан Чунь подчеркивает, что для китайской дипломатии важно не допустить перерастания рисков в конфликты, для этого необходимо внедрять в практику автоматизированные механизмы упреждающего реагирования [Zhang Chun]. Автор опирается на зарубежные методики и модели с учетом задач китайской дипломатии. Отмечается, что, кроме влияния деглобализации, Китай подвергается особым рискам, связанным с его стремительным ростом. Системы раннего предупреждения, по мнению Чжан Чуня, должны охватывать: (1) анализ стабильности обстановки в целевой стране; (2) анализ динамики двусторонних отношений; (3) оценку влияния этих отношений на третьи страны (интегральным показателем будет индекс стабильности многосторонних отношений). Цель системы — раннее предупреждение о дипломатических трениях, спорах и даже конфликтах, а также выработка адресных рекомендаций по реагированию на основе оценки типа и признаков потенциальных рисков [Zhang Chun, p. 30—35].

Границы применимости ИИ

Несмотря на заявленные амбиции, практическая реализация ИИ в дипломатии сталкивается с рядом методологических вызовов. В этом контексте Сун Вэй подчеркивает значение ИИ для описательных задач, одновременно указывая на серьезные ограничения в других областях анализа. По его мнению, большие данные следует использовать с осторожностью в объяснительном анализе, поскольку алгоритмы могут искажать причинно-следственные связи. Поэтому автор акцентирует роль эксперта в интерпретации обнаруженных корреляций, которые могут быть случайными. В то же время он признает, что большие данные помогают точному прогнозированию, в

том числе в сфере публичной дипломатии. Анализ социальных сетей позволяет проводить сегментацию целевой аудитории, оценивать развитие ситуации, предупреждать о кризисах, что способствует «прецизионному политическому маркетингу» [Song Wei, p. 131—133].

Однако избыток информации ведет к «смещению анализа», то есть снижает аналитическую точность. Сун Вэй занимает здесь консервативную позицию, отмечая, что в реальных ситуациях часто достаточно «удовлетворительного рационального подхода», а не стремления к абсолютной полноте [Song Wei, p.134]. Он также считает, что ИИ не подходит для проведения стратегических исследований, поскольку алгоритмы не способны заменить понимание стратегических межгосударственных отношений. Новые технологии не снижают значимость исследователя или лица, принимающего решения; напротив, в большинстве случаев они подчеркивают важность профессиональных знаний и аналитических навыков человека [Song Wei, p. 140].

Нам представляется, что такой сдержанный и консервативный подход характерен для большой части внешнеполитического истеблишмента, в то время как представители НОАК демонстрируют более оптимистичные оценки потенциала ИИ и больших данных для анализа, прогнозирования и поддержки принятия решений. Хотя статья Чжао Япин с соавторами (в/ч 31621) посвящена военной разведке, изложенные в ней подходы потенциально применимы и к внешнеполитическому анализу [Zhao Yaping et al.]. Одним из главных преимуществ ИИ авторы считают способность обрабатывать огромные объемы разнородных данных из множества источников, включая изображения, видео, звуки, тексты и данные с датчиков. Например, некоторые прикладные ИИ-системы демонстрируют точность распознавания образов выше 95 %, что значительно превосходит средний уровень человеческого восприятия. Это демонстрирует способность ИИ к сверхточному анализу информации [Zhao Yaping et al., p.36]. Тем не менее, как и многие гражданские специалисты, авторы признают, что несмотря на прогресс, ИИ все еще находится на стадии «слабой интеллектуализации» (弱智能化, *ruo zhinenghua*), большинство военных интеллектуальных систем характеризуются низкой универсальностью и сильно зависят от обучающих данных [Zhao Yaping et al., p. 41]. Однако даже с учетом этих ограничений, «преимущества технологий искусственного интеллекта в областях анализа разведданных и принятия военных решений становятся все более очевидными». ИИ автоматизирует рутинные задачи, что позволяет специалистам по разведке сосредоточиться на более сложных аналитических функциях, доверяя моделям выявление ключевых закономерностей в

больших массивах информации. «Профессиональные системы сбора данных в сочетании с алгоритмами интеллектуального анализа все чаще используются в качестве базовых технических средств для быстрого и качественного сбора информации» в военной разведке [Zhao Yaping et al., p. 36—37].

В китайских военно-стратегических исследованиях усиливается интерес к алгоритмам как к ключевому элементу нового типа информационного противоборства. Так, эксперты Института раннего предупреждения ВВС НОАК анализируют концепт «алгоритмической когнитивной войны» (算法认知战, *suanfa renzhizhan*), в которой именно алгоритмы становятся ядром воздействия на восприятие и принятие решений [Chen Changxiao et al.].

Стоит отметить разрыв в оценках между китайскими военными и академическими международниками по поводу прикладного использования ИИ. В академической среде сохраняется недоверие к выводам моделей без теоретической обоснованности, скепсис можно рассматривать и как сознательное сдерживание завышенных ожиданий от ИИ. Внешнеполитические практики, на которых ориентируется экспертное сообщество, предпочитают проверенные инструменты анализа, даже если они уступают в скорости или глубине охвата. МИД, действующий в условиях жесткой иерархии и высокой политической подотчетности, склонен мыслить стратегически и избегать решений, основанных на нестабильных технологиях. Для бюрократии алгоритмическая логика непрозрачна, а ответственность остается на должностном лице, что формирует устойчивое предпочтение человекоцентричной аналитики, даже если она медленнее и неполна. НОАК уже довольно давно действует в парадигме «интеллектуализированной войны» (智能化战争, *zhinenghua zhanzheng*), поэтому военные аналитики уже выработали доверие к автоматизированным системам поддержки принятия решений и готовы к их масштабированию. ИИ рассматривается как ключевой фактор, радикально меняющий характер военных действий. Военные сильнее ощущают давление международной конкуренции, особенно со стороны США, и видят в ИИ средство для сохранения позиций в гонке вооружений и получения асимметричного преимущества.

Анализ дискуссии будет неполным без учета позиции китайского инженерного сообщества («технарей»), чья логика заметно отличается от военных, дипломатов и ученых-международников. Разработчики вносят дополнительный уровень аргументации, поскольку непосредственно работают с архитектурой ИИ-систем, обучающими выборками и скрытыми уязвимостями моделей.

Содержательные замечания о внедрении ИИ в сферу принятия решений высказал академик Академии инженерных наук, главный научный сотрудник Института компьютерных технологий КАН Ли Гоцзе [Li Guojie]. Он отмечает, что нынешняя волна интереса к ИИ преимущественно исходит от корпоративного сектора, а не от академических кругов. Рост популярности цифровизации подогревает спрос на ИИ. Пока этот спрос будет сильным, а научное сообщество не будет так слепо оптимистично, развитие ИИ не войдет в период «зимы»[1] немедленно.

Тем не менее академик отмечает признаки «осени ИИ». Он указывает на переоценку способности существующих моделей к рассуждениям на основе здравого смысла. Как считает Ли Гоцзе, снижение зависимости глубокого обучения от объема данных сейчас становится ключевой задачей. Особенность нынешних алгоритмов ИИ — формула «большие данные, малые задачи». О реальном прогрессе можно будет говорить, когда будет реализован принцип «малые данные, большие задачи» и созданы модели, эмулирующие универсальность работы мозга.

Основная проблема машинного обучения заключается в обеспечении соответствия целей ИИ человеческим ценностям. Для разработчиков модели ИИ важно не количество и характер операций, а то, насколько правильно она действует. Опасения появляются не из-за отсутствия четкого понимания, «как генерируется результат», а от незнания того, когда ИИ может ошибиться. Научная задача — снизить частоту ошибок до приемлемого диапазона, особенно в условиях агрессивной внешней среды.

Ли Гоцзе считает, что точность модели обычно возрастает с ее сложностью, но при этом снижается интерпретируемость. Доверие к «черному ящику» предполагает и доверие к базе данных, на которой модель основана. В связи с этим проверка «предвзятости» данных также требует внимания. Новое поколение искусственного интеллекта должно развиваться как в направлении приложений общего назначения, так и в решении специализированных задач. При этом высокий приоритет имеют следующие направления: «трансферное обучение» (то есть использование опыта, накопленного при решении одной задачи, для решения аналогичных задач); повышение устойчивости и адаптируемости к сложным условиям конкретных приложений; обеспечение безопасности интеллектуальных систем.

[1] В глобальной дискуссии об ИИ под «Зимой искусственного интеллекта» (AI Winter) имеется в виду цикличный период в исследованиях, для которого характерно сокращение финансирования, общее разочарование в возможностях технологий и снижение интереса.

В целом китайские международники более восторженно оценивают перспективы ИИ, чем эксперты в сфере компьютерных технологий. Дун Цинлин и Цао Фэйцуй уверены, что «компьютерное мышление и развитие вычислительных возможностей станут ключевыми точками в построении глобального дипломатического потенциала» [Dong Qingling, Cao Feicui, p.44]. Выражение авторов «без вычислений нет дипломатии» (无计算不外交, *wu jisuan bu waijiao*) облечено в форму афоризма и закрепляет идеологему о незаменимости цифровых технологий и методов как основы дипломатии будущего [Dong Qingling, Cao Feicui, p. 70].

Сходные идеи о трансформационном потенциале больших данных и ИИ развивает Шэнь Бэньцю, отмечая, что мощные цифровые технологии позволяют «автоматически анализировать большие объемы структурированных и неструктурированных данных, выявляя скрытые закономерности и тенденции и предоставляя информацию для лиц, принимающих решения». Некоторые тенденции не поддаются простому наблюдению, и с этой точки зрения ИИ усиливает рациональность субъектов внешнеполитических решений, помогая «в максимальной степени избежать политических помех» [Shen Benqiu, p. 33—34]. Получение «новых инсайтов из анализа данных» дает возможность выявить «характеристики событий по их цифровым следам...с последующим принятием точных контрмер». Сентимент-анализ онлайн-публикаций в реальном времени дает основу для оценки конфликтного потенциала, что становится элементом систем раннего предупреждения о кризисах. При этом автор делает важную ремарку, постулируя (без аргументации), что данные методы анализа слабо применимы «в межгосударственных спорах по поводу территориального суверенитета и торговых конфликтах, ...где они не способны эффективно поддерживать принятие решений» [Shen Benqiu, p. 35—36].

Можно предположить, что такая позиция связана не с ограниченностью данных или разнонаправленным развитием ситуации, а с фундаментальными расхождениями правовых интерпретаций и стратегических интересов, которые часто имеют сложную историческую подоплеку. Никакой алгоритм не может рационально и объективно разрешить конфликт при отсутствии консенсуса сторон о допустимых источниках истины. Особенно это касается территориальных споров, которые теснейшим образом связаны с национальной идентичностью и несут мощную символическую нагрузку. Разумеется, темы идентичности, конфликт нарративов и исторические аргументы присутствуют практически в любом международном споре и в любой глобальной проблеме, однако противоречия по поводу границ затрагивают клю-

чевые понятия международной системы — суверенитет и территориальную целостность. Торговые конфликты, в свою очередь, связаны с вопросами стратегического контроля над рынками, и включение их в одну категорию «неалгоритмизированных процессов» лишний раз подчеркивает политическую значимость данной проблематики для Китая. Даже при наличии полной «картины данных» (например, цепочек поставок, объема экспорта, потерь от ответного введения пошлин) Пекин часто не готов уступать, если затронуты более глубокие интересы «возрождения китайской нации», которые тесно связаны с наращиванием веса страны в глобальной экономике.

Это более нюансированное понимание границ применимости ИИ контрастирует с ранним оптимизмом, который выражал в своих работах уже упоминавшийся выше Фэн Шуай. В 2019 г. он описывал процесс стратегического взаимодействия между международными акторами как классическую «игру с неполной информацией», где ИИ способен повысить эффективность решений [Feng Shuai, 2019]. Акцент на универсализм тогда преобладал, а правовые и политико-культурные барьеры алгоритмизации игнорировались. Как и многие участники на начальных этапах дискуссии, Фэн Шуай видел потенциал ИИ в трансформации процесса принятия стратегических решений в «процесс точного выбора», с просчитанной вероятностью и минимизацией неопределенностей. Алгоритмы глубокого обучения, по его мнению, могут продуцировать большее количество стратегических вариантов и с большей скоростью, чем обычное человеческое мышление, а также постоянно совершенствуются во время игры, поскольку ИИ «способен учиться на ошибках» [Feng Shuai, 2019, p. 110]. Таким образом, Фэн Шуай относился к той группе китайских экспертов, которые полагали, что ИИ не только универсален, но и является объективной и нейтральной средой принятия решений. Для дипломатии это означало помехоустойчивость, надежность, освобождение от влияния эмоций и приближение к рациональному выбору.

Любопытно, что впоследствии Фэн Шуай серьезно скорректировал свои оценки. В его работе с соавторами, опубликованной в 2025 г., акцент смещен в сторону признания глубокой контекстуальной и зачастую неформализуемой природы дипломатических процессов [Feng Shuai et al., 2025].

Представляется, что одним из ключевых факторов этой переоценки стало накопление эмпирических свидетельств слабой алгоритмической интерпретации современных международных кризисов (например, последствия COVID-19 или возвращение Д. Трампа в Белый дом). Под сомнение ставится предсказуемость даже устойчивых

политических систем (США и ЕС), а глобальные кризисы вроде пандемии коронавируса с резким ростом неопределенности и шквалом дезинформации показывают несостоятельность прогнозных алгоритмов и любых формальных теоретических сценариев. Поэтому Фэн Шуай отказывается от прежней уверенности в полной алгоритмизации, и в статье с коллегами вводит концепт «гибридной дипломатии» как компромисса между технологическими амбициями и геополитической реальностью [Feng Shuai et al., 2025, p. 72—77]. «Гибридная дипломатия» (混合外交, *hunhe waijiao*) исходит из сочетания аналитической точности (когнитивная компетенция) и человеческого взаимодействия (эмпатическая компетенция). ИИ может работать с когнитивной областью: собирает и «читает» данные, оценивает риски, выстраивает вероятностные модели. Но эмпатическая сфера для него остается закрытой.

Авторы отмечают, что, несмотря на цифровую трансформацию, традиционная модель дипломатии демонстрирует удивительную устойчивость. Важным ограничителем является то, что дипломатия, по сути, остается «деятельностью, осуществляемой людьми, а не машинами». Выстраивание доверия, эмпатия, гибкость в неформальных переговорах — критические компоненты взаимодействия дипломатов. Ученые полагают, что подлинно трансформационные изменения в дипломатии возможны лишь как следствие изменения глобальных правил, а поскольку такие изменения затрагивают фундаментальные основы мирового порядка, они не будут происходить быстро [Feng Shuai et al., 2025, p. 80].

Речь не идет об отрицании цифровых технологий, а о функциональном перераспределении ролей в системе «человек-машина»: ИИ остается полезным инструментом для мониторинга, первичной аналитики и персонализированной коммуникации, то есть в «системах поддержки», но не способен адекватно имитировать когнитивные функции и социальную ситуативность действия дипломатов. Такой подход авторов отражает осторожную и прагматичную стратегию Китая в условиях меняющегося мирового порядка.

В официальных документах при этом отмечается, что построение идеальных систем поддержки принятия решений упирается в ряд технических «узких мест» [Rengong zhineng...].

Во-первых, традиционная аппаратная архитектура не может удовлетворить интенсивные вычислительные требования продвинутых ИИ-систем. Платформы плохо совместимы, что затрудняет межведомственный обмен информацией. Сохраняется зависимость Китая от зарубежных чипов.

Во-вторых, требуется преодолеть отставание в сфере алгоритмов, вводить единые стандарты и улучшить степень интеграции инструментов. Различные приложения пока строятся исходя из узких специфических задач, имеют разные протоколы и, как правило, не могут взаимодействовать друг с другом.

В-третьих, необходимо стандартизировать сбор и использование данных, обеспечить их безопасность. Искусственный интеллект — это «датаёмкая» отрасль. Управление данными стали узким местом, ограничивающим создание приложений ИИ.

Заключение

В китайском политическом руководстве сложился консенсус о ключевой роли ИИ в обеспечении конкурентных преимуществ страны. Боязнь отставания и проигрыша в стратегической игре будет определять долгосрочную политику государства в сфере ИИ, несмотря на возможные колебания интереса в коммерческом секторе и сложности с разработкой отечественных алгоритмов и чипов. ИИ становится не только инструментом анализа внешнеполитической реальности, но и фактором ее меняющим.

Китай движется к созданию надежных «систем поддержки», где человек остается критическим звеном, способным интерпретировать результаты моделей и учитывать сложный политический контекст.

Анализ академических публикаций выявляет сложную динамику между амбициозным стремлением к лидерству и прагматичным признанием существующих ограничений. Хотя некоторые китайские эксперты и говорят о возможном наступлении «зимы ИИ», констатируют слабость аппаратной и алгоритмической базы и обращают внимание на «слабость» ИИ в объяснительном анализе, КНР будет продолжать поддержку разработок, прежде всего, в военной области и в сфере модернизации государственного управления. Можно ожидать дальнейшее внедрение ИИ в процессы внешнеполитического анализа и принятия решений, но с определенными ограничениями.

Концепция «гибридной дипломатии» демонстрирует понимание того, что ИИ эффективен в «когнитивной компетенции» (сбор, анализ данных, оценка рисков), но бессилен в «эмпатической компетенции» (доверие, переговоры, интуиция). Будущее ИИ в китайской дипломатии определяется не только технологическим развитием, но и способностью адаптировать цифровые решения к многоуровневой и динамичной реальности международных отношений.

Библиографический список [References]

Cai Cuihong, Dai Liting (2021). Di si ci gongye geming yu waijiao biange tanjiu [Exploring the Fourth Industrial Revolution and Diplomatic Transformation], *Guoji zhengzhi kexue [Quarterly Journal of International Politics]*:6(02):122—151. DOI:10.16513/j.cnki.qjip.2021.0013. (In Chinese).

Chen Changxiao, Li Hao, Feng Mingyue, Chao Shuai (2024). Renzhi yu zuozhan zhuyao yangshi yanjin yu fazhan qushi [Evolution and Development Trends of Main Forms of Operations in the Cognitive Domain], *Guofang keji [National Defense Technology]:* 1(45): 136—42. DOI:10.13943/j.issn1671-4547.2024.01.18. (In Chinese).

Chen Qi, Zhu Rongsheng (2019). Buquedingxing: weihe danxin rengong zhineng chongji guoji anquan [Uncertainties: Why Are We Concerned about the Impact of AI on International Security?], *Guoji zhanlue yu anquan yanjiu baogao [Research Report on International Strategy and Security]*: 8. (In Chinese).

Dong Qingling (2023). Rengong zhineng yu shuzi waijiao: xin yiti, xin guize, xin tiaozhan [Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: New Issues, New Rules, New Challenges], *Renmin luntan. Xueshu qianyan [Frontiers]:* 4: 78—85. DOI: 10.16619/j.cnki.rmltxsqy.2023.04.008. (In Chinese).

Dong Qingling, Cao Feicui (2024). Jisuan waijiao: jiyu zhineng qudong de waijiao geming [Computational Diplomacy: The AI-Driven Revolution in Diplomacy], *Guoji guancha [International Review]:* 2: 44—71. DOI: CNKI:SUN:GJGC.0.2024-02-003. (In Chinese).

Feng Shuai (2019). Rengong zhineng jishu jinbu yu weilai guoji tixi de bianqian [Advances in AI Technology and Evolution of the International System in the Future], *Waijiao jikan [Foreign Affairs Journal]:* 131: 107—117. (In Chinese).

Feng Shuai, Ye Kaina, Xue Shikun (2025). Zouxiang shuzi waijiao haishi waijiao shuzihua? — shuzi shidai waijiao zhuanxing de luoji yu xiandu [Towards Digital Diplomacy or Digitization of Diplomacy? — The Logic and Limits of Diplomatic Transformation in the Digital Age], *Eluosi dongou zhongya yanjiu [Russian, East European and Central Asian Studies]:* 1: 61—80, 162. DOI: 10.20018/j.cnki.reecas.2025.01.003. (In Chinese).

Fu Ying (2019). Rengong zhineng dui guoji guanxi de yingxiang chuxi [Some Thoughts and Analyses on How AI Will Impact International Relations], *Guoji zhanlue yu anquan yanjiu baogao [Research Report on International Strategy and Security]:* 1. (In Chinese).

Fu Ying, Li Ruishen (2019). Rengong zhineng zhili de yuanze he guanjian [Principles and Pivots of Artificial Intelligence Governance], *Guoji zhanlue yu anquan yanjiu baogao [Research Report on International Strategy and Security]:* 4. (In Chinese).

Han Xiao, Wu Zhicheng (2024). Shuzi waijiao de zhongguo tese yu shijian [Chinese Characteristics and Practice of Digital Diplomacy], *Jiaoxue yu yanjiu [Teaching and Research]:* 6: 95—105. DOI: CNKI:SUN:JWDP.0.2024-06-010. (In Chinese).

Li Guojie (2021). Youguan rengong zhineng de ruogan renshi wenti [Some Perception Issues Regarding Artificial Intelligence], *Zhongguo jisuanji xuehui tongxun [Communications of the CCF]:* 7: 44-50. (In Chinese).

Rengong zhineng biaozhunhua baipishu 2021 ban (2021) [White Paper on the Standardization of Artificial Intelligence (2021 Edition)], *China Electronics Standardization Institute*. URL: http://www.cesi.cn/images/editor/20210719/20210719180918587.pdf (accessed: 15 May, 2025). (In Chinese).

Shen Benqiu (2016). Dashuju zhichixia de duiwai zhengce juece guocheng: youhua yu juxian [Foreign Policy Decision-Making Under the Support of Big Data: Optimization and Limitations], *Guoji luntan [International Forum]:* 5: 32—37, 80. DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2016.05.006. (In Chinese).

Song Wei (2016). Dashuju yingyong yu guoji wenti yanjiu de yiyi ji qi juxian — yi guoji anquan taishi ganzhi zhishu 2016 wei li [The Significance and Limitations of the Application of Big Data into International Studies — Index of International Security Situation Awareness 2016 as a Case Study], *Guoji anquan yanjiu [Journal of International Security Studies]:* 6: 124—140,146. DOI: 10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2016.06.007. (In Chinese).

U.S.-China Track II Dialogue Round XII on Artificial Intelligence and International Security (2025). *Center For International Security And Strategy Tsinghua University*. February 28, 2025. URL: https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/event/8009 (accessed: 15 May, 2025).

Yu Nanping (2023). Xin yi dai tongyong rengong zhineng dui guoji guanxi de yingxiang tanjiu [Impact of the New Generation Artificial General Intelligence on International Relations], *Guoji wenti yanjiu [International Studies]:* 4: 79—96,137. DOI: CNKI:SUN:GJWY.0.2023-04-005. (In Chinese).

Zhang Chun (2017). Zhongguo waijiao fengxian yujing moxing de jiangou [Construction of China's Foreign Policy Risk Early Warning Model], *Guoji zhanwang [Global Review]*: 3: 16—35,153—154. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.201703002. (In Chinese).

Zhao Yaping, Huang Yi, Li Hong, Meng Jie (2023). Rengong zhineng jishu zai junshi qingbao lingyu de yingyong yu fazhan [Application and development of artificial intelligence technology in military intelligence field], *Zhihui kongzhi yu fangzhen [Command Control & Simulation]:* 4: 36—43. DOI: CNKI:SUN:QBZH.0.2023-04-006. (In Chinese).

Zhongmei rengong zhineng yu guoji anquan ergui duihua jieduanxing baogao (2024) [Interim Report on the U.S.-China Track II Dialogue on Artificial Intelligence and International Security], *Qinghua daxue zhanlue yu anquan yanjiu zhongxin* [Center For International Security And Strategy Tsinghua University] April 6, 2024. URL: https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/wzjx/7040 (In Chinese) (accessed: 15 May, 2025).

Поступила в редакцию: 12.07.2025
Принята к публикации: 15.07.2025

Received: Jul 12, 2025
Accepted: Jul 15, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.27.53.009

Shahida Wizarat

CHINA AS A SUPERPOWER: A VIEW FROM PAKISTAN

Abstract. The International World Order established from the 20th century to present times is cruel, unjust and cannibalistic, leading to death and destruction in the Third World, now called the Global South, bringing prosperity to rich countries through sale of armaments. This world order got worse with the advent of 9/11 labelling genuine freedom movements as terrorism, forced occupation of lands and of natural resources by rich countries under "altruistic" motives, denying development to the Global South countries, borrowings from the International Financial Institutions resulting in declining growth rates, massive unemployment, worsening income distribution and poverty. In the midst of this dismal picture we are witnessing the rise of China as a mighty economic and strategic power. Its rate of growth of almost 10 percent for three decades has helped in the rapid development of the country, pulling almost one billion people out of poverty in the shortest period of time. China's BRI which is a development project to provide infrastructure to Third World countries, has been met with the most ferocious reaction by western countries. In-fact, it is at the bottom of the present standoff between Pakistan and India. In the Pakistan-India conflict Pakistan has used Chinese and Pakistani fighter jets and missiles. In today's turbulent world when countries are faced with big bullies going around claiming lands and resources that do not belong to them, creating insecurities and vulnerabilities, a huge market for Chinese and Pakistani fighter jets and missiles has been created. This will not only increase economic prosperity, giving strategic strength, but also expedite the rise of China as a super power.

Keywords: International Economic Order; China; Pakistan; India; Pahalgam; Superpower.

Author: Shahida Wizarat, Ph.D. (Economics), Professor, College of Economics and Social Development (CESD), Institute of Business Management (IoBM) (address: IoBM, Korangi Creek, Karachi City, Sindh 75190, Pakistan); M.A. Economics, Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, U.S.A; PhD Economics, University of East Anglia, Norwich, England, U.K.; E-mail: drshahidawizarat@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of conflict of interests.

For citation: **Wizarat S.** (2025). China as Superpower: a view from Pakistan, *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 143—151. DOI: 10.48647/ICCA.2025.27.53.009.

III. Уизарат

Китай как сверхдержава: взгляд из Пакистана

Аннотация. Международный мировой порядок, установленный с XX в. по настоящее время, является жестоким, несправедливым и людоедским, приводящим к смерти и разрушениям в Третьем мире, ныне называемым Глобальным Югом, принося процветание богатым странам за счет продажи оружия. Этот миропорядок еще более ужесточился в связи с событиями 11 сентября, когда подлинные движения за свободу были названы терроризмом, вошли в практику насильственная оккупация земель и природных ресурсов богатыми странами под «альтруистическими» лозунгами, отказ в развитии странам Глобального Юга, заимствования у международных финансовых институтов, приводящие к снижению темпов роста, массовой безработице, несправедливому распределению доходов и бедности. Посреди этой мрачной картины мы наблюдаем подъем Китая как могущественной экономической и стратегической державы. Его темпы роста почти в 10 % за три десятилетия обеспечили быстрое развитие страны, вытащив почти миллиард человек из нищеты в кратчайшие сроки. Китайская Инициатива «Пояс и путь», которая является проектом развития, нацеленного на создание инфраструктуры для стран Глобального Юга, была гневно встречена западными странами. Фактически, ИПП является источником нынешнего противостояния между Пакистаном и Индией. В пакистано-индийском конфликте Пакистан использовал китайские и пакистанские истребители и ракеты. В сегодняшнем неспокойном мире, когда страны сталкиваются с большими бесчинствами со стороны акторов, претендующих на земли и ресурсы, которые им не принадлежат, и создающих обстановку неуверенности и уязвимости, был создан огромный рынок для китай-

ских и пакистанских истребителей и ракет. Это не только увеличит экономическое процветание, придав ему стратегическую силу, но и ускорит подъем Китая как сверхдержавы.

Ключевые слова: международный экономический порядок; Китай; Пакистан; Индия; Пахалгам; сверхддержава.

Автор: Шаида УИЗАРАТ, доктор философии (экономика) (Ph.D. (Ec.), декан Колледжа экономики и социального развития Института управления бизнесом (Карачи, Пакистан) (адрес: Creek, Karachi, Karachi City, Sindh 75190, Pakistan); магистр экономики (MA (Economics), Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, U.S.A; доктор философии (экономика) (Ph.D (Economics), University of East Anglia, Norwich, England, U.K. E-mail: drshahidawizarat@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Уизарат Ш. Китай как сверхдержава: взгляд из Пакистана // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 143—151 (на англ. яз.).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.27.53.009.

1. Introduction

The papers starts with a brief introduction in section 1, followed by an overview of the International Economic and Political Order established by western powers in the 20th century and continuing to present times in section 2. The deterioration in the world order in the aftermath of 9/11 is also discussed in this section. The economic and strategic rise of China from being the "sick man" of Asia to a formidable economic and strategic power is summarily presented in section 3. While the recent happenings in the sub-continent and their impact on expediting the rise of China as a super power are presented in section 4. I argue that the rise of China will contribute towards making the International World Order more humane and ethical. The paper is concluded in section 5.

2. Present World Order

In 1917 during the First World War the British Government issued the Balfour Declaration that led to the establishment of the state of Israel on Palestinian land. In the aftermath of the Second World War the colonial powers were forced to quit and grant independence to the colonies, resulting in the birth of a large number of countries in Asia, Africa, the Middle Ease, the Caribbean, etc. While the right of self-determination was exercised by a

large number of countries, conflicts were created by the former colonial powers that would ensure continuous increase in the GDP of rich armament producing countries. In 1947 people living in the sub-continent exercised their right to self-determination, but the people of Jammu, Kashmir and Ladakh could not exercise their right, guaranteed to them by the Security Council Resolutions 91 of 1951 and 122 of 1957 and Article 42 of the Hague Regulations 1907 [Wizarat S., 2019].

On the economic front a large number of countries that have borrowed heavily from the International Financial Institutions have piled up unsustainable debts, raising fears of defaults. The pursuit of development through borrowings from the International Financial Institutions by developing countries has brought down their growth rates, caused deindustrialization, massive unemployment, increase in poverty, worsening the distribution of income, depriving the citizens of their basic needs like health and education. These resulting in social crises, revealed by increase in crimes, political destabilization and conflicts. [Wizarat, S., 2000, 2001, 2022].

While the political order handed down in the aftermath of the First and the Second World Wars was very unjust and cruel, it has deteriorated considerably with the onset of 9/11 and the emerging unipolar world. This World Order dubs all legitimate struggles as terrorism — to be dealt with an iron hand. The deteriorating world order can be gauged by Donald Trump's desire to buy Greenland, which the former Prime Minister of Greenland Aleqa Hammond rightly stated was "arrogant and disgusting" [Milne, R., 2019]. It is also reflected by Trump's statement of annexing Canada to the United States and using pressure tactics to sign a mineral agreement with Ukraine.

The crude and feudal way of conducting international affairs is followed by settlers from Israel and India in Palestina and Kashmir. India has launched a 76 billion USD project in Jammu, Kashmir and Ladakh seeking to combine the strategic interests of USA, UK, India and Israel with the economic interests of Arab countries. But none of these acts have moved world conscience.

3. The Economic and Strategic Rise of China

It is against the backdrop of a deteriorating world order that we are witnessing the economic and strategic rise of China. The spectacular rise of China attributed to pragmatic policies, dynamic leadership, good governance, heavy investment in R&D and state of the art technology.

Chinese economy grew by almost ten percent for nearly three decades, lifting almost a billion people out of poverty in the shortest period of time [Javed, H., 2020]. Chinese GDP at USD 15.4 trillion in 2020 was about 17 % of global GDP [Wizarat, S., 2023]. These results were achieved through 'forever reforms, forever innovation, forever development' leading to the establishment of 'forever peace' and 'forever prosperity' [Javed, H., 2024].

The rich cultural heritage of the Chinese society draws from the teachings of great philosophers and leaders like Tzu, Lao, Sun Yatsen, Buddha, Chairman Mao Zedong, Deng Xiao Peng and President Xi Jinping. These teachings have affected Chinese culture through inculcating a sense of contentment, discipline, punctuality, diligence and perseverance. It is interesting to note that during the 8000 years of recorded history, China has never colonized other countries, even during the sixth to the fifteenth centuries when the Chinese nation was militarily very powerful under the Tang, Yuan and Ming dynasties. In-fact this brings their culture in sharp contrast with the present world order which thrives on loot and plunder, using brute force to subjugate people who do not have the military might to defend themselves.

In 2013 China embarked on the Belt and Road Initiative (BRI) with a view to construct a unified large market, promote cultural exchanges and economic integration between 142 member nations, increasing growth rates of both investing and host countries. Through building infrastructure the BRI has tried to increase economic growth in Asia, Africa, Central and Eastern Europe and Asia Pacific. That is why the BRI is called a "win-win" model, for it tries to increase growth of both the investing and the borrowing country.

This is in marked contrast to the present International Economic Order, which entails decline in economic activity in rich countries as a result of the capitalist crisis, causing conflicts in the developing world. While this increases the demand for armaments, increasing the gross domestic product of armament producing countries, it results in decline in economic activity, death and destruction in the Third World. Although the BRI is a development project, whose major objective is to increase growth in both the investing and the host country, it has great potential to change the present world order. As per the perception of rich countries, this will change the balance of economic power to the benefit of Third World countries. That is why, while the industrialization threat from Third World countries in the 1960s and 1970s was met by academic and intellectual opposition, the BRI is facing a far more belligerent response from the west and its protégés [Wizarat, S., 2021].

4. Recent Economic and Strategic Developments

In April 2025 soon after coming to power US President Donald Trump imposed 145 % duty on Chinese imports to the US with the objective of narrowing US trade deficit with China. Reciprocating China imposed duty of 125 % on US imports to China. This trade war led to the crash of stock exchanges and stoked fears of a recession, as a result of interventions by a country that is the bastion of the free market. But meeting in mid May 2025 in Geneva the US and China agreed to a deal to cut tariffs to restore stability to the financial markets and ease the creeping slump. According to the deal the US would cut the tariff it imposed on Chinese imports from 145 % to 30 percent, while China would reduce the tariffs imposed on US imports from 125 % to 10 %. The trade dispute that threatened trade to the tune of $600 billion, disrupting the supply chains, stagflation and layoffs has been avoided.

And coming now to the sub-continent where an attack on tourists in Pehalgam, Occupied Kashmir in April 2025 took place in which 26 tourists lost their lives. An FIR was registered immediately and Pakistan blamed following the visit of US Vice President Vance. Pakistan denied the accusation and took the matter to the UN Security Council and demanded an international investigation. This was followed by the US Secretary of State and National Security Adviser urging both Pakistan and India to cooperate with India's investigation. Both the US and India were not interested in the investigation, indicating that it might have been a False Flag Operation.

The US Secretary of State gave a strong statement supporting Indian stance on the issue, with a view to push India and Pakistan to war. According to analysts, the major US objective was not just to provoke war between Pakistan and India, but to use warfare to relocate global manufacturing from China to India, resulting from the trade war between China and the US discussed earlier. This relocation depended on India's ability to take on Pakistan, China's closest strategic ally. But the very successful use of China and Pakistan-produced aircrafts and missiles helped Pakistan Air Force to achieve major objectives preventing conflict escalation within a short span of less than four hours on 10 May 2025. They also provided China with its "DeepSeek" moment i.e. "a dramatic, undeniable demonstration of capabilities" [EndGame Compass, video] which will have a very powerful impact globally.

In today's turbulent world when countries across Asia, Africa, the Middle East, Latin America, etc., are faced with territorial claims and disputes, Chinese and Pakistani fighter jets and missiles can help to protect

these countries at a price just 40 % of the price of western technology. And the expensive western technology failing at the battle field, as revealed by the downing of Rafael fighter jets and the grounding of the entire Indian Air Force as a result. Moreover, western technology has many strings attached, which is not the case with Chinese technology. Therefore, a large number of countries can turn to China and Pakistan for the supply of war tested technologies at a fraction of the price. Already there are reports of Bangladesh placing orders for J10-C and Malaysia withdrawing the $ 8.1billion order for Rafaels. Pakistan could contribute by Pakistan Air Force providing flight training to Bangladesh Air Force. The very successful testing of Chinese and Pakistani aircrafts and missiles in the battle field leading to expansion in demand will be the end of western block supremacy and hastening the rise of China as a super power.

Moreover, China and Pakistan's close strategic ties are being expanded to include Bangladesh. Defense cooperation between China, Pakistan and Bangladesh should focus on evolving a joint strategy for resolving their disputes with India. This will bring peace to the Akesai qin (Aksai Chin) region with positive fallout on water disputes as well. The Jammu, Kashmir and Ladakh dispute between Pakistan and India also needs immediate attention. This will put an end to Indian threats of stopping the flow of rivers to Pakistan. The Teesta River dispute between Bangladesh and India can be addressed through resolving the Chicken Neck issue, which would release the Seven Sisters States, including Cang Nan (Южный Тибет) (Arunchal Pradesh) over which China has a claim. Defense cooperation could be extended to include Turkiye, Azarbaijan, Yemen and the Islamic Republic of Iran. This will go a long way towards boosting the security and economic wellbeing of countries facing similar security threats.

The rise of China as an economic and strategic power will reinforce the rise of China as a super power, and the rise of China as a super power will reinforce the rise of China as an economic and strategic power. The Confucius Principles of "caring and sharing", honesty and respect for the territorial rights of other countries would be the guiding principles. History is replete with instances of super powers of yester centuries like the Netherlands, Britain and presently US using their superpower status to loot and plunder resources and occupy lands that do not belong to them. And waging wars under altruistic stated concerns to occupy fuel and mineral resources of Third World countries. And now waging wars and killing populations to vacate scenic surroundings to build tourist resorts. Why would China be any different? China's unusual history of the last 8000 years reveals that China did not colonize any country, even when it was very

powerful as under the Tang, Yuan and the Ming dynasties. This convinces me that the New World Order will be more ethical and humane when it is formulated and implemented by China.

5. Conclusion

The International World Order established from the 20th century to present times is cruel, unjust and cannibalistic. Rich countries which are former colonial powers are creating intractable conflicts to keep dipping in, to smooth out the booms and busts of the business cycle. This leading to death and destruction in the Third World bringing prosperity to rich countries, through sale of armaments resulting in increase in their GDPs.

This world order got worse with the advent of 9/11 when genuine freedom movements started getting dubbed as terrorism. This deterioration manifesting itself in the forced occupation of lands, orchards and houses by Indian and Israeli settlers, strangulating to death of young Palestinian children by hefty armed forces personnel, blinding Kashmiri children through pellet guns. The deteriorating world order manifesting itself through occupying natural resources by rich countries under altruistic motives and denying Third World countries development. And borrowing from the International Financial Institutions resulting in declining growth rates, massive unemployment, worsening income distribution and poverty.

In the midst of this dismal scenario we find the rise of China as a mighty economic and strategic power. Its rate of growth of almost 10 percent for three decades has helped in the rapid development of the country, pulling almost one billion people out of poverty in the shortest period of time. This along with innovations, technological change, 5G and AI technologies has presented China with its "DeepSeek" moment. But all this creating uneasiness and discomfort in the western world and India. China's BRI which is a development project to provide infrastructure to Third World countries, has been met with the most ferocious reaction by western countries and India. In-fact, it is at the bottom of the present standoff between Pakistan and India. Rich countries see it as changing the balance of economic power to the benefit of Third World countries. In the present standoff between Pakistan and India, Pakistan used Chinese and Pakistani fighter jets and missiles. In today's turbulent world when countries are faced with big bullies going around claiming lands and resources that do not belong to them, creating insecurities and vulnerabilities, a huge market for Chinese and Pakistani fighter jets and missiles has been created. This will end western economic, political and strategic supremacy and expedite the rise of China as a super power!

Библиографический список [References]

EndGame Compass, video

Javed, Hasan (2024). China as No. 1 (ed. Yang Zhong and Ronald F. Inglehart), *Ann Arbor, University of Michigan Press.*

Javed, Hasan (2020). China's Model of Development: Lessons for Pakistan, *Karachi, New Fakhri Printing.*

Milne, Richard (2019). Greenlanders Reject Sale to US but Urge Investments, *Financial Times,* 24—25 August.

Wizarat, Shahida (2022). Alternative to the IMF and Other Out of the Box Solutions, December, *Singapore, Partridge Publishing.*

Wizarat, Shahida (2001, April). An Alternative External Debt Management Strategy, *Pakistan Business Review:* 3: 1.

Wizarat, Shahida (2021). Challenges to Belt and Road Initiative, *China in World and Regional Politics: History and Modernity, annual publication, Fall 2021, Moscow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.*

Wizarat, Shahida (2000, October). Paying Debt Through Loot, *Pakistan Business Review: 2: 3.*

Wizarat, Shahida (2019, October), Resolution of the Jammu and Kashmir Conflict — the Way Forward, *Islamabad, Consul.*

Wizarat, Shahida (2023). The Rise of China in the XXIst Century: Domestic and Global Levels, *China in World and Regional Politics: History and Modernity, annual publication, Fall 2023, Moscow, Institute of China and Contemporary Asia (former Institute of Far Eastern Studies), Russian Academy of Sciences.*

Поступила в редакцию: 15.05.2025 Received: May 15, 2025
Принята к публикации: 30.06.2025 Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.48.61.010

К.В. Асмолов

ОБ ОТНОШЕНИЯХ КИТАЯ И КНДР НА ФОНЕ УКРЕПЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МОСКВЫ И ПХЕНЬЯНА

Аннотация. После заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР в западных и южнокорейских СМИ была опубликована серия материалов, в которых утверждалось, что укрепление отношений между Россией и Северной Кореей вызывает недовольство Китая и отношения Пхеньяна и Пекина переживают определенный кризис. В качестве «доказательств» этого тезиса приводится определенное снижение дипломатической коммуникации двух стран, а также некоторые инциденты, которые можно-де трактовать как признаки напряженности в отношениях Пхеньяна и Пекина, высказывания некоторых китайских экспертов, сделанные в частном порядке на закрытых встречах.

В Сеуле полагали, что этим моментом надлежит воспользоваться, чтобы усугубить эти противоречия и при этом — поднять уровень взаимодействия КНР и РК (Республика Корея), снижающийся на фоне углубления американо-китайской конфронтации. Однако эти мечты вряд ли увенчаются успехом по комплексу причин.

Во-первых, официально Китай подчеркивает, что отношения Москвы и Пхеньяна — их суверенное дело. Раздражение не наблюдается на официальном уровне: оно присутствует на уровне общества, частично включая сообщество экспертов, но не государство, которое пока не демонстрировало типичных для КНР признаков недовольства. Во-вторых, даже при самых оптимистичных оценках развитие экономических связей между КНДР и РФ не поколеблет торговую гегемонию Китая, являющегося практически монопольным торговым партнером КНДР. В-третьих, антикитайские заявления президента

Юна в ходе конституционного кризиса в стране осложнили вероятность «разрядки» между Пекином и Сеулом.

В целом, гипотетическое ухудшение отношений Пекина и Пхеньяна не означает автоматического улучшения отношений Пекина и Сеула в силу необходимости для РК следовать в фарватере американской политики и не ослабевающих антикитайских настроений в Республике Корея.

Хотя треугольник Москва—Пекин—Пхеньян складывается реактивно в ответ на действия Вашингтона, Сеула и Токио, ведущие к созданию военно-политического союза трех стран, общая угроза со стороны США будет вынуждать Пхеньян и Пекин меньше обращать внимания на разногласия, которые не сыграют в отношениях двух стран определяющей роли.

Ключевые слова: отношения КНР и КНДР, отношения КНР и Республики Корея, отношения КНДР и РФ, военно-политические блоки, региональная безопасность.

Автор: *Асмолов Константин Валерианович,* кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: kvasm@mail.ru; asmolov@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Асмолов К.В. Об отношениях Китая и КНДР на фоне укрепления отношений Москвы и Пхеньяна // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 152—169. DOI: 10.48647/ICCA.2025.48.61.010.

K.V. Asmolov

On the relations between China and North Korea in the context of the strengthening of ties between Moscow and Pyongyang

Abstract. After the signing of the Comprehensive Strategic Partnership Agreement between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea (DPRK), there have been reports in Western and South Korean media that the strengthening of ties between Russia and North Korea has caused concern in China, leading to a potential crisis in relations between Pyongyang and Beijing. These reports cite a decrease in diplomatic communication between China and North Korea as evidence, as well as incidents that could be interpreted as tensions between the two parties, along with statements made by Chinese experts in private meetings.

The South Korean government has seen this as an opportunity to exacerbate the perceived tensions and increase interaction between the People's Republic of China (PRC) and the Republic of Korea (ROK), which has been declining amidst the ongoing US-China conflict. However, these efforts are unlikely to be successful for several reasons.

Firstly, China has not officially expressed dissatisfaction and has emphasized that relations between Moscow and Pyongyang are its internal affair. The irritation is unofficial and exists at the societal level, partly including the expert community, but not the government, which has not shown any typical signs of dissatisfaction in China so far.

Secondly, even with the most optimistic estimates, the development of economic ties between the DPRK and the Russian Federation would not shake China's trade dominance, which is the North's practically monopoly trading partner.

Thirdly, President Yoon's anti-Chinese statements during the constitutional crisis in his country have complicated the prospects for a «détente» between Beijing and Seoul.

In general, a hypothetical deterioration in relations between Beijing and Pyongyang would not necessarily lead to an improvement in relations between Beijing and Seoul, due to the Republic of Korea's need to follow American policy and its ongoing anti-Chinese sentiments.

While the Moscow-Beijing-Pyongyang triangle may be developing in response to Washington's actions, Seoul's and Tokyo's, leading to a military-political alliance between the three countries, a common threat from the United States may force Pyongyang and Beijing to focus less on differences that are not decisive in their relations.

Keywords: China-DPRK relations, China-ROK relations, DPRK-RF relations, military-political alliances, regional security.

Author: Konstantin V. ASMOLOV, Ph.D (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1584-2748.
E-mail: kvasm@mail.ru; asmolov@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Asmolov K.V. (2025). Ob otnosheniyah Kitaya i KNDR na fone ukrepleniya otnoshenij Moskvy i Phen'yana [On the relations between China and North Korea in the context of the strengthening of ties between Moscow and Pyongyang], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regionalw Politics. History and Modernity],* 30(30): 152—169. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.48.61.010.

Начиная с осени 2024 г. и до начала 2025 г. в экспертном сообществе Запада и Республики Корея (РК) распространялось мнение о том, что стремительное сближение Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики после заключения между ними Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве вызывает острое недовольство Китая. В этом контексте предполагалось, что ответом может стать определенная «разрядка» в отношениях Пекина и Сеула. Однако в какой мере это недовольство существует — интересный дискуссионный вопрос, тем более что реализовать шанс на «разрядку» Сеулу так и не удалось.

Отношения Пекина и Пхеньяна в начале 2024 года

Начало года стороны встретили на позитивной волне, и 2024 год был объявлен памятным Годом дружбы между двумя странами. В его рамках состоялся ряд значимых визитов. Во-первых, партийная делегация во главе с начальником Международного отдела ЦК ТПК Ким Сон Намом посетила Китай, Вьетнам и Лаос. В КНР Ким встречался не только со своим визави Лю Цзяньчао[1], но и с более высокопоставленными функционерами: членом Президиума Политбюро ЦК КПК, председателем Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета КНР Ван Хунином, членом секретариата ЦК партии Цай Ци и министром иностранных дел КНР Ван И[2].

Во время встреч Ван Хунин заявлял, что «независимо от изменений международной ситуации ни в коем случае не будет изменяться китайско-корейская дружба — стратегический выбор обеих сторон»[3], а Цай Ци отметил, что «кровью завязанная китайско-корейская дружба встречает более лучезарное завтра под стратегическим руководством Генерального секретаря товарища Си Цзиньпина и Генерального секретаря товарища Ким Чен Ына»[4]. В свою очередь, Ким Сон

[1] Прошли переговоры между заведующим международным отделом ЦК ТПК и заведующим отделом международных связей ЦК КПК // ЦТАК. 23.03.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/38d653a44571489d1dcbd010611de2b9.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[2] В Пекине прошли китайско-северокорейские переговоры // Международное радио Кореи. 24.03.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=77560 (дата обращения: 14.04.2025).

[3] Глава делегации ТПК встретился с председателем Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета КНР // ЦТАК. 23.03.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/75b98b1718c711413c266c946f92096e.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[4] Глава делегации ТПК встретился с членом секретариата ЦК КПК // ЦТАК. 24.03.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/232b28cc035a d226051e798f 190af3d4.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

Нам подтвердил поддержку Севером политики КНР по тайваньскому, гонконгскому и уйгурскому вопросам.

Во-вторых, 11—13 апреля по случаю 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами и открытия Года дружбы во главе весьма представительной делегации КНДР посетил председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) Чжао Лэцзи[1]. По итогам переговоров Чжао и его визави, председателя Президиума Верховного народного собрания КНДР Чхве Рён Хэ , были подписаны соглашения о взаимном отказе от виз для дипломатов, а также по вопросам таможенного оформления и карантинных мер[2]. Разумеется, стороны сказали немало громких слов о традиционной дружбе, которая «кровью завязана и укреплена в ходе долговременной совместной борьбы против империализма, за самостоятельность и социализм, и ее непобедимость и неизменность беспрецедентны в истории Востока и Запада»[3].

12 апреля в Восточнопхеньянском Большом театре прошла церемония открытия «Года корейско-китайской дружбы»[4], где Чжао и Чхве выступили с речами под лозунгом: «Корейско-китайская дружба есть непобедимая дружба, которая на долгом пути антиимпериализма, самостоятельности и дела социализма кровью завязалась, наследовалась и развивалась, а также она есть общее драгоценное достояние». В тот же день 12 апреля китайская делегация посетила Монумент дружбы, возведенный в память об участии Китая в Корейской войне 1950—53 годов, и возложила корзину цветов с надписью «Павшие китайские народные добровольцы будут вечно живы».

13 апреля Ким Чен Ын принял Чжао Лэцзи в своей резиденции[5], имел с ним «дружескую и конструктивную беседу» и дал в его честь

---

[1] Прибытие в Пхеньян партийной и правительственной делегации КНР // ЦТАК. 12.04.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/48bc817de5ef94b66330ccffd4b62d31.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[2] Главы парламентов Китая и КНДР провели переговоры // Международное радио Кореи. 12.04.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=77741 (дата обращения: 14.04.2025).

[3] ЦК ТПК и правительство КНДР устроили прием в честь партийной и правительственной делегации КНР // ЦТАК. 12.04.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/a76d5f093ea0d25f83eabd7feb6750d3.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[4] Прошла церемония открытия «Года корейско-китайской дружбы» // ЦТАК. 13.04.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/f2636409ea080d070a9c9e3fc95910bc.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[5] Уважаемый товарищ Ким Чен Ын встретился с партийно-правительственной делегацией КНР // ЦТАК. 14.04.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/c3aafc1e21 b91b3083aff10662db7df3.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

торжественный обед, на котором заявил, что визит высокопоставленного китайского представителя «имеет очень большое значение для дальнейшего развития традиционных отношений дружбы и сотрудничества между двумя странами»[1].

3 мая КНДР одобрила въезд в страну более 80 китайских студентов, желающих учиться на корейском Севере[2].

Гипотетический спад отношений во второй половине 2024 г. и «доказательства китайского недовольства»

Во второй половине года, исходя из содержания официальных заявлений, отношения двух стран вроде бы не охладели. 27 июля 2024 г. Ким Чен Ын посетил Монумент дружбы и «выразил уверенность в том, что дружба между КНДР и Китаем, установившаяся как родственные узы, будет прочно укрепляться и развиваться вместе с бессмертным духом мучеников»[3].

9 сентября 2024 г. Си Цзиньпин направил Ким Чен Ыну поздравительную телеграмму по случаю 76-летия основания КНДР[4], подчеркнув, что «Китай и Корея соединяются горами и реками, а их традиционная дружба становится еще более крепкой с течением времени». В ответной телеграмме Ким указал, что «непрерывное укрепление и развитие корейско-китайской дружбы, имеющей давнюю историческую традицию, является совместным чаянием народов двух стран — КНДР и КНР»[5].

1 октября Ким не менее тепло поздравил Си с годовщиной провозглашения КНР, а 6 октября 2024 г. китайский лидер направил Киму поздравление по случаю 75-й годовщины установления дипломатиче-

---

[1] Пекин и Пхеньян подтвердили крепость отношений // Международное радио Кореи. 14.04.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=77761 (дата обращения: 14.04.2025).

[2] N. Korea approves 1st post-pandemic entry of Chinese students // Yonhap News. 03.05.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN2024050 3004900315 (accessed: 14.04.2025).

[3] (LEAD) N.K. leader says 'kindred' ties with China to be 'firmly' carried forward // Yonhap News. 27.07.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240727000951315 (accessed: 14.04.2025).

[4] Уважаемому товарищу Ким Чен Ыну прислал поздравительную телеграмму Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР // ЦТАК. 09.09.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/8b5f96cce7c5ec9ed=dc546ef3d9b1f27.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[5] Уважаемый товарищ Ким Чен Ын направил ответную телеграмму генеральному секретарю ЦК КПК, председателю КНР // ЦТАК. 22.09.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/c37361c4d8d928dc3cc21efb4e02db76.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

ских отношений между двумя странами[1]. Важной представляется следующая цитата: «в новой обстановке китайская сторона готова вместе с корейской стороной усилить стратегическое взаимное понимание и координацию, углубить дружественный обмен и сотрудничество и продолжить писать новую страницу китайско-корейской дружбы». Ким Чен Ын ответил: «фундаментальным интересам двух стран соответствует неизменное продвижение вперед и развитие дружбы между КНДР и Китаем, имеющей долгую историю и добрые традиции»[2].

25 октября 2024 г. по случаю 74-летия участия китайской народной добровольческой армии в Корейской войне лидер КНДР послал к Монументу дружбы венок[3] с надписью «Вечная память о павших китайских народных добровольцах», который возложил член Политбюро ЦК ТПК, секретарь ЦК партии Ли Иль Хван.

6 октября по случаю 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами главы МИД двух стран Чхве Сон Хи и Ван И обменялись посланиями. Чхве Сон Хи отметила тесное сотрудничество между Северной Кореей и Китаем, указав, что «продвижение дела социализма является важнейшей задачей для министерств иностранных дел обеих стран». Ван И подчеркнул, что под руководством Ким Чен Ына и Си Цзиньпина отношения двух стран вступили в новую историческую фазу: «сохранение, укрепление и развитие отношений между Китаем и Северной Кореей — это непоколебимая политика партии и правительства КНР»[4].

Однако почти сразу же после заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР 19 июня 2024 г. в СМИ Запада и РК вышла серия материалов, в которых западные эксперты утверждали, что Китай теряет свое влияние на Северную Корею, он очень недоволен сближением Москвы и Пхеньяна и в отношениях КНР и КНДР наблюдается серьезное охлаждение, чем должна воспользоваться Южная Корея.

---

[1] Уважаемому товарищу Ким Чен Ыну прислал поздравительную телеграмму Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР // ЦТАК. 06.10.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/515ea6394ecb0e7035f9dcf8ea6d6e5a.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[2] N. Korea's Kim, China's Xi exchange messages marking 75 years of relations // Yonhap News. 06.10.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20241006000600315 (accessed: 14.04.2025).

[3] Уважаемый товарищ Ким Чен Ын послал венок Монументу дружбы // ЦТАК. 26.10.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/14a0e1e357865ca38074aff7c2a6d472.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[4] Главы МИД КНДР и КНР обменялись посланиями // ЦТАК, 07.10.2024. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=79340 (дата обращения: 14.04.2025).

28 июня 2024 г. старший директор по Восточной Азии и Океании в Совете национальной безопасности США М. Рапп-Хупер заявила, что «Китай остается сторонним наблюдателем, теряя свое влияние на Северную Корею»[1].

Дж. Бертон, бывший корреспондент *Financial Times* в Корее, прямо задал вопрос о возможности «разрядки между Пекином и Сеулом». «Китай, должно быть, обеспокоен тем, что обещание Москвы защищать Северную Корею и, возможно, предоставлять ей более совершенные военные технологии усилит нестабильность в Северо-Восточной Азии»[2].

30 июля тезис о том, что Китай и Россия борются за влияние на Северную Корею, а Пекин обеспокоен шагами Москвы по углублению сотрудничества с Пхеньяном, озвучил заместитель госсекретаря США К. Кэмпбелл. Впрочем, соперничество между Китаем и Россией «не означает, что между ними есть пропасть. Просто существует сложная дипломатия между странами, и США должны иметь это в виду, выстраивая нашу собственную дипломатию по отношению к ним»[3].

3 сентября бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что Южной Корее необходимо постоянно убеждать Китай в том, что объединение двух Корей не только будет способствовать миру во всем мире, но и послужит его собственным интересам[4].

В подтверждение того тезиса, что в отношениях КНР и КНДР наблюдается серьезное охлаждение, приводились следующие аргументы:

• 75-летие дипломатических отношений не было отмечено какими-либо массовыми торжественными мероприятиями. Обмен посланиями глав МИД — совсем не тот уровень. Кроме того, «Нодон Синмун» не опубликовала ни одной статьи, посвященной годовщине подписания Договора, как это делалось в прошлом.

• После визита Чжао Лэцзи китайские делегации не посещали КНДР, а 10 октября, по случаю 79-летия основания Трудовой партии

[1] China remains onlooker, losing influence amid deepening N.K.-Russia ties: White House official // Yonhap News. 28.06.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240628000300315 (дата обращения: 14.04.2025).

[2] EDITORIAL from Korea Times on June 27 // Yonhap News. 27.07.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240627001200315 (дата обращения: 14.04.2025).

[3] Курт Кэмпбелл: Китай и Россия борются за влияние на КНДР // Международное радио Кореи. 31.07.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=78739 (дата обращения: 14.04.2025).

[4] (LEAD) Ex-U.N. chief Ban voices need to 'persuade' China Koreas' unification serves its interests // Yonhap News. 03.09.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240903004251315 (accessed: 14.04.2025).

Кореи ЦК КПК ограничился отправкой ЦК ТПК корзины цветов[1]. Тем более не состоялся визит в Северную Корею председателя КНР (который, правда, в 2024 г. и не планировался).

• 9 июля 2024 г. СМИ РК со ссылкой на анонимные источники сообщили, что правительство КНР якобы потребовало от Северной Кореи вернуть домой всех граждан, работающих в Китае и это приведет к сокращению поступлений Пхеньяна в твердой валюте[2]. Правда, позднее выяснилось, что речь шла в основном о тех, кто должен был быть депортирован к концу 2019 г. в соответствии с принятой в 2017 г. резолюцией 2397 СБ ООН, но остался в стране ввиду эпидемии коронавируса. При этом правительство КНДР приняло требование китайской стороны, но заявило о своей готовности отправить вместо них новые группы рабочих, не допуская существенного сокращения их числа[3].

• Те же источники сообщали, что Китай, «как полагают», ужесточил таможенное оформление своего экспорта в КНДР и усилил меры по пресечению предполагаемой контрабанды из Северной Кореи. И это при том, что борьбой с нелегальным пересечением границы сейчас занимаются обе стороны.

• 12 июля 2024 г. в посольстве Китая в Пхеньяне состоялся прием[4] по случаю 63-й годовщины подписания двустороннего Договора; в мероприятии приняли участие посол Ван Яцзюнь, президент Университета Ким Ир Сена Ким Сон Чан и другие официальные лица. Однако более высокопоставленных чиновников на приеме не было, в то время как в 2023 г. на аналогичном мероприятии присутствовал заместитель председателя Постоянного комитета Верховного народного собрания Кан Юн Сок[5].

---

[1] Центральному комитету ТПК прислал корзину цветов ЦК КПК // /ЦТАК. 10.10.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/ef6b260e341d5ab0490221c5bc341944.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[2] China believed to demand N. Korea bring back all of its workers: source // Yonhap News. 09.07.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240709 008100315 (accessed: 14.04.2025).

[3] Юг и Север: Обзор последних событий на Корейском полуострове (1—15 июля 2024 г.) // Asia Risk Group, 19 июля 2024. URL: https://asiarisk.org/novosti/443-yug-i-sever-obzor-poslednikh-sobytij-na-korejskom-poluostrove-1-15-iyulya-2024-g (дата обращения: 14.04.2025).

[4] Посольство Китая в нашей стране устроило прием // ЦТАК. 12.07.2024. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/970eb63f8c98ea8643ac5d1d65d76aa7abafa3e78868f11ddff588f5d7f6ef24f64079380e866f8e76b6 56cddde82b37dece6de66b71cb2e99643f0662f214e8.kcmsf (дата обращения: 14.04.2025).

[5] (LEAD) No senior N. Korean officials attend banquet hosted by Chinese envoy in Pyongyang // Yonhap News. 12.07.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240712002651315 (accessed: 14.04.2025).

• Когда 27 июля 2024 г. в Пхеньяне прошел военный парад, посвященный годовщине окончания Корейской войны, на трибуне не было китайского посла, несмотря на то, что Китай был одним из главных участников этого конфликта[1].

• В 2018 г. в Даляне прошла встреча Си Цзиньпина и Ким Чен Ына. В качестве памятного знака об этой встрече на асфальте были оставлены медные оттиски следов лидеров двух стран, но, по сведениям СМИ РК, эти отпечатки закатали в асфальт[2].

• В июне Северная Корея внезапно переключила свое спутниковое вещание с китайских на российские спутники, хотя нареканий по поводу качества вещания через китайские спутники не было, а российские спутники имеют меньшую зону покрытия[3].

• Северная Корея выступила против планов Китая по установке телекоммуникационных объектов вблизи границы, направив по этому поводу письмо в Международный союз электросвязи[4] и заявив, что такое надо было делать после предварительных консультаций. По-видимому, проблема здесь в том, что китайский контент будет «ловиться» в КНДР, нарушая ее информационную блокаду.

• Издание *NK Pro*[5] проанализировало прессу КНДР и отметило существенное сокращение упоминаний о Китае. Так, если в 2023 г. в СМИ КНДР было опубликовано 10 официальных сообщений, писем и телеграмм, которыми обменялись руководители Китая и КНДР, то в сентябре 2024 г. таких сообщений было всего три. Затем, с мая по август, Си Цзиньпин не упоминался в публикациях «Нодон Синмун»

---

[1] Комментарий ARRC: «Российские мечты» Пхеньяна // Asia Risk Research Center. 05.08.2024. URL: https://asiarisk.org/novosti/449-kommentarij-arrc-rossijskie-mechty-pkhenyana (дата обращения: 14.04.2025); China anxious about Russo-North Korean realignment? // Korea Times. 07.08.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2024/08/197_380013.html (accessed: 14.04.2025).

[2] '북•중 밀월 징표' 김정은 발자국 동판, 중국서 사라졌다, 'Buk • jung milwol jingpyo' gimjeongeun baljaguk dongpan, junggukseo sarajyeotda [Медная пластина с изображением отпечатка ноги Ким Чен Ына исчезла в Китае] // Чунъан ильбо. 10.06.2024. URL: https://www.joongang.co.kr/article/25255484 (дата обращения: 14.04.2025).

[3] Комментарий ARRC: «Российские мечты» Пхеньяна // Asia Risk Research Center. 05.08.2024. URL: https://asiarisk.org/novosti/449-kommentarij-arrc-rossijskie-mechty-pkhenyana (дата обращения: 14.04.2025).

[4] North Korea challenges China's border telecoms plans in rare protest // South China Morning Post. 26.08.2024. URL: https://www.scmp.com/news/asia/east-asia/article/3275868/north-korea-challenges-chinas-border-telecoms-plans-rare-protest (accessed: 14.04.2025).

[5] Юг и Север: Обзор последних событий на Корейском полуострове (16 — 30 сентября 2024 г.) // Asia Risk Group, 04.10.2024. URL: https://asiarisk.org/novosti/464-yug-i-sever-obzor-poslednikh-sobytij-na-korejskom-poluostrove-16-30-sentyabrya-2024-g (дата обращения: 14.04.2025).

и материалах ЦТАК, при том, что в 2023 г. в тот же период упоминаний о нем было 20. В тот же период северокорейская печать резко сократила количество публикаций о Китае, а северокорейское телевидение стало показывать заметно меньше китайских фильмов.

Указанные аргументы часто дополнялись конспирологическими вбросами типа «завещания Ким Чен Ира»[1], в котором он призывал-де не доверять Китаю, или недоступными широкой публике антикитайскими высказываниями первых лиц КНДР[2].

С одной стороны, многое в этих «доказательствах» допускает иные трактовки или может объясняться совпадениями, но с другой — признаки недовольства есть, хотя автор наблюдает их не на уровне государства, а на уровне китайского общества, где Северную Корею воспринимают если не как «китайский задний двор», то как зону исключительных китайских интересов, несмотря на то, что руководство страны проводит самостоятельный курс[3].

Так, можно отметить возобновление закрытых консультаций, на которых представители Китая обсуждали с российскими и, что реже, с южнокорейскими учеными перспективы политического развития региона и ситуацию вокруг КНДР. На подобных конференциях, проходящих в формате «Чатэм-хаус» (отчего автор не имеет права назвать конкретные имена и даты), китайские эксперты высказывали свое недовольство как автору, так и другим российским представителям. Раздражение было связано с тем, что сближением с КНДР Россия-де зашла в зону исключительных интересов Китая и это подрывает доверие между двумя странами, а также и с тем, что связи Москвы и Пхеньяна ослабляют позиции КНР в переговорах с Америкой. Ранее они могли разыгрывать в них северокорейскую карту как возможность влиять на Пхеньян, а теперь это стало гораздо сложнее. Отдельно отмечалось, что России надо быть осторожнее с военной помощью Северной Корее, особенно в области передачи прорывных технологий создания ракет и атомных подводных лодок. По мнению китайских участников мероприятия, это прямое нарушение резолюции Совбеза ООН, потворство распространению ядерно-

[1] СМИ: В завещании Ким Чен Ир просил развивать ядерный потенциал. // Росбалт, 12.04.2012. URL: http://www.rosbalt.ru/main/2012/04/12/968909.html (дата обращения: 04.06.2022).

[2] Strained Sino-North Korea ties: Despite distrust, neither will rock the boat // Korea Times. 03.10.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/10/103_383538.html (accessed: 14.04.2025).

[3] В этом контексте некоторые респонденты автора проводили аналогию между отношениями КНР и КНДР и отношениями РФ и РБ.

го оружия, и «то, что может нанести вред отношениям двух наших стран».

Заметим, что с 2013 г. вопрос о том, как относиться к Северной Корее, в научном сообществе КНР был открыт для дискуссии и высказывались самые разные точки зрения — от «нам придется учиться жить с ядерной Северной Кореей»[1], потому что в вопросах безопасности они не слушают никого, до «Северная Корея — это токсичный актив», или как минимум карта, которую можно пытаться разыграть в рамках диалога с Соединенными Штатами, обменяв на нечто более важное для национальных интересов Китая. Обращая внимание на статьи второй группы, западные аналитики нередко делали выводы о том, что Пекин готов сдать Пхеньян[2], однако этого не случилось.

Тем не менее, такая приватно озвученная позиция отчасти вытекает из концептуальных документов внешней политики КНР и представлений китайской стороны об особенностях своей дипломатической культуры и стратегии. Опубликованная в 2023 г. «Глобальная инициатива безопасности»[3] указывает, что «безопасность одной страны не должна обеспечиваться за счет нанесения ущерба безопасности другой страны», а также, что «любое государство, стремясь к собственной безопасности, должно учитывать законные интересы других стран». В документе отмечается невозможность урегулирования конфликтов путем войн и санкций, подчеркивается необходимость диалога и переговоров.

Что же до дипломатической культуры и стратегии, то, по мнению китайской стороны, Китай отказался от менталитета холодной войны после установления официальных отношений с США и Японией, и тем более тогда, когда Дэн Сяопин ввел курс на невступление Китая в военные союзы, членство в которых обусловливает ограничение национального суверенитета ради достижения «общих целей». Отличие китайской ситуации от российской объясняют тем, что у Китая под боком нет аналога НАТО или конфликта уровня СВО.

---

[1] Эксперт: миру придется смириться с «ядерной Северной Кореей» // РИА Новости. 25.03.2005. URL: https://ria.ru/politics/20050325/39573897.html (дата обращения: 04.06.2022).

[2] Скайлар Мастро О. Почему Китай не будет спасать КНДР // Россия в глобальной политике. 08.02.2018. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-kitaj-ne-budet-spasat-kndr/ (дата обращения: 14.04.2025).

[3] 中华人民共和国中央人民政府.全球安全倡议概念文件（全文), Zhōnghuá rénmín gònghéguó zhongyāng rénmín zhèngfu. Quánqiú ānquán chàngyì gàiniàn wénjiàn (quán wén // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Концептуальный документ глобальной инициативы по безопасности (полный текст). Февраль 21, 2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения: 14.04.2025).

С другой стороны, рост претензий КНР на статус региональной сверхдержавы ведет к утверждению ее взгляда на сопредельные «малые страны» как на своего рода «данников» [Кашин В.Б.], которые не должны противопоставлять свои интересы интересам Поднебесной.

Вопрос о том, как Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР повлияет на позиции Китая на Корейском полуострове, обсуждается и в открытой печати [Чжан Юнь]. Но в целом китайские авторы отмечают, что двусторонние отношения в треугольнике Москва — Пекин — Пхеньян основываются на равноправии и взаимной выгоде и не являются военным союзом. Ими подчеркивается необходимость отказа от воспроизведения конфронтационной схемы типа «Север против Юга», характерной для времен холодной войны [Чжао Лун, Лянь Цзясюань].

Как отмечает в своей статье Фэнь Бовэй, позиция Китая в отношении Договора основывается не только на уважении суверенитета и права на самостоятельные решения, но и отражает традиционное для Китая стремление к соблюдению принципов равенства и невмешательства во внутренние дела [Фэнь Бовэй].

На официальном уровне никаких признаков недовольства не отмечалось. Представители официальной власти заняли позицию «это внутреннее дело двух стран», воздерживаясь как от осуждения, так и от открытого одобрения подходов другой стороны.

Линь Цзянь, представитель Министерства иностранных дел Китая, отказался комментировать ратификацию договора. «Сотрудничество между Россией и КНДР — это дело двух суверенных государств. У нас нет информации по этому вопросу»[1]. Ранее, 1 августа 2024 г., он прямо подчеркнул, что «СМИ некоторых стран периодически преувеличивают и раздувают ситуацию, заявляя, что в отношениях КНР и КНДР существует проблема в виде конкуренции Москвы и Пекина в сотрудничестве с Пхеньяном... Хочу подчеркнуть, что и КНДР, и Россия являются дружественными соседями Китая. КНР рада видеть развитие отношений между КНДР и РФ, играющих конструктивную роль в поддержании региональных мира и стабильности»[2]. Схожим образом официальный представитель МИД КНР Мао Нин прокомментировала визит в КНДР главы Минобороны РФ Андрея Белоусо-

[1] МИД Китая: развитие отношений России и КНДР является суверенным делом // Ведомости. 01.11.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/11/01/1072360-razvitie-otnoshenii-rossii-kndr (дата обращения: 14.04.2025).

[2] Китай заявил, что рад развитию отношений между РФ и КНДР // ТАСС. 01.08.2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21504723 (дата обращения: 14.04.2025).

ва: «Россия и КНДР являются суверенными и независимыми странами, двусторонние обмены между ними — это их собственное дело»[1].

Посол КНР в Южной Корее Дай Бин также опровергал утверждения о том, что укрепление связей между Россией и КНДР приводит к сокращению влияния Китая на Северную Корею. По его словам, «отношения Москвы и Пхеньяна не имеют ничего общего с отношениями последнего с Пекином»[2].

Также утверждается, что во время визита заместителя главы МИД РФ А. Руденко в Пекин в конце 2024 г. китайская сторона выразила понимание всех аспектов отношений РФ и КНДР.

Еще важнее то, что в отличие от былых времен Китай не стал демонстрировать свое недовольство путем снижения экономической помощи Северной Корее. В 2024 г. объем экспортированных Китаем в Северную Корею нефтепродуктов превысил показатель 2023 года[3]. Только поставки очищенной нефти из Китая в Северную Корею в январе—ноябре 2024 г. увеличились с 256 861 до 280 928 баррелей[4].

Развитие ситуации в конце 2024 — начале 2025 г.

Так или иначе, Сеулу не удалось извлечь выгоду из возможного ослабления связей Пекина и Пхеньяна как в силу распространенности антикитайских настроений в целом, так и ввиду серии антикитайских высказываний президента Юн Сок Ёля, сделанных на фоне конституционного кризиса. Так, в «Слове к народу»[5] от 12 декабря 2024 г. Юн Сок Ёль упоминал распоясавшихся китайских шпионов и то, что

---

[1] МИД КНР: двусторонние обмены между РФ и КНДР являются их делом // ТАСС, 29.11.2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22531317 (дата обращения: 14.04.2025).

[2] Rise in anti-China sentiment in S. Korea could undermine ties: Chinese ambassador // Korea Times. 26.02.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/02/120_393060.html (accessed: 14.04.2025).

[3] Юг и Север: Обзор последних событий на Корейском полуострове (1 — 15 марта 2025 г.) // Asia Risk Group 18 марта 2025. URL: https://asiarisk.org/novosti/516-yug-i-sever-obzor-poslednikh-sobytij-na-korejskom-poluostrove-1-15-marta-2025-g (дата обращения: 14.04.2025).

[4] China's refined petroleum supply to N. Korea rises slightly last year: UNSC //Yonhap News, 14.03.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250314002400315 (accessed: 14.04.2025).

[5] 국민께 드리는 말씀, Gugminkke deurineun malsseum [Слово к народу] // Сайт президента РК, 12.12.2024. URL: https://www.president.go.kr/president/speeches/tHwPjraV (дата обращения: 14.01.2025).

«китайские солнечные батареи уничтожают наши леса», а в письме к сторонникам от 15 января 2025 г. он выразил солидарность с молодыми людьми, выступающими против «прокитайских сил»[1]. После этого представитель МИД КНР Мао Нин заявила, что Пекин «глубоко удивлен и недоволен», и подобная ситуация «не пойдет на пользу здоровому и стабильному развитию отношений между Китаем и РК»[2]. В результате поднять уровень отношений между Пекином и Сеулом не удалось, и уже в 2025 г. посол Дай Бин периодически выступал по поводу роста антикитайских настроений, способных нанести удар отношениям двух стран[3]. «Разрядки» не произошло, и не ясно, в какой мере ситуация изменится после президентских выборов 3 июня 2025 г., если к власти придет кандидат от оппозиционной Демократической партии Ли Чжэ Мён, который в во время президентской кампании 2022 г. обещал топить китайских браконьеров[4], обнаруженных в водах РК.

Что до отношений Северной Кореи и Китая в 2025 г. то, несмотря на всю преждевременность выводов, СМИ РК в целом продолжают описывать их состояние как разлад. Например, новость о том, что Си Цзиньпин направил Ким Чен Ыну новогоднее поздравление, сопровождалась комментарием о том, что сообщение ЦТАК об этом не было достаточно подробным и, более того, — послание председателя КНР было якобы упомянуто в общем ряду с поздравлениями других мировых лидеров. По мнению экспертов, «эта разница во взаимодействии в сочетании с сообщениями об усилении давления на северокорейских рабочих в Китае рисует мрачную картину отношений, балансирующих на грани»[5].

---

[1] Yoon's anti-China rhetoric stirs diplomatic concerns as Xi mulls visit to Korea // Korea Times. 18.02.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/02/120_392388.html (accessed: 28.02.2025).

[2] Пекин удивлён заявлением Юн Сок Ёля о «китайских шпионах» // Международное радио Кореи. 13.12. 2024. URL:https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=79956 (дата обращения: 07.01.2025) .

[3] Rise in anti-China sentiment in S. Korea could undermine ties: Chinese ambassador // Korea Times. 26.02.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/02/120_393060.html (accessed:14.04.2025).

[4] '반중' 올라탄 대선후보들...이재명 «불법어선 격침» 발언까지, 'Banjung' ollatan daeseonhubodeul... yi jaemyeong «bulbeob-eoseon gyeogchim» bal-eonkkaji [Антикитайские настроения среди кандидатов в президенты растут... Ли Чжэ Мён говорит, что незаконные рыболовецкие суда должны быть уничтожены»] // Хангёре Синмун. 10.02.2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1030501.html (дата обращения: 07.01.2025).

[5] North Korea-China ties to remain in state of flux in 2025// «Korea Times», 16.01.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/northkorea/20250116/north-korea-china-ties-to-remain-in-state-of-flux-in-2025 (accessed: 14.04.2025).

Известно, что продолжается начатая в 2024 г. кампания по дальнейшему ужесточению контроля над использованием мобильных телефонов, подключенных к китайским сотовым сетям и позволяющих звонить в любую страну мира, включая РК. Это тоже выдают за знак напряженности между КНР и КНДР, хотя подобные телефоны активно используются для контрабанды, торговли людьми и иной преступной деятельности[1].

На этом фоне не все обратили внимание на одну важную встречу: 19 февраля заместитель министра иностранных дел КНДР Пак Мён Хо посетил посольство КНР в Пхеньяне и в ходе разговора с послом Ван Яцзюнем выразил надежду на устойчивые обмены и сотрудничество между двумя странами в текущем году, которые выведут отношения государства на более высокий уровень. В свою очередь, Ван заявил, что Китай готов сотрудничать с Северной Кореей для укрепления стратегических связей и углубления практического сотрудничества[2].

1 апреля 2025 г. «на фоне растущих признаков улучшения двусторонних отношений между Северной Кореей и Китаем, которые были охлаждены из-за тесного сотрудничества Пхеньяна с Москвой» Ван Яцзюнь во главе группы из примерно 60 человек, включая сотрудников посольства и представителей СМИ, посетил кладбище китайских народных добровольцев на озере Чанчжин (Чосин) — одного из главных мест боевых действий Корейской войны[3]. Ван отметил, что «Китай и Северная Корея объединили усилия, чтобы дать отпор агрессорам и преодолеть опасную ситуацию». Делегацию сопровождал директор Первого азиатского бюро МИД КНДР Ким Ен Чжу. 7 апреля 2025 г. впервые за пять лет КНДР посетили чиновники, отвечающие за управление мемориальным комплексом в память о добровольцах[4]. Такие визиты, по мнению автора, указывают на желание КНР

[1] Юг и Север: Обзор последних событий на Корейском полуострове (1 — 15 января 2025 г.) // Asia Risk Group, 21..01.2025. URL: https://asiarisk.org/novosti/497-yug-i-sever-obzor-poslednikh-sobytij-na-korejskom-poluostrove-1-15-yanvarya-2025-g (дата обращения: 14.04.2025).

[2] Senior N.K. diplomat hopes for strong exchanges, cooperation with China this year // Yonhap News, 19.02.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250219008500315 (accessed :14.04.2025).

[3] China's top envoy to N. Korea visits cemetery of fallen Chinese troops during Korean War // Yonhap News, 01.04.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250401007800315 (accessed: 14.04.2025).

[4] Chinese officials managing Korean War memorial facility return to N. Korea after 5 yrs // Yonhap News. 07.04.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250407007700315 (accessed: 14.04.2025).

сохранять с Северной Кореей прежний уровень дружественных отношений.

Поводя итог, следует отметить, что сближение Российской Федерации и Северной Кореи все же вызвало в Китае некоторое недовольство, но оно проявлялось не на уровне государства, а на уровне общества и не оказало серьезного влияния на состояние отношений двух стран. Иначе можно было бы наблюдать изменения в официальной риторике, а также «закручивание гаек», не связанное с борьбой двух стран с трансграничной преступностью.

Некоторые российские эксперты выражают опасения, что руководство КНДР рассчитывает использовать сближение с Россией для того, чтобы дистанцироваться от Китая и возродить политику лавирования между Пекином и Москвой. Поэтому, полагают они, «России не следует игнорировать подобные поползновения руководства КНДР, так как они могут оказать негативное влияние на состояние российско-китайских отношений»[1]. Эти опасения понятны, но даже при самых оптимистичных оценках развитие экономических связей между КНДР и РФ не поколеблет торговую гегемонию Китая, являющегося практически монопольным торговым партнером Севера Корейского полуострова.

Более того, на фоне дальнейшего противостояния США и КНР в правление Д. Трампа Россия, Китай и Северная Корея будут объединены общей угрозой, что вызовет к жизни если не тактический союз, то, как минимум, стремление игнорировать или смягчить некоторые проблемы трехстороннего сотрудничества. Такая ситуация будет вынуждать Пхеньян и Пекин меньше обращать внимания на разногласия, которые не будут играть в отношениях двух стран определяющей роли. Как отмечает Захар Прилепин: «Зависимость КНДР от Китая, как выяснилось, тоже в целом миф — эти страны сотрудничают и дружат, но нынешний Ким периодически принимает решения, которые категорически не нравятся Китаю. Однако и с этой стороны им никто ничего не скажет»[2].

Также, гипотетическое ухудшение отношений Пекина и Пхеньяна не означает автоматического улучшения отношений Пекина и Сеула. Это маловероятно из-за необходимости РК следовать в фарватере

[1] Комментарий ARRC: «Российские мечты» Пхеньяна// Asia Risk Research Center, 05.08. 2024. URL: https://asiarisk.org/novosti/449-kommentarij-arrc-rossijskie-mechty-pkhenyana (дата обращения:14.04.2025).

[2] Прилепин З. Самые суверенные. 11.04.2025. URL: https://russian.rt.com/opinion/1462939-prilepin-severnaya-koreya-rossiya (дата обращения: 14.04.2025).

американской политики и не ослабевающих антикитайских настроений в Южной Корее. Антикитайские заявления президента Юн Сок Ёля в ходе конституционного кризиса 2024—25 гг. осложнили путь к «разрядке» между Пекином и Сеулом, и даже приход к власти демократической партии на президентских выборах в июне 2025 г. не гарантирует смены курса.

Библиографический список

Кашин В.Б. Китайская картина будущего мира и место России в нем // Тетради по консерватизму. Москва: Фонд ИСЭПИ, 2015. № 5. С. 159—166.

Фэнь Бовэй. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР и его роль в евразийской системе безопасности: взгляд из Китая // Корееведение. 2025. № 3. (Готовится к печати).

References

Feng Bowei (2025). Dogovor o vseob#emljushhem strategicheskom partnerstve mezhdu RF i KNDR i ego rol' v evrazijskoj sisteme bezopasnosti: vzgljad iz Kitaja [The Comprehensive Strategic Partnership Treaty between the Russian Federation and the DPRK and its role in the Eurasian security system: a view from China], *Koreevedenie [Koreanology]* :2. (Is being prepared for publication). (In Russian).

Kashin, V.B. (2015). Kitajskaja kartina budushhego mira i mesto Rossii v nem [The Chinese Vision of the Future World and Russia's Role in It], *Tetradi po konservatizmu [Notebooks on conservatism], Izd. Fonda ISJePI [ISEPR Foundation Publishing House]:* 5: 159—166. (In Russian).

* * *

张云(2024)：俄朝接近导致中国在半岛的影响力弱化？观点, É cháo héjiě huì xuēruò zhōngguó zài bàndǎo de yǐngxiǎng lì ma? Guāndiǎn [Zhang Yun (2024): Does the Closer Russia-North Korea Relationship Weaken China's Influence on the Korean Peninsula? Opinion], *北京大学中外人文研究基地 [Beijing University Research Base for Chinese and Foreign Humanities].* 27 June. URL: https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/6729.htm (accessed: 12 December, 2024). (In Chinese).

赵隆, 廉佳璇 (2023). 俄朝构建“全方位”关系：驱动逻辑、外溢效应与结构短板, Zhao Long, Lian Jiaxuan (2023). E chao goujian “quanfangwei ”guanxi : qudong luoji, waiyi xiaoying yu jiegou duanban [“Comprehensive” relations between Russia and North Korea: driving logic, side effects and structural weaknesses], *俄罗斯学刊*, *Eluosi xuekan [Russian Journal]:*13(06): 29—46. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 15.04.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Apr 15, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.93.011

В.Я. Портяков

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА

Аннотация. В статье рассмотрены основные особенности и направления российской историографии внешней политики КНР в эпоху правления Си Цзиньпина. Очевидным приоритетом этого периода стал анализ и разъяснение внешнеполитических концепций, практики и стиля лидера страны — Си Цзиньпина. Как и ранее, приоритетное место среди адресатов Китая на мировой арене занимали США и Россия, при определенном усилении внимания к России. Был углублен анализ таких проблем, как политика Пекина в развивающемся мире (ныне чаще называемом «Глобальным Югом»), включая взаимодействие в формате БРИКС, «мягкая сила», политика «партнерства». Рассмотрен также ряд обобщающих российских работ о международных отношениях КНР.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Си Цзиньпин, внешняя политика, российская историография.

Автор: *Портяков Владимир Яковлевич*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID 0000-0001-9188-2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для цитирования: Портяков В.Я. Российская историография внешней политики КНР в эпоху Си Цзиньпина // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 170—178. DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.93.011.

V.Ya. Portyakov

Russian historiography of China's foreign policy in the Xi Jinping era

Abstract. The article examines the main features and directions of the Russian historiography of China's foreign policy during the reign of Xi Jinping. The obvious priority of this period was the analysis and clarification of the foreign policy concepts, practices and style of the country's leader, Xi Jinping. As before, the United States and Russia occupied a priority place among China's addressees on the world stage, with a certain increase in attention to Russia. Such issues as Beijing's policy in the Developing World, nowadays nominated as Global South, including cooperation in the BRICS format, "soft power", and the policy of "partnership" were analised in-depth. A number of generalizing Russian works on China's international relations are also considered.

Keywords: People's Republic of China, Xi Jinping, foreign policy, Russian historiography.

Author: Vladimir Ya. PORTYAKOV, Dr. Sc. (Economics), Professor, Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0001-9188-2341;
E-mail: p481nov@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Portyakov V.Ya. (2025). Rossijskaya istoriografiya vneshnej politiki KNR v epohu Si Czin'pina [Russian historiography of China's foreign policy in the Xi Jinping era], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 170—178. (In Russian).
DOI:10.48647/ICCA.2025.47.93.011.

Российская историография внешней политики КНР периода правления Си Цзиньпина, начавшегося в конце 2012 г. и продолжающегося по настоящее время, отличается беспрецедентной широтой исследуемых и освещаемых проблем, позволяющей говорить об их фактически глобальном охвате — как в географическом, так и в тематическом плане. Вместе с тем, в ней просматриваются очевидные

приоритеты. Это, во-первых, анализ и разъяснение внешнеполитических концепций, практики и стиля лидера страны — Си Цзиньпина. Во-вторых, сохранение ведущей роли российского, а также американского векторов в международном курсе Китая, при определенном усилении внимания к России.

Можно констатировать, что новый лидер КНР привлек внимание российских китаеведов практически сразу же после прихода к власти в конце 2012 г. 29 ноября 2012 г., в ходе посещения Государственного музея в Пекине, Си Цзиньпин поделился своими соображениями о «китайской мечте» как достижении «великого возрождения китайской нации». Данная мечта подразумевает не только укрепление позиций Китая в мире, искоренение состояния национального раскола, но и «подтягивание» страны до уровня ведущих держав. Внутри страны идея «китайской мечты» стала основой укрепления сплоченности нации, а вовне— инструментом «мягкой силы», вносящим вклад в улучшение восприятия КНР во внешнем мире [Ломанов А.В., 2014].

Вскоре последовали и другие инициативы Си Цзиньпина, прямо повлекшие за собой крупные практические шаги во внешней политике КНР. Инициатива «Пояс и путь», включающая в себя «Сухопутный пояс Шелкового пути» и «Морской пояс Шелкового пути 21-го века», стала, по сути дела, долгосрочной программой развития экономического сотрудничества Китая с широким кругом государств Азии, Африки, Латинской Америки, Океании и даже Европы, причем достаточно успешно реализуемой. Освещению различных аспектов этой темы посвящено множество публикаций, в том числе в различных сборниках, материалах конференций и научной периодике [см., например: Виноградов А.О., 2024; Новый шелковый путь..., 2016].

Еще одна глобальная инициатива Си Цзиньпина—создание «Сообщества единой судьбы человечества», которая, по словам ее автора, «отражает общее стремление всего человечества к таким ценностям, как мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода, несет в себе общую мечту народов всех стран о мире, развитии и процветании»[1]. После примерно 10-летнего периода ее концептуального обсуждения и осмысления в 2023—2024 гг. ее практическое применение вылилось в заключение Китаем реальных соглашений по данной проблематике в двустороннем формате (первым стало соглашение с Вьетнамом). В феврале 2017 г. эта концепция была впервые включена в резолюцию ООН.

[1] Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Чжунъян баньи чубаньшэ, 2021, с. 1.

После первого пятилетия пребывания Си Цзиньпина во главе партии и государства появилась устойчивая тенденция всячески подчеркивать главенство Си в делах внешней политики Китая. В англоязычных СМИ КНР даже стал нередко использоваться термин «Сипломатия» (*Xiplomacy*, т. е. дипломатия Си). Итоги практически всех зарубежных визитов Си Цзиньпина подробно разъясняются министром иностранных дел. Прежде, до Си, такого, как правило, не наблюдалось.

Возникла и персонифицированная литература о Си Цзиньпине. Инициатором здесь выступил журналист-востоковед Ю.В. Тавровский, подготовивший ряд трудов преимущественно биографического характера. В их числе — «Си Цзиньпин. По ступеням китайской мечты» (2015), «Си Цзиньпин. Новая эпоха» (2018), «Си Цзиньпин— вождь Китая» (2024).

На позиции одного из ведущих российских специалистов по «сицзиньпиноведению» выдвинулся Е.Н. Румянцев, длительное время проработавший в Институте Дальнего Востока РАН, а затем перешедший в Российский институт стратегических исследований. По его мнению, Си Цзиньпин — «политик мирового уровня, чьи не только действия, но и высказывания, и даже жесты заслуживают пристального внимания и анализа» [Е.Н. Румянцев, 2017, с. 62—63].

Перу Е.Н. Румянцева принадлежат и крупные работы по исследуемой теме. Это «Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина» [Е.Н. Румянцев, 2016] и ее расширенный и дополненный вариант «Современная китайская политика» в 2-х томах [Е.Н. Румянцев, 2024]. На наш взгляд, 1-й том работы, посвященный внутриполитической проблематике, содержит массу интересных деталей и заслуживает самой высокой оценки. Во 2-м томе, похоже, явно переоценена роль спецслужб во внешней политике Пекина.

Сюжеты, связанные с идеями и внешнеполитическим курсом Си Цзиньпина, составили значительную часть крупной коллективной монографии «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» [Модель развития..., 2019] под редакцией профессора А.Д. Воскресенского.

В частности, это главы «Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» (А.В. Ломанов), «Сообщество единой судьбы человечества как внешнеполитическая инициатива» (К.А. Санин), «Теория Си Цзиньпина» (А.В. Виноградов), материалы по сухопутному и морскому Шелковому пути (А.А. Киреева). Отметим идею А.В. Ломанова, что «расширение использования категорий и ценностей китайской традиционной культуры в обновленных концепциях внешней политики

является частью широкомасштабного процесса “рекитаизации” политической и общественной жизни Китая» [Модели развития..., 2019, с. 79]. Солидно представлены в монографии и основные региональные аспекты внешней политики Китая, авторами которых выступили молодые ученые из МГИМО.

Приятной неожиданностью стал выход в свет монографии ученой из ДВФУ (Владивосток) А.В. Бояркиной «Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация» [Бояркина А.В., 2023]. В работе последовательно рассмотрена эволюция внешнеполитических взглядов лидеров КНР от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина. Автор уделил значительное внимание Цзян Цзэминю и Ху Цзиньтао, которые нередко лишь упоминаются мимоходом, но не анализируются достаточно детально. А.В. Бояркина приходит к выводу, что Цзян Цзэминь «реализует сдержанную, ненапористую и одновременно независимую внешнеполитическую стратегию... Теория мультиполярности мира становится главной в политическом дискурсе и в политологии Китая в 90-е годы XX в.» [Бояркина А.В., 2023, с. 148].

К важному наследию Ху Цзиньтао автор относит разработку концепций мирного возвышения и мирного развития КНР, ставших обоснованием права Китая на обретение статуса сверхдержавы, а также идею строительства «гармоничного мира». А.В. Бояркина напоминает, что именно при Ху Цзиньтао в КНР началась углубленная разработка проблем «мягкой силы» и национальной культуры как важного элемента совокупной мощи страны. Эти идеи стали опорой и даже отправной базой для ряда идей Си Цзиньпина.

Еще одной крупной работой о внешней политике КНР является сборник статей научного руководителя ИКСА РАН А.В. Лукина «Россия и Китай в меняющемся мире» [2024]. Тексты, написанные в период 2015—2024 гг., охватывают широкий круг проблем «азиатского бытия» современной России и ее непростого взаимодействия с Китайской Народной Республикой. Специальная военная операция России на Украине дополнительно высветила нюансы и отличия в подходах Москвы и Пекина не только к ситуации вокруг Украины, но и в некоторых важных вопросах мироустройства в целом. Автор весьма кстати цитирует публикации известных китайских специалистов по России в западных источниках по данной теме. Так, Фэн Юйцзюнь заявляет, будто Россия стремится подорвать существующий мировой и региональный порядок военным путем, в то время как Китай хочет разрешать конфликты мирными средствами. А Гуань Гуйхай из Пекинского университета утверждает, будто для Китая одностороннее изменение территориального статуса государства путем так

называемых референдумов является неприемлемым [Лукин А.В., 2024, с. 37—38].

В монографии А.В. Лукина видное место отведено перипетиям китайско-американских отношений. Автор напоминает о значительном расширении Пекином понятия «коренных интересов» страны, его отказе от примирительно-оборонительных тезисов Дэн Сяопина и переходе к наступательной дипломатии «боевых волков», о широких дискуссиях по «ловушке Фукидида», то есть о непременном столкновении нисходящего и восходящего мировых гегемонов.

Автор уделяет существенное внимание проблематике Шанхайской организации сотрудничества, которой он занимается с первых шагов ее создания.

Центральное место в современной российской историографии внешней политики КНР занимают работы по двусторонним отношениям между РФ и КНР.

Соответствующие материалы публикуются на ежегодной основе в сборнике Российского совета по международным делам «Российско-китайский диалог». Последний по времени сборник имеет подзаголовок «Модель 2024». Первый — «Модель 2015».

Авторский коллектив представлен учеными РСМД, ИДВ/ИКСА РАН, Фуданьского университета. Как правило, с российской стороны руководителем коллектива являлся директор ИДВ/ИКСА РАН — в разные годы это были С.Г. Лузянин, А.А. Маслов и К.В. Бабаев.

Солидно представлены материалы о двусторонних отношениях Москвы и Пекина в ежегодниках «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» (под редакцией Е.И. Сафроновой), в ежегоднике ИДВ/ИКСА РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура», в новом журнале под редакцией А.В. Лукина «Российское китаеведение» (издается с 2022 г.).

Необычный, ранее не встречавшийся жанр был опробован группой российских и китайских дипломатов в совместной работе «Послы вспоминают... Незабываемые годы российско-китайских отношений [Москва, 2024]. Сборник включает личные воспоминания ряда китаеведов-дипломатов об особенностях их карьеры в китаеведении, включая послов РФ в КНР А.И. Денисова, С.С. Разова, И.В. Моргулова, послов в других азиатских странах Е.В. Афанасьева, К.В. Внукова, К.М. Барского, А.Б. Кулика, генконсула в Гонконге и Шанхае А.Н. Смородина. Китайские дипломаты — авторы книги представлены такими известными фигурами, как Чжан Чжэнь,Чжан Дэгуан, Лэ Юйчэн, Чжао Сиди, Чжоу Сяопэй, Ли Хуэй.

Из последних по времени крупных публикаций по внешней политике КНР следует особо выделить работу С.Н. Гончарова «Китай и специальная военная операция России (февраль 2022 — апрель 2023 г.)» [Гончаров С.Н., 2024]. Работа написана на богатом фактическом материале с глубоким пониманием широкого контекста двусторонних российско-китайских отношений.

Среди других направлений внешней политики КНР при Си Цзиньпине неизменно привлекают внимание отношения Пекина с Вашингтоном. В журнале «Проблемы Дальнего Востока» периодически проводятся «Круглые столы» по этой проблематике, ныне эстафету здесь перехватил журнал «США и Канада: экономика, политика, культура». В последние годы особое внимание уделяется обострившейся ситуации вокруг Тайваня.

Солидную работу по проблемам эволюции отношений в треугольнике США—КНР—Россия подготовил А.С. Давыдов, к сожалению, скончавшийся в 2023 г. [А.С. Давыдов. Пекин, Вашингтон, Москва..., 2015].

Исследуемая российскими китаеведами проблематика существенно шире вышеперечисленной. Заслуживают быть упомянутыми работы Е.И. Сафроновой по проблемам отношений КНР с развивающимися странами, В.Е. Петровского по арктической политике Пекина, С.В. Уянаева по китайско-индийским отношениям, А.В. Ломанова и М.Л. Титаренко по вопросу о китайской «мягкой силе». В общем, объект исследования не оскудевает.

Библиографический список

Бояркина А.В. Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2023. 342 с.

Виноградов А.О., Данилюк С.А. Эволюция Инициативы «Пояс и путь» (2021—2023) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Вып. XXIX. М.: ИКСА РАН, 2024. С. 136—153.

Гончаров С.Н. Китай и специальная военная операция России (февраль 2022 — апрель 2023 г.). СПб.: Нестор-История, 2024. 288 с.

Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М.: ИДВ РАН, 2015. 400 с.

Ломанов А.В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2014. С. 40—56.

Ломанов А.В., Кобелев Е.В. (отв. ред.) «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. 223 с.

Лукин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015—2024). М.: ИКСА РАН, 2024. 959 с.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

Новый Шелковый путь и его значение для России. М.: ДеЛи плюс, 2016. 233 с.

Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Россия и Китай в Арктике. М.: Весь Мир, 2022. 168 с.

Послы вспоминают... Незабываемые годы российско-китайских отношений. М.: Аспект Пресс, 2024. 422 с.

Российско-китайский диалог: модель 2024. М.: РСМД, 2024. 98 с.

Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М.: Синосфера, 2016. 589 с.

Румянцев Е.Н. Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5.С. 47—64.

Румянцев Е.Н. Современная китайская политика. В 2-х томах. М.: Синосфера, 2024.

Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: ИД «Форум», 2018. 336 с.

Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах нового миропорядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова. М.: ИД «Форум», 2019. 322 с.

References

Boyarkina, A.V. (2023). Vneshnepoliticheskie koncepcii KNR: teoreticheskij zamysel i prakticheskaya realizaciya [China's foreign Policy concepts: theoretical conception and practical implementation], *Vladivostok: FEFU Publishing House*, 342 p.

Davydov, A.S. (2015). Pekin, Vashington, Moskva: vzaimootnosheniya v kontekste transformacii global'noj arhitektoniki [Beijing, Washington, Moscow: relationships in the context of the transformation of global architectonics], *Moscow: IFES RAS*, 400 p.

Goncharov, S.N. (2024). Kitaj i special'naya voennaya operaciya Rossii (fevral' 2022 — aprel' 2023 g.) [China and Russia's special military operation (February 2022 — April 2023)]. *St. Petersburg: Nestor-Istoriya,* 288 p.

Lomanov, A.V. (2014). «Kitajskaya mechta» kak ideologicheskij simvol rukovodstva Si Czin'pina ["The Chinese Dream" as an ideological symbol of Xi Jinping's leadership], In: Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 65-letiyu KNR. [People's Republic of China: Politics, Economy, Culture. On the 65th anniversary of the PRC], *Moscow: Forum Publishing House*: 40—56.

Lomanov, A.V.; Kobelev, E.V. (eds) (2015). «Myagkaya sila» v otnosheniyah Kitaya s vneshnim mirom ["Soft power" in China's relations with the outside world], *Moscow: IFES RAS,* 223 p.

Lukin, A.V. (2024). Rossiya i Kitaj v menyayushchemsya mire: stat'i i perevody (2015—2024) [Russia and China in a changing world: articles and translations (2015—2024)], Moscow: ICCA RAS, 959 p.

Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: ocenki, diskussii, prognozy (2019) [The development model of modern China: assessments, discussions, forecasts], Ed. Prof. A.D. Voskresensky, *Moscow, Strategic Research,* 736 p.

Novyj Shelkovyj put' i ego znachenie dlya Rossii (2016) [The New Silk Road and its significance for Russia], *Moscow, Delhi Plus,* 233 p .

Petrovsky, V.E.; Filippova, L.V. (2022). Rossiya i Kitaj v Arktike [Russia and China in the Arctic], *Moscow: "The Whole World" PH*22, 168 p.

Posly vspominayut... Nezabyvaemye gody rossijsko-kitajskih otnoshenij (2024) [The ambassadors remember... Unforgettable years of Russian-Chinese relations], *Moscow: Aspect Press Publishing House*, 422 p.

Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2024 (2024) [Russian-Chinese Dialogue: the 2024 Model], *Moscow: INF,* 98 p.

Rumyantsev, E.N. (2016). Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Si Czin'pina [Xi Jinping's domestic and foreign policy], *Moscow: Sinosphere*, 589 p.

Rumyantsev, E.N. (2017). Si Czin'pin i novoe pokolenie rukovoditelej Kommunisticheskoj partii Kitaya [Xi Jinping and the new generation of leaders of the Chinese Communist Party], *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of global transformations: politics, economics, law]*: 10: 5: 47—64.

Rumyantsev, E.N. (2024). Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Si Czin'pina [Domestic and foreign policy of Xi Jinping], In 2 volumes, *Moscow: Sinosphere*.

Safronova, E.I. (2018). Kitaj i razvivayushchijsya mir: koncepcii i aktual'naya praktika otnoshenij (na primere Afriki i Latinskoj Ameriki [China and the developing world: concepts and current practice of relations (on the example of Africa and Latin America)], *Moscow: Forum Publishing House,* 336 p.

Uyanaev, S.V. (2019). Rossiya — Indiya — Kitaj: v konturah novogo miroporyadka. K 90-letiyu akademika Evgeniya Maksimovicha Primakova [Russia — India — China: in the contours of a new World order. Dedicated to the 90th anniversary of Academician Evgeny Maksimovich Primakov], *Moscow: Forum Publishing House*, 322 p.

Vinogradov, A.O.; Danilyuk, S.A. (2024). Evolyuciya Iniciativy «Poyas i put'» (2021—2023) [The Evolution of the Belt and Road Initiative (2021—2023)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and modernity]:* XXIX: 136—153.

Поступила в редакцию: 25.04.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Apr 25, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.51.59.012

В.Ф. Бородич

КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР «НОВОЙ ЭПОХИ»

Аннотация. В статье рассматривается понятие «культура» в политическом измерении, преимущественно как ресурс внешней политики КНР. Автор знакомит с вариантами интерпретации понятия «культура», которые могут быть использованы при статическом и динамическом анализе культуры как потенциала, ресурса и инструмента внешней политики, анализирует динамику изменения культурной политики руководством КНР и обусловливающие этот процесс факторы. В поле зрения автора — решения XVIII, XIX и XX съездов КПК, факты и документы, отражающие деятельность руководящих партийных органов Китая по обращению с культурой как ресурсом внешней политики. Тема культуры во внешней политике КНР рассматривается под углом зрения развития национальной теоретической базы Китая в области международной политики, расширяющей возможности китайской дипломатии и высшего руководства КНР в области стратегического планирования. В статье приводится сравнение взаимосвязи политик внешней и внутренней в КНР и США в период «новой эпохи», берущей отсчет с избранием Си Цзиньпина на должность генерального секретаря ЦК КПК. Автором отмечается преемственность ряда внешнеполитических шагов двух генеральных секретарей — Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина, касающихся роли культуры в решении международно-стратегических задач. В связи с обострением отношений между КНР и США, связанным с введением Вашингтоном в 2018 г. против КНР экономических санкций автором отмечается переход руководства КНР к установкам и действиям в сфере культуры, носящим наступательный характер, как то: провоз-

глашение установки на прорыв в фундаментальных теориях, методах, инструментах на самостоятельность и самоукрепление, на содействие здоровому и упорядоченному развитию искусственного интеллекта с целью перехвата инициативы и получения преимущества в данной области.

Автор подчеркивает мысль о том, что внимание руководства КНР к культуре как ресурсу в текущей международной ситуации полностью оправдано и заслуживает позитивной оценки.

Ключевые слова: культура, цивилизация, потенциал, ресурс, внешняя политика, искусственный интеллект (ИИ), ментальный, духовный уровень.

Автор: *Бородич Владимир Федорович, к*андидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0002-4814-6397. E-mail: borodich@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Бородич В.Ф. Культура как ресурс внешней политики КНР «новой эпохи» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 179—193. DOI: 10.48647/ICCA.2025.51.59.012.

V.F. Borodich

Culture as a resource of the foreign policy of the PRC in the ‘new era’

Abstract. The article considers the concept of “culture” in the political dimension, mainly as a resource for the PRC's foreign policy. The author introduces the interpretation of the concept of “culture,” which can be used in the static and dynamic analysis of culture as a potential, resource and tool of foreign policy, analyzes the dynamics of changes in cultural policy by the leadership of the PRC and the factors that determine this process. The author's field of view includes decisions of the XVIII, XIX and XX congresses of the CPC, facts and documents reflecting the activities of the leading party bodies of China in dealing with culture as a resource of foreign policy. The topic of culture in the foreign policy of the PRC is considered from the point of view of the development of the national theoretical base of China in the field of international politics, expanding the possibilities of Chinese diplomacy and the top leadership of the PRC in the field

of strategic planning. The article compares the relationship between foreign and domestic policies in the PRC and the United States during the "new era," counting down with the election of Xi Jinping to the post of Secretary General of the CPC Central Committee. The author notes the continuity of a number of foreign policy steps of two General Secretaries — Hu Jintao and Xi Jinping, concerning the role of culture in solving international strategic problems. In connection with the aggravation of relations between the PRC and the United States associated with the introduction of economic sanctions by Washington in 2018 against the PRC, the author notes the transition of the PRC leadership to offensive attitudes and actions in the field of culture, such as: proclaiming the intention for a breakthrough in fundamental theories, methods, tools, for independence and self-strengthening, for promoting the healthy and orderly development of artificial intelligence in order to intercept the initiative and gain an advantage in this area.

The author emphasizes the idea that the attention of the PRC leadership to culture as a resource in the current international situation is fully justified and deserves a positive assessment.

Keywords: culture, civilization, potential, resource, foreign policy, artificial intelligence (AI), mental, spiritual level.

Author: Vladimir F. BORODICH, Ph.D (Law), Leading Research Fellow, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 117977, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32).
ORCID: 0000-0002-4814-6397. E-mail: borodich@rambler.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Borodich V.F. (2025). Kul'tura kak resurs vneshnej politiki KNR "novoj epohi" [Culture as a resource of China's foreign policy in the "new era"], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 179—193. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.51.59.012.

К избранию на XVIII съезде КПК (8—15.11.2012 г.) Си Цзиньпина на пост генерального секретаря ЦК КПК у него и его окружения, как показывают события, уже был готов проект принципиальных изменений в стратегии развития страны, которой следовали до этого все поколения партийных руководителей периода реформ и внешней открытости — от Дэн Сяопина до Ху Цзиньтао. Во внутриполитическом плане было предусмотрено укрепление существующего политического режима, который рассматривался новым политическим руково-

дством КНР как главный фактор стабильности и развития. Интенции предшественников, допускавших вероятность большего объема гражданских свобод и других шагов в сторону демократизации в ее западном понимании, не были признаны целесообразными.

Во внешнеполитическом плане от относительно спокойных оценок международной обстановки, провозглашенных на XVIII съезде КПК, завершавшим 10-летний срок пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао[1], после избрания генеральным секретарем ЦК Си Цзиньпина стала производиться переоценка ценностей[2]. Вместо продолжения неспешной адаптации Китая к миропорядку, в котором происходили большие изменения, вызываемые информационной революцией, проблемным состоянием внешней политики США, терактом 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, главной ценностью была объявлена внешнеполитическая активность[3]. Этому способствовали успехи экономического развития Китая, теоретически фундированные исследованиями китайских ученых-международников, начавших разрабатывать с 2000 г. «китайскую теорию международных отношений» [Contemporary Chinese political thought..., p. 73, 76].

Во внешнеполитических шагах нового руководства КПК можно найти отражение идей Чжао Тинъяна (его концепция мироустройства «Тянься» (Поднебесной), похоже, была взята на вооружение дипломатией КНР еще при Ху Цзиньтао) [Чжао Т., 2024, с. 397—402], реля-

---

[1] ...при «усугублении неравномерности общего глобального развития», «поднимающих голову... гегемонизме, силовой политике и неоинтервенционизме» — стремление «выступать за распространение духа равноправия, взаимодоверия, толерантности, учебы друг у друга, сотрудничества и взаимного выигрыша в международных отношениях, за совместное поддержание международной беспристрастности и справедливости... Соотношение международных сил развивается в сторону, благоприятную для защиты мира во всем мире» // Hu Jintao zai zhongguo gongchandang di shiba ci quanguo daibiao dahui shang de baogao (quanwen) [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК. Полный текст] // China. org.cn. 19.11.2012. URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012/11/16/content_27137540.htm (дата обращения: 20.12.2017).

[2] Прогнозируя такое развитие событий, В. Кашин, задолго до начала работы XVIII съезда, писал: «...никакая смена политического курса не может произойти до прихода нового поколения высших руководителей КНР (процесс смены поколений начнется на 18-м съезде КПК осенью и продолжится в 2013 г.). Но после этого в китайской внешней политике могут в течение нескольких лет произойти более крупные изменения, чем за предыдущие 30 лет» // Кашин Василий. Китай готовиться выйти из тени. Ведомости. 28.04.2012.

[3] Уже 28 января 2013 г. Си Цзиньпин призвал присутствующих на 3-й коллективной учебе членов Политбюро ЦК КПК 18-го созыва «принимать более активное участие в международных дела» // Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 2014. С. 339.

ционной теории Цинь Яцина с идеей постепенного придания универсальности культуре Китая [Кривохож, Соболева, 2019, с. 329—346], теории «морального реализма» Янь Сюэтуна и его идеи возвышения роли морального авторитета Китая в международном общении как ресурса одного порядка с силой [Пятачкова, 2021] и др.

Формирование китайских теорий международных отношений и реакции на них политического руководства КНР имело прямую связь с заметными подвижками в глобальном внешнеполитическом дискурсе, которые У. Бек описал в концепции институционализированного космополитизма. Согласно У. Беку, во всемирном обществе риска на первый план мировой политики выходят общие цивилизационные угрозы, имеющие внетерриториальный характер и ведущие к появлению соответствующих космополитических норм. Космополитизация международных отношений нивелирует важность отношений между государствами, разрушает монополию и абсолютизацию таких отношений. Национальные проблемы более не могут быть разрешены только на национальной основе, под давлением высокомобильного капитала происходит вынужденное уменьшение власти территориально фиксированных государств и их самотрансформация (приводится по [Помозова, 2022, с. 101]).

Представляется, что сочетание, а фактически, взаимопроникновение факторов роста экономической мощи Китая, происходившее во многом за счет зарубежных потребительских рынков и благодаря наступательности экономической дипломатии КНР, вдохновленной осознанием мирового значения китайского научно-технического прогресса и, одновременно, стимулировавшей его, вызвавшее колоссальные подвижки в социально-культурных процессах КНР, особо ярко высветили для руководства КПК «новой эпохи» *возросшую актуальность политического ресурса культуры, а также сопряженность внутреннего и внешнего аспектов культурной политики*. Уже в 2013 г. на внутреннем и внешнем культурных направлениях политики КПК были сделаны новые, стратегически значимые шаги[1].

В современном российском китаеведении нет недостатка в публикациях о политике КПК в области культуры. Однако наполнение этого понятия, как правило, остается за скобками. Редко кто обраща-

[1] Zhonggong zhongyang guanyu quanmian shenhua gaige ruogan zhonda wenti de jueding. (2013 nian 11yue 12 ri Zhongguo gongchandang di shiba jie zhongyang weiyuanhui di san ci quanti huiyi tongguo) [Решение ЦК КПК по некоторым важнейшим вопросам всестороннего углубления реформ. (Принято на третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 18-го созыва 12 ноября 2013 г.)]. URL: https://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm (accessed: 03.04. 2016).

ет внимание на то, что под культурой могут пониматься и собственно культура (*вэньхуа*) и цивилизация (*вэньмин*). Такой же эффект наблюдается при выкладывании китайской стороной в сеть Интернет переведенных на русский язык официальных и официозных текстов. Результатом становится неполная ясность того, что понимается в том или ином случае под словом «культура». Однако и в российской, и в китайской культурологии имеются серьезные работы на данную тему, учет которых проясняет ситуацию. В нашем случае будет предложено учитывать некоторые из репрезентативных подходов российских и китайских ученых.

В российской культурологии обратим внимание на определение культуры, данное автором фундаментального исследования И.В. Зыковой: «Культура — это многослойная (или многоуровневая) информационная система, хранящая и передающая от поколения к поколению постепенно и постоянно увеличивающееся в объемах духовно-ментальное наследие человечества благодаря различным созданным непосредственно человеком материальным средствам — носителям информации» [Зыкова, с. 24] . Ценным представляется предложенное автором выделение трех структурных оснований понятия «культура»: *духовного*, аккумулирующего чувственный, личностный и надличностный, социально-исторический, опыт, *ментального*, аккумулирующего личностный и надличностный интеллектуальный опыт, и *материально-знакового*, представляющего собой средства и формы хранения и передачи накапливаемой информации и усовершенствования ее носителей, включая современные инновационные информационные технологии [Зыкова, с. 21, 23].

Из китайских культурологов представляется интересным обзор понятий «культура» и «цивилизация», сделанный Ван Жуляном и Хоу Чуаньвэнем. *Цивилизацией* они предлагают считать «результат преобразования человечеством природы, общества и самого себя», продвинутую стадию культурного развития. Понятие *культура* авторы предлагают рассматривать в широком и узком смысле. Культуру в широком смысле они разделяют на *материальную, институциональную, обычную и духовную. Материальная* — это плоды ручного труда, к *институциональной* культуре относят законы, правила и административные системы на макроуровне и правила и нормы на микроуровне, к *обычной культуре* — обычаи и традиции, практики, согласованные и передававшиеся из поколения в поколение. *Духовная культура* — «это результат духовной деятельности человека в области литературы, искусства, истории, философии, этики, религии и эстетики, которые имеют основные коннотации человеческой духовности». От себя до-

бавим, что к сфере духовной культуры, исходя из логики указанных рассуждений, необходимо относить также образование и науку.

Культура в узком смысле относится авторами в основном к духовной деятельности человека и ее результатам [Ван Жулян, Хоу Чуаньвэнь, 2022].

Суммируя пересекающиеся моменты подходов российского и китайских исследователей к понятию *культура*, примем во внимание, что в научных, научно-популярных и официальных публикациях КНР это понятие используется в разных — широком и узком — прочтениях. Это обстоятельство требуется учитывать, поскольку во внешней политике КНР объекты политики имеют дело, как правило, с культурным воздействием, целенаправленным или спонтанным, в сферах и политики, и экономики, и военного дела, и дипломатии и т. п., а не только в сфере искусства, образования и спорта. Более того, исследуя культуру как инструмент внешней политики, нельзя оставлять без внимания культуру организации и функционирования всего комплекса политической деятельности правящей партии и государства, включая комплекс внешнеполитической деятельности/дипломатии с его традициями и новациями.

Что касается понятия *цивилизация*, имеющего широкое хождения в официальных партийных и государственных документах КНР и нередко употребляемого отдельно от понятия *культура,* то к приведенному выше его пониманию уместно добавить еще одно, принадлежащее профессору Чэнь Яню: «Цивилизация — это внутренняя ценность культуры, а культура — это внешняя форма цивилизации. Внутренняя ценность цивилизации реализуется через внешнюю форму культуры, а внешняя форма культуры приобретает смысл с помощью внутренней ценности цивилизации» [Чэнь Янь, 2012]. Культура, исходя из логики Чэнь Яня, есть более динамичное, постоянно обновляющееся, но не теряющее своей цивилизационной сути, понятие.

Тема «культура как ресурс внешней политики» дает возможность, на наш взгляд, рассматривать понятие *культура* в самом широком политическом диапазоне, поскольку под ресурсом принято понимать ту часть имеющегося у субъекта политики потенциала, которым он может и умеет пользоваться. В этом смысле, фокусируя внимание на политической роли культуры, руководство КНР стремится конвертировать культурный потенциал в политический ресурс, расширяя его участие в достижении политико-стратегических целей и задач.

Внешнеполитическая стратегия КНР после избрания Си Цзиньпина генеральным секретарем ЦК КПК стала заметнее ориентиро-

ваться на факторы изменения миропорядка, прежде всего, информационную революцию, проблемы с устойчивостью существующего миропорядка, неуклонно возрастающую экономическую и военную мощь Китая. В части внешнеполитической руководство КНР фактически выбрало для себя пути решения задач, определяемых путем «отзеркаливания» проблемы, сформулированной Дж. Наем применительно к США: «нам все еще необходимо определить, как использовать нынешние десятилетия нашего превосходства для продвижения долгосрочных национальных и глобальных интересов... Американская мощь не вечна. Если мы растратим нашу «мягкую силу», сочетая высокомерие и безразличие, мы увеличим нашу уязвимость, продадим наши ценности и ускорим эрозию нашего превосходства» [Най, с. 17, 18]. Анализируя решения XIX и XX съездов КПК, выступления Си Цзиньпина как главной политической фигуры КНР, можно обнаружить, что перечисленные Дж. Наем стратегические опасности для интересов США с точностью до наоборот интерпретируются во внешнеполитической стратегии КНР. Прежде всего, пока в США эксперты требовали от властей ясности в путях использования превосходства США «для продвижения долгосрочных национальных и глобальных интересов», обращая внимание на лабильность отрыва США от других государств в национальной мощи, руководство КНР целенаправленно стремилось вначале сократить превосходство США в национальной мощи, а затем постепенно его превзойти. Культура рассматривалась как одна из составляющих национальной мощи, олицетворяющая ее «мягкую силу».

Неслучайно, поэтому, уже на следующий год после рубежного XVIII съезда КПК, 12 ноября 2013 г., 3-й пленум, посвященный «важнейшим вопросам всестороннего углубления реформ», посвятил 6 из 41 разделов итогового Решения политике в области культуры. Группу вопросов, связанных с культурой, открыл раздел 11-й, определивший две стратегические цели культурной политики: *построение социалистической культурной державы* и *усиление культурной мягкой силы страны*. Тем самым руководители КПК подтвердили заявленную ранее в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде претензию на лишение США монопольного статуса мировой культурной державы и на вызов культурной мягкой силе Америки.

Для достижения поставленных целей пленум утвердил своеобразную дорожную карту, касавшуюся прежде всего основ культурной политики:

- следовать курсом передовой социалистической культуры;

• двигаться по пути развития социалистической культуры с китайской спецификой;

• развивать и практиковать основные социалистические ценности;

• укреплять руководящую роль марксизма в идеологической сфере;

• укреплять общую идеологическую основу совместной борьбы всей партии и многонационального народа;

• народ — центральное звено, этим руководствоваться в работе;

• общественное благо считать приоритетом;

• общественное и экономическое блага рассматривать как единое целое;

• центром внимания считать стимулирование культурного творчества всей нации;

• продолжать дальнейшее углубление реформы культурной системы.

Отдельным, 41-м, разделом в Решении оговаривалась установка на повышение уровня культурной открытости. Регламентировалась формула комбинированного участия в культурной деятельности различных политико-экономических и социальных акторов: правительства, предпринимательства в качестве главного звена, рынка с его функционалом и, наконец, общества. Декларировалась полезность зарубежных культурных обменов, укрепление возможностей международной коммуникации и создания системы зарубежного дискурса, а также продвижение китайской культуры вовне. Провозглашалось требование оптимизировать систему внутренней и внешней пропаганды, было названо требование «активно впитывать и учиться на всех выдающихся культурных достижениях за рубежом, а также внедрять таланты, технологии и опыт управления бизнесом, которые приносят пользу развитию культуры нашей страны». Новым моментом стал призыв «эффективно защищать национальную культурную безопасность»[1], что свидетельствовало, в частности, об опасении негативного влияния западных культурных ценностей на, особенно, ту часть населения страны, которая интенсивно общается в сети Интернет, и ту часть, которая практикует поездки за границу в качестве туристов, по работе или с учебными целями.

[1] Zhonggong zhongyang guanyu quanmian shenhua gaige ruogan zhonda wenti de jueding. (2013 nian 11yue 12 ri Zhongguo gongchandang di shiba jie zhongyang weiyuanhui di san ci quanti huiyi tongguo) [Решение ЦК КПК по некоторым важнейшим вопросам всестороннего углубления реформ. (Принято на третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 18-го созыва 12 ноября 2013 г.)]. URL: https://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm (дата обращения: 27.04.2025).

Первые четыре установки культурного блока Решения свидетельствовали о том, что обновленная модель культурного развития рассматривалась и для собственно Китая, и для внешнего мира как продолжение глобального коммунистического проекта, возглавлять который Китай имеет все основания. Следующие пять установок свидетельствовали о намерении руководства КПК посредством культуры консолидировать власть и народ в Китае, создав прецедент для других государств, которые могут рассматривать опыт Китая как образец. Последняя, 10-я, установка открывала возможность подходить к культурной политике творчески, но в строго очерченных рамках. В итоге, благодаря изложенному в данном Решении, в 2013 г. состоялось дооформление существовавшей национальной модели культуры Китая в модель «новой эпохи» «для себя и для внешнего мира».

Модель культуры «для себя и для внешнего мира» являет собой еще один пример своеобразной переклички с оценкой, высказанной Дж. Наем в упомянутом выше труде. Внешняя политика США как продолжение внутренней критиковалась Дж. Наем за односторонность, за желание подчинить внешнюю политику интересам внутренней [Най, 2023, с. 11]. При этом следует оговорить: для США культура во внешней политике не нуждается в особом выделении, поскольку американская культура играет в мировой культуре и без того значительную роль. Что до Китая, то после XVIII съезда КПК, на котором Ху Цзиньтао, развивая мысль о должном поведении Китая в международном общении, высказался за открытость внешней политики безотносительно к тому, является ли она продолжением политики внутренней или нет, призвал к «уважению многообразия мировой цивилизации и путей развития, уважения и оберегания права народов всех стран на самостоятельный выбор общественного строя и пути развития», отметив необходимость «взаимно учиться и брать все полезное для себя друг у друга, а в целом стимулировать прогресс человеческой цивилизации»[1].

Отношение к открытости в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК было выражено в заметно редуцированной форме, но также без акцентирования ее производного по отношению к внутренней политике характера: «Укреплять гуманитарные обмены с зарубежными

[1] Hu Jintao zai zhongguo gongchandang di shiba ci quanguo daibiao dahui shang de baogao (quanwen) [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК. Полный текст] // China. org.cn. 19.11. 2012. URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012/11/16/content_27137540.htm (accessed: 20.12.2017).

странами, твердо защищая позиции сохранения китайской культуры и перенимая чужой опыт»[1].

Положения о внешней политике в докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК демонстрируют заметную перемену, что нетрудно понять в силу введения США в 2018 г. антикитайских экономических санкций и мер, затрудняющих заимствование Китаем американских технологий. Призыв Си Цзиньпина укреплять уверенность в собственной культуре означал перемещение культурного аспекта внешней политики в зону особого для руководства КПК внимания, конкретизированную призывами к «вознесению знамени, сближению сердец народных масс, воспитанию новых людей, стимулированию расцвета культуры и демонстрации позитивного имиджа», «развитию национальной, научной и массовой социалистической культуры, обращенной лицом к модернизации, внешнему миру и будущему». Совершенно адресно к теме сокращения отставания Китая от США в области технологий прозвучал призыв «пробуждать инновационную и творческую энергию всей нации в сфере культуры, укреплять духовную силу для осуществления великого возрождения китайской нации»[2].

Итак, сфера культуры самим ходом международных событий была превращена для Китая в своеобразный стратегический ресурс и запас, который руководство КПК решило расконсервировать. И вполне понятен наступательный настрой, который придал культурной политике Китая доклад Си Цзиньпина на XX съезде КПК. Си Цзиньпин представил на съезде несколько «козырей», в роли которых выступают новые или усиленные обновлением установки: «наращивать потенциал в распространении китайской цивилизации и расширять ее влияние», «твердо стоя на позиции сохранения китайской культуры, выкристаллизовывать и демонстрировать духовную эмбле-

[1] Xi Jinping. Juesheng quanmian jiancheng xiaokang shehui duoqu xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi weida shengli. Zai zhongguo gongchandang di shijiu ci quanguo daibiao dahui shang de baogao (2017 nian 10 yue 18 ri) [Одержать решающую победу в построении среднезажиточного общества во всех отношениях и добиться великой победы социализма с китайской спецификой в ??новую эпоху. Доклад на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая (2017.10.18)]. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-11.html (accessed: 20.01.2019).

[2] Xi Jinping. Gaoju zhongguo tese shehuizhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehuizhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou — zai zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibia dahui shang de baogao [Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде КПК]. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (accessed: 10.02.2023).

му китайской цивилизации и квинтэссенцию китайской культуры», «форсировать работу по построению китайской системы дискурса и системы нарратива», «демонстрировать миру имидж Китая, достойного доверия, одобрения и уважения», «завоевывать на международной арене право голоса, соразмерное совокупной мощи и международному статусу Китая», «интенсифицировать обмены и взаимообогащение между различными цивилизациями, содействовать тому, чтобы китайская культура более уверенно вышла на мировую арену»[1].

Ментальной основе культуры, расположенной на острие конкуренции двух технологических гигантов — США и Китая, руководство КНР заслуженно уделяет особое внимание, о чем свидетельствует проведение в апреле 2025 г. учебной сессии Политбюро ЦК КПК со многоговорящей темой: «поддерживать самостоятельность и самоукрепление, поддерживать прикладной подход и содействовать здоровому и упорядоченному развитию искусственного интеллекта». «Чтобы перехватить инициативу и получить преимущество в области искусственного интеллекта, — говорил в своем слове Си Цзиньпин, — необходимо добиться прорыва в фундаментальных теориях, методах, инструментах и многом другом. Мы должны постоянно укреплять фундаментальные исследования, концентрировать ресурсы для преодоления проблем в основных технологиях, таких как высокопроизводительные чипы и базовое программное обеспечение, а также создавать независимую, управляемую и совместно функционирующую базовую аппаратную и программную систему искусственного интеллекта»[2].

Заключение

Тема культуры Китая в ее (внешне)политическом измерении привлекает в последние годы все больше внимания. Оказывается невозможным без ее исследования глубоко погрузиться в понимание процессов, происходящих в политической и экономической сферах жизни КНР, осознать природу феноменальных технолого-экономических успехов Китая, демонстрируемых при сохранении его мало изменяемой политической организации. И венцом не всегда улавливаемых даже подготовленным оком процессов выступает китайская диплома-

[1] Ibidem.

[2] Bishop Bill. April Politburo Study Session on AI is bad news for Nvidia. URL: https://sinocism.com/p/april-politburo-study-session-on (accessed: 01.05.2025).

тия, внешнеполитический инструмент быстро трансформирующегося и одновременно — культурно и цивилизационно устойчивого Китая. Тема статьи лишь по касательной затронула возможности, которыми располагает культура как ресурс внешней политики. Но даже в таком приближении, используя понятие *культура* как инструмент исследования, получаешь элементы нового знания. В нашем случае — знания о том, как обстановка острой внешнеполитической борьбы сверхдержав может стимулировать обращение политической власти к резервам национальной и мировой (включая искусственный интеллект) культуры. Опыт исследовательского прикосновения к культуре как к политическому ресурсу заслуживает продолжения, поскольку расширяет представление о возможностях и движителях внешнеполитических процессов.

Библиографический список

Зыкова И.В. Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 368 с.

Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Теория морального реализма Янь Сюэтуна // в кн. Незападные теории международных отношений. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства. Аспект-пресс, 2019. С. 329—346.

Най Дж. Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером. М.: Родина, 2023. 255 с.

Помозова Н. Б. Внешнеполитический дискурс КНР в XXI в.: опыт социологической рефлексии. Специальность 5.4.5. Политическая социология. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. М.: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», 2022. 377 с. На правах рукописи.

Пятачкова Анастасия. Дискуссия о китайской школе международных отношений: истоки и основные идеи. URL: https://russiancouncil.ru/nonwestern-china (accessed:04.05.2025) // Незападные теории международных отношений. Спецпроект РСМД и НИУ ВШЭ. 21.05.2021. URL: https://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/nezapadnye-teorii-mezhdunarodnykh-otnosheniy/ (дата обращения: 04.05.2025).

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014.

Чжао Т. Система «Тянься» для будущего мира и мира в будущем. Интервью с Чжао Тиньяном, профессором философии Китайской академии общественных наук. Интервью провела Тянь Е // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3.С. 397—402.

References

Krivokhizh S.V., Soboleva E.D. (2019). Teoriya moral'nogo realizma Yan' Syuetuna // Nezapadnye teorii mezhdunarodnyh otnoshenij. Aziatskie, afrikanskie i latinoamerikanskie koncepcii miroustrojstva [Theory of Moral Realism of Yan Xuetong] in: *Non-Western Theories of International Relations. Asian, African and Latin American Concepts of World Order. Aspect-press* : 329—346. (In Russian).

Nye, Joseph (2023). Myagkaya moshch'. Kak ya sporil s Bzhezinskim i Kissindzherom [Soft Power: How I Argued with Brzezinski and Kissinger], *Moscow: Rodina*, 255 p. (In Russian).

Pomozova N.B. (2022). Vneshnepoliticheskiy diskurs KNR v XXI v.: opyt sotsiologicheskoy refleksii. Spetsial'nost' 5.4.5. Politicheskaya sotsiologiya [Foreign Policy Discourse of the PRC in the 21st Century: An Experience of Sociological Reflection]. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk [Dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences]. M.: Federal'noye gosudarstvennoye avtonomnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya «Moskovskiy gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnosheniy (Universitet) Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii» [*Moscow: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*"], 377 p. Manuscript rights. (In Russian).

Pyatachkova, Anastasia (nd) Diskussiya o kitajskoj shkole mezhdunarodnyh otnoshenij: istoki i osnovnye idei. URL: https://russiancouncil.ru/nonwestern-china (accessed: 04.05.2025) // Nezapadnye teorii mezhdunarodnyh otnoshenij. Specproekt RSMD i NIU VShE [Discussion about the Chinese School of International Relations: Origins and Main Ideas*, Unity of Opposites or a New Reading of the Classics? Development of the Theory of International Relations in the PRC*]. URL: https://russiancouncil.ru/nonwestern-china (accessed: 4 May, 2025). (In Russian).

Xi Jinping (2014). O gosudarstvennom upravlenii [On State Governance]. Peking, Izgatelstvo literatury na inostrannyh yazikah [Beijing, Foreign Languages Publishing House], 2014. (In Russian).

Zhao T. (2024). Sistema «Tyan'sya» dlya budushchego mira i mira v budushchem. Interv'yu s Chzhao Tin'yanom, professorom filosofii Kitajskoj akademii obshchestvennyh nauk. Interv'yu provela Tyan' E // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [The Tianxia System for the Future World and the World in the Future. Interview with Zhao Tingyang, Professor of Philosophy at the Chinese Academy of Social Sciences. Interview conducted by Tian Ye, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations:* 24: 3: 397—402. (In Russian).

Zykova I.V. (2015). Kul'tura kak informacionnaya sistema: Duhovnoe, mental'noe, material'no-znakovoe [Culture as an information system: Spiritual, mental, material-symbolic], *Moscow: Book House "LIBROKOM*", 368 p. (In Russian).

* * *

Chen Yan: "Wenming" yu "wenhua". [Chen Yan. Civilization and Culture]. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2012-12/24/c_124137881_2.htm (accessed: 3 April, .2025). (In Chinese).

Contemporary Chinese political thought: debates and perspectives. Kentucky: The University Press of Kentucky, 2012. 306 p.

Hu Jintao zai zhongguo gongchandang di shiba ci quanguo daibiao dahui shang de baogao (quanwen) [Hu Jintao's Report to the 18th National Congress of the CPC. Full Text] // China. org.cn. 19.11. 2012. URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012/11/16/content_27137540.htm (accessed: 20 December, 2017). (In Chinese).

Wang Ruliang, Hou Chuanwen. “Wenhua” yu “wenming” zongbian [Wang Zhuliang, Hou Chuanwen. A Review of the Concepts of “Culture” and “Civilization”]. URL: https://www.gmw.cn/xueshu/2022-02/24/content_35542261.htm (accessed: 30 April, 2025). (In Chinese).

Xi Jinping. Gaoju zhongguo tese shehuizhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehuizhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou — zai zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibia dahui shang de baogao [Xi Jinping: Holding High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics, Unitedly Struggle to Completely Build a Modernized Socialist Country. Report to the 20th National Congress of the CPC]. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (accessed: 10 February, 2023). (In Chinese).

Xi Jinping. Juesheng quanmian jiancheng xiaokang shehui duoqu xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi weida shengli. Zai zhongguo gongchandang di shijiu ci quanguo daibiao dahui shang de baogao (2017 nian 10 yue 18 ri) [Xi Jinping. Win a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Achieve the Great Victory of Socialism with Chinese Characteristics in the New Era. Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China (18.10.2017)]. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-11.html (accessed: 20 January, 2019). (In Chinese).

Zhonggong zhongyang guanyu quanmian shenhua gaige ruogan zhonda wenti de jueding. (2013 nian 11yue 12 ri Zhongguo gongchandang di shiba jie zhongyang weiyuanhui di san ci quanti huiyi tongguo) [Decision of the CPC Central Committee on Some Major Issues of Comprehensively Deepening Reform. (Adopted at the Third Plenary Session of the 18th Central Committee of the Communist Party of China on November 12, 2013.)]. URL: https://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm (accessed: 3 April, 2016). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 23.05.2025 Received: May 23, 2025
Принята к публикации: 30.06.2025 Accepted: Jun 30, 2025

КНР И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.29.013

Ф.О. Трунов

ЭВОЛЮЦИЯ ДИАЛОГА ФРГ И КНР В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2020-х ГОДОВ

Аннотация. В статье исследуются современные отношения в политико-военной области между КНР и ФРГ как одним из ведущих государств НАТО. Рассмотрение ведется с позиции Германии, чей постепенный переход к «сдерживанию» Китая обусловил спад доверия в диалоге. В конце 2010-х гг. Берлин демонстрировал интерес к подъему отношений с Пекином на фоне кризиса в отношениях с США при Д. Трампе (2017—2021) и одновременно стремления ФРГ выстроить стратегические позиции на Дальнем Востоке. Но последний процесс стал развиваться с опорой не на дружественный диалог с Китаем, а в условиях плавного перехода Германии к его «сдерживанию». Это стало особенно заметным на фоне президентства Дж. Байдена в США (2021—2025). В статье показана эволюция германского восприятия КНР на доктринальном уровне от «Руководящих принципов политики в Индо-Тихоокеанском регионе» (2020) до «Стратегии в отношении Китая» (2023). В ней Берлин обозначил триединое восприятие Пекина как «партнера, конкурента, системного оппонента».

Вовлекаясь в «сдерживание» Китая, Германия одновременно стремилась сохранить основные каналы контактов с ним. Это показано на примере диалога на высшем уровне и функционирования формата межправительственных консультаций. По итогам данных встреч перестали публиковаться совместные заявления, что отражало уменьшение точек соприкосновения между позициями сторон.

Пекин критически относился к попыткам Берлина решить украинский конфликт без учета интересов России. По «тайваньскому вопросу» ФРГ фактически придерживалась политики сознательной двусмысленности, но не переходила «красных черт» в отношениях с КНР. Этот подход характеризовал старт использования ВМС и ВВС ФРГ на Тихом океане в кооперации с Австралией и Японией. Сделан вывод о стремлении Германии обеспечить свободу маневра в отношении Китая и одновременно вероятном плавном ужесточении подхода к его «сдерживанию», особенно в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Китай, Германия, межгосударственные отношения, Дальний Восток, США, «сдерживание», межправительственные консультации, бундесвер.

Автор: *Трунов Филипп Олегович*, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21). ORCID: 0000-0001-7092-4864. E-mail: 1trunov@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Эволюция диалога ФРГ и КНР в сфере безопасности и обороны в первой половине 2020-х гг. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 194—207. DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.29.013.

Ph.O. Trunov

Evolution of German-Chinese relations in the sphere of security and defence in the first half of the 2020s

Abstract. The article explores current relations in the sphere of security and defence between China and Germany as one of the key NATO member states. The paper focuses first of all on the position of Germany, whose gradual return to the “containment” of China has caused a decline of trust in the dialogue.

In the late 2010s Germany had been demonstrating interest to deep the cooperation with China against the backdrop of the crisis in relations with the United States under D. Trump (2017—2021) and, at the same time, Germany’s desire to establish strategic positions in the Far East. But the last process began to develop not based on friendly relations with China, but in the context of Germany’s turn to “containment” of the PRC. This tendency has become especially noticeable against the backdrop of Joseph Biden's presidency in the USA (2021—2025). The article shows the evolution of Germany`s attitude towards China from the “Guidelines for the Indo-Pacific” (2020) to the “Strategy towards China” (2023). There Germany has outlined a three-pronged perception of China as “partner, competitor, systemic rival”.

While engaging in “containment” of China, Germany simultaneously sought to maintain the key channels of contact with the PRC. The tendency is shown on the examples of the dialogue at the highest level and the functioning of the format of intergovernmental consultations. Following these meetings, joint statements ceased to be published, which reflected the reduction in points of contact between the positions of the states. Official Beijing has been critical to Berlin's attempts to resolve Ukrainian conflict without taking into account Russia's interests. On the “Taiwan issue”, Germany actually realized the policy of deliberate ambivalence, but sought not to cross the “red lines” in relations with the PRC. This approach characterized the start of the use of the Bundeswehr`s Navy and Air Force in the Pacific Ocean in cooperation with Australia and Japan. The paper concludes about Germany's desire to ensure freedom of maneuver in relation to China and, at the same time, the likely gradual tightening of the PRC`s “containment”, especially in the medium term.

Keywords: China, Germany, interstate relations, Far East, USA, “containment”, intergovernmental consultations, Bundeswehr.

Author: Philipp O. TRUNOV, Dr. Sc. (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7092-4864.
E-mail: 1trunov@mail.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Trunov Ph.O. (2025). Evolyutsiya dialoga Germanii i Kitaya v sfere bezopasnosti i oborony v pervoy polovine 2020-kh godov [Evolution of German-Chinese relations in the sphere of security and defence in the first half of the 2020s], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 194—207. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.29.013.

В статье предпринята попытка исследовать в сфере безопасности и обороны отношения КНР с ФРГ как одним из крупных государств Евро-Атлантического сообщества. Хронологически эволюция диалога Германии и Китая изучается в первой половине 2020-х годов, т. е. в условиях складывания нового международного порядка. Рассмотрение ведется прежде всего с позиции официального Берлина, поскольку именно он стал инициатором спада доверия в диалоге с Пекином и постепенно переходит к его «сдерживанию».

Зарубежные и отечественные исследователи создали корпус научных работ, которые посвящены различным вопросам отношений ФРГ—КНР, особенно их торгово-хозяйственным аспектам [Белов В.Б.]. Кооперация сторон в сфере безопасности и обороны изуча-

лась менее подробно [Арзаманова Т.В.], [Трунов Ф.О.], притом чаще применительно к конкретным сюжетам (например, визитам канцлера в Китай), [Dieter H., Heiduk, F., s. 7—9]. Не претендуя на универсальность, статья представляет попытку дать комплексную оценку эволюции отношений ФРГ и КНР в политической и военной областях в первой половине 2020-х годов.

Состояние отношений к началу 2020-х годов и концептуальный срез их последующего развития

В первой половине 2020-х годов линия ФРГ в отношении КНР выстраивалась по следующей схеме: сначала — формулирование концептуальных установок, затем их практическая реализация. Тот факт, что Германия строго соблюдала данную последовательность именно на китайском направлении (на многих других официальный Берлин ее часто нарушал), во многом обусловлен почти полным отсутствием стратегических позиций ФРГ на Дальнем Востоке к началу 2020-х. К этому времени Германия практически не участвовала в решении региональных проблем безопасности, а ее военное присутствие носило сугубо точечный характер и в принципе отсутствовало вблизи Китая. Политические контакты отличались большей развитостью: в 2011 г. был учрежден формат межправительственных консультаций ФРГ—КНР. Он собирался обычно с двухгодичной периодичностью поочередно в каждой из стран, был осевым элементом в системе двусторонних переговорных площадок. При этом подавляющее их большинство было сфокусировано прежде всего на торгово-хозяйственной проблематике.

Политическим вопросам, особенно проблематике безопасности и обороны, уделялось заметно меньшее внимание. Показательно, что в конце 2010-х импорт военной продукции из Германии в Китай имел, по сути, номинальный объем (одновременно ФРГ активно поставляла свои вооружения в ряд стран Юго-Восточной Азии и особенно Южную Корею)[1]. Тогда был предпринят ряд шагов, которые были нацелены на активизацию кооперации в сфере безопасности и обороны.

Китайская сторона в ответ на запрос Берлина обозначила свое в целом положительное отношение к попыткам ФРГ обрести постоян-

[1] Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2021 (Rüstungsexportbericht 2021). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2022. S. 113—132.

ное место в Совете Безопасности (СБ) ООН[1]. Здесь, однако, есть важный нюанс: Германия пытается решить данную задачу в рамках *G4*, совместно с Бразилией, Индией и Японией [Heiduk F.]. Учитывая нахождение в данной группе официального Токио, сложно ожидать от Пекина активной поддержки «Большой четверки». В этой связи обозначенное КНР благосклонное отношение к стремлению ФРГ войти в число постоянных членов СБ ООН уместно расценивать как жест доброй воли со стороны Пекина с целью вывести на новый уровень межгосударственный диалог. Показательно, что указанное заявление стало одним из многочисленных пунктов обширного коммюнике по итогам 5-х германо-китайских межправительственных консультаций (июль 2018 г.)[2]. Вскоре после них, в октябре 2018 г., визит в Китай (и Монголию) совершила тогдашний министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен. Стороны рассматривали возможности нарастить сотрудничество в деле миротворчества — в частности, обеспечить намного более тесную координацию контингентов в Мали[3].

Взаимный интерес сторон к подъему отношений был во многом связан с фактором первого срока Д. Трампа (2017—2021) во главе Соединенных Штатов. 45-й президент США инициировал торгово-таможенные конфликты с КНР и перешел к выстраиванию полноценной системы ее «сдерживания», воспринимая страну в качестве мощного конкурента США на глобальном уровне (см. [Бабаев К.В.]). Одновременно Белый дом избрал ФРГ основным объектом давления внутри Евро-Атлантического сообщества. Важнейшая фактическая причина этого — недовольство тем путем, который Германия избрала для укрепления своего веса и влияния на международной арене.

ФРГ демонстрировала определенную автономность от США по ряду значимых вопросов (например, не была готова участвовать в инициируемых ими военно-силовых операциях вне зоны ответственности НАТО, предпочитала в основном использовать бундесвер в небоевых формах). Официальный Берлин был заинтересован в том, чтобы Белый дом реализовал стратегический курс на мягкое лидерство, но отнюдь не жесткую гегемонию: к последней США стремились при Д. Трампе. В этом вопросе интересы Германии и Китая оказались в конце 2010-х близки. В данной связи для обеих

[1] Gemeinsame Erklarung anlasslich der 5. Deutsch-Chinesische Regierungskonsultationen. 09.07. 2018. URL: https://dusseldorf.china-consulate.gov.cn/det/xwdt_6/201807/t20180712_3783054.htm (accessed: 12.04.2025).

[2] Ibidem.

[3] Ibid.

сторон было важно информационно подчеркнуть достаточно высокий уровень развития межгосударственных отношений ФРГ—КНР. Вместе с тем, со стороны Германии это оказалось прежде всего демонстрацией, которая не получила необходимого практического наполнения.

В конце 2010-х — начале 2020-х годов ФРГ столкнулась с нараставшим кризисом системы стратегического присутствия на международной арене. Совместно с партнерами по ЕС и НАТО Германия не смогла выработать результативных схем урегулирования вооруженных конфликтов, борьбы с международным терроризмом на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее экватора. Как результат, на практике ФРГ не смогла утвердиться в роли гаранта безопасности для стран происхождения конфликта в данных регионах, к чему официальный Берлин настойчиво стремился с 2000-х. Отчетливые признаки этого стали нарастать с конца 2010-х годов, требуя поиска новых форм и направлений для использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО. Здесь особую ценность для ФРГ приобрел вопрос формирования стратегических позиций на Дальнем Востоке, который Берлин рассматривал как часть Индо-Тихоокеанского региона (ИТР).

В начале сентября 2020 г. ФРГ опубликовала первую региональную концепцию — «Руководящие принципы политики Германии в ИТР». Документ отражал сам факт стремления официального Берлина утвердить присутствие ФРГ в регионе. При достижении этого основной фокус был сделан на резкое расширение и углубление сотрудничества с рядом расположенных на Тихом океане «западных демократий» и их ближайших партнеров (Австралией, Новой Зеландией, а также Японией и Южной Кореей). Притом «Руководящие принципы» от сентября 2020 г. логично не рассматривали в качестве важнейших контрагентов США (из-за фактора трампизма) и Великобританию (по причине Брекзита). Документ фиксировал формально дружественный настрой ФРГ к КНР и надежды получить как минимум ее политическую поддержку в деле формирования германских стратегических позиций в ИТР[1].

Однако практика взаимоотношений оказалась иной. Учитывая, что ФРГ неизменно позиционировала себя как одна из «либеральных демократий», стремление Германии развернуть военное присутствие и заметно укрепить политическое влияние на Дальнем Востоке едва ли отвечали объективным национальным интересам КНР. Это об-

[1] Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. P. 11—19.

стоятельство стало еще более очевидным в ситуации, когда началось фактическое вовлечение Берлина в «сдерживание» Пекина.

Базовые предпосылки создавала органичная встроенность ФРГ в сообщество «западных демократий». Важнейшим фактором-триггером стала смена администрации в США. Белый дом при Дж. Байдене обратился к стратегии, которую уместно обозначить термином «мягкая гегемония». Она сочетает в себе стремление США навязывать свою позицию союзникам и партнерам (как и при Д. Трампе), но делать это не путем жесткого давления, а в аккуратно выверенных формах. Такая стратегия, придя на смену линии 45-го президента США, которым был Трамп, оказалась весьма результативна. ФРГ, будучи с момента своего образования (1949 г.) последовательно ориентирована на Соединенные Штаты, проявила исключительную заинтересованность в скорейшем восстановлении уровня доверия с ними. Официальный Берлин стал все более заметно поддерживать Белый дом в его стремлении ужесточить «сдерживание» системных оппонентов — прежде всего, России, но также Ирана и Китая.

Впервые публично готовность противодействовать Пекину канцлер ФРГ (на тот момент А. Меркель) обозначила еще в начале февраля 2021 г., всего через две недели после начала работы администрации Дж. Байдена[1]. Вместе с тем, пока это были в основном декларации, которые нашли оформление в решениях Брюссельского саммита НАТО (июнь 2021 г.). Одновременно Германия уклонилась от принятия любых конкретных обязательств по «сдерживанию» КНР на саммите *G7*, который последовал за указанной встречей [Dieter, 2021, p. 1—4]. На Мадридском саммите Североатлантического альянса (28—30 июня 2022 г.) была принята новая стратегическая концепция, в которой КНР обозначалась как один из основных объектов для «сдерживания»[2]. На данной встрече Альянса был также согласован переход к новой модели сил НАТО (*New NATO Force Model*, *NNFM*). Согласно ей, в подчинении блока впервые с холодной войны оказывались 0,8 млн человек личного состава. Практически все эти контингенты выделяли европейские страны — участницы блока. Масштаб *NNFM* потенциально позволял в будущем использовать часть войск (прежде всего, формирований ВМС, ВВС и сил специальных опера-

[1] Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Prasident Macron anlasslich des Deutsch-Franzosischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates. 5.02.2021. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/ressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512 (accessed: 12.04.2025).

[2] NATO 2022 strategic concept. Brussels: NATO HQ, 2022. P. 3—5.

ций) для поддержки США в деле «сдерживания» КНР на Дальнем Востоке [Deni J.R., p. 2—5]. Речь не шла о немедленном вовлечении в последний процесс бундесвера, равно как и ВС других европейских государств — членов НАТО. Вместе с тем, будучи в их числе, Германия демонстрировала рост отчужденности от Китая.

Показывать рост критического отношения к КНР официальный Берлин стремился плавно, по состоянию на первую половину 2020-х годов — в достаточно ограниченных объемах. Одновременно ФРГ стремилась не подорвать основ взаимодействия, особенно в торгово-хозяйственной сфере [Белов В.Б.]. Сочетание этих противоречащих друг другу установок было зафиксировано в «Стратегии по Китаю» от июля 2023 г. Важнейшее положение документа — официальное германское восприятие Китая как «партнера, конкурента, системного соперника»[1]. В этом перечислении элементы расставлены по возрастанию их значимости. Само их расположение отражало направленность эволюции отношений с конца 2010-х на обозримую перспективу. Берлин выражал недовольство подходом Пекина к формированию нового миропорядка, стремлением КНР контролировать маршруты ключевых логистических цепочек[2]. Показательно изображение на обложке документа: это доска с «шашками вейци» («облавными шашками») — старинной китайской игрой[3]. Каждый ход «облавной шашкой» символизировал реализуемую с участием ФРГ меру по «сдерживанию» КНР.

Особенности политико-дипломатических контактов

Два ключевых индикатора эволюции диалога — особенности двусторонних контактов на высшем уровне и функционирования формата межправительственных консультаций. ФРГ декларировала интерес к продолжению работы данной переговорной площадки[4]. Это было весьма важно для Берлина в имиджевом плане как институционально оформленный канал кооперации с мировой державой. Однако, в отличие от 5-х правительственных консультаций (июль 2018 г., проходили в Дюссельдорфе) на 6-х (апрель 2021 г.)[5] и 7-х (июнь 2023 г.

[1] China-Strategie der Bundesregierung. Berlin: Bundesregierung, 2023. P. 10.

[2] Ibid, p. 11—12.

[3] Ibid, p. 1.

[4] Ibid, p. 21.

[5] Dialog fortsetzen und Zusammenarbeit erweitern. 28.04.2021. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutschland-china-1898686 (accessed: 12.04.2025).

в Берлине) стороны уже не принимали совместных заявлений[1]. И если в случае с 6-ми консультациями это может быть условно объяснено дистанционным (т. е. online) форматом (из-за фактора пандемии), то для 7-х это уже не может служить причиной.

Показательно, что две подряд очные межправительственные консультации проходили в ФРГ; а в качестве проведенной в КНР встречи считалась дистанционная. В работе данной переговорной площадки не принимал участия председатель КНР. В конце 2010-х — начале 2020-х от одной встречи в формате межправительственных консультаций к другой наблюдалось «выхолащивание» переговорного трека по вопросам безопасности и обороны. Уменьшалось не только число обсуждаемых сюжетов, но, главное, точек соприкосновения в позициях сторон. Так, на переговорах 20 июня 2023 г. стороны практически не рассматривали вопросы кооперации в зонах локальных вооруженных конфликтов в Африке севернее Сахары и на Ближнем Востоке. Это обусловлено как отмеченной выше утратой здесь ФРГ большей части своих стратегических позиций, так и сосредоточением Германии на «сдерживании» России.

На 7-х межправительственных консультациях официальный Берлин выражал удовлетворение тем, что Пекин не поставлял вооружений РФ, настаивал, чтобы КНР активно использовала свое постоянное место в СБ ООН для давления на Россию[2]. По сути, этими сюжетами практически и ограничился переговорный блок вопросов по безопасности и обороне на встрече 20 июня 2023 г.

Германская сторона во многом игнорировала усилия Китая по урегулированию конфликта на Украине. О росте напряженности в диалоге свидетельствовало не только отсутствие совместного заявления по итогам 7-х межправительственных консультаций, но и принятие в течение месяца после них германской «Стратегии по Китаю».

При этом Берлин стремился к середине 2020-х годов сохранить полноценную систему контактов с Пекином на высшем уровне. Если в 2021 и 2023 г. проходили встречи глав правительств двух стран (в рамках работы одноименной площадки), то в 2022 и 2024 г. канцлер ФРГ совершал визиты в КНР. При этом пресс-конференции О. Шольца с Си Цзиньпином по времени были заметно короче, а по

[1] Globalen Herausforderungen gemeinsam begegnen. 20.06.2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutsch-chinesische-konsultationen-2197484 (accessed: 12.04.2025).

[2] Ibid.

содержанию состояли из намного меньшего числа пунктов, чем пресс-конференции с премьер-министром Китая[1].

В ходе встречи 4 ноября 2022 г. руководители двух стран обозначили приверженность мультилатерализму. Пекин трактовал это во многом как необходимость предотвратить расширение сетки закрытых по составу форматов антикитайской направленности. В 2023 г. ФРГ вошла в один из таких — «Партнеры в Голубом Тихом океане» (*Partners in the Blue Pacific, PBP*). Структуру учредили США, Австралия, Великобритания, Новая Зеландия и Япония 24 июня 2022 г., хронологически в преддверии Мадридского саммита НАТО (28—30 июня 2024 г.), на котором Китай был включен в число основных объектов для «сдерживания».

Главной задачей для *PBP* являлась защита природно-биологического облика Тихого океана, особенно его островов. К числу последних относится и Тайвань. На практике *PBP* выступает одной из ключевых площадок для координации усилий по противодействию КНР, особенно на формозском направлении. Здесь следует подчеркнуть, что канцлер Германии, прежде всего в ходе встреч с руководством Китая, публично почти не касался «тайванской проблемы». Фактически ФРГ вслед за США придерживалась политики преднамеренной двусмысленности, но проявляла бóльшую осторожность. Это подтвердили переговоры в ходе визита О. Шольца в КНР 13—16 апреля 2024 г.[2] Ранее МИД ФРГ немедленно признал результаты президентских выборов на о. Тайвань 13 января 2024 г.[3], на которых победу одержал лидер Демократической прогрессивной партии Лай Циндэ, сторонник независимости Тайваня и сближения с США. В целом МИД Германии в период руководства им А. Бербок (выдвинутой от «Зеленых», известных своей близостью к Демократической партии в США) демонстрировал намного более жесткий подход к Китаю, чем Ведомство федерального канцлера [Арзаманова Т.В., с. 245—248]. Данное различие стало особенно отчетливым при попытках ФРГ ос-

[1] См., например: Pressestatements von Bundeskanzler Scholz und Prasident Xi Jinping am 4. November 2022 in Peking. 4.11.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-und-praesident-xi-jinping-am-4-november-2022-in-peking-2139834 (accessed: 12.04.2025).

[2] Pressestatements von Bundeskanzler Olaf Scholz und Staatsprasident Xi Jinping am 16. April 2024 in Peking. 16.04. 2024. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-olaf-scholz-und-staatspraesident-xi-jinping-am-16-april-2024-2271328 (accessed: 12.04.2025).

[3] Auswartiges Amt zu den Wahlen in Taiwan am 13. Januar 2024. 14.01.2024. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2640282 (accessed: 12.04.2025).

лабить узы сотрудничества между КНР и РФ, навязать Пекину подход к решению «украинского вопроса» фактически без учета интересов России. Однако усилия официального Берлина не принесли ожидаемого результата. Так, в ходе переговоров в апреле 2024 г. премьер-министр и председатель КНР обошли молчанием практически все предлагаемые ФРГ инициативы по Украине[1].

Военное измерение: бундесвер на пути к «сдерживанию» НОАК

С 2021 г. ФРГ стала развертывать на короткое время миссии бундесвера в ИТР. С учетом природно-географических особенностей региона Берлин сосредоточился на использовании здесь ВМС и ВВС.

В августе 2021 г. — феврале 2022 г. в ИТР был направлен фрегат «Бавария». Важнейшими составляющими плавания стали заходы в порты Австралии и Японии, участие в военно-морских учениях ее Сил самообороны и ВМС США в Филиппинском море[2]. На обратном пути фрегат «Бавария» прошел через акватории Восточно- и Южно-Китайского морей вблизи спорных островов[3]. Учитывая список государств, с ВМС которых взаимодействовала «Бавария», Берлин показывал (но не озвучивал открыто), что он поддерживает отнюдь не Пекин в конфликтах о принадлежности о-вов Спратли и особенно Сенкаку. Этот «сигнал» Китаем был считан: вопреки первоначальным ожиданиям ФРГ, фрегату «Бавария» было отказано в заходе в порт Шанхая [Арзаманова Т.В., с. 251].

В августе 2022 гг. ВВС ФРГ впервые осуществили трансконтинентальную переброску группы боевых и вспомогательных самолетов в Юго-Восточную Азию (в Сингапур). Затем они приняли участие в учениях в Австралии, отработали перелет в Южную Корею и Японию[4]. В июле—августе 2024 г. эта практика была повторена: отряд са-

[1] Pressestatements von Bundeskanzler Scholz und dem chinesischen Ministerprasidenten Li Qiang nach dem gemeinsamen Gesprach am 16. April 2024 in Peking. 16.04.2024. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-chinesischen-ministerpraesidenten-li-qiang-nach-dem-gemeinsamen-gespraech-am-16-april-2024-in-peking-2271460 (accessed: 12.04.2025).

[2] Naval exercises: The “Bayern” at ANNUALEX 2021. 9.12.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/en/organization/navy/news/naval-exercises-frigate-bayern-at-annualex-2021-5320470 (accessed: 12.04.2025).

[3] Indo-Pacific Deployment 2021. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/en/organization/navy/news/indo-pacific-deployment-2021 (accessed: 12.04.2025).

[4] This is Rapid Pacific 2022. 27.08.2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/this-is-rapid-pacific-2022-5484614 (accessed: 12.04.2025).

молетов ВВС Германии принял участие в маневрах в Австралии (*Pitch Black 24*), став частью сводного воздушного крыла[1]. Тем самым уместно утверждать о налаживании сотрудничества ФРГ по линии ВВС с государствами, которые играли активную и заметную роль в «сдерживании» КНР — Японией и особенно Австралией. Это сотрудничество вооруженных сил, де-факто имеющее определенную антикитайскую направленность, стало к середине 2020-х годов развиваться силами не только ВВС и ВМС, но и тех войск, которые способны действовать сразу в нескольких средах (прежде всего, наземной/морской, наземной/воздушной).

В июле 2023 г. контингент бундесвера, включавший подразделения морской пехоты, воздушного десанта и сил специальных операций, принял участие в многонациональных маневрах *Talisman Sabre 2023* в Австралии. Ключевую роль в них играли вооруженные силы принимающей стороны и США. Показательны местность в зоне учений (проходили на океанском побережье), фокус на комбинированном использовании частей морского и воздушного десанта в тесном взаимодействии с наземными силами[2]. Эти особенности позволяли рассматривать учения *Talisman Sabre 2023* как оперативное отлаживание многосторонней группировки с участием бундесвера, способной действовать на о. Тайвань. При этом формальных оснований для такого вывода не было: маневры проходили примерно в 8-ми тыс. км от южных границ КНР.

В целом, к середине 2020-х началось вовлечение бундесвера в «сдерживание» Китая. Вместе с тем, этот процесс имел ряд черт, которые должны были как минимум информационно снизить негативный эффект для отношений ФРГ и КНР. Имело место лишь кратковременное, а не постоянное развертывание контингентов бундесвера. Их численность была относительно небольшой (200—250 человек личного состава), притом речь почти не шла об использовании наземных войск как наиболее чувствительной (провокационной) формы силового присутствия. Большинство эпизодов участия ВС ФРГ в учениях, которые проводили оппоненты КНР, проходили на значительном удалении от Китая. Наконец, официальный Берлин избегал публичного обозначения антикитайской направленности проводимых

[1] Once again, the German Air Force shows presence in the Indo-Pacific region. 16.04.2024. URL: https://www.bundeswehr.de/en/the-german-air-force-shows-presence-in-the-indo-pacific-region-5765750 (accessed: 12.04.2025).

[2] Talisman Sabre 23. 2023. URL: https://www.bundeswehr.de/en/organization/army/talisman-sabre-23 (accessed: 12.04.2025).

им мер. Вместе с тем, такая «деликатность» отнюдь не отменяла факта падения доверия в германо-китайских отношениях. Логично, что к середине 2020-х годов не проводились учения ВС двух стран, особенно ВМС, а военно-техническое сотрудничество имело сугубо номинальные значения.

* * *

Итак, диалог КНР — ФРГ в сфере безопасности и обороны в первой половине 2020-х годов демонстрировал спад по уровню доверия, наполнению сотрудничества и спектру переговорных тематик. Германия постепенно переходила к «сдерживанию» Китая. Росло число эпизодов взаимодействия бундесвера с вооруженными силами оппонентов КНР в ИТР.

Одновременно официальный Берлин настойчиво стремился сохранить всю систему двусторонних переговорных контактов с КНР, особенно формат межправительственных консультаций и каналы диалога на высшем уровне в целом. Триединство видения Китая (как партнера, конкурента и системного соперника) не отрицало стремление Германии сохранить максимально возможную свободу маневра в диалоге с КНР. К середине 2020-х официальный Берлин приближается, но еще не подошел вплотную к «красным линиям» в отношениях с Пекином. Особенности этого подхода ФРГ с высокой долей вероятности сохранятся на фоне второго президентства Д. Трампа в США. Вместе с тем, в среднесрочной и более отдаленной перспективе возможно дальнейшее ужесточение подхода ФРГ к КНР.

Библиографический список

Арзаманова Т.В. Китайская головоломка в контексте «смены эпох» (Zeitenwende) // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 240—259. DOI: 10.31249/ape/2024.04.13.

Бабаев К.В. Вторая холодная война // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 8. С. 5—15. DOI: 10.31857/S2686673024080013.

Белов В.Б. Отношения ФРГ с КНР: непростое триединство партнерства, конкуренции и соперничества // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 199—222. DOI: 10.31249/ape/2024.04.11.

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к противостоянию США—КНР к середине 2020-х годов: политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 223—239. DOI: 10.31249/ape/2024.04.12.

References

Arzamanova, T.V. (2024). Kitajskaja golovolomka v kontekste «smeny jepoh» (Zeitenwende) [Chinese conundrum in the context of «change of eras» (Zeitenwende)], *Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]:* 4: 240—259. DOI: 10.31249/ape/2024.04.13 (In Russian).

Babaev, K.V. (2024). Vtoraja holodnaja vojna [Cold War II], *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura [USA & Canada: economics, polinics, culture]:* 8: 5—15. DOI: 10.31857/S2686673024080013 (In Russian).

Belov, V.B. (2024). Otnoshenija FRG s KNR: neprostoe triedinstvo partnerstva, konkurencii i sopernichestva [Germany's relations with China: an uneasy trinity of partnership, competition and rivalry], *Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]:* 4: 199—222. DOI: 10.31249/ape/2024.04.11. (In Russian).

Trunov, Ph.O. (2024). Podhod FRG k protivostojaniju SShA — KNR k seredine 2020-h godov: politicheskie i voennye aspekty [Germany's approach to the US-China confrontation in the mid-2020s: political and military aspects], *Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]:* 4: 223—239. DOI: 10.31249/ape/2024.04.12 (In Russian).

* * *

Deni, J.R. (2024). The new NATO Force Model: ready for launch? *NATO Defence College Outlook:* 4, 7 p.

Dieter, H. (2021). First Summit of the Anti?China Coalition, *SWP Comment*: 36: 5 p.

Heiduk, F. (2024). Deutschlands Wertepartnerschaften im Indo-Pazifik, *Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit SWP*, 26 S.

Поступила в редакцию: 30.04.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Apr 30, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.34.88.014

Р.А. Полончук

ВЗГЛЯДЫ КИТАЙСКОГО РУКОВОДСТВА НА РОЛЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ «В НОВУЮ ЭПОХУ»

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные взгляды китайского политического и военного руководства на роль и место вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности государства в условиях резкого обострения мировой обстановки. Китай планомерно проводит политику по всемерному наращиванию своего военного потенциала, целью которой является решение задачи по созданию таких вооруженных сил, которые гарантированно обеспечат КНР статус военной сверхдержавы в любых международных условиях.

В ходе исследования выявлено, что современный подход командования НОАК к развитию национальных ВС основан на принципе непрерывного внедрения инноваций в военное дело. Кроме того, эволюция китайских взглядов на ведение боевых действий связана с заимствованием положительного опыта зарубежных стран в данной области, в первую очередь США и России. Китайские военные теоретики основной акцент делают на повышении возможностей ВС по ведению высокотехнологичных войн и отстаиванию интересов КНР не только в рамках национальной территории, но и за ее пределами, что было не характерно для китайской военной стратегии, ранее направленной на обеспечение безопасности в пределах страны.

Китайское руководство стремится повысить качество национальных ВС за счет их комплексной модернизации, а также путем совершенствования их боевых навыков в ходе проведения учений, максимально приближенных к условиям реальной боевой обстановки. Такой подход включает и задачу совершенствования материаль-

но-технической базы национальных ВС, а также отработку боевого слаживания китайских военнослужащих в условиях быстро меняющейся обстановки.

Результаты проведенного исследования показывают, что современная военная политика Китая характеризуется фактическим отсутствием агрессивных устремлений, однако позволяет обеспечивать безопасность государства в военной области, содействуя достижению долгосрочных политических целей КНР.

Представляется, что в ближайшей перспективе Пекин будет заинтересован в сохранении мирных отношений с ведущими мировыми державами и сопредельными странами, а также в поддержании региональной стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: военная политика, вооруженные силы, военное строительство, военное планирование, военно-техническое сотрудничество, геополитика, Китайская Народная Республика.

Автор: *Полончук Руслан Андреевич*, кандидат политических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков МГИМО МИД России.
ORCID: 0009-0000-5495-3016. SPIN-код автора: 2703-7750.
E-email: polonchuk_r_a@my.mgimo.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Полончук Р.А. Взгляды китайского руководства на роль вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности «в новую эпоху» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 208—225. DOI: 10.48647/ICCA.2025.34.88.014.

R.A. Polonchuk

Chinese leadership's views on the role of the armed forces in ensuring national security in the 'new era'

Abstract. The article examines the conceptual views of the Chinese political and military leadership on the role and place of the armed forces in ensuring national security of the state in the context of a sharp aggravation of the situation in the world. China is systematically pursuing a policy of comprehensively increasing its military potential, the purpose of which is to solve the problem of creating such armed forces that will guarantee the PRC the status of a military superpower in any international conditions.

The study revealed that the modern approach of the PLA command to the development of the national armed forces is based on the principle of continuous innovation in military affairs. In addition, the evolution of Chinese views on the conduct of hostilities is associated with borrowing the positive experience of foreign countries in this area, primarily the United

States and Russia. Chinese military theorists place the main emphasis on increasing the capabilities of the armed forces to conduct high-tech wars and defend the interests of the PRC not only within the national territory, but also beyond its borders, which was not typical of the Chinese military strategy, previously aimed at ensuring security within the country. The Chinese leadership is seeking to improve the quality of the national armed forces through their comprehensive modernization, as well as by improving their combat skills during exercises that are as close as possible to the conditions of a real combat situation. This approach also includes the task of improving the material and technical base of the national armed forces, as well as practicing combat coordination of Chinese servicemen in a rapidly changing situation.

The results of the study show that China's modern military policy is characterized by a virtual absence of aggressive aspirations, but it allows for ensuring state security in the military sphere, contributing to the achievement of China's long-term political goals.

It seems that in the near future, Beijing will be interested in maintaining peaceful relations with the leading world powers and neighboring countries, as well as in maintaining regional stability in the Asia-Pacific region.

Keywords: military policy, armed forces, military construction, military planning, military-technical cooperation, geopolitics, People's Republic of China.

Author: Ruslan A. POLONCHUK, Ph.D (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Chinese, Vietnamese, Burmese, Thai, Lao and Khmer Languages, MGIMO University, Moscow, Russia.

ORCID: 0009-0000-5495-3016.

E-mail: polonchuk_r_a@my.mgimo.ru

***Conflict of interests*:** The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Polonchuk R.A. (2025). Vzglyady kitayskogo rukovodstva na rol' vooruzhennykh sil v obespechenii natsional'noy bezopasnosti “v novuyu epokhu” [Chinese leadership's views on the role of the armed forces in ensuring national security in the “new era”], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 208—225. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.34.88.014.

Политическое руководство Китайской Народной Республики (КНР) уделяет пристальное внимание развитию военной науки и оттачиванию боевого мастерства Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Подходы руководства страны к названным вопросам претерпели за последние 15 лет значительные изменения. Несмотря на достаточно длительную историю становления, НОАК обладает ог-

раниченным опытом ведения боевых действий. Ввиду этого китайские военные специалисты делают ставку на заимствование опыта ведущих зарубежных стран, в первую очередь США и России.

Анализ академических китаеязычных публикаций показывает, что командование НОАК в период 2010—2025 гг. усилило отработку тактических приемов в рамках проводимых военных учений. Также с учетом уроков боев в Ливии, Сирии, Афганистане и на Украине были в достаточной степени скорректированы программы обучения китайских военнослужащих, а также требования к разрабатываемым в стране вооружению и военной технике (ВВТ).

В первой четверти XXI в. основной вероятной причиной ведения боевых действий для Китая остается противодействие терроризму, экстремизму и сепаратизму, которые в специализированной литературе названы «тремя силами зла» (三股势力, *sāngǔ shìlì*)[1]. Это демонстрируется деятельностью китайских стратегов по предотвращению раскольнической активности на о. Тайвань, в Тибете, Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Учитывая рост террористических угроз в отношении граждан КНР и китайских предприятий, находящихся за рубежом, в антитеррористических учениях все чаще задействуется и другой компонент вооруженных сил КНР — Народная вооруженная полиция (НВП).

Эволюция китайских взглядов на ведение боевых действий

Первые случаи участия китайской армии в масштабных боевых действиях были зафиксированы в период династии Сун. Например, в городе Кайфэн (территория современной провинции Хэнань) династия Цзинь в 1127 г. путем уничтожения городских построек нанесла поражение династии Северная Сун. Данные события существенно обогатили военную мысль Китая путем появления «стратагем», представляющих совокупность неявных тактических приемов и систем непрямых ходов, используемых для достижения цели, получения преимущества и перехвата инициативы. Однако наибольшее влияние на формирование взглядов китайских руководителей на действия в больших городах оказала Вторая мировая война, где разрушение крупных китайских городов, включая Шанхай, сопровождалось бомбардиров-

[1] Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì (2024). Zhōngguó de fan kongbù zhuyì falu zhìdù tixì yu shíjiàn [China's Counter-Terrorism Legal System and Practice], *Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì [Information Office of the State Council of the People's Republic of China],* 45 p. (In Chinese).

ками авиации, повлекшими большие потери со стороны гражданского населения.

Во время гражданской войны Китайская Рабоче-крестьянская Красная армия (предшественница современной НОАК) благодаря способности захватывать и удерживать ключевые города перехватила инициативу у националистов партии Гоминьдан в решающих сражениях, способствовавших окончательной победе Коммунистической партии Китая (КПК). НОАК последовательно совершенствовала свой подход к военным операциям, о чем свидетельствует захват Пекина (тогда известного как Бейпин) и Тяньцзиня в ходе Пинцзиньской кампании (1948—1949 гг.). Китайские военные историки отмечают, что в ходе битвы за Шанхай в мае 1949 г. взгляды КПК на городскую войну опирались на принцип «дезинтеграции противника» (瓦解敌军, *wǎjiě dí jūn*), которая достигалась массированным применением всего комплекта сил и средств на театре военных действий (ТВД) [Гордиенко, с. 25].

Последующий опыт боевых действий НОАК был обретен в ходе Корейской войны, когда Китайская народная добровольческая армия (КНДА) сражалась вместе с СССР против многонациональных сил Организации Объединенных Наций (ООН), возглавляемых США. В данном конфликте у КНДА оказалось меньше возможностей по захвату городских районов в сравнении с противоборствующей стороной, у которой был к тому же численный перевес в авиации. КНДА обычно избегала столкновений в городских районах, поэтому главной ее задачей было уничтожение войск противника с целью вынудить его отступить из-за высоких потерь. Именно поэтому китайские военные теоретики рассматривают наступление на Сеул в мае 1951 г. только как элемент оперативной маскировки для проведения операции КНДА по блокированию войск ООН. Хотя опыт Корейской войны имел небольшое влияние на китайские подходы к ведению боевых действий, ее символическое значение для НОАК было трудно переоценить, так как несмотря на неблагоприятные условия в сложившейся обстановке КНДА смогла существенно потеснить позиции американских ВС, развеяв миф о непобедимости армии США.

Популяризация данных событий продолжается и в наше время: вышедший в Китае художественный фильм 2021 г., освещающий боевой путь КНДА, стал самым кассовым китайским кинопроектом [Гордиенко, с. 33].

Пограничные стычки Китая и Вьетнама, начавшиеся в 1979 г. и длившиеся почти десять лет, считаются последним опытом ведения НОАК реальных боевых действий. Так, во время проведения наступа-

тельных операций китайская группировка захватила 17 уездных городов и столицы трех вьетнамских провинций. Новым явлением в тактике НОАК стало проведение крупномасштабных артиллерийских обстрелов, после чего вьетнамские силы, дислоцированные на тесных оборонительных сооружениях, уничтожались путем использования бензина и взрывчатых веществ [Шлындов, с. 22].

Концепции ведения боевых действий с «китайской спецификой»

Китайские военные специалисты признают, что современные войны стали уникальным вызовом даже для самых передовых в военном отношении ВС, поскольку характеризуются высоким уровнем затрат и значительными потерями личного состава, что в совокупности отрицательно влияет на морально-психологическое состояние (МПС) внутри страны, а также снижает ее престиж за рубежом. Китайский военный дискурс афористично характеризует современную войну как «борьбу с крысами в посудной лавке» (在瓷器店中打老鼠, *zài cíqìdiàn zhōng dǎ lǎoshǔ*), поскольку сложная и зачастую нелинейная обстановка позволяет противнику прятаться среди мирных жителей, увеличивая сопутствующий ущерб. Данное обстоятельство предопределяет необходимость непрерывного поиска китайскими военными путей более эффективного ведения боевых действий в новой обстановке [Blasko, p. 66].

В связи с постоянно изменяющейся политической и военной ситуацией в приграничных регионах китайское командование уделяет пристальное внимание систематичсескому изучению и внедрению положительного международного опыта. ВС КНР на регулярной основе проводят двусторонние и многосторонние учения с подразделениями зарубежных армий, в некоторых случаях принимают участие в военных играх. Можно с уверенность сказать, что, заимствуя зарубежный опыт, китайские стратеги проанализировали возможности «сетецентрической войны», продемонстрированные ВС США во время войны в Персидском заливе, а также в ходе борьбы с международным терроризмом в Ираке и Афганистане. Некоторые наблюдатели сравнивают успех талибов в установлении контроля над Афганистаном с победой КПК в гражданской войне в Китае, поскольку силы с меньшими возможностями в конечном итоге одержали верх над превосходящим в военно-техническом плане противником с ослабленным МПС [Гордиенко, с. 55].

Китайские военные теоретики постепенно отказываются от разработанной в 1980-х годах стратегии «единого ведения боевых действий». Так, в научных публикациях авторы говорят о некой «фрагментации» указанной стратегии на отдельные направления. В полевом уставе НОАК принципы ведения боевых действий раскрываются в девятой главе «Оборона» в подразделе «Оборона больших городов» (大城市的防御, *dà chéngshì de fángyù*). Наряду с задачами для сухопутных войск, в доктринальном документе описано, что авиация должна сначала разбомбить противника, а уже после этого будут действовать подразделения пехоты[1].

Например, в издании «Наука о военной стратегии» (战略学, *zhànlüè xué*) наступление в условиях города (城市进攻, *chéngshì jìngōng*) рассматривается в качестве составной части операций на островах (岛上作战, *dǎoshàng zuòzhàn*), но не раскрывается детально. Вероятно, для того, чтобы у читателя не было ассоциаций с проживающим в городах населением Тайваня [Blasko, p. 127].

В важнейшей китайской военно-теоретической работе «Наука о кампаниях» (战役学, *zhànyì xué*) отмечена роль специальных операций, проводимых точечно для нанесения ударов по жизненно важным центрам противника [Military..., p. 130]. Учитывая, что тайваньцы в случае обострения военно-политической обстановки будут вести сопротивление с применением иррегулярной тактики, континентальный Китай сохраняет и повышает уровень своего участия в миротворческих операциях ООН на Африканском континенте, что позволяет «обкатать» в экстремальных условиях (приближенным к боевым) значительное количество китайских военнослужащих[2].

НОАК стремится использовать новые технологии для организации боевых действий в войнах будущего. Достижения в области беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и технологий искусственного интеллекта создают новые возможности для ВС. Командование НОАК считает, что боевые действия будущего будут характеризоваться интеграцией беспилотных систем с процессами «интеллектуализации», которая стала приоритетом модернизации китайских вооруженных сил.

---

[1] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China (2024), *Office of the Secretary of Defense*. 212 p.

[2] Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì (2020). Zhōngguó jūnduì cānjiā liánhéguó wéihé xíngdòng 30 nián [China's Armed Forces: 30 Years of Participation in UN Peacekeeping Operations], *Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì [Information Office of the State Council of the People's Republic of China]*, 76 p. (In Chinese).

Обсуждение боевых действий будущего часто проходит в контексте «дронизации» (无人化, *wúrén huà*). НОАК стремится к практической реализации «тактики роя» с «умными дронами», как проверенной в локальных войнах (например, Вторая Карабахская война 2020 г.). Аналитики НОАК предсказывают, что продолжающееся технологическое развитие сделает внедрение беспилотных интеллектуальных систем ВВТ в боевые операции критически важным для минимизации потерь и повышения боевой эффективности, в том числе за счет возможности нанесения высокоточных ударов [Гордиенко, с. 111].

В настоящее время в Китае получили тщательную разработку идеи «беспилотного прекращения войны» (无人值守拒止战, *wúrén zhíshǒu jù zhǐ zhàn*), «войны с изоляцией в городах» (城区隔离封锁战, *chéngqū gélí fēngsuǒ zhàn*), «войны за психологический когнитивный контроль» (心理认知控制战, *xīnlǐ rènzhī kòngzhì zhàn*) и «войны с обезглавливанием толпы» (蜂群斩首破击战, *fēng qún zhǎnshǒu pò jí zhàn*). В китайской военно-научной литературе все чаще встречается упоминание «скоординированных пилотируемых и беспилотных операций» (有人无人协同作战, *yǒurén wúrén xiétóng zuòzhàn*), в которых будут применяться БПЛА для выполнения задач разведки, ударов по фиксированным точкам, тралению и подрыву мин на поле боя. Наличие всех вышеизложенных концепций указывает на стремление Китая к творческим подходам к ведению войны в новых условиях[1].

Этапы модернизации ВС КНР

В обстановке продолжающейся конфронтации с США на протяжении 2014—2025 гг. политическое руководство Китая непрерывно совершенствует систему управления вооруженными силами. В настоящее время строительство ВС Китая осуществляется в соответствии с «Программой модернизации национальной обороны на период до 2049 г.»[2] в четыре[3] этапа по следующим основным направлениям:

• «механизация» — повышение удельного веса новейших систем вооружения и военной техники, а также механизированных и бронетанковых формирований в боевом составе НОАК и войск НВП;

[1] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China (2024), *Office of the Secretary of Defense*. 212 p.

[2] Принята в 1998 г.

[3] Дополнительный этап (2020—2035 гг.) добавлен председателем КНР Си Цзиньпином в октябре 2017 г.

• «оптимизация» — совершенствование и унификация организационно-штатной структуры основных соединений и частей, позволяющие достичь повышения эффективности их боевого применения при сокращении численности;

• «информатизация» — оснащение войск средствами автоматизированного управления, цифровыми системами разведки и связи с их последующей интеграцией в единую систему информационной поддержки ведения военных действий [Каменнов, с. 78].

В ходе первого этапа реформирования НОАК (1998—2010 гг.) главное внимание уделялось совершенствованию организационно-штатной структуры формирований видов вооруженных сил и их последовательному переоснащению современными образцами ВВТ [Кокошин, с. 15].

На втором этапе (до 2020 г.) планировалось осуществить строительство «вооруженных сил нового типа», соответствующих международному статусу КНР и обладающих необходимым потенциалом решения различных задач как военного, так и невоенного характера в интересах обеспечения безопасности государства, устойчивости его экономического развития и стабильности внутриполитической обстановки.

Основными мероприятиями второго этапа стали совершенствование организационной структуры НОАК, реорганизация системы военного управления и военно-административного деления КНР, оснащение армии и флота современными ВВТ (в первую очередь высокоточным оружием, боевыми информационно-управляющими системами, кораблями океанской зоны, стратегическими бомбардировщиками и средствами борьбы в киберпространстве) при сокращении общей численности личного состава на 300 тыс. человек — до 2 млн человек[1]. В результате организационных изменений были созданы два новых вида вооруженных сил — ракетные войска и силы стратегической поддержки (ССП)[2].

В ходе реорганизации системы военного управления генеральный штаб и три главных управления НОАК (политическое, тыла, вооружения и военной техники) были трансформированы в 15 структурных

[1] Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì (2019). Xīn shídài de zhōngguó guófáng [National Defense of the People's Republic of China in the New Era], *Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì [Information Office of the State Council of the People's Republic of China],* 67 p. (In Chinese).

[2] Силы стратегической поддержки расформированы в апреле 2024 г. Входящие в их состав силы и средства были перераспределены между вновь сформированными компонентами НОАК. Имеющиеся в настоящее время сведения в открытых источниках пока не позволяют обоснованно судить о последствиях очередного реформирования ВС КНР.

подразделений центрального военного совета (ЦВС). Одновременно создано отдельное командование (штаб) сухопутных войск. Ранее эту функцию выполнял генеральный штаб НОАК [Кокошин, с. 10]. В результате изменения военно-административного деления территории Китая вместо семи военных округов было сформировано пять объединенных командований (ОК). В состав новых территориальных оперативно-стратегических объединений включены дислоцирующиеся на их территории силы общего назначения, за исключением соединений ракетных войск.

На третьем этапе (2020—2035 гг.) основные усилия сосредоточены на всестороннем укреплении боевого потенциала НОАК. При этом в качестве важнейшего приоритета определено техническое переоснащение ВС. В разработке ВВТ намечено в целом достичь уровня ведущих военных держав, а по отдельным направлениям — выйти в лидеры. Акцент предполагается сделать на создании новых ракетных и противоракетных комплексов, развитии авианосного и подводного флота, дальней авиации и робототехники. Особое внимание предусматривается уделить также формированию глобальной единой информационно-управляющей инфраструктуры [Гордиенко, с. 46].

В 2024 г. структура НОАК была скорректирована: 19 апреля созданы силы информационной поддержки — СИП (信息支援部队, *xìnxī zhīyuán bùduì*) — «новейший род войск стратегического уровня», на которые возложены задачи стратегического порядка. Новая структура будет координировать развитие и применение киберинформационных систем для гарантированного достижения победы в современных войнах. Судя по китайским публикациям, СИП находятся в непосредственном подчинении ЦВС.

Согласно заявлениям официального представителя МО КНР, старшего полковника У Цяня (吴谦, *Wúqiān*), после проведения нового этапа реформирования НОАК структурно состоит из четырех видов войск — сухопутных войск (СВ), военно-воздушных сил (ВВС), военно-морских сил (ВМС), ракетных войск, а также четырех отдельных родов войск (воздушно-космические силы, кибервойска, силы информационной поддержки и материально-технического обеспечения). Нынешняя военная реформа выгодна НОАК с точки зрения повышения ее боевых возможностей. ССП находились на том же командном уровне, что и нынешние пять объединенных командований (战区, *zhànqū*) НОАК, в то время как новые четыре рода войск находятся на один уровень ниже. Это означает, что каждый командир объединенного командования может относительно легко задействовать силы и средства СИП в своих интересах без обращения в вышестоя-

щий штаб. Предполагается, что такой подход может повысить взаимодействие различных видов и родов войск в ходе проведения совместных операций [Гордиенко, с. 123].

Видится возможным утверждать, что в ходе четвертого этапа (2035—2050 гг.) намечается в основном завершить «модернизацию национальной обороны» (国防现代化, *guófáng xiàndàihuà*). По его завершению ВС КНР должны стать передовой армией мира. Указывается, что подготовка войск, информатизация (智能化, *zhìnéng huà*) ВВТ и боевой потенциал НОАК в ряде областей превзойдут аналогичные показатели ведущих мировых держав. Все это позволит вооруженным силам КНР в случае необходимости обеспечить интересы государства военно-силовыми методами в глобальном масштабе.

Состояние ВС КНР на современном этапе

Проведенное исследование показывает, что ВС КНР уже способны одновременно вести две локальные войны на различных театрах военных действий (ТВД). При этом в настоящее время большое внимание уделяется повышению возможности НОАК действовать за пределами национальной территории (в удаленных океанских районах), наносить высокоточные ракетные и авиационные удары, эффективно решать задачи противовоздушной и противоракетной обороны.

По мере развития национального военного искусства китайские специалисты переосмысливают взгляды на роль и место видов ВС в вооруженной борьбе. В частности, исходя из оценки вероятных и потенциальных противников, в Китае отмечают рост значимости в предстоящих военных действиях военно-морских сил. Считается, что в случае развязывания китайско-американского или китайско-японского конфликта именно ВМС НОАК будут решать основной массив задач. Как наиболее важные из них рассматриваются защита коммуникаций в Индийском океане (через эти пути поступает до 85 % импортируемой Пекином нефти) и изоляция ближней морской зоны в целях исключения поражения объектов на континентальной части КНР палубной авиацией и крылатыми ракетами морского базирования ВМС США.

ВС КНР не участвовали в крупных военных конфликтах, поэтому для получения боевого опыта китайскими военнослужащими практикуется участие в миротворческих миссиях ООН[1]. Непрерывно осуществляется работа по анализу зарубежного опыта ведения боевых действий в условиях информационного противоборства.

Принимая во внимание особенности подхода китайских военных теоретиков, вполне можно ожидать в ближайшем будущем корректировки в планах подготовки ведения боевых действий НОАК, учитывающей опыт специальной военной операции ВС РФ на территории Украины.

Анализ доступной военно-научной литературы позволяет утверждать, что в сухопутных войсках НОАК сокращено количество армий с 18 до 13 (по две-три в составе каждого из пяти объединенных командований) с переводом их на бригадный состав. Главной особенностью проведенных мероприятий стало создание принципиально новых для ВС КНР смешанных бригад — тяжелого, среднего и легкого типов, десантно-штурмовых, инженерно-саперных и химической защиты, обеспечения и поддержки боевых действий [Анненков, с. 132].

В период 2013—2025 гг. в военно-воздушных силах было расформировано более 20 авиационных и зенитных ракетных дивизий. Взамен на их основе с учетом российского опыта созданы 11 принципиально новых объединений — баз ВВС и ПВО в составе до восьми разнородных соединений (бригады боевой авиации, наземных сил ПВО, радиотехнических войск, РЭБ), на которые возложены задачи ведения оборонительных и наступательных действий на операционных направлениях. Наряду с этим реорганизован воздушно-десантный корпус: вместо трех дивизий развернуты девять бригад [Шлындов, с. 78].

На вооружение ВВС принят истребитель пятого поколения «Цзянь-20» (歼-20, *jiān-20*), в войска поступили свыше 90 единиц авиационной техники (включая 14 российских истребителей Су-35) и более 100 пусковых установок зенитных управляемых ракет (в том числе 16 С-400). Одновременно принято решение отказаться от устаревших штурмовиков «Цян-5» (強-5, *qiáng-5*) — носителей тактических ядерных авиабомб. Планируется принятие на вооружение нового стратегического бомбардировщика «Хун-20» (轰-20, *hōng-20*), а также «Хун-6N» (轰-6N, *hōng-6N*) с увеличенным боевым радиусом (за счет установки системы дозаправки в воздухе).

Военно-морские силы ускоренными темпами реализуют программу строительства океанского флота. Первая авианосная ударная

[1] Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì (2020). Zhōngguó jūnduì cānjiā liánhéguó wéihé xíngdòng 30 nián [China's Armed Forces: 30 Years of Participation in UN Peacekeeping Operations], *Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì [Information Office of the State Council of the People's Republic of China],* 76 p. (In Chinese).

группа (АУГ) во главе с многоцелевым авианосцем (АВМ) «Ляонин» (辽宁号航空母舰, *liáoníng hào hángkōngmǔjiàn*) приведена в готовность к боевому применению. Спущен на воду второй АВМ — «Шаньдун», 山东舰 *shāndōng jiàn*) полностью национальной разработки, на его основе проводится боевое слаживание второй АУГ и тренировки летчиков палубной авиации. В мае 2024 г. из Шанхая в море на заводские ходовые испытания впервые вышел третий китайский авианосец «Фуцзянь» (福建舰, *fújiàn jiàn*). АВМ «Фуцзянь» является крупным кораблем, сопоставимым с авианосцами ВМС США, и при неядерной энергетической установке должен стать самым крупным в мире неатомным авианосцем и самым крупным в истории неатомным боевым кораблем, тактико-технические характеристики которого, по утверждениям китайских специалистов, будут сопоставимы с американским АВМ типа «Нимитц» [Кашин и др., с. 55].

Судя по имеющимся китайским публикациям, предприятия китайского оборонно-промышленного комплекса на регулярной основе передают ВМС НОАК все новые и новые эскадренные миноносцы с управляемым ракетным оружием (УРО) тип 052D «Куньмин» (昆明, *kūnmíng*). Продолжается постановка на вооружение эсминцев УРО усовершенствованного проекта 055, прототипом которых по характеристикам и составу вооружения является американский корабль типа «О.Бёрк» мод.2. В интересах обеспечения продолжительных действий АУГ и других оперативных соединений ВМС на значительном удалении от своих баз в состав флота введен универсальный транспорт снабжения проекта 901. В интересах повышения десантных возможностей ВМС НОАК число бригад морской пехоты увеличено до шести[1].

В ракетных войсках одним из направлений строительства НОАК остается наращивание потенциала сдерживания попыток военно-силового давления на Китай со стороны США. Для этой цели в интересах ядерного компонента стратегических наступательных сил продолжается разработка тяжелой межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) шахтного базирования «Дунфэн-5В» (东风-5B, *dōngfēng-5B*) (6—10 боеголовок, дальность стрельбы — 12 тыс. км), перспективных мобильной МБР (дальность стрельбы — 14 тыс. км) с разделяющейся головной частью. Ведутся испытания новых модификаций МБР — «Дунфэн-5С» (东风-5C, *dōngfēng-5C*) и «Дунфэн-31AG» (东风- AG, *dōngfēng-31AG*). Кроме того, принята на вооружение балли-

[1] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China (2024), *Office of the Secretary of Defense*. 212 p.

стическая ракета подводных лодок «Цзюйлан-3» (巨浪-3, *jù làng-3*) (более 8 тыс. км)[1].

В неядерных стратегических силах формированиями ракетных войск НОАК продолжается освоение новой баллистической ракеты средней дальности «Дунфэн-26» (东风-26, *dōngfēng-26*) (до 4 тыс. км). В военно-морских силах количество носителей крылатых ракет морского базирования «Дунхай-10» (东海-10, *dōnghǎi-10*) (до 1,5 тыс. км) увеличилось до девяти (носители — восемь эсминцев типа «Куньмин» и атомная подводная лодка проекта 093А)[2].

В стратегических оборонительных силах продолжается совершенствование системы стратегического раннего предупреждения, ведется строительство девятого радиолокационного поста предупреждения о ракетно-ядерном ударе [Шлындов, с. 55].

Контроль космического пространства над территорией Китая и сопредельных государств осуществляется объектами наземного автоматизированного комплекса управления космическими аппаратами НОАК. Для создания единой глобальной информационно-управляющей инфраструктуры и обеспечения ее бесперебойного функционирования в интересах действий формирований НОАК на любом ТВД активно используются возможности национальной космической радионавигационной системы «Бэйдоу» (北斗, *běidǒu*) и орбитальной группировки искусственных спутников Земли военного и двойного назначения[3].

Военные учения

В ходе войсковых и командно-штабных учений основное внимание уделяется применению межвидовых группировок вооруженных сил на Тайваньском и Индийском направлениях, защите интересов КНР в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, действиям в случае военного конфликта на Корейском полуострове, а также отражению воздушно-космического нападения на столицу го-

[1] Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì (2021). Zhōngguó de hé ānquán [Nuclear Safety of the People's Republic of China], *Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì [Information Office of the State Council of the People's Republic of China],* 56 p. (In Chinese).

[2] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China (2024), *Office of the Secretary of Defense*. 212 p.

[3] Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì (2021). 2021 Zhōngguó de hángtiān [China's Space Activities in 2021]. *Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì [Information Office of the State Council of the People's Republic of China],* 80 p. (In Chinese).

сударства со стороны США и их союзников. Расширился диапазон отрабатываемых вопросов в ходе учебных мероприятий ВМС НОАК, участились полеты авиации ВВС над морем (на расстояние до 1400 км от береговой линии)[1].

В интересах совершенствования уровня боевой подготовки войск на территории воинских частей НОАК для имитации действий противника последовательно строятся специализированные тренировочные комплексы. Кроме того, были созданы так называемые синие войска (по терминологии НОАК — 蓝军, *lán jūn*) предназначенные для имитации действий противника в ходе учений. Например, по решению командования НОАК, совершенствуется материально-техническая база, позволяющая имитировать локации, в которых возможно возникновение военных конфликтов. Ученым, изучающим военную политику КНР, больше всех известна учебная база «Чжужихэ» (朱日和城市作战训练场, *zhū rì hé chéngshì zuòzhàn xùnliàn chǎng*) во Внутренней Монголии. С середины 2000-х годов командование НОАК проводит на ней тренировки в условиях плотной городской застройки [Шлындов, с. 154].

Проведя тщательный анализ действий подразделений специального назначения России в Сирии, китайские стратеги скорректировали рабочие программы/планы боевой и оперативной подготовки подразделений специального назначения НВП и НОАК[2]. В интересах внедрения принципиально новых подходов к ведению антитеррористических операций в условиях малоэтажной застройки, распространенной в Ираке и Сирии, в 2016 г. в Тибете был введен в эксплуатацию новый учебный центр НВП, скопированный с Центра подготовки бойцов подразделений специального назначения в районе г. Гудермес Чеченской республики. Предназначение центра — повысить выучку военнослужащих в ходе операций в условиях удаления от мест базирования. Сирийский опыт также лег в основу плана ежегодных учений подразделений НВП, которые проводятся на полигоне площадью 3 тыс. кв. км в СУАР.

В дополнение к специализированной материально-технической базе командование НОАК тесно сотрудничает с национальными тех-

---

[1] Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì (2022). Táiwān wèntí yu xīn shídài zhōngguó tongyī shìyè [The Taiwan Question and Chinese Reunification in the New Era], *Guówùyuàn xīnwén bàngōngshì [Information Office of the State Council of the People's Republic of China],* 88 p. (In Chinese).

[2] Zhōngyāng jūnshì wěiyuánhuì (2023). Zhēngbīng gōngzuò tiáolì Regulations on Conscription Work. *Zhōngyāng jūnshì wěiyuánhuì [Central Military Commission of the People's Republic of China],* 100 p. (In Chinese).

нологическими компаниями, чтобы сделать тренировочную среду более реалистичной. Например, китайские компании поставляют НОАК системы моделирования боевых действий. Так, *Huaru Technology* предлагает систему, которая имитирует атмосферу на поле боя, а именно: взрывы боеприпасов, выстрелы оружия, а также повреждение техники. Другая фирма — *Technology Co., Ltd.* (北京青云科技股份有限公司, *běijīng qīngyún kējì gǔfèn yǒuxiàn gōngsī*), разработала платформу цифровой боевой среды, которая объединяет трехмерное отображение ситуации на поле боя, синхронизированное видеоизображение, а также синхронный сбор и хранение данных [Толкачев, с. 47].

Выводы

Результаты изучения политики Китая по наращиванию возможностей ведения боевых действий в условиях непрекращающегося противоборства с технологически превосходящим противником позволяют сделать вывод о том, что современный подход командования НОАК к развитию национальных ВС основан на непрерывном внедрении инноваций в военное дело. Кроме того, эволюция китайских взглядов на ведение боевых действий связана с заимствованием положительного опыта зарубежных стран в данной области, в первую очередь США и России.

В концепциях ведения боевых действий китайские военные теоретики основной акцент делают на повышении возможностей ВС по ведению высокотехнологичных войн и отстаиванию национальных интересов Пекина не только в рамках территории страны, но и за ее пределами. Исходя из данной установки, НОАК оснащается современным оружием, формируются отряды боевых кораблей, способные действовать в удаленных районах Мирового океана, наращиваются экспедиционные возможности войск (сил), создаются системы передового базирования и материально-технического обеспечения, увеличиваются число и масштабы мероприятий оперативной и боевой подготовки за пределами территории Китая, в том числе совместных с вооруженными силами иностранных государств.

В рамках модернизации ВС КНР приоритетным направлением строительства НОАК остается совершенствование организационно-штатной структуры. В силах общего назначения ВС КНР приоритет отдан развитию ВВС и ВМС с одновременным снижением численности сухопутных войск. Значительные усилия сосредоточены на развитии системы противоракетной обороны и сил, способных обеспечить защиту интересов Китая в космосе.

Библиографический список

Анненков В.И. Военная сила в международных отношениях. М.: КноРус. 2024. 494 с.

Гордиенко Д.В. Народно-освободительная армия Китая. Военный инструментарий реализации геополитики Китайской Народной Республики. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 2024. 224 с.

Каменнов П.В. КНР: военная политика в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН, 2019. 248 с.

Кашин В.Б., Крашенникова Л.С., Пятачкова А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. № 7. Т. 64. 2020. С. 49—59.

Кокошин А.А. Военная реформа в КНР 2015—2020 гг.: оборонные, внешнеполитические и внутриполитические аспекты. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. 46 с.

Толкачев С.А. Крупнейшие зарубежные военно-промышленные компании. М.: Прометей. 2020. 400 с.

Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики. М.: ИДВ РАН, 2019. 184 с.

References

Annenkov, V. (2024). Voennaya sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Military force in international relations]. *Moscow*, *KnoRus,* 494 p. (In Russian).

Gordienko, D. (2024). Narodno-osvoboditel'naya armiya Kitaya. Voennyj instrumentarij realizacii geopolitiki Kitajskoj Narodnoj Respubliki [People's Liberation Army of China. Military instruments for the implementation of the geopolitics of the People's Republic of China], *ARGAMAK-MEDIA,* 224 p. (In Russian).

Kamennov, P. (2019). KNR: voennaya polotica v nachale XXI veka [PRC: military policy at the beginning of the 21st century: monograph], *Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii nauk (Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences)*. 248 p.

Kashin V.; Krashennikova L.; Pyatachkova A. (2020). Kitaj: voenno-tekhnicheskie i voenno-morskie aspekty liderstva [China: Military-Technical and Naval Aspects of Leadership], *Mirovaya ekonomika i razvitiye otnosheniy [World Economy and International Relations]*: 7: 64: 49—59. (In Russian).

Kokoshin, A. (2016). Voennaya reforma v KNR 2015—2020 gg.: oboronnye, vneshnepoliticheskie i vnutripoliticheskie aspekty [Military reform in the PRC 2015—2020: defense, foreign policy and domestic political aspects], *Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy RAN [Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences],* 46 p. (In Russian).

Shlyndov, A. (2019). Vooruzhennye sily Kitajskoj Narodnoj Respubliki. [Armed Forces of the People's Republic of China], *Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii*

nauk (Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences). 184 p. (In Russian).

Tolkachev, S. (2020). Krupnejshie zarubezhnye voenno-promyshlennye kompanii [The largest foreign military-industrial companies]. *Prometej*. 400 p. (In Russian).

* * *

Blasko, D. (2020). The Chinese Army Today: Tradition and Transformation for the 21st Century In: Asian Security Studies, 2nd Edition, *Routledge*. 228 p.

Поступила в редакцию: 21.03.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Mar 21, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.33.72.015

И.С. Виноградов

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: МИЛИТАРИЗАЦИЯ И ОТСТАИВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВ

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегической значимости Южно-Китайского моря (ЮКМ) как зоны интенсивного геополитического противостояния. Особое внимание уделено историческому контексту проблемы ЮКМ и действий КНР по отстаиванию своих исторических прав на акваторию, включая практику самозахвата, милитаризацию искусственных островов. Акцент сделан на тактике КНР по «выдавливанию» своих оппонентов и демонстрации силы путем систематического массового патрулирования спорных вод, иной тактике принуждения, не доходящей, однако, до вооруженного конфликта.

Рассматривается новый этап эскалации напряженности, обусловленный политикой США по «возвращению в Азию». Особое внимание уделено современному витку китайско-филиппинского противостояния, спровоцированного конфронтационным курсом нынешнего филиппинского руководства. Филиппины, привлекая США и других союзников к защите своих претензий в ЮКМ, способствуют интернационализации конфликта.

Текущая ситуация в ЮКМ характеризуется высокой степенью нестабильности и потому — взрывоопасностью, что создает серьезные риски для безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В заключение отмечается, что КНР значительно укрепила свои военно-стратегические возможности в ЮКМ, тогда как США пытаются сохранить свое влияние и использовать Филиппины как про-

кси-союзника для сдерживания КНР. Долгосрочной стратегической задачей Пекина является ослабление влияния США в регионе и бесспорное закрепление за собой требуемых акваторий.

Ключевые слова: Китай, Южно-Китайское море, Филиппины, Вьетнам, исторические права, милитаризация.

Автор: *Виноградов Илья Сергеевич*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-5572-3471.
E-mail: vinbel19@mail.ru

***Конфликт интересов*:** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FMSF-2021-0009 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие РФ и КНР в межгосударственной, экономической, других практических областях и во внешнеполитической сфере, в том числе в многосторонних форматах (РИК, БРИКС)»).

Для цитирования: Виноградов И.С. Стратегия Китая в Южно-Китайском море: милитаризация и отстаивание исторических прав // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 226—244.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.33.72.015.

I.S. Vinogradov

China's South China Sea strategy: militarization and upholding of historical rights

Abstract. The article is devoted to the analysis of the strategic importance of the South China Sea (SCS) as a zone of intense geopolitical confrontation. Particular attention is paid to the analysis of the historical context of the SCS problem and the actions of the PRC to defend its historical rights to the water area, including the practice of self-seizure, militarization of artificial islands. The emphasis is on the tactics of the PRC to "squeeze" out its opponents and demonstrations of force, which is manifested in systematic mass patrolling in disputed waters, tactics of coercion that below the threshold of provoking conflict.

The author examines a new stage of escalation of tensions caused by the US policy of the "return to Asia" .Particular attention is paid to the current round of the Sino-Philippine confrontation, provoked by the confrontational course of the current Philippine leadership. The Philippines, involving the United States and other allies in the defense of its claims in the SCS, contribute to the internationalization of the conflict.

The current situation in the South China Sea is characterized by a high degree of instability and the potential for explosive escalation, which creates serious risks for security in the Asia-Pacific region.

The author concludes that China has significantly strengthened its military-strategic capabilities in the South China Sea, while the United States is trying to maintain its influence and use the Philippines as a proxy ally. Beijing's long-term strategic goal is to weaken US influence in the region and secure its historical claims.

Keywords: China, South China Sea, Philippines, Vietnam, historical rights, militarization

Author: Ilia S. VINOGRADOV, Ph.D (History), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Science (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5572-3471; E-mail: vinbel19@mail.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No.FMSF-2021-0009 “Modern foreign policy of the PRC and interaction between the Russian Federation and the PRC in interstate, economic, other practical spheres and in the foreign policy sphere, including many factor formats (RIC, BRICS)”.

For citation: Vinogradov I.S. (2025). Strategiya Kitaya v Yuzhno-Kitajskom more: militarizaciya i otstaivanie istoricheskih prav [China's South China Sea strategy: militarization and upholding of historical rights], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 226—244. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.33.72.015.

Введение

Южно-Китайское море (далее — ЮКМ) — окраинное полузамкнутое море Тихого океана, площадью 3,5 млн кв км, расположенное между п-овом Индокитай и Малакка на западе, о-вами Лусон, Палаван на Востоке, побережьем южного Китая и Тайванем на севере и о-вом Калимантан на юге.

Геополитическое и экономическое значение ЮКМ велико по нескольким причинам. Традиционно воды ЮКМ используются странами региона как источники биоресурсов. Здесь добывают огромное количество рыбы (не менее 8 % объема мировой добычи). На шельфе имеются запасы нефти и газа. По данным службы энергетической информации США, в ЮКМ доказанные и вероятные запасы нефти оце-

ниваются в 11 млрд баррелей и природного газа в 190 трлн куб. футов (до 1 % и 3 % от мировых запасов нефти и газа соответственно)[1]. Однако *China National Offshore Oil Corporation* оценивает вероятные запасы углеводородов выше: нефти в 125 млрд баррелей и газа в 500 трлн куб. футов [Чжоу, с.103].

Куда более важным представляется геостратегическое значение моря. ЮКМ — это самая важная транспортная артерия мировой экономики. В стоимостном выражении через его воды проходит более 5 трлн долл перевозимых грузов ежегодно, или треть мировой торговли[2]. Вся торговля между Восточной Азией и соответственно Европой, Ближним Востоком, Южной Азией, Африкой проходит через ЮКМ. Например, с Ближнего Востока поступает около 50 % потребляемой в Китае нефти, в Японии этот показатель еще выше — более 90 %[3].

Отсюда вытекают риски в случае военного блокирования узких мест в ЮКМ. Прежде всего это касается самого удобного по логистике глубоководного Малаккского пролива. Это самый загруженный пролив в мире, через который ежедневно проходит более 200 судов с тенденцией к дальнейшему росту [Локшин, с.12].

Потенциальная блокировка пролива со стороны США всегда остро воспринималась в КНР, так как позволяет экономически придушить Китай в случае прямого военного столкновения. Председатель КНР Ху Цзиньтао в 2003 г. на заседании Центральной рабочей конференции по экономике впервые обозначил уязвимость Китая перед блокировкой Малаккского пролива. Стратегию по укреплению экономической безопасности продолжил Си Цзиньпин, обозначив ее как фундамент представленной им в 2014 г. Всеобъемлющей концепции национальной безопасности [Wong].

С военно-стратегической точки зрения для Пекина не менее важным представляется прорыв так называемой первой островной цепи, которая простирается от Японских островов, затем идет через Тайвань, Филиппины до Индонезии. Островные цепи — старая американская концепция эпохи холодной войны, предложенная в 1951 г. госсекретарем США А. Даллесом для сдерживания СССР и КНР.

---

[1] Contested areas of South China Sea likely have few conventional oil and gas resources // U.S. Energy Information Administration. 3.04.2013. URL: https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=10651 (accessed: 07.05.2025).

[2] Moulton T. Preventing War in the South China Sea // Official US Air Force Website. 01.08.2022. URL: https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/3111133/preventing-war-in-the-south-china-sea/ (accessed: 17.05.2025).

[3] ТАСС. 20.10.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/19069889 (дата обращения 06.01.2025).

После распада СССР в отношении КНР концепция продолжает работать. США посредством размещения своих военных баз и союзнических соглашений со странами на цепях сдерживания обладают возможностями блокирования КНР в пределах своих территориальных вод, тем самым добиваясь стратегического преимущества. Таким образом, проход через островные цепи подвергает корабли НОАК большим рискам.

Исторические права и самозахват островов

Акватория ЮКМ является зоной территориальных споров и взаимных претензий прибрежных государств. К спорным районам ЮКМ относятся: Парасельские острова (кит. Сиша) в северной части ЮКМ — предмет споров КНР и Вьетнама (Тайвань также заявляет де-юре свой суверенитет), де-факто острова контролирует КНР. Вторая, еще более острая зона противоречий — архипелаг Спратли (кит. Наньша), на который претендуют и частично контролируют КНР, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Тайвань. Отмель Скарборо (кит. Хуаняньдао) — предмет споров Китая и Филиппин. Также к спорным районам между КНР и Тайванем относятся отмель Маклсфилд (кит. Чжунша) к востоку от Сиша и небольшой атолловый архипелаг Пратас (кит. Дунша) к северо-востоку от Сиша, который контролирует Тайвань и соответственно КНР также включает его де-юре в свою территорию.

Сопутствующим предметов споров является проблема наложения и разграничения исключительных экономических зон (ИЭЗ) и континентального шельфа и в этом контексте в споре также участвуют Индонезия и Бруней.

Сами по себе острова ЮКМ по большей части представляют собой коралловые рифы и занимают малую площадь суши. Так, площадь Парасельских островов составляет 8 кв. км, а естественная площадь Спратли составляет всего лишь 5 кв. км. Подавляющее количество островов архипелагов ЮКМ лишены источников пресной воды и не пригодны для жизни без поддержания снабжения извне и скорее являются не островами, а скалами, и в юридическом смысле — без права установления вокруг них 200-мильной исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и границ шельфа [Локшин, с.13]. Впрочем, это не мешает прибрежным государством считать их полноценными островами и заявлять широкие претензии на акваторию вокруг них.

Конвенция о морском праве 1982 г. (UNCLOS), которую в том числе ратифицировала КНР в 1996 г., оговаривает 12-мильную зону суверенных территориальных вод вокруг скал и островов и 200-мильную ИЭЗ и до 350 миль зоны континентального шельфа со всеми вытекающими привилегиями по эксплуатации морских ресурсов и недр на шельфе. Таким образом, даже маленькие острова могут создавать вокруг себя приличную ИЭЗ.

Претензии Китая на воды ЮКМ самые масштабные. КНР обозначает их в виде U-образной линии, также известной как линия 9 пунктиров (во Вьетнаме ее иронично называют «бычий язык»), которая охватывает примерно 80 % акватории ЮКМ, накладываясь на ИЭЗ других прибрежных стран.

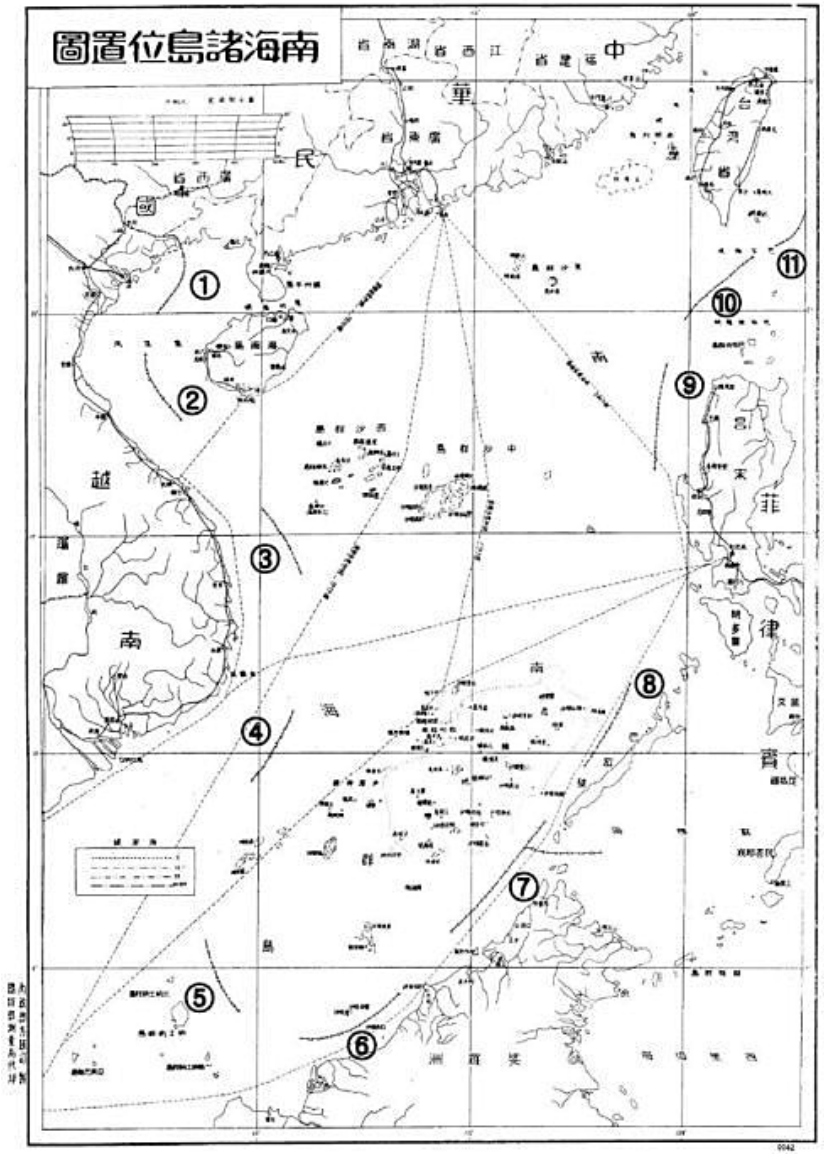
Свои притязания на острова и акваторию ЮКМ Китай подкрепляет множеством исторических фактов. Многочисленные исторические источники, на которые ссылается КНР, показывают, что китайцы со времен империи Хань имели представление об этом регионе, давали названия островам и даже в разные периоды включали их в свои юрисдикции[1].

После Второй мировой войны правительство Гоминьдана заявило о своих правах на острова в ЮКМ и в 1947 г. выпустило карту с U-образной линией-границей Китая из 11 пунктиров. В дальнейшем претензии Китайской республики в виде U-образной линии подхватила и стала использовать КНР. В 1952 г. количество пунктиров в линии было сокращено до девяти после переговоров КНР и Вьетнама по разграничению Тонкинского залива.

По Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Япония отказалась от занятых ею во время Второй мировой войны островов в ЮКМ, при этом не было определено в пользу кого, а требования Китая были отклонены. Таким образом, правовой вакуум по вопросу суверенитета над спорными островами привел к тому, что прибрежные государства стали прибегать к самозахвату островов.

После войны Китайская республика Чан Кайши, а затем и КНР, начали укреплять свои позиции в восточной части Парасельских островов. Франция вновь заняла некоторые острова Спратли и частично Парасельские острова, которые она занимала до японской оккупации, включая их в состав своей колонии Французский Индокитай. В 1956 г. Тайвань занял крупнейший остров на Спратли — Иту-Аба (кит. Тайпиндао).

[1] Renmin wang [People's Daily Online]. 24.05.2016. URL: http://world.people.com.cn/n1/2016/0524/c1002-28373150.html (accessed: 06.01.2025). (In Chinese).



Карта 1. Карта ЮКМ с 11-пунктирной линией притязаний Китая 1947 г.
Источник: Thim, M. Map of South China Sea claims. 21.08.2012. URL: https://taiwan-in-perspective.com/2012/08/21/map-of-south-china-sea-claims/ (accessed: 03.05.2025).

После Женевских соглашений 1954 г. и ухода французов из Индокитая уже войска Южного Вьетнама стали размещать свои гарнизоны на Парасельских островах и Спратли.

В 1974 г. КНР установила полный контроль над Парасельскими островами, вытеснив войска слабеющего Южного Вьетнама. В 1970—1980 гг. уже Филиппины, затем Малайзия стали предъявлять свои претензии и устанавливать контроль над Спратли. Китай позже других подключился к разделу Спратли и в 1988 г. после боестолкновений с армией Вьетнама занял рифы в центральной части архипелага (рифы Южный Джонсон, Огненный Крест, Суби, Гавен, риф Хьюза, Квартерон). В 1994 г. Китай захватил риф Мисчиф в ИЭЗ Филиппин.

В итоге на сегодняшний день Вьетнам занимает наибольшее количество островов и рифов на Спратли — 27 объектов, Филиппины контролируют 9, Китай — 7, Малайзия — 5 и Тайвань — 1. КНР также контролирует все Парасельские острова и отмель Скарборо[1].

В целом, ни у одной из сторон в ЮКМ нет общепризнанных доказательств исторически сложившегося суверенитета над островами. Решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге в 2016 г. по иску Филиппин подтвердило, что претензии КНР в пределах 9-пунктирной линии несостоятельны и кроме того — хозяйственная и военная деятельность Китая вокруг спорных рифов в пределах ИЭЗ других прибрежных государств ЮКМ нарушает их суверенные права и Конвенцию по морскому праву. Однако ту же 9-пунктурную линию Китай обосновывает исторической практикой, сложившейся до формирования современного морского права, тем самым ставя свои исторические права выше международного права.

Китай впервые юридически закрепил свои территориальные притязания в ЮКМ в Декларации о территориальном море 1958 г., в которой оговаривалась ширина территориального моря в 12 миль, и ее действие распространялось на прибрежные воды материковой части КНР, Тайвань и острова ЮКМ (Наньша, Сиша, Дунша, Чжунша).

В принятом ВНСП КНР в 1992 г. «Законе о территориальных водах и прилегающих к ним районах» Пекин установил режим территориальных вод на острова внутри 9-пунктирной линии. В законе оговаривалось, что в 12-мильной зоне от исходной линии иностранные суда должны полностью соблюдать законы КНР, а вход иностранных

[1] Statista. Nov 22, 2024. URL: https://www.statista.com/chart/33551/number-of-built-outpost-on-islands-rocks-and-reefs-in-the-south-china-sea/ (accessed: 09.05.2025).

военных судов должен быть одобрен правительством КНР[1]. Есть оценки, что Закон фактически обозначил твердую позицию Пекина в отстаивании своих исторических прав в рамках линии 9-ти пунктиров, а ЮКМ с тех пор стало превращаться во «внутреннее море» КНР [Дикарев, Лукин, с. 7]. При этом для зонирования прилегающих к островам ЮКМ вод КНР использует метод прямых исходных линий[2], что противоречит нормам международного морского права и допустимо лишь для государств-архипелагов.

В 2009 г. Пекин в официальной ноте в ответ на заявки Вьетнама, Малайзии и Филиппин в Комиссию ООН по разграничению континентального шельфа в ЮКМ вновь предъявил 9-пунктирную линию без обозначения географических координат, представляя ее как границу «исторического моря». При этом до конца не ясно, что Китай подразумевает под этой линией: признание вод ЮКМ внутри 9-пунктирной линии в качестве своих исторических территориальных вод или суверенитет над островами внутри этой линии.

Китайские эксперты, комментируя проблему этой линии, заявляют о 3 ее составляющих. Первая — это суверенитет над объектами внутри линии; вторая включает суверенную юрисдикцию Китая над водами, окружающими эти объекты в соответствии с Конвенцией по морскому праву 1982 г.; и третья, самая спорная составляющая, это особые «исторические права» в водах ЮКМ на рыболовство, судоходство и разработку ресурсов внутри этой линии. Последнее вызывает широкое поле для дискуссий и опасений прибрежных государств в отношении намерений Пекина[3].

Новый виток эскалации и милитаризация ЮКМ

Вплоть до 2010-х годов территориальный спор оставался вопросом регионального значения и теоретически сохранялась возможность договориться по разграничению ИЭЗ и совместному пользова-

[1] Zhonghua renmin gongheguo waijiao bu [Ministry of Foreign Affairs of PRC]. 9.10.2015. URL: https://www.mfa.gov.cn/diaoyudao/chn/flfg/zcfg/201510/t20151009_8560585.htm (accessed: 12.05.2025). (In Chinese).

[2] Обычно исходная линия — это линия наибольшего отлива вдоль берега, но в исключительных случаях проводятся прямые исходные линии, которые соединяют определенные точки на берегу, например, в случае сильной изрезанности берега или для государств-архипелагов. Внутри исходной линии находятся внутренние воды государства, где суверенитет государства равен суверенитету, который оно осуществляет на материке (*прим. авт.*).

[3] Global Times. 24.01. 2022. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246779.shtml (accessed: 09.05.2025).

нию ресурсов. Хорошим примером для этого стала договоренность Вьетнама и Китая в 2000 г. по разграничению акватории Тонкинского залива.

В 1990-е годы по инициативе Филиппин АСЕАН и КНР начали вести переговоры по разработке Кодекса поведения в ЮКМ. При этом сразу возникли трудности по определению географического охвата Кодекса: Китай был против включения в сферу действия Кодекса Парасельских островов, на чем настаивал Вьетнам. Кроме того, Вьетнам продвигает идею, что Кодекс может быть зарегистрирован в ООН и это придаст ему статус международного договора, что тоже пока не находит поддержки КНР.

В 2002 г. КНР и АСЕАН приняли промежуточный документ — декларацию о поведении сторон (DOC) в ЮКМ. Она провозгласила ряд мер доверия и обязательства сторон решать свои споры только мирным путем, не прибегая к силе. Как и всякая другая декларация, DOC 2002 была лишь политическим документом, давшим временное решение в тупиковой ситуации [Локшин, с.175]. В 2018 г. формально началась работа над Кодексом (которая непросто продвигается и доныне), хотя в силу антиномичности интересов стороны сосредоточились не на разрешении самого спора как такового, а на выработке мер по недопущению конфликтных ситуаций в спорных районах.

Новая эскалация напряженности началась в 2010-е годы. С началом президентства Б. Обамы США активизировали политику по «возвращению в Азию», нарастив дипломатические контакты со странами АСЕАН и укрепив военное сотрудничество с главными оппонентами Пекина по территориальным спорам — Филиппинами и Вьетнамом. В 2010 г. США обозначили намерение продвигать свободное судоходство в ЮКМ [Лексютина, с. 104]. Кроме того, в это же время в американской академической среде стала активно обсуждаться тема затяжной войны с КНР и возможности морской блокады страны [Mirski]. Все это было расценено в Пекине не иначе как попытка США окружить Китай, ограничить его оперативные возможности.

Ответом стала резкая активизация военной активности Китая в ЮКМ. В 2012 г. КНР осуществила захват отмели Скарборо в ИЭЗ Филиппин, и тем самым Пекин еще больше расширил свое присутствие в восточной части ЮКМ.

В 2012 г. состоялась торжественная церемония закладки города Саньша на острове Вуди (кит. Юнсин), Парасельские острова. Саньша стал городом окружного значения в составе провинции Хайнань. В административное подчинение Саньша входят острова Сиша, Наньша и Чжунша. Причем Чжунша — это часть банки Маклсфилд,

полностью погруженная под воду. 19 июля 2012 г. Центральная военная комиссия Китая официально приняла решение о создании военного командования в городе Саньша. По состоянию на 2020 г., на острове Юнсин проживало 1 тыс. человек. Всего Саньша насчитывает около 2,3 тыс. гражданского населения[1]. На острове Юнсин создается необходимая гражданская инфраструктура, осуществляются регулярные чартерные рейсы. В 2015 г. открылась самая южная в Китае школа[2]. Таким образом, Китай демонстрирует наличие гражданской жизни на островах ЮКМ, тем самым защищая свои позиции в деле отстаивания исторических прав.

Слабая реакция США на захват Скарборо вместе с иском Филиппин в Гаагский арбитраж в 2013 г. против действий Китая в ЮКМ только подтолкнули Пекин к дальнейшему наращиванию военной инфраструктуры в этом море.

С 2013 г. Китай приступил к масштабным мелиоративным работам по расширению территории контролируемых им островов в ЮКМ. Так, общая площадь 7 рифов КНР в Спратли к 2016 г. увеличилась до 13 кв. км, что в 2,5 раза превышает естественную площадь этого архипелага. На всех своих рифах в Спратли у КНР имеются постоянные гарнизоны. На искусственных островах создана необходимая военная инфраструктура, включая РЛС, зенитно-ракетные комплексы, вертолетные площадки, казармы, глубоководные порты, на рифах Огненный Крест, Суби, Мисчиф сооружены взлетно-посадочные полосы[3].

На Парасельских островах также имеется аэродром (о. Юнсин), и, по данным спутниковых снимков, в настоящее время там строится второй аэродром на о. Тритон.

Кроме того, с начала XXI в. на о. Хайнань, к востоку от г. Санья, Китай создал комплексную военно-морскую базу Юйлинь, где имеется сухой док и причал для авианосцев, подземная база для подводных лодок, противокорабельные и зенитные ракетные батареи. На Хайнани также располагаются 3 крупных военных аэродрома. В октябре 2024 г. на острове был проведен испытательный запуск МБР, которая преодолела расстояние в 11,7 тыс. км и упала в южной части Тихого

[1] South China morning post. 13.11.2024. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3286285/south-china-sea-beijing-updates-sansha-city-map-amid-flaring-tensions-over-disputed-islands (accessed: 26.05.2025).

[2] Xinhua wang [Xinhua news]. 24.04.2025. URL: http://www.news.cn/20250424/907a44b836164c828409a4279a3448fc/c.html (accessed: 26.05.2025). (In Chinese).

[3] China Island Tracker // The Asia Maritime Transparency Initiative and CSIS. URL: https://amti.csis.org/island-tracker/china/#Spratly%20Islands (accessed: 07.06.2025).

океана. Тем самым была продемонстрирована ракетная досягаемость территории США.

Согласно исследованию *Long Term Strategy Group*, консалтинговой компании, которая по заказу Минобороны США в 2022 г. провела анализ около 200 военных объектов КНР в ЮКМ, инфраструктура военно-морской базы Юйлинь оценивается более чем в 18 млрд долл., что сопоставимо со стоимостью объектов главной военной базы США на Тихом океане в Перл-Харборе[1].

Отдельным предметом беспокойства на Западе стала потенциальная возможность использования НОАК базы ВМС Камбоджи Реам, которую КНР ранее помогла модернизировать. Учитывая традиционные дружеские связи Пномпеня и Пекина и частые визиты кораблей НОАК в Реам, такая возможность в случае конфликта в ЮКМ выглядит вполне реальной, тем самым Пекин усиливает свое присутствие уже в Западной части ЮКМ.

Можно сказать, что Пекин создал своего рода морской укрепрайон в ЮКМ. Сооруженную КНР военную инфраструктуру трудно нейтрализовать, что в случае конфликта в ЮКМ или в Тайваньском проливе дает Китаю важные преимущества (например, при первом ракетном ударе), и это вызывает серьезное беспокойство в США.

С военной точки зрения контроль над судоходством в ЮКМ позволяет серьезно сковывать переброску военных кораблей противника между Индийским и Тихим океанами, а с учетом наличия военных баз США по всему Индо-Тихоокеанскому региону, это усложняет положение ВМС США.

США регулярно проводят операции по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations*, FONOP) и заходят в воды ЮКМ, которые КНР считает своими территориальными. Так, например, в мае 2024 г. в ходе FONOP американский эсминец «Хэлси» прошел вблизи Парасельских островов[2]. Такими действиями США показывают, что они не признают притязания КНР и отстаивают право мирного прохода.

На современном этапе для отстаивания заявленного суверенитета в ЮКМ Пекин эффективно применяет так называемую тактику «серой зоны», т. е. небоевое вытеснение нарушителей территориальных вод (с применением водометов, ослепляющих лазеров, тарана). Все

[1] Washington Post. 31. 10.2024. URL: https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2024/china-built-50-billion-military-stronghold-south-china-sea/ (accessed: 15.05.2025).

[2] Alarabiya news. 10. 05.2024. URL: https://english.alarabiya.net/News/world/2024/05/10/china-military-says-it-drove-away-us-destroyer-in-south-china-sea (accessed 23.04.2025).

это вызывает протест у прибрежных стран, но Китай таким образом отстаивает свои суверенные права. В распоряжении китайской береговой охраны (БО) — более сотни крупных кораблей, которые осуществляют беспрерывное патрулирование в ЮКМ. Кроме того в деле задержания нарушителей службе БО активно помогают отряды морских ополченцев КНР. Например, во время очередных столкновений с БО Филиппин у рифа Сабина в начале сентября 2024 г. филиппинской стороной было зафиксировано 207 китайских судов различных типов, осуществляющих патрулирование в восточной части ЮКМ[1].

Китайско-филиппинское противостояние и глобализация конфликта

Еще до недавнего времени казалось, что ситуация в ЮКМ и дальше будет иметь вялотекущий характер на фоне взаимных обвинений в обстановке неуклонного наращивании китайского военного присутствия, но без серьезной эскалации.

Ключевым событием стал «американский поворот» Филиппин после ухода с поста президента Р. Дутерте в конце 2022 г. Новый филиппинский президент Ф. Маркос-младший и филиппинская военная элита взяли курс на жесткое отстаивание своих требований на акваторию ЮКМ, укрепление союзнических отношений с США, привлечение других партнеров к совместному патрулированию в спорных водах и поддержание территориальных претензий Манилы.

В 2023 г. США и Филиппины заключили соглашение о доступе американских военных к четырем филиппинским военным объектам, помимо сохранения имеющегося доступа к другим пяти. В мае 2023 г. США и Филиппины договорились о новых руководящих принципах в рамках их Договора о взаимной обороне 1951 г., в которых конкретно упоминается, что обязательства по взаимной обороне будут распространяться на отражение вооруженных атак на филиппинские государственные суда, авиацию и вооруженные силы, в том числе на корабли береговой охраны где-либо в ЮКМ.

Кроме того, Маркос-мл. стал активно привлекать других союзников к военному сотрудничеству, прежде всего Японию и Австралию. В июле 2024 г. Япония и Филиппины подписали договор о взаимном доступе, позволяющий размещать войска для совместных военных

[1] Philippine News Agency. 10.09.2024. URL: https://www.pna.gov.ph/articles/1232992 (accessed 15.03.2025).

учений. В апреле 2024 г. Филиппины, США, Япония и Австралия провели первые совместные военно-морские учения в спорных водах, а в апреле 2025 г., Япония и Австралия присоединились к американо-филиппинским ежегодным учениям «Баликатан».

Филиппины, которые считались слабым звеном в островной цепи, имеют относительно неразвитые вооруженные силы (например, у Филиппин, в отличие от соседнего Вьетнама, отсутствует подводный флот, кроме того, у них сравнительно неразвитые ракетные войска и малочисленная боевая авиация[1]) и с конца XX в. они стали главным объектом китайского силового давления в ЮКМ. Однако политика Маркоса, направленная на укрепление военного сотрудничества с США и милитаризацию с целью противостояния экспансии Китая в ЮКМ, в каком-то смысле повышает обороноспособность Филиппин, но при этом несет серьезные риски для самих Филиппин, так как делает их территорию военной целью в случае горячей фазы конфликта.

В 2024 г. США развернули на Филиппинах ракетные установки «Тайфун», способные доставлять крылатые ракеты «Томагавк» как до крупнейших военных баз КНР на островах Спратли, так и до континентальной территории КНР, что вызвало обеспокоенность и осуждение со стороны Пекина.

В настоящее время Филиппины стараются усилить свои военные возможности. Так, в январе 2024 г. Маркос утвердил Программу *Re-Horizon-3*, которая предполагает выделение 35 млрд долл. в течение 10 лет для повышения обороноспособности страны. В частности, ведется строительство аэродромов на острове Титу в Спратли и на острове Балабак в восточной части ЮКМ. По данным *Bloomberg,* Балабак может использоваться в качестве одного из четырех новых объектов, к которому американские военные способны получить доступ в соответствии с соглашением об обороне[2].

В ноябре 2024 г. появились сообщения, что на филиппинском острове Палаван была развернута оперативная группа «Аюнгин» ВС США с целью разведки и мониторинга ситуации в ЮКМ.

---

[1] Однако с приходом Маркоса филиппинское военное руководство стало заявлять о намерениях приобрести несколько подводных лодок и увеличить арсенал противокорабельных ракетных систем. В 2024 г. Индия поставила на Филиппины первую партию сверхзвуковых ракет Брамос, а в начале 2025 г. США одобрили продажу Филиппинам 20 истребителей F-16 (*прим. авт.*)

[2] Bloomberg. 18.07.2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-07-18/philippines-to-develop-airport-in-south-china-sea-island (accessed: 15.03.2025).

Размещение военных объектов США на территории Филиппин, выходящей на спорную акваторию ЮКМ, или на севере острова Лусон в близости от Тайваньского пролива дает США возможность использовать территорию Филиппин для участия в двух потенциальных конфликтах: в ЮКМ и вокруг Тайваня [Мосяков, с. 212].

Согласно своей новой концепции обороны архипелага, Филиппины наращивают силы патрулирования в спорных водах с обеспечением прозрачности всех инцидентов в ЮКМ. Все это неизбежно приводит к столкновениям с БО КНР.

С 2023 г. между БО Китая и Филиппин происходили непрерывные стычки у Второй отмели Томаса (кит. Жэньай Цзяо) в Спратли, где Филиппины в 1999 г. намеренно посадили на мель старый корабль *Sierra Madre* и разместили там аванпост с целью распространить свой суверенитет на эту территорию. Ситуация достигла пика 17 июня 2024 г., когда китайская БО протаранила филиппинское судно, двигающееся к *Sierra Madre* с целью ротации и пополнения запасов, и, как утверждает филиппинская сторона, китайские моряки поднялись на судно, разбили все оборудование, изъяли оружие и даже серьезно ранили одного из филиппинских моряков. По мнению китайской стороны, Филиппины на самом деле пытаются доставить на данное судно строительные материалы с целью укрепления *Sierra Madre*, что недопустимо.

Во избежание подобного рода инцидентов в июле 2024 г. стороны приняли «предварительное соглашение» о сокращении числа столкновений и создании «горячей линии» без разъяснения подробностей. Комментируя ситуацию вокруг *Sierra Madre* и «предварительного соглашения», представитель МИД КНР на очередном брифинге в апреле 2025 г. отметил, что «заземлив» корабль на Жэньай Цзяо на длительный срок Филиппины нарушают суверенитет КНР, поэтому Китай требует, чтобы Филиппины отбуксировали корабль. Однако прежде чем Филиппины это сделают, Китай в рамках «предварительного соглашения» готов разрешить Филиппинам перевозить на *Sierra Madre* предметы первой необходимости из гуманитарных соображений при условии, что Филиппины заранее уведомят об этом Китай и поставки будут проверены на месте. При этом Китай в соответствии с законами и правилами будет решительно пресекать попытки Филиппин по перевозке строительных материалов с целью создать там постоянный аванпост. Как отметил представитель МИД КНР, на данный момент филиппинская сторона выполняет требования КНР и уже провела семь миссий гуманитарного снабжения под контролем

КНР[1]. В свою очередь, Филиппины, чтобы снизить напряженность, пока отклонили предложения США о содействии в операциях снабжения в ЮКМ.

Кроме того, КНР оставляет за собой возможность масштабного строительства искусственного острова на Скарборо, что в случае размещения там военных объектов может создать прямую угрозу филиппинской столице, расположенной в 400 км от рифа.

Даже несмотря на временные мирные договоренности, «ползучая экспансия» Китая продолжается и уже в сентябре 2024 г. китайские корабли БО вынудили филиппинских военных покинуть риф Сабина восточнее Второй отмели Томаса, а в апреле 2025 г. китайская БО установила флаг на рифе Сэнди Кэй, который расположен в нескольких километрах от острова Титу — важного военного форпоста Филиппин на Спратли[2].

В отличие от филиппинского случая, по поводу деятельности Вьетнама КНР старается не нагнетать атмосферу. Вьетнам, в свою очередь, сохраняет дистанцию в отношениях с США и не прибегает к открытой конфронтационной тактике. Вьетнам (как и Малайзия) оставляет без внимания и провокационные инициативы Маркоса подписать отдельный Кодекс поведения сторон в ЮКМ без КНР. В ходе встречи президента СРВ То Лама с Си Цзиньпином в августе 2024 г. в Пекине стороны обсудили вопросы поддержания мира и стабильности на море, а также развития здоровых, стабильных и долгосрочных отношений между Вьетнамом и Китаем.

Тем не менее, периодически фиксируются случаи задержания и выдворения китайской береговой охраной вьетнамских рыбаков в ЮКМ. В июне 2024 г. Центр стратегических и международных исследований США опубликовал доклад, где сообщалось, что Вьетнам в 2024 г. значительно активизировал земельные работы на своих островах в Спратли (хотя и в меньших масштабах, чем это ранее делала КНР, милитаризуя острова), включая создание глубоководных гаваней и военной инфраструктуры, а также аэродром на рифе Барк Канада[3].

---

[1] Xinhua. 24.04.2025. URL: https://english.news.cn/20250424/a61d200ebeb140d6a61d7a0ed88e2ec5/c.html (дата обращения: 06.06.2025).

[2] РБК. 26.04.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/26/04/2025/680d32e89a79473bde44775b (дата обращения: 15.03.2025).

[3] CSIS. 07.06.2024. URL: https://amti.csis.org/hanoi-in-high-gear-vietnams-spratly-expansion-accelerates/ (дата обращения: 15.03.2025).

Заключение

Помимо давней проблемы территориальных споров между прибрежными государствами, регион ЮКМ в силу высокого геостратегического значения стал ареной борьбы за глобальное влияние. Милитаризация ЮКМ со стороны КНР серьезно изменила геостратегический ландшафт в регионе.

Китай значительно расширил свои возможности по контролю над судоходством в ЮКМ. Искусственные острова с военной инфраструктурой (которые фактически стали «непотопляемыми авианосцами») в отдаленных частях ЮКМ позволяют ему держать крупные силы на подходах к проливам, развертывать разведывательные системы.

Можно предположить, что КНР стремится на определенном этапе окончательно утвердить свои права на оспариваемые территории вследствие невозможности других участников спора сравняться по военной мощи с КНР. Причем физический захват Китаем всех остров Спратли по такой логике развития событий не обязателен, достаточно установить контроль над большей части акватории ЮКМ и что еще более важно — подорвать традиционный авторитет США в регионе, при этом избежав открытого силового столкновения.

Как отмечал крупный отечественный вьетнамист Г.М. Локшин, напряженность между великими державами в ЮКМ демонстрирует пример того, как старый лидер в лице США пытается всеми силами сохранить свои позиции и правила игры, а молодой лидер КНР стремится занять его место [Локшин, с. 195].

Очевидно, что на нынешнем этапе США, используя Филиппины как добровольного прокси-союзника, стремятся укрепить первую островную цепь сдерживания Китая, при этом провоцируя КНР на опасную эскалацию.

Конфронтационная политика руководства Филиппин с курсом на милитаризацию и сколачиванием квазиальянсов в ЮКМ вызывает крайне негативную реакцию КНР. Пекин стал жестче реагировать на филиппинские гарнизоны в ЮКМ, что показали инциденты 2024 г. у Второй отмели Томаса и рифа Сабина.

Как уже заявлял президент Маркос, смерть любого филиппинского военнослужащего в случае агрессии со стороны «иностранной державы» в ЮКМ будет достаточным основанием для применения договора о взаимной обороне с США[1], что делает ситуацию в ЮКМ

[1] SCMP. 16.04.2024. URL: https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3259213/philippines-marcos-jnr-says-any-filipino-death-due-foreign-power-could-activate-defence-treaty-us?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (accessed 15.03.2024)

непредсказуемой и взрывоопасной. При этом представители администрации президента Д. Трампа уже заявляли о нерушимой приверженности США альянсу с Филиппинами[1].

Библиографический список

Дикарев А.Д., Лукин А.В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 2. С. 5—15. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-2-5-15.

Лексютина Я.В. Нюансы политики администрации Б. Обамы в Азиатско- Тихоокеанском регионе и интересы Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 3. С. 103—109.

Локшин Г.М. Южно-Китайское море: поиск согласия продолжается: Избранные труды. М.: ИКСА РАН, 2024. 271 с.

Мосяков Д.В. Разворот политики Филиппин в 2023 Г. — от поиска компромиссов с Китаем до эскалации напряженности и военного противостояния в Индо-Тихоокеанском регионе // Восточная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 208—233. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-01-208-233

Чжоу С. Позиция Китая по вопросу Южно-Китайского моря: от поддержания стабильности к защите прав // Международные отношения. 2024. № 1. С. 101—112. DOI:10.7256/2454-0641.2024.1.70153.

References

Dikarev, A.D.; Lukin, A.V. (2021). Podhod KNR k territorial'nym sporam v Yuzhno-Kitajskom more i vneshnyaya politika Rossii [The PRC's approach towards the South China Sea territorial dispute and Russia's foreign policy], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]:65: 2:* 5—15. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-5-15. (In Russian).

Leksyutina, Ya.V. (2012). Nyuansy politiki administracii B. Obamy v Aziatsko-Tihookeanskom regione i interesy Kitaya [Nuances of B. Obama administration's policy in the Asia-Pacific region and China's interests], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya [Herald of Saint Petersburg State University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relations]:* 3: 103—109. (In Russian).

Lokshin, G.M. (2024). Yuzhno-Kitajskoe more: poisk soglasiya prodolzhaetsya: Izbrannye Trudy [The South China Sea: The Search for Harmony Continues. Selected Works], Moscow: ICCA RAS, 271 p. (In Russian).

[1] SCMP. 23.01.2025. URL: https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3296014/how-ironclad-us-commitment-philippines-analysts-say-it-all-depends-trump (accessed 15.03.2024)

Mosyakov, D.?V. (2024). Razvorot politiki Filippin v 2023 G. — ot poiska kompromissov s Kitaem do eskalacii napryazhennosti i voennogo protivostoyaniya v Indo-Tihookeanskom regione [The reversal of Philippine policy in 2023 — from the search for compromise with China to the escalation of tension and military confrontation in the Indo-Pacific region], *Vostochnaya analitika [Eastern Analytics]*, 15(1): 208—233. DOI: 10.31696/2227—5568- 2024-01-208-233. (In Russian).

Zhou X. (2024). Poziciya Kitaya po voprosu Yuzhno-Kitajskogo morya: ot podderzhaniya stabil'nosti k zashchite prav [China's position on the South China Sea issue: from maintaining stability to protecting rights], *Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]:* 1: 101—112. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.1.70153. (In Russian).

* * *

Mirski S. (2013). Stranglehold: The Context, Conduct and Consequences of an American Naval Blockade of China, *Journal of Strategic Studies*, 36(3): 385—421. DOI: 10.1080/01402390.2012.743885.

Wong A. (2024). China's Perspective on Economic Security, *The Korea Economic Institute of America*, Jan 4. URL: https://keia.org/publication/chinas-perspective-on-economic-security/ (accessed: 7 May, 2025).

Поступила в редакцию: 19.05.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: May 19, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.81.58.016

Е.И. Сафронова

ОБ АФРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена общим осложнением международной обстановки, включая африканских континент, и связанной с этим необходимостью проанализировать характер реагирования на него со стороны Китая — одной из ведущих держав мира, позиция которой способна влиять на международные отношения как на региональном, так и глобальном уровнях.

В последние годы безопасность многих африканских государств подвергалась жестким вызовам ввиду усугубления их социально-экономического положения, связанного с неустойчивостью государственно-административных институтов, ростом вооруженного бандитизма, терроризма и других транснациональных угроз, с которыми сталкивается Африка, особенно в последние годы. Например, в ответ на военные действия в секторе Газа хуситы (исламистские повстанцы в Йемене) атакуют не только объекты в Израиле, но и суда других стран в Красном море. Это обостряет необходимость новых превентивных мер от Аденского залива вплоть до Суэцкого канала, и, несомненно, сказывается на особенностях африканской стратегии безопасности КНР, имеющей серьезные политико-экономические интересы по всей Африке.

В статье характеризуются три уровня стратегии безопасности КНР на континенте — многосторонний, двусторонний и односторонний и отмечается роль Форума сотрудничества «Китай—Африка» *(FOCAC)* в деле поддержания безопасности в африканском регионе. Также автор перечисляет практические направления африканской безопасосберегающей стратегии Пекина: развитие комплексного оборонного сотрудничества, расширение поставок вооружений, раз-

мещение на континенте китайского частного сектора безопасности и инициирование совместных маневров. В статье также рассматривается роль Джибути как субъекта оборонной активности КНР.

Автор приходит к выводу, что Китай посылает миру явный сигнал о его готовности, по меньше мере на региональном уровне, взять на себя новую и весьма ответственную и почетную миссию — исполнять функции деятельной державы — «агента» безопасности, а не только авторитетного экономического партнера.

Ключевые слова: Китай, Африка, международная обстановка, угрозы безопасности, Форум сотрудничества «Китай—Африка».

Автор: *Сафронова Елена Ильинична*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381.
E-mail: safronova@iccaras.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Сафронова Е.И. Об африканской политике Китая в сфере безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 245—259. DOI: 10.48647/ICCA.2025.81.58.016.

E.I. Safronova

On China's African security policy

Abstract. The relevance of the article is due to the general complication of the international situation, including the African continent, and the related need to analyze response to it of China — one of the world's leading powers, whose stance is capable of influencing international relations at both the regional and global levels.

In recent years, the security of many African States has been subjected to severe challenges due to the worsening of their socio-economic situation related to the instability of State and administrative institutions, the growth of armed banditry, terrorism and other transnational threats facing Africa, especially in recent years. For example, in response to the military actions in the Gaza Strip, the Houthis (Islamist rebels in Yemen) are attacking not only facilities in Israel, but also ships of other countries in the Red Sea. This exacerbates the need for new preventive measures from the Gulf of Aden all the way to the Suez Canal, and undoubtedly affects the specifics of China's African security strategy, because the PRC has serious political and economic interests throughout Africa.

The article describes three levels of China's security strategy on the continent: multilateral, bilateral and unilateral, and highlights the role of the Forum of China-Africa Cooperation (FOCAC) in maintaining security in the African region. The author also lists the practical directions of Beijing's African security-saving strategy: development of integrated defense cooperation, expansion of arms supplies, deployment of the Chinese private security sector on the continent and initiation of joint maneuvers. The article also examines the role of Djibouti as a subject of Chinese defense activity.

The author concludes that China is sending a clear signal to the world that it is ready, at least at the regional level, to assume a new and very responsible and honorable mission — to operate as an active security "agent" power, and not just as an authoritative economic partner.

Keywords: China, Africa, international situation, security threats, China-Africa Cooperation Forum.

Author: Elena I. SAFRONOVA, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4256-2381.
E-mail: safronova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Safronova E.I. (2025). Ob afrikanskoj politike Kitaya v sfere bezopasnosti [On China's African security policy], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 245—259. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.81.58.016.

Введение

В последние годы стабильность и безопасность во многих африканских государствах подверглись жестким испытаниям ввиду усугубления социально-экономической обстановки, связанного с неустойчивостью государственно-административных институтов, ростом вооруженного бандитизма, терроризма и других транснациональных угроз. Одним из последних вызовов, брошенных Ближнему Востоку и Северо-Западной Африке, является активизация хуситских группировок (исламистских повстанцев в Йемене), совершающих нападения на суда в Красном море в ответ на военные действия в секторе

Газа. Это обостряет необходимость новых превентивных мер в Аденском заливе вплоть до Суэцкого канала и сказывается на китайской тактике и стратегии безопасности на африканском континенте.

Некоторые характеристики стратегии Китая

Китай реализует свою стратегию безопасности на многостороннем, двустороннем и одностороннем уровнях.

Многосторонний уровень является наиболее рельефным. Он охватывает деятельность по коллективному миротворчеству и борьбу с пиратством. Эта активность экономически рентабельна и политически нейтральна. Она фундируется международными мандатами, что дает Китаю возможность легально иметь военизированный контингент в нестабильных странах, получающих его инвестиции, в частности по линии Инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Кроме того, миротворческая деятельность благоприятствуют международному имиджу Китая, знаменуя собой серьезный сдвиг в позиции страны, которая некогда отвергала операции по принуждению к миру, считая их «инструментами западного империализма». Китай меняет подходы, осознав, что многосторонние акции способствуют опыту оперативной совместимости, совершенствованию боевых возможностей, ситуативной осведомленности и расширяют его права в сфере международной безопасности [Nantulya Paul].

Двусторонние и односторонние обязательства Китая в области африканской безопасности прослеживаются посредством многочисленных механизмов Форума сотрудничества «Китай—Африка» *(FOCAC)*. Так, Фонд мира и безопасности «Китай—Африка» *(CAPSF)* фокусируется на потенциальных возможностях резервных сил Африканского союза, которые могли бы использоваться совместно с Китаем для поддержания общей безопасности, когда эти силы будут полностью функциональными.

НОАК сформировала собственный резервный контингент в 8 тыс. человек, который она предоставила в распоряжение ООН для быстрого развертывания в кризисных ситуациях в регионе. Фонд мира и безопасности «Китай—Африка» *(CAPSF)* и Форум безопасности и правопорядка «Китай—Африка» *(CASLF)* призваны усилить партнерский потенциал для защиты общих интересов, включая как людей, так и созданную Китаем критически важную инфраструктуру и активы. На это нацелено около 50 программ, от обучения кадров и обеспечения правопорядка до разведки[Nantulya Paul].

Обмены по линии военных ведомств наряду с политическими обменами являются важным двусторонним инструментом. Они проводятся военными академиями и училищами для повышения оперативной совместимости и подготовки будущих командиров. Страновые программы НОАК направлены на углубление скоординированности и передачу технических навыков [Ibidem].

Африканская стратегия Пекина в области безопасности выстраивается по трем практическим направлениям:

- расширение поставок вооружений;
- развитие оборонного сотрудничества (в частности путем подготовки африканских кадров и взаимных межведомственных консультаций) как с традиционными, так и новыми партнерами;
- размещение на континенте китайского частного сектора безопасности.

Еще одним, сравнительно новым направлением является организация совместных маневров. Так, учения *Peace Unity* — контртеррористические маневры с Танзанией и Мозамбиком, проведенные в 2024 г., ознаменовали собой попытку придать весомую и устойчивую основу военной дипломатии Пекина в Африке. Эти учения способствуют не только большей координации стран-участниц в сфере безопасности, но и наращиванию продаж китайской военной техники, проявившей себя по ходу маневров.

Во время саммита Форума по сотрудничеству «Китай—Африка» (FOCAC) в сентябре 2024 г. (Пекин) КНР пообещала выделить Африке более 50 млрд долл. в течение следующих трех лет на цели экономического развития и взаимодействия с КНР, из которых 140 млн долл. будут направлены на сотрудничество в сфере безопасности: на подготовку 6 тыс. военнослужащих и 1 тыс. сотрудников правоохранительных органов, а также на обучение 500 молодых африканских офицеров в Китае. Пекин расценивает сферу подготовки иностранных военнослужащих как возможность продвигать свою модель военного управления и добиваться большего сближения концепций безопасности сторон. Кроме того, Пекин усматривает в оборонном сотрудничестве и средство демпфирования политики сдерживания Китая со стороны Запада[1].

[1] Nyabiage Jevans. Security and finance headline China's pledges to Africa at FOCAC Summit // South Cghina Morning Post. 19.04.2025. URL:https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3307155/how-china-filling-weapons-supply-gap-africas-sahel-left-france-and-russia?module=perpetual_scroll_1_AI&pgtype=article (accessed: 30.04.2025).

Эта деятельность Китая приносит плоды: несколько ведущих африканских военачальников получили подготовку в КНР. А построенный Китаем военно-учебный центр в Танзании сигнализирует не только о росте военного присутствия Поднебесной в стране, но и о вероятных намерениях расширить это присутствие за пределы Танзании [Arduino, A., 2024].

В последние годы заметно выросли поставки китайского оружия в Африку. По объему они превзошли поставки России — исторического лидера в этой сфере. Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира *(SIPRI),* Китай в настоящее время стал крупнейшим экспортером вооружений в страны Африки к югу от Сахары: на его долю приходится 19 % военных закупок региона (приводится по [Arduino A., 2024]). Этот рост объясняется не только необходимостью отвечать на угрозы безопасности, но и удачным сочетанием конкурентоспособности цен на китайские вооружения и способности Пекина поощрять закупки путем их целевого кредитования. Кроме того, Китай оперативно занимает освобождающиеся «ниши» в товарообороте вооружений. Так, во франкоязычной Африке причудливое сочетание санкций против России при параллельных антифранцузских настроениях неожиданно создало «лакуну» на рынке безопасности, которую Пекин поспешил заполнить.

Китай вступает в передел торговли оружием в некоторых частях Сахеля, поскольку власти ряда его стран разрывают связи с бывшей метрополией — Францией. Среди покупателей китайских вооружений — военная администрация Буркина-Фасо, которая, согласно данным *SIPRI*, только в 2024 г. получила от Китая 116 бронетранспортеров и 6 штурмовых машин[1].

Растущий интерес Буркина-Фасо к китайскому оружию обусловлен интересами ее властей к диверсификации партнеров по безопасности. Когда в 2022 г. капитан Ибрагим Траоре (ныне — президент Буркина-Фасо) совершил переворот, в результате которого французские войска были изгнаны из этой западноафриканской страны, провалив к тому же операцию «Бархан» — контртеррористическую миссию Парижа в Сахеле, вопрос о расширении круга поставщиков обрел особую остроту. Последняя поставка оружия из Франции — 6 бронемашин *Bastion* — имела место в 2019—2020 гг.

Все это дало возможность крупнейшему китайскому производителю оружия *China North Industries Group Corporation,* или *Norinco,* рас-

[1] Nyabiage Jevans. Op. cit.

ширить свое присутствие в Западной Африке, в частности через торговые представительства в Нигерии и Сенегале[1]. В январе 2025 г. Буркина-Фасо получила большое количество бронетехники от *Norinco*.

Кроме того, в сентябре 2024 г. военные власти Мали, где китайская компания *Ganfeng Lithium* имеет в собственности завод по переработке лития, подписали соглашение с *Norinco* на поставку военного оборудования, обучение кадров и передачу технологий в ключевых областях обороны для усиления борьбы с терроризмом.

(Китай также намеревается углубить свои военные связи с Нигером, где у КНР имеются серьезные нефтяные и урановые интересы.)

Переговоры с *Norinco* Нигерии о локализации производства оружия также вносят вклад в усиление влияния Пекина в сфере африканской безопасности. Нигерия стремится повысить свой военный потенциал за счет китайских технологий и производительного капитала[2].

Итак, к началу 2024 г. поставляли оружие государствам Южной Африки 38 государств. На Китай (основной поставщик), как уже отмечалось, приходится 19 % общего объема экспорта оружия в этот регион [Wezeman P.]. КНР имеет реальную возможность и далее увеличивать свою долю рынка, поскольку она не только предлагает широкий ассортимент оружия приемлемого соотношения «цена-качество», но и поддерживает устойчивые политические и экономические связи с большинством африканских стран. Кроме того, Пекин не предъявляет политических требований и претензий к странам-партнерам, в частности по чувствительной проблеме прав человека в африканских государствах.

Помимо наземных вооружений Китай может расширить поставку в Африку и истребителей, ведущим экспортером которых еще недавно была Россия. В 2023 г. Россия по понятным причинам сократила экспорт вооружений в Африку, показав спад продаж на 53 % [Ramani, S.]. Однако РФ сохраняет свою привлекательность как экспортер оборонной техники. Весьма ценятся и качество ее продукции, и уровень обучения, предлагаемого ее военными инструкторами, а также сама надежность соглашений с РФ, включая сферу безопасности. На саммите «Россия—Африка» в июле 2023 г. в Санкт-Петербурге Президент В.В. Путин заявил, что Россия заключила более 40 воен-

[1] Ibidem.

[2] South China Morning Post. 19.04.2025. URL:https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3307155/how-china-filling-weapons-supply-gap-africas-sahel-left-france-and-russia?module=perpetual_scroll_1_AI&pgtype=article (accessed: 30.04.2025).

но-технических соглашений с африканскими странами[1], которые охватывают борьбу с терроризмом, безопасность на море и подготовку кадров для полиции. Это сохраняет базу для возобновления масштабных продаж российского оружия в регион.

Растущая заинтересованность Китая в присутствии в сфере африканской безопасности вызвана прежде всего расширением экономической активности страны в регионе. В одной из своих оценок глобальных рисков Китайская академия общественных наук отметила, что 84 % инвестиций Китая в Инициативу «Пояс и путь» приходится на страны, ситуация в которых характеризуется средним и высоким уровнем риска (приводится по [Nantulya Paul]).

В Африке работают более 10 тыс. китайских фирм, ежегодно производящих стоимость, превышающую 40 млрд долл. в одном только строительстве. Со времени создания *FOCAC* в 2000 г. более миллиона китайцев выбрали Африку в качестве места постоянного проживания, а еще 200 тыс. ежегодно отправляются туда на работу [Ibidem]. И китайских граждан, и собственность КНР необходимо защищать.

В Китае принят «Закон о внешних связях КНР», согласно которому Пекин будет осуществлять легальные меры для «защиты безопасности, прав и интересов китайских граждан и организаций за границей», а также для защиты зарубежных интересов КНР от любых угроз (приводится по [Виноградов А.О., Трощинский П.В., Мамыкин И.К.]). Однако пока НОАК не наделяется дополнительными силовыми полномочиями, выходящими за общепринятые рамки резолюций ООН. Это можно объяснить нежеланием Китая предстать в качестве агрессивной силы, подобной «империалистической и гегемонистской державе». Кроме того, по мнению Академии военных наук КНР, зарубежные экспедиционные возможности Китая ныне видятся «недостаточными» для защиты зарубежных интересов страны (приводится по [Nantulya Paul]).

Пока численность войск НОАК в Африке меньше, чем у других крупных государств, таких как Франция и США, однако в Пекине звучат призывы к большему военному присутствию в регионе. В течение последних двух десятилетий в китайские документы оборонной тематики просачиваются призывы к «глобализованной позиции безопасности», отвечающей интересам КНР как мировой державы (世界强国, shìjiè qiángguó) (приводится по [Nantulya Paul]).

[1] Путин рассказал о соглашениях со странами Африки по линии ВТС // Российское информационное агентство. 28.07.2023. URL: https://ria.ru/20230728/afrika-1886802444.html?ysclid=mab3yt5b7u640963357 (дата обращения: 30.04.2025).

Китайские частные охранные компании в Африке: почему это важно

Сейчас, когда НОАК находится в Африке в режиме оперативного самоограничения, некоторые ее функции стараются взять на себя китайские частные охранные компании (ЧОК), расширяющие свое присутствие на континенте.

Официальный Китай усматривает полезность частных охранных фирм в деле поддержания тактической безопасности. Вспышки насилия и террористическая экспансия от Сахеля до Сомали ставят китайский персонал и инвестиции в весьма уязвимое положение.

Китайским ЧОК удается найти прибыльную нишу на африканском рынке: они охраняют строительные площадки, защищают порты, нефте- и газопроводы, а также высокопоставленный персонал, обеспечивают операции по вооруженному сопровождению судов на море.

Все большее число из 4 тыс. лицензированных китайских охранных предприятий находят применение в Африке, негласно сотрудничая с местными службами. Китайские производственные компании тратят около 10 млрд долл. в год на безопасность, и эта сумма вероятно будет расти по мере увеличения числа инцидентов, связанных с необходимостью защиты китайских интересов [Nantulya Paul].

Спрос на китайские службы безопасности, частные или же официально привлеченные по просьбе или с согласия африканских властей, вызван не только необходимостью охраны объектов ИПП. Рост числа китайских ЧОК происходит и по мере того, как Пекин увеличивает свои инвестиции в «индивидуальные» инфраструктурные проекты по всему континенту, в частности в горнодобывающем секторе. К тому же, в таких ресурсно богатых странах, как Демократическая Республика Конго, Судан и Южный Судан, продолжающиеся политические беспорядки обостряют нехватку государственных мер безопасности, которую нужно восполнять.

Интересы китайского частного сектора безопасности в Африке диктуют необходимость создания юридической основы для его деятельности. Китайские охранные фирмы сталкиваются с той же проблемой, что и их западные аналоги: они зачастую действуют без прочной нормативной базы. Это, среди прочего, обостряет вопрос о «персональной» ответственности за безопасность в Африке [Ibidem].

Логично было бы для сторон договориться о «типовых» кодексах поведения ЧОК, надзоре над ними, об их управлении и координации.

Усиление контроля над сектором важно и для предотвращения произвола со стороны самоорганизующихся нерегулируемых охранных компаний.

Отсутствие юридических норм чревато негативными побочными эффектами и в том плане, что частные охранные компании могут злоупотреблять полномочиями и вообще стать неконтролируемыми. Это скажется на их восприятии населением Африки и даже на результативности Инициативы «Пояс и путь».

Частные охранные компании не являются новым явлением для Африки. В разные периоды в регионе действовали наемники из Великобритании, Франции, Германии, ЮАР, Ирландии, Италии. Но репутация китайских частных компаний в Африке все еще находится на стадии становления. Однако некоторые успехи у них уже есть: их функционал расширяется от обеспечения безопасности людей и объектов до ведения высокотехнологичных рекогносцировочных работ.

Не имея системы двусторонних договоров с принимающими странами по ЧОК, китайское правительство, тем не менее, разработало комплекс правил безопасности для своих компаний, действующих за пределами страны. Они подробно описаны в «Руководстве по управлению безопасностью для компаний, учреждений и персонала, финансируемых Китаем» (2018)[1].

В документе изложены требования к уровню подготовки, к оценке безопасности и процедурам снижения рисков. Например, компании должны предоставить китайскому правительству оценки рисков, прежде чем получить разрешение инвестировать за рубеж. В нем также рассматриваются процедуры обмена данными и отчетности о ситуации на местах в сфере безопасности.

Эти руководящие установки были позитивно встречены десятками китайских частных охранных компаний, уже работающих за рубежом. Но еще предстоит узнать, как будут обеспечены интересы примерно 10 тыс. китайских бизнес-структур, намеревающихся работать в Африке и пока не обладающими достаточными знаниями о международных требованиях безопасности.

Деликатность ситуации может заключаться и в том, что китайские охранные компании, даже частные, традиционно находятся

---

[1] 境外中资企业机构和人员安全管理指南, Jìng wài zhōngzī qiyè jīgòu hé rényuán ānquán guanli zhinán [Руководство по управлению безопасностью для компаний, учреждений и персонала, финансируемых Китаем]. URL: http://images.mofcom.gov.cn/hzs/201803/20180323112639296.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

под пристальным вниманием государства и посему они способны послужить механизмом политического давления КНР на страны-реципиенты, и это может вызвать негативную реакцию последних [Arduino A., 2022].

Джибути — африканский форпост безопасности Китая?

Географически Джибути занимает положение исключительной геополитической ценности. Страна находится недалеко от Баб-эль-Мандебского пролива, важного морского прохода, соединяющего Красное море с Аденским заливом и Индийским океаном, обеспечивающего почти 12 % мировой торговли.

Благодаря своему стратегическому положению, а также «лабильной» внешней политике, Джибути является единственным государством в мире, допустившим одновременное размещение на своей территории китайских и американских военных баз, а также подразделений испанских, французских, итальянских, немецких и саудовских ВС. Здесь находится и единственная за пределами Японии японская военная база. Кроме того, будучи единственной постоянной военной базой США в Африке, Джибути служит «хабом» военного планирования Вашингтона во всем регионе, включая Персидский залив. США ежегодно выплачивают 60 млн долл. за базу в Джибути, аналогичные суммы выплачиваются и европейскими странами. Но именно Китай, обладая особыми финансовыми возможностями и мотивацией, лидирует в деле инвестирования в инфраструктурные и иные экономические проекты, существенно изменяя баланс сил вокруг Джибути[1]. Военная база Китая создала новую картину безопасности региона, в которой ранее первый план занимали западные державы.

Используя сравнительные преимущества Джибути, Китай подключил ее к ИПП, по линии которой страна уже впитала миллиарды долларов инвестиций. Кроме того, обретя статус «пункта материально-технического обеспечения» ВМС КНР, а проще говоря — военно-морской базы Китая, Джибути заметно повысила свой вес в китайской и даже мировой политике.

В рамках ИПП Китай профинансировал несколько инфраструктурных начинаний в Джибути, а именно железную дорогу «Джибути—

[1] McGann, Eimhin. China Tightens its Grip on Djibouti // iGlobenews 13.01.2025. URL: https://www.iglobenews.org/china-tightens-grip-on-djibouti/ (accessed: 30.04.2025).

Аддис-Абеба», многоцелевой проект «порт Дорале» и ряд других. Каждое из этих начинаний имеет стратегическое значение не только для Джибути, но, естественно, и для самого Китая, расширяя его доступ к африканским рынкам и благоприятствуя активности его торгового и военного флота в районе Африканского Рога.

Примечательным результатом ИПП является и сооружение железнодорожного пути «Джибути—Аддис-Абеба» — первой трансграничной электрифицированной железной дороги в Африке. Эта линия соединяет побережье Джибути с Эфиопией, страной, не имеющей выхода к морю. Ввод дороги в эксплуатацию снизил транспортные расходы и облегчил транзит 90 % товарооборота Эфиопии[1]. Построенная китайскими государственными компаниями, дорога является эффективным инструментом реализации торгово-экономических и транспортно-логистических интересов КНР.

Еще одним детищем ИПП является упоминавшейся выше многоцелевой порт Дорале, который был построен в основном на средства китайских банков. Порт выступает в качестве ключевого торгово-транспортного узла в Баб-эль-Мандебском проливе.

Однако за инвестиции и кредиты надо платить. В последние годы внешний долг Джибути резко возрос, и его соотношение к ВВП страны достигло 76 % к 2023 г., причем более 70 % долга приходится на Китай. Это обстоятельство расценивается как серьезная проблема для экономического суверенитета Джибути[2].

По мнению экспертов, китайские кредиты не отличаются прозрачностью (нераскрытие графиков погашения, наличие иных скрытых положений), предоставляются по более высокой, чем рыночная, ставке и требуют частого рефинансирования, тем самым создавая цикл долга. Для облегчения долгового бремени Джибути вынуждена идти на уступки по управлению своими стратегическими активами. Одним из примеров этого служит соглашение 2018 года, предоставляющее Китаю контроль над портом Дорале[3]. (По аналогии можно вспомнить и порт Хамбантота на Шри-Ланке.) В Кении порт Момбаса тоже время от времени рассматривается как вероятное обеспечение кредитов, связанных с финансируемой Китаем железной дорогой

[1] Devika, A. Development or Debt: China in Djibouti // Modern Ghana. 04.02.2025. URL: https://www.modernghana.com/news/1377103/development-or-debt-china-in-djibouti.html (accessed: 30.04.2025).

[2] Ibidem.

[3] Modern Ghana. 04.02.2025. URL: https://www.modernghana.com/news/1377103/development-or-debt-china-in-djibouti.html (accessed: 30.04.2025).

стандартной колеи. Однако пока властям удавалось избегать подобной ситуации.

Другим экономическим субъектом в Африке, который столкнулся с серьезными долговыми трудностями, стала Национальная электроэнергетическая компания Замбии.

Все эти случаи демонстрируют путь формирования дебиторской зависимости африканских стран, вовлеченных в ИПП[1]. Однако в случае Джибути эта зависимость имеет не только экономическую, но и стратегическую подоплеку из-за особо ценного геополитического положения страны. Если острота вопроса о задолженности Джибути не будет сглажена, то в качестве компенсации Китай сможет претендовать на еще большие уступки материальных активов, важных для мировой торговли и даже глобального баланса сил.

В целом, пример Джибути ставит перед всем Глобальным Югом вопрос о том, всегда ли правительства развивающихся стран в эпоху эскалации геополитического соперничества способны соблюдать равновесие между выгодами международного сотрудничества и сохранением национального суверенитета? Потому следует отметить, что международное сотрудничество — это не только отлаживание многовекторных взаимовыгодных связей, но и работа над тем, чтобы эти связи не препятствовали стране самостоятельно формировать свое будущее[2].

На наш взгляд, целенаправленно Китай не стремится к росту долговой зависимости от него развивающихся стран, но политико-экономическая конкуренция в мире, навязываемая монетарной политикой и протекционизмом со стороны Глобального Севера, создает условия для нарушения межстрановых финансовых балансов.

Пока же Джибути и Китай подписали новое соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве (январь 2025 г.). Соглашение, которое последовало за сентябрьским 2024 года саммитом *FOCAC* в Пекине, направлено на укрепление взаимодействия в ключевых секторах, включая инфраструктуру, торговлю и развитие. На церемонии подписания министр иностранных дел Джибути М.А. Юссуф отметил, что участие его страны в Инициативе «Пояс и путь» позволило реализовать масштабные проекты, охватывающие портовую инфраструктуру, железные дороги, здравоохранение, образование, безопасность, культуру, строительство жилья, сельское хозяйство. Проекты сыграли важную роль в продвижении программы *Jibouti*

[1] Devika A. Op. cit.

[2] Ibidem.

Vision 2035, направленной на превращение страны в региональный центр торговли и логистики[1].

В заключение можно отметить следующее:

Китай в качестве инструмента своего политико-экономического влияния в Африке все шире задействует торговлю вооружениями. Задачей этих коммерческих усилий является обретение Китаем стратегических позиций ведущего поставщика средств обороны, по крайней мере в Африке к югу от Сахары.

Похоже, что Китай посылает миру явный сигнал о его готовности по меньше мере на региональном уровне взять на себя новую и весьма ответственную и почетную миссию — исполнять функции деятельной державы — «агента» безопасности, а не только авторитетного экономического партнера.

Что касается роста активности китайских частных охранных компаний в Африке, то оно происходит в русле трансформации общей архитектуры глобальной безопасности и поэтому данный тренд представляется длительным и жизнеспособным.

Библиографический список

Виноградов А.О., Трощинский П.В., Мамыкин И.К. Закон КНР о внешних связях КНР // Аналитические записки ИКСА РАН. 2023. № 5. С. 10—15. DOI: 10.48647/ICCA.2023.73.80.002. URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/d7beb79.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

References

Vinogradov, A.O.; Troshchinskij, P.V.; Mamykin I.K (2023). Zakon KNR o vneshnih svyazyah KNR [Law of the PRC on the Foreign Relations of the PRC], *Analiticheskie zapiski IKSA RAN [Analytical Notes of the ICCA RAS]* : 5:10—15. URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/d7beb79.pdf (accessed: 30.04.2025). (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.73.80.002.

* * *

Arduino, Alessandro (2022). Chinese private security firms are growing their presence in Africa: why it matters, *The Conversiation analytical portal*. 8 August. URL: https://theconversation.com/

[1] Djibouti and China Sign Key Cooperation Agreement. 01.01.2025. URL: https://mogadishu24.com/djibouti-and-china-sign-key-cooperation-agreement/con (accessed: 30.04.2025).

chinese-private-security-firms-are-growing-their-presence-in-africa-why-it-matters-187309 (accessed: 30 April, 2025).

Arduino, Alessandro (2024). China's Expanding Security Footprint in Africa: From Arms Transfers to Military Cooperation, *ISPI (Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, Milano)*. 30 September. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/chinas-expanding-security-footprint-in-africa-from-arms-transfers-to-military-cooperation-184841 (accessed: 30 April, 2025).

Nantulya, Paul. China's Blended Approach to Security in Africa (2021), *ISPI (Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, Milano)*. 22 July. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/chinas-blended-approach-security-africa-31216 (accessed: 30 April, 2025).

Ramani, Samuel (2024). Russia's Arms Exports to Sub-Saharan Africa: No Longer the Main Actor, *ISPI (Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, Milano*). 30 September. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/russias-arms-exports-to-sub-saharan-africa-no-longer-the-main-actor-184986 (accessed: 30 April, 2025).

Wezeman, Pieter (2024). The Complex Trends and Patterns in Arms Transfers to Sub-Saharan Africa. *ISPI (Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, Milano*). 30 September. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/the-complex-trends-and-patterns-in-arms-transfers-to-sub-saharan-africa-184850 (accessed: 30 April, 2025).

Поступила в редакцию: 30.04.2025 Received: Apr 30, 2025
Принята к публикации: 30.06.2025 Accepted: Jun 30, 2025

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

DOI: 10.48647/ICCA.2025.98.60.017

А.В. Бредихин, А.Я. Нейматова

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В последние годы российско-китайское экономическое сотрудничество стало ключевым элементом внешней политики обеих стран, открывая новые возможности для их роста и интеграции. Статья исследует как проблемы, так и перспективы этого сотрудничества, подчеркивая его стратегическое значение в контексте глобальных изменений. В условиях нестабильности международной обстановки, вызванной экономическими и политическими кризисами, Россия и Китай стремятся укрепить свои позиции на мировом рынке, что делает их взаимодействие особенно актуальным. В статье анализируются значимые вызовы, с которыми сталкиваются Россия и Китай в процессе экономического взаимодействия. Основные проблемы включают неустойчивость внешнеэкономической обстановки, разницу в экономических подходах и стандартах, а также потенциальные конфликты интересов в стратегически важных отраслях, таких как энергетика и высокие технологии. Эти факторы могут затруднить реализацию совместных проектов и снизить эффективность сотрудничества. Также исследуются перспективы дальнейшего развития двусторонних отношений. Рассматриваются области, в которых Россия и Китай имеют взаимные интересы, включая совместные проекты в сфере инфраструктуры, сельского хозяйства и инновационных технологий. Важным аспектом является развитие транспортных коридоров и логистических сетей, что может значительно повысить уровень взаимной торговли. Кроме того, статья акцентирует

внимание на необходимости создания правовых и институциональных механизмов, способствующих более эффективному взаимодействию. В заключение даются рекомендации по преодолению существующих барьеров и снижению рисков, что может способствовать более глубокому и взаимовыгодному сотрудничеству. Устойчивое партнерство между Россией и Китаем может стать важным фактором для обеспечения экономической безопасности и стабильности в условиях глобальных вызовов, а также для формирования нового экономического порядка в Евразии.

Ключевые слова: Россия, Китай, экономическое сотрудничество, региональная интеграция, международные отношения, региональное сотрудничество.

Авторы: *Бредихин Антон Викторович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0003-4097-3854. E-mail: bredikhin@iccaras.ru

Нейматова Аида Ягутовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью МГИМО МИД России. E-mail: magreg76@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бредихин А.В., Нейматова А.Я. Проблемы и перспективы российско-китайского экономического сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 260—275.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.98.60.017.

A.V. Bredikhin, A.Ya. Neymatova

Problems and prospects of Russian-Chinese economic cooperation

Abstract. In recent years, Russian-Chinese economic cooperation has become a key element of the foreign policies of both countries, opening up new opportunities for growth and integration. The article examines both the problems and prospects of this cooperation, emphasizing its strategic importance in the context of global changes. In the context of an unstable international situation caused by economic and political crises, Russia and China are striving to strengthen their positions in the world market, which makes their interaction especially relevant. The article analyzes the significant challenges that Russia and China face in the process of economic interaction. Key problems include the instability of the external economic situation, differences in economic approaches and standards, as well as potential conflicts of interest in strategically important industries such as energy and high technology. These factors can complicate the implementation of joint projects and reduce the effectiveness of cooperation. The article also

examines the prospects for further development of bilateral relations. The areas in which Russia and China have mutual interests are considered, including joint projects in infrastructure, agriculture and innovative technologies. An important aspect is the development of transport corridors and logistics networks, which can significantly increase the level of mutual trade. In addition, the article focuses on the need to create legal and institutional mechanisms that facilitate more effective interaction. In conclusion, recommendations are given on how to overcome existing barriers and reduce risks, which can contribute to deeper and more mutually beneficial cooperation. A sustainable partnership between Russia and China can become an important factor in ensuring economic security and stability in the face of global challenges, as well as in forming a new economic order in Eurasia.

Keywords: Russia, China, economic cooperation, regional integration, international relations, regional cooperation.

Authors: Anton V. BREDIKHIN, Ph.D (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-4097-3854. E-mail: bredikhin@iccaras.ru

Aida Y. NEYMATOVA, Ph.D in History, Senior Lecturer, Department of Advertising and Public Relations, MGIMO, Russian Ministry of Foreign Affairs. E-mail: magreg76@yandex.ru

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Bredikhin A.V., Neymatova A.Ya. (2025). Problemy i perspektivy rossijsko-kitajskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [Problems and prospects of Russian-Chinese economic cooperation], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 260—275. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.98.60.017.

Введение

В условиях глобальных экономических изменений российско-китайское экономическое сотрудничество становится одним из ключевых направлений международных отношений. За последние десятилетия взаимодействие между Россией и Китаем вышло на уровень стратегического партнерства. Динамика роста двусторонней торговли впечатляет: объем товарооборота между странами в 2023 г. достиг рекордных 240,11 млрд долл., а взаимные инвестиции охватывают широкий спектр отраслей, включая энергетику, инфраструктуру, сельское хозяйство и высокие технологии.

В условиях санкционного давления на Россию и ухудшения отношений со странами Запада российско-китайское сотрудничество становится важным элементом обеспечения экономической стабильно-

сти и устойчивого развития обеих стран. Усиление хозяйственных связей позволяет компенсировать ограничения, введенные на мировых рынках, расширить доступ к инвестиционным ресурсам, технологиям и новым сбытовым площадкам. Однако, несмотря на позитивную динамику, двусторонние отношения сталкиваются с рядом проблем. Взаимная торговля сохраняет несбалансированный характер: Россия в основном поставляет в Китай энергоресурсы и сырье, тогда как Китай активно продвигает на российский рынок промышленные и потребительские товары. Кроме того, сложные бюрократические процедуры, торговые барьеры и различия в национальных нормативных базах тормозят реализацию многих перспективных проектов. Усиление взаимодействия между Китаем и Россией может расцениваться как реакция на политико-экономическое давление со стороны Запада, при которой обе стороны нацелены на диверсификацию экономических связей и укрепление своих позиций на мировой арене [Старикова и др., 2024, с. 107].

Основные тенденции российско-китайских экономических отношений

Китай много лет остается основным внешнеторговым партнером России, и после 2022 года сотрудничество между странами еще больше расширилось. Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации Чжан Ханьхуэй подчеркивает, что в условиях турбулентного и меняющегося мира «китайско-российские связи выдержали испытания международными переменами, обнаружили такие особенности, как зрелость, стабильность, упорство, самостоятельность. Связи вступили в наилучший период в истории, превратившись в отношения великих держав с высочайшей степенью высокого доверия, взаимного уровня сотрудничества и высочайшей стратегической ценностью»[1].

Рассматривая развитие экономических отношений с Китаем, можно привести следующую статистику (рис. 1).

График демонстрирует динамичное развитие экономических связей между Россией и Китаем в период с 2022 по 2024 г. За этот период товарооборот между странами значительно вырос, достигнув рекорд-

[1] Приводится по: Яковлев П.П. Новая география внешней торговли России: тенденции, проблемы, перспективы // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: https://www.perspektivy.info/rus/ekob/novaja_geografija_vneshnej_torgovli_rossii_tendencii_problemy_perspektivy_2024-10-04.htm (дата обращения: 06.03.2025).

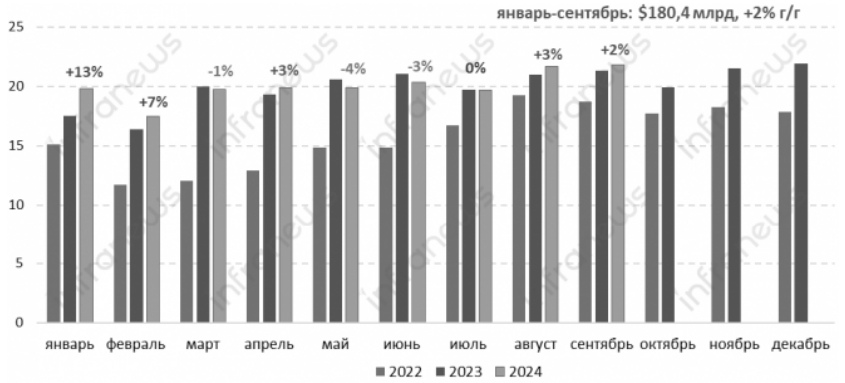


Рис. 1. Товарооборот между Китаем и Россией в 2022—2024 гг., млрд долл.
Источник: Товарооборот России и Китая за 9 месяцев 2024 года вырос на 2 %. URL: https://www.infranews.ru/vneshnyaya-torgovlya/66127-tovarooborot-rossii-i-kitaya-za-9-mesyatsev-2024-goda-vyros-na-2/ (дата обращения: 20.03.2025).

ных 244,8 млрд долл. в 2024 г. Темпы роста также остаются высокими: в 2024 г. прирост составил 26,2 %, что хоть и уступает показателю 2022 года (29,5 %), но подтверждает сохранение положительной динамики. Особый скачок произошел в 2021 г., когда товарооборот вырос на 36,3 %, достигнув 146,89 млрд долл., что стало одним из наиболее значительных приростов за десятилетие.

В 2022 г. объем закупок российских товаров Китаем в денежном выражении увеличился на рекордные 43,4 %. Этот прирост был обеспечен как благоприятной конъюнктурой мировых цен на энергоресурсы и промышленные товары, так и ростом физических объемов поставок. Особенно заметно увеличились поставки российских энергоносителей, включая нефть, уголь и природный газ, а также морепродуктов и сельскохозяйственной продукции. В 2024 г. стоимостной объем российского экспорта в Китай продолжил расти, но темпы роста замедлились до 12,7 %. Основной причиной этого стало ухудшение ценовой конъюнктуры, в первую очередь на энергетические ресурсы, что снизило благоприятность условий для российских экспортеров по сравнению с 2022 годом [Цыплаков, 2024b].

Китайский экспорт в Россию, после временного замедления в период с марта по май 2022 года, вновь продемонстрировал уверенный рост, составив 12,8 %. В 2023 г. двусторонняя торговля продолжила активно развиваться, главным образом благодаря заполнению китайской продукцией тех ниш на российском рынке, которые освободились после ухода западных компаний. Общий объем торговли между

Рис. 2. Импорт Китая из России в 2014—2023 гг., млрд долл.
Источник: составлено авторами на основе данных таможенной статистики КНР за 2014—2023 гг. URL: http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html (дата обращения: 20.03.2025).

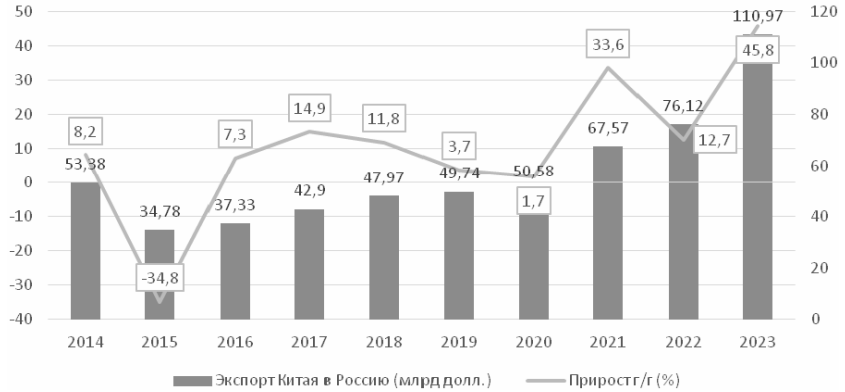


Рис. 3. Экспорт Китая в Россию в 2014—2023 гг., млрд долл. *Источник*: составлено авторами на основе данных таможенной статистики КНР за 2014—2023 гг. http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html (дата обращения: 20.03.2025).

странами достиг 110,97 млрд долл., что соответствует приросту на 46,9 %. Китайские производители существенно укрепили свои позиции в таких ранее слабо освоенных сегментах, как автомобильная, строительная и дорожная техника, машины и оборудование, запасные части, инструменты, электронные устройства, бытовая техника и другие категории [Цыплаков, 2024а].

Главное поле российско-китайского экономического сотрудничества — это, естественно, Евразия. Россия открыта для крупных китайских инвестиций в инфраструктуру на евразийском пространстве. Однако Россия не просто готова участвовать в китайском интеграционном проекте, но на равных представляет свой проект в лице ЕАЭС, чтобы вместе двигаться в сторону интеграции евразийского пространства [Шупин, 2023, с. 76—77].

Таблица 1. **Доля Китая во внешней торговле России в 2010—2024 гг., в %. Приоритетные направления развития торговли между странами**

	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2023 г.	2024 г.
Доля в общем торговом обороте	9,5	12,1	18,3	17,9	33	34
Доля в общем экспорте	5,1	8,3	14,6	13,8	28	31
Доля в общем импорте	17	19,1	23,7	24,8	39	39

Источник: составлено авторами на основе данных таможенной статистики ФТС России. URL: https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries (дата обращения: 20.03.2025).

На основе данных таблицы можно сделать вывод, что значение Китая во внешней торговле России значительно возросло за последние годы. Доля Китая в общем торговом обороте России увеличилась с 9,5 % в 2010 г. до 33 % в 2023 г., что свидетельствует о его ключевой роли в торговых связях РФ. Доля Китая в российском импорте выросла с 17 % в 2010 г. до 39 % в 2023 г., что сделало его ключевым поставщиком товаров для РФ. Одновременно доля Китая в российском экспорте увеличилась с 5 % до 28 %, отражая переориентацию торговли РФ на азиатские рынки.

Таблица 2. **Доля России во внешней торговле Китая в 2010—2024 гг., в %**

	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2023 г.	2024 г.
Доля в общем торговом обороте	1,86	1,72	2,37	2,45	4,04	5,05
Доля в общем экспорте	1,88	1,53	1,95	2,04	3,28	4,03
Доля в общем импорте	1,86	1,98	2,77	2,96	5,05	6, 07

Источник: составлено авторами на основе данных таможенной статистики КНР. URL: http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html (дата обращения: 20.03.3035).

Позиция России в списке ключевых торговых партнеров Китая значительно укрепилась. По итогам 2024 г. Россия заняла 5-е место по объему товарооборота с Китаем в стоимостном выражении, обеспечив 4,04 % от общего торгового оборота. В разрезе экспорта Россия оказалась на 7-м месте с долей 3,28 %, а в импорте — на 5-м месте с

долей 5,05 %. Для сравнения, в 2019 г. Россия занимала значительно более низкие позиции: 11-е место в общем товарообороте, 12-е в экспорте и 10-е в импорте.

Активное развитие экономических связей между Россией и Китаем, а также достижение заявленной цели по увеличению двусторонней торговли до ежегодных 200 млрд долл. к 2024 году, обусловили необходимость разработки программы дальнейшего сотрудничества. Во время государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в Россию в марте 2023 г. было подписано «Совместное заявление о развитии ключевых направлений российско-китайского экономического партнерства до 2030 года». В документе определены восемь приоритетных направлений:

- Увеличение объемов торговли, улучшение ее структуры и активизация инвестиционного сотрудничества.
- Создание взаимосвязанной логистической системы.
- Углубление финансового взаимодействия, включая расширение использования национальных валют.
- Укрепление энергетического партнерства.
- Развитие цепочек поставок базовых товаров и минеральных ресурсов.
- Сотрудничество в области технологий и инноваций.
- Повышение уровня промышленной кооперации, включая гармонизацию стандартов и требований.
- Развитие сотрудничества в сельском хозяйстве для обеспечения продовольственной безопасности обеих стран[1].

В целом, исторически сложившаяся система совместной работы России и Китая настроена на формирование равноправной модели мироустройства. Важную роль здесь отводится и таким созданным по их инициативе международным структурам, как ШОС и БРИКС, которые могут выступить в качестве рычагов давления на благо формирования многополярного мирового порядка (подробнее см.: [Шумилов, 2024, с. 163].

Основные преимущества и выгоды сотрудничества

Углубление бизнес-взаимодействия между Россией и Китаем открывает множество перспектив для обеих стран, делая их партнерство стратегически важным в условиях глобальных экономических изме-

[1] General Administrations of Customs People's Republic of China. URL: http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html (accessed: 07.03.2025).

нений. Китайские компании активно осваивают российский рынок, рассматривая его как платформу для расширения своей экономической деятельности. Одним из главных инструментов успешной интеграции является локализация бизнеса, которая позволяет значительно повысить эффективность работы.

Локализация открывает перед китайскими компаниями широкий спектр преимуществ. Во-первых, она дает возможность адаптировать продукты и услуги к требованиям российского рынка, включая корректировку дизайна, функциональности и упаковки продукции. Как отметила генеральный директор АО «Российский экспортный центр» В. Никишина, «необходимо учитывать культурные и языковые особенности китайского рынка, адаптировать свою продукцию под спрос китайских партнеров». Эти принципы актуальны и для китайских компаний в России, где учет культурных различий помогает создавать более конкурентоспособные предложения[1].

Во-вторых, локализация способствует оптимизации издержек. Создание производственных мощностей на территории России позволяет китайским компаниям не только сократить расходы на логистику и уменьшить таможенные пошлины, но и ускорить время доставки продукции конечному потребителю. Такие меры укрепляют позиции компаний на рынке, обеспечивая им большую гибкость в условиях меняющейся конъюнктуры. Более того, снижение зависимости от международной логистики становится особенно важным в условиях санкционного давления [Глазырина и др. 2018].

Однако успешное развитие китайского бизнеса в России связано не только с экономическими, но и с социальными аспектами. Взаимное понимание деловой культуры обеих стран является важным фактором для установления долгосрочных отношений. Как отметил А. Засурский, вице-президент по международному развитию АФК «Система», «в Китай нужно инвестировать душу и время, чтобы сложились отношения с партнером»[2]. И в последние годы российско-китайские отношения характеризуются не только возросшей динамикой развития, но и существенным повышением уровня взаимного доверия и взаимной поддержки [Лю, 2025].

---

[1] Три простых правила для успешной адаптации российских компаний на китайском рынке // Российский Экспортный Центр. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/tri-prostykh-pravila-dlya-uspeshnoy-adaptatsii-rossiyskikh-kompaniy-na-kitayskom-rynke/ (дата обращения: 06.03.2025).

[2] Итоги внешней торговли со всеми странами // Федеральная таможенная служба. URL: https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries (дата обращения: 08.03.2025).

Особенности торговых взаимоотношений

Несмотря на существующие возможности, углубление сотрудничества сталкивается с рядом вызовов. В первую очередь, это регуляторные и бюрократические барьеры. Китайские компании нередко испытывают трудности при соблюдении российских нормативных требований. Российские фирмы в Китае оказываются в аналогичной ситуации. В таких условиях особую роль играет взаимодействие с местными экспертами, которые помогают иностранному бизнесу ориентироваться в сложной законодательной среде. Вторым важным препятствием становятся санкции, влияющие на финансовые расчеты. Ограничение доступа к международным платежным системам заставляет компании искать альтернативные пути. Разрабатываются платформы, которые используют клиринг и взаимозачеты встречных обязательств, позволяя минимизировать зависимость от западных финансовых инструментов.

Особое внимание уделяется расширению сфер взаимодействия. Наряду с традиционными направлениями, такими как энергетика и добыча полезных ископаемых, растет интерес к высокотехнологичным проектам [Лузянин, 2017, с. 14—15]. Искусственный интеллект, цифровая экономика, экологичные технологии и космос становятся ключевыми направлениями сотрудничества. Важной частью этого курса является акцент на инновациях. Это не только расширяет горизонты взаимодействия, но и открывает возможности для совместных научных достижений. Тем не менее, одной из главных задач для России остается ускорение импортозамещения и трансфер технологий. В условиях ограничений российские компании активно привлекают опыт китайских партнеров.

Углубление бизнес-взаимодействия между Россией и Китаем необходимо для обеспечения странам мирного и стабильного окружения и следовательно — устойчивого экономического развития. Политическая же стабильность соседей важна потому, что их дестабилизация может передаться на соседнюю территорию. Поэтому Пекин рассматривает содействие развитию государств-партнеров не только как экономическую, но и политическую задачу [Лукин, 2015, с. 389].

Энергетическое и инфраструктурное сотрудничество

Как уже отмечалось ранее, российско-китайское деловое сотрудничество демонстрирует стремительный рост и становится примером стратегического партнерства в современных условиях.

Одним из важнейших направлений взаимодействия остается энергетика, которая играет ключевую роль в экономике обеих стран. Россия, как крупнейший поставщик энергетических ресурсов, предоставляет Китаю доступ к своим запасам нефти и газа, в то время

как Китай инвестирует значительные средства в развитие инфраструктуры. Например, проект «Восток Ойл», реализуемый компанией «Роснефть», предусматривает освоение нефтяных месторождений с ресурсной базой свыше 6,5 млрд т нефти. На реализацию первой фазы проекта уже привлечено более 20 млрд долл., значительная часть которых поступила от китайских партнеров. В перспективе «Восток Ойл» обеспечит экспорт до 30 млн т нефти ежегодно по Северному морскому пути, что дополнительно укрепит энергетическую безопасность Китая[1]. Газовые проекты также остаются в центре внимания. Газопровод «Сила Сибири» за первые четыре года эксплуатации поставил в Китай более 20 млрд кубометров газа, а в 2023 г. объем поставок вырос на 48 %, составив 15,5 млрд кубометров. Строительство «Силы Сибири-2», рассчитанного на транспортировку до 50 млрд кубометров газа в год, начнется в ближайшее время. Эти проекты не только обеспечивают надежность поставок энергоресурсов, но и укрепляют позиции России как одного из крупнейших поставщиков природного газа на китайский рынок.

Инвестиции в инфраструктуру также занимают важное место в российско-китайском партнерстве. Китай вкладывает значительные средства в развитие транспортной и логистической сети в России, что помогает оптимизировать перевозки и стимулирует увеличение товарооборота между странами. Например, логистический хаб имени Дэн Сяопина в Татарстане, строительство которого началось в 2023 г., получит более 76 млрд руб. инвестиций. Этот проект, рассчитанный на обработку до 2,4 млн т грузов в год, включит железнодорожные терминалы и складские помещения общей площадью 100 тыс. кв. м. Полный запуск комплекса запланирован на 2025 г., а ожидаемый срок окупаемости составит 12—14 лет. Аналогичный проект реализуется в Амурской области, где завершается строительство сухого порта Благовещенск. На реализацию этого проекта выделено более 3 млрд руб., и в перспективе порт сможет обрабатывать до 1 млн тонн грузов ежегодно. Кроме того, порт станет ключевым элементом логистической сети, связанной с мостовым переходом Благовещенск—Хэйхэ, что позволит значительно сократить издержки на перевозку товаров между странами[2]. Эти инфраструктурные проекты подтверждают стратегический характер сотрудничества и

[1] Россия—Китай: как дальше будут развиваться отношения // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27632/4983231/ (дата обращения: 07.03.2025).

[2] Россия и Китай стоят на пороге нового этапа сотрудничества // Восточный Экономический Форум. URL: https://forumvostok.ru/news/rossija-i-kitaj-stojat-na-poroge-novogo-etapa-sotrudnichestva/ (дата обращения: 05.03.2025).

способствуют созданию условий для долгосрочного экономического роста (подробнее см.: [Аристова и др., 2018]).

Сельское хозяйство и технологическое партнерство

Сельское хозяйство также приобретает стратегическое значение. В 2024 г. объем торговли сельскохозяйственной продукцией между Россией и Китаем вырос на 33,9 % и достиг 40,7 млрд долл. Основные позиции российского экспорта составляют рапсовое масло (17 % от общего объема), подсолнечное масло (10,5 %), мороженая рыба (18 %) и соевые бобы (7,8 %). Например, поставки рапсового масла увеличились на 44 %, что связано с растущим спросом на экологически чистую продукцию в Китае[1]. Такой успех способствует расширению экспорта и созданию новых рабочих мест в агропромышленном секторе России. Китайские инвестиции также направлены на модернизацию российских сельскохозяйственных предприятий и внедрение современных технологий, что позволяет увеличивать производственные мощности и улучшать качество продукции (Подробнее см.: [Маглинова, Манакова, 2024, с. 264]).

Одним из наиболее перспективных направлений является сотрудничество в области технологий и инноваций. Китайские компании активно вкладывают средства в научные исследования и совместные проекты с российскими партнерами. К примеру, проект Российско-китайского инновационного парка «Шелковый путь» включает в себя разработку решений в таких областях, как искусственный интеллект, биомедицина и новые материалы. Китайские инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) продолжают расти: за последние пять лет их объем увеличился на 35 %, что открывает новые возможности для технологического прорыва в России[2].

Таким образом, российско-китайское деловое сотрудничество охватывает широкий спектр направлений, включая энергетику, инфраструктуру, сельское хозяйство и инновационные технологии. Каждое из них обладает значительным потенциалом для роста, подкреплен-

[1] Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Китаем в условиях становящегося нового мира: возможности и вызовы // Научно-издательский центр Аспект URL: https://na-journal.ru/8-2024-ekonomika-menedzhment/14677-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-mejdu-rossiei-i-kitaem-v-usloviyah-stanovyashchegosya-novogo-mira-vozmojnosti-i-vyzovy (дата обращения: 04.03.2025).

[2] Три простых правила для успешной адаптации российских компаний на китайском рынке // Российский Экспортный Центр URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/tri-prostykh-pravila-dlya-uspeshnoy-adaptatsii-rossiyskikh-kompaniy-na-kitayskom-rynke/ (дата обращения: 07.03.2025).

ным значительными объемами инвестиций и масштабными проектами. Как отмечают эксперты, «Развитие двустороннего взаимодействия между Россией и Китаем стало важным фактором для формирования новой экономической реальности, в которой обе страны стремятся к укреплению своих позиций на глобальном рынке»[1].

Заключение

Проведенный анализ российско-китайского экономического сотрудничества позволяет сделать ряд важных выводов о текущем состоянии, проблемах и перспективах взаимодействия двух стран.

Во-первых, динамика двусторонней торговли между Россией и Китаем демонстрирует устойчивый рост. Объем товарооборота в 2024 г. достиг рекордных 244,81 млрд долл., что стало результатом активного сотрудничества в таких стратегических отраслях, как энергетика, транспортная инфраструктура, сельское хозяйство и высокие технологии. Россия укрепила свои позиции как ключевой поставщик энергоресурсов, металлов, древесины и продовольствия на китайский рынок, тогда как Китай значительно расширил экспорт промышленных товаров, техники и электроники в Россию.

Во-вторых, несмотря на успехи, экономические отношения между странами остаются в значительной степени асимметричными. Россия в основном экспортирует сырьевые товары, тогда как Китай поставляет продукцию с высокой добавленной стоимостью. Эта структура торговли делает российскую экономику зависимой от мировых цен на сырье и ограничивает возможности технологического развития.

В-третьих, среди ключевых проблем взаимодействия можно выделить бюрократические и регуляторные барьеры, сложности с логистикой, особенно на фоне геополитических изменений, а также высокую конкуренцию на китайском рынке. Отсутствие диверсификации торговых потоков и ограниченный доступ к передовым технологиям также сдерживают рост взаимных инвестиций.

Вместе с тем, сотрудничество имеет значительный потенциал для дальнейшего развития. Перспективными направлениями являются углубление энергетического партнерства, создание совместных логистических узлов, развитие транспортной инфраструктуры, кооперация в сельском хозяйстве и реализация инновационных проектов в области технологий, науки и образования.

---

[1] Восьмая международная конференция «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху» // РСМД. 2023. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Conference-Report-RUCN2023-ru.pdf (дата обращения: 07.06.2025).

Для укрепления двустороннего сотрудничества необходимо преодолеть существующие барьеры. Важными шагами в этом направлении могут стать разработка совместных программ модернизации инфраструктуры, расширение использования национальных валют в расчетах, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и развитие интеграционных проектов. Таким образом, можно констатировать, что российско-китайское экономическое сотрудничество обладает большим потенциалом, который при условии устранения существующих проблем может стать основой для дальнейшего роста экономик обеих стран. Сбалансированное развитие торговых связей, технологическое партнерство и инвестиционное взаимодействие способны обеспечить долгосрочную экономическую устойчивость России и Китая в условиях глобальных вызовов.

Библиографический список

Аристова Л.Б. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ—КНР—Центральная Азия // Л.Б. Аристова, Н.К. Семенова; [отв. ред. А.И. Салицкий]; Ин-т востоковедения РАН. [2-е изд., испр.]. Москва, ИВ РАН. 2018. 162 с.

Глазырина И, Забелина И, Клевакина Е. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая. ECO. Новосибирск, 2018. 44(6), С. 5—24. URL: https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/791 (дата обращения: 18.03.2025).

Ларин А. Г. Возрождение Китая и некоторые вопросы российско-китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2015. № 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-kitaya-i-nekotorye-voprosy-rossiysko-kitayskogo-sotrudnichestva (дата обращения: 18.03.2025).

Лузянин С.Г. Современные российско-китайские отношения: [сборник / С.Г.Лузянин и др.]. Москва, ДеЛи плюс, 2017. 264 с.

Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России: работы о Китае и российско-китайских отношениях. М.: Междунар. отношения, 2015. 792 с.

Лю Я. Новые стратегические дипломатические отношения между Китаем и Россией: модель для великих держав // Международные отношения. Москва, 2025. № 1. С. 57—72. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73390. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73390 (дата обращения: 18.03.2025).

Маглинова Т. Г. Манакова М В. Перспективы экономического сотрудничества России и Китая // Вестник Академии знаний. 2024. № 4 (63). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya (дата обращения: 19.03.2025).

Старикова Е.А., Громов М.С., Лу Т. Перспективы экономического сотрудничества России и Китая в текущих геополитических условиях. Право и управление.

XXI век. М., 2024. 20(3). С. 105—116. DOI: https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-3-72-105-116.

Цыплаков С.С. Марафон по пересеченной местности // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 142-152. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-142-152. URL: https://globalaffairs.ru/articles/marafon-czyplakov/?ysclid=mfy3dx457f716385098 (дата обращения: 09.2025).

Цыплаков С.С. Об основных трендах развития торговли России и Китая // РСМД. 13.09.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/?sphrase_id=167180707&ysclid=mfv930azs7486898518 (дата обращения: 09.2025).

Шумилов А.В. Геополитическая роль деятельности России и Китая в составе ШОС и БРИКС в формировании интеграционного контура // PolitBook. Москва, 2024. № 1. С. 155—165. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-rol-deyatelnosti-rossii-i-kitaya-v-sostave-shos-i-briks-v-formirovanii-integratsionnogo-kontura (дата обращения: 18.03.2025).

Шупин Ян. Российско-китайские отношения на евразийском пространстве: проблемы и перспективы сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. Москва, 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskie-otnosheniya-na-evraziyskom-prostranstve-problemy-i-perspektivy-sotrudnichestva (дата обращения: 18.03.2025).

References

Aristova L.B. (2018). Geopoliticheskij shans Rossii: transportnaja sistema v formate RF-KNR-Central'naja Azija [Russia's Geopolitical Chance: Transport System in the Russia-China-Central Asia Format], L.B.Aristova, N.K.Semenova; [otv. red. A.I.Salickij]; *In-t vostokovedenija RAN. [2-e izd., ispr.]. Moskva, IV RAN. [L.V. Aristova, N.K. Semenova; yuotv. ed. A.I. Salitsky; Institute of Oriental Studies RAS. 2nd ed., corrected, Moscow, IV RAS],* 162 p. (In Russian).

Glazyrina I, Zabelina I, Klevakina E. (2018). Jekologicheskaja sostavljajushhaja jekonomicheskogo razvitija: prigranichnye regiony Rossii i Kitaja [Environmental Component of Economic Development: Border Regions of Russia and China], *ECO. Novosibirsk*, 44(6) :5—24. URL: https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/791 (accessed: 18 March, 2025). (In Russian).

Larin A.G. (2015). Vozrozhdenie Kitaja i nekotorye voprosy rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva [The Revival of China and Some Issues of Russian-Chinese Cooperation], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]* Moscow: 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-kitaya-i-nekotorye-voprosy-rossiysko-kitayskogo-sotrudnichestva (accessed: 18 March, 2025). (In Russian).

Liu Ja. (2025). Novye strategicheskie diplomaticheskie otnoshenija mezhdu Kitaem i Rossiej: model' dlja velikih derzhav [New Strategic Diplomatic Relations between China and Russia: A Model for Great Powers], *Moscow; Mezhdunarodnye otnoshenija [International Relations]:* 1: :57—72. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73390. URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73390 (accessed: 18 March, 2025). (In Russian).

Lukin A.V. (2015). Vozvyshajushhijsja Kitaj i budushhee Rossii: raboty o Kitae i rossijsko-kitajskih otnoshenijah [Rising China and the Future of Russia: Works on China and Russian-Chinese Relations], *Moscow, Mezhdunar. Otnoshenija [International Relations],* 792 p. (In Russian).

Luzianin S.G. (2017). Sovremennye rossijsko-kitajskie otnoshenija: [Contemporary Russian-Chinese Relations:], ed. S.G.Luzianin, *Moscow, DeLi pljus,* :264 p. (In Russian).

Maglinova T.G. Manakova M V. (2024). Perspektivy jekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaja [Prospects for Economic Cooperation between Russia and China], *Vestnik Akademii znanij [Bulletin of the Academy of Knowledge.], Moscow:* 4(63). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya (accessed: 19 March, 2025). (In Russian).

Shumilov A. V. (2024). Geopoliticheskaja rol' dejatel'nosti Rossii i Kitaja v sostave ShOS i BRIKS v formirovanii integracionnogo kontura [Geopolitical role of Russia and China's activities within the SCO and BRICS in forming the integration contour], *PolitBook,* Moscow: 1: 155—165. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-rol-deyatelnosti-rossii-i-kitaya-v-sostave-shos-i-briks-v-formirovanii-integratsionnogo-kontura (accessed: 18 March, 2025). (In Russian).

Shupin Jan. (2023). Rossijsko-kitajskie otnoshenija na evrazijskom prostranstve: problemy i perspektivy sotrudnichestva [Russian-Chinese relations in the Eurasian space: problems and prospects for cooperation], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 27. Globalistika i geopolitika [Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics]* Moscow: 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskie-otnosheniya-na-evraziyskom-prostranstve-problemy-i-perspektivy-sotrudnichestva (accessed: 18 March, 2025). (In Russian).

Starikova E.A., Gromov M.S., Lu T. (2024). Perspektivy jekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaja v tekushhih geopoliticheskih uslovijah [Prospects for Economic Cooperation between Russia and China in the Current Geopolitical Conditions], *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and Management. XXI century]* Moscow: 20(3): 105—116. DOI: https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-3-72-105-116. (In Russian).

Tsyplakov S.S. (2024a). Marafon po peresechennoj mestnosti [Cross-country Marathon], *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Politics]*: 22: 5: 142—152. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-142-152. URL: https://globalaffairs.ru/articles/marafon-czyplakov/?ysclid=mfy3dx457f716385098 (accessed: September, 2025). (In Russian).

Tsyplakov S. (2024 b). Ob osnovnyh trendah razvitiya torgovli Rossii i Kitaya [On the main trends in the development of trade between Russia and China], *RSMD [RIAC].* September 13. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/?sphrase_id=167180707&ysclid=mfv930azs7486898518 (accessed: September, 2025). (In Russian).

Поступила в редакцию: 19.03.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Mar 19, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.94.25.018

M. Joksimović

RUSSIA-CHINA DEVELOPMENT OF FINANCIAL AND ECONOMIC RELATIONSHIPS IN THE CONTEXT OF THE UKRAINIAN CRISIS: A SERBIAN PERSPECTIVE

Abstract. The financial and economic relationship between Russia and China has undergone significant evolution in response to the Ukrainian crisis, which began with the 2014 Crimea case and escalated with the full-scale combat actions in 2022. The crisis has reshaped global geopolitical dynamics, isolating Russia from Western financial systems and prompting a strategic pivot toward China. This paper explores the development of Russia-China financial and economic relations in the context of the ongoing conflict, focusing on the deepening of trade ties, investment flows, energy cooperation, and financial integration. In response to Western sanctions, both countries have strengthened bilateral trade, with a particular emphasis on energy exports, and have increasingly turned to alternative financial mechanisms, such as the use of local currencies and the development of alternative payment systems. The research analyzes how these shifts have not only enhanced economic cooperation but also raised questions regarding the long-term sustainability of such an alliance, given the potential for economic dependence. By examining the strategic implications of this evolving partnership, the study highlights both the opportunities for enhanced cooperation and the challenges of navigating a rapidly changing global order, marked by the increasing divergence between the West and a growing Russia-China bloc. The findings suggest that while the Russia-China relationship offers opportunities for mutual economic growth, it also presents risks related to the balance of power, dependency, and the future trajectory of global trade and finance.

Keywords: Russia, China, Economic Growth, Trade, Financial Systems, Financial Integration.

Author: Marijana JOKSIMOVIĆ, PhD, Full time Professor, Alfa BK University — Faculty of Finance, Banking and Auditing, Belgrade, Serbia. ORCID: 0000-0002-5939-5137.
E-mail: joksimovicmarijana80@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of conflict of interests.

For citation: Joksimović M. (2025). Russia-China Development of Financial and Economic Relationships in the Context of the Ukrainian Crisis: A Serbian Perspective, *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 276—294. DOI: 10.48647/ICCA.2025.94.25.018.

М. Йоксимович

Развитие финансово-экономических отношений между Россией и Китаем в контексте украинского кризиса: взгляд из Сербии

Аннотация. Финансово-экономические отношения между Россией и Китаем претерпели значительную эволюцию в свете российско-украинского кризиса, который начался с крымских событий 2014 г. и обострился с началом в 2022 г. боевых действий на Украине. Кризис изменил глобальную геополитическую динамику, вылившуюся в изоляцию России от западных финансовых систем и побудившую РФ к стратегическому повороту в сторону Китая. В статье рассматривается развитие финансово-экономических отношений между Россией и Китаем в контексте продолжающегося конфликта, с акцентом на развитии торговых связей, инвестиционных потоках, энергетическом сотрудничестве и финансовой интеграции. В ответ на западные санкции обе страны усилили двустороннюю торговлю, особенно энергоносителями, все чаще обращаясь к альтернативным финансовым механизмам, таким как использование местных валют и разработка альтернативных платежных систем. В работе анализируется, как эти сдвиги не только стимулировали экономическое сотрудничество, но и подняли вопросы относительно долгосрочной устойчивости такого союза, учитывая потенциальную вероятность экономической зависимости. Изучая стратегические эффекты этого развивающегося партнерства, автор отмечает как возможности для расширения сотрудничества, так и проблемы ориентирования в быстро меняющемся мировом порядке, отмеченным углублением расхождения между Западом и крепнущим российско-китайским блоком. Результаты исследования показывают, что, хотя российско-китайские отношения несут возможности для взаимного экономического роста, они также содержат риски, связанные со спецификой баланса сил, вопросами зависимости и будущей траекторией мировой торговли и финансов.

Ключевые слова: Россия, Китай, экономический рост, торговля, финансовые системы, финансовая интеграция.

Автор: *Йоксимович Марьяна*, доктор философии (Ph.D), штатный профессор, Факультет финансов, банковского дела и аудита Университета Альфа БК, Белград, Сербия.
ORCID: 0000-0002-5939-5137.
E-mail: joksimovicmarijana80@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Йоксимович М. Развитие финансово-экономических отношений между Россией и Китаем в контексте украинского кризиса: взгляд из Сербии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 276—294. DOI: 10.48647/ICCA.2025.94.25.018.

Introduction

The financial and economic relations between Russia and China have evolved significantly over the past few decades, especially in response to geopolitical changes, sanctions, and regional developments. Key data points help to highlight the scope and dynamics of this partnership, particularly in areas like trade, investment, energy, finance, and infrastructure.

The financial and economic relationship between Russia and China has undergone significant transformation in recent years, especially in the wake of the Ukrainian crisis, which has not only shifted global political and security dynamics but has also redefined Russia's economic and trade relations, particularly with China. As Western sanctions have increasingly isolated Russia from global financial systems, China has emerged as a critical economic partner for Russia, offering both opportunities and challenges in navigating this new geopolitical landscape.

The purpose of this paper is to explore how the ongoing Ukrainian conflict has shaped the development of Russia-China financial and economic ties. It examines how both nations have responded to the crisis by strengthening bilateral trade, investment, and financial cooperation, while also adapting to the broader geopolitical and economic shifts. As global economic alignments are realigned in response to the conflict, this relationship has become a key element in the broader strategic calculus of both countries.

At the heart of this evolving economic partnership lies energy trade, investment flows, financial mechanisms, and a mutual interest in reducing reliance on Western institutions, particularly in the areas of currency

exchanges and payment systems. The geopolitical tension between Russia and the West, marked by economic sanctions, has accelerated Russia's shift toward China, creating new opportunities for economic collaboration, but also raising questions about dependency, balance of power, and the long-term sustainability of such an alliance.

This research aims to analyze the key factors driving the development of Russia-China economic relations in the context of the Ukrainian crisis, highlighting both the opportunities for deeper cooperation and the challenges that accompany such a rapidly evolving partnership. The study will also assess the strategic implications of this economic alignment for global trade, security, and future international relations, considering the potential for further strengthening ties between these two major global players amid growing tensions with the West.

Literature Review

The development of financial and economic relationships between Russia and China in the context of the Ukrainian crisis has been a subject of growing academic interest. This section reviews key literature on the topic, focusing on the economic, financial, geopolitical, and strategic dimensions of this evolving partnership.

The outbreak of the Ukrainian conflict in 2022 has significantly reshaped the geopolitical and economic dynamics between Russia and China. As Western countries imposed unprecedented financial sanctions on Russia, Moscow accelerated its "Pivot to the East" policy, intensifying economic cooperation with Beijing [Gromyko, 2024].

Several scholars highlight that while the Sino-Russian partnership predates the crisis, it has gained new strategic relevance in its aftermath. [Lukin & Novikov, 2021] argues that the special military operation has deepened the Russia-China entente, particularly in trade, finance, and energy. This relationship, however, remains asymmetric, with China increasingly taking a dominant position due to Russia's economic isolation.

One of the most critical shifts in the bilateral financial relationship has been the reduced reliance on Western financial infrastructure. [Schachtschneider, 2019] notes the increasing adoption of China's Cross-Border Interbank Payment System (CIPS) for transactions previously routed through SWIFT. This shift is not only technical but political, signaling both countries' desire to build resilience against Western-dominated financial systems.

On the trade front, China has emerged as Russia's largest trading partner post-2022, with significant growth in bilateral trade volume [Gopinath, Gourinchas, Presbitero & Topalova, 2023]. This includes increased Chinese imports of discounted Russian oil and gas, often settled in yuan or rubles, reflecting a strategic decoupling from the US dollar [Fan, 2024].

Despite the growing cooperation, analysts caution against interpreting the Russia-China relationship as an alliance. Luken (2021) emphasize that Beijing maintains a position of "strategic ambiguity," supporting Russia rhetorically while carefully avoiding direct sanctions violations that could threaten its global economic interests[1].

Thus, existing literature paints a complex picture: while the Ukrainian crisis has accelerated financial and economic ties between Moscow and Beijing, the relationship is marked by pragmatism, asymmetry, and a shared desire to challenge the Western-led economic order — without forming a formal alliance. It provides insights into how both nations have aligned their interests in counterbalancing Western influence, especially in the context of the post-2014 Ukrainian conflict. [Ptaszek, Yuskiv & Bajor, 2025] are discussing how the Russia-China relationship has evolved in the post-Crimea period. It highlights the strategic role that both countries have taken in countering US dominance in the international order, particularly in energy exports and military collaboration.

[Balaban, Joksimović & Stoiljković, 2022] analyze how economic sanctions on Russia have accelerated its pivot to China, focusing on the shift in trade patterns between the two countries. Their study shows how Russia-China trade in energy has surged post-2014, with China increasingly becoming the destination for Russian exports of oil, gas, and coal.

[Kataf, 2023] explores the central role of energy in Russia-China economic relations, particularly in the aftermath of the Ukrainian conflict. It reviews key energy agreements, including the Power of Siberia gas pipeline, and discusses how energy cooperation between the two nations serves as the backbone of their economic ties.

[Cohen & Lee, 2020] focuses on the financial aspects of Russia-China relations, particularly the growing use of the yuan and ruble in trade transactions to circumvent Western sanctions. It discusses the shift away from the US dollar and examines the development of alternative payment systems such as China's CIPS (Cross-Border Interbank Payment System)

[1] Luken, W. (2021). Between ambition and ambiguity: Strategic ambiguity and China's Belt and Road initiative. URL: https://theses.ubn.ru.nl/server/api/core/bitstreams/33bb2c56-8061-4fc7-ae88-848309a5460e/content (accessed: 17 April, 2025).

and Russia's SPFS (System for Transfer of Financial Messages). Assesses the strategic importance of financial cooperation between Russia and China in the face of increasing Western sanctions. It explores the growth of non-dollar financial mechanisms between the two countries, with a particular focus on the development of the CIPS and its potential to challenge the SWIFT system [Balaban, Milenković & Joksimović, 2023].

[Gapon, 2024] explores Russia's role in China's Belt and Road Initiative (BRI), focusing on the integration of Russia into China's infrastructure projects. This paper discusses the potential for increased investment in energy infrastructure, transportation corridors, and trade routes, and highlights the strategic importance of the Russia-China partnership in this context. Examines China's investment strategies in Russia, particularly in infrastructure and technology. It evaluates the mutual benefits of this investment, with a focus on how the Ukrainian crisis has driven both nations to increase their reliance on joint economic ventures.

Long-term implications and sustainability of Russia-China economic relations, considering both the economic opportunities and the risks of over-dependence on China. This study highlights the challenges Russia faces in maintaining economic autonomy while deepening its reliance on Chinese investments and trade.

[Düben, 2023] offers an in-depth look at the strategic balance between Russia and China, focusing on the potential risks of over-dependence on China in Russia's economic future. It explores questions of economic power imbalance, trade imbalances, and the political dimensions that might strain this partnership in the years ahead.

The literature on Russia-China financial and economic relations in the context of the Ukrainian crisis reflects the complexity and depth of the evolving partnership between these two nations. While energy cooperation remains central, there is a growing focus on financial cooperation, infrastructure development, and the geopolitical shifts that are reshaping global trade. The increased reliance on each other, driven by external pressures such as Western sanctions, is a defining feature of this bilateral relationship. However, challenges related to economic dependence, geopolitical tensions, and the sustainability of the partnership are prominent in the academic discourse, with scholars suggesting that while the partnership may offer immediate benefits, long-term challenges could arise, particularly as global dynamics continue to shift.

This body of literature provides a comprehensive view of how Russia and China are navigating a rapidly changing world order, and highlights both the potential for further economic integration and the risks associated with an increasingly asymmetrical alliance.

Research and discussion

The development of financial and economic relationships between Russia and China in the context of the Ukrainian crisis is a multifaceted and complex subject. The crisis has had far-reaching implications for Russia's global standing, especially with the imposition of economic sanctions by Western countries, which have targeted various sectors such as finance, energy, and defense, and have forced Russia to pivot toward alternative markets and sources of support. China, with its growing global economic influence and its position as a major trading partner of Russia, has emerged as a critical player in the reorientation of Russia's economic strategy.

The bilateral relationship between Russia and China had been evolving for decades before the crisis, but the conflict in Ukraine has accelerated this cooperation. Economic ties, particularly in energy and trade, have deepened, and both countries have explored new financial mechanisms to circumvent Western sanctions. These shifts are part of a broader strategy to strengthen their geopolitical positions against the West.

Key areas of development in Russia-China financial and economic relations include growing bilateral trade, currency swap agreements, financial cooperation and geopolitical implications and strategic cooperation.

In the years after 2014 and especially after 2022, trade between Russia and China grew significantly. China has become Russia’s largest trading partner, with energy exports (particularly oil, natural gas, and coal) playing a central role. The construction of major infrastructure projects, such as the *Power of Siberia* pipeline, has enhanced Russia’s energy export capacity to China. While Europe turned a far less reliable market for Russia, China has increasingly absorbed Russia's energy exports. China has been a significant importer of Russian agricultural products, metals, and military equipment. In turn, Russia imports manufactured goods, electronics, and high-tech products from China.

In response to Western sanctions, Russia and China have increasingly used their national currencies for trade, moving away from the US dollar. The *yuan-ruble* trade mechanism has become more common, reducing dependency on the dollar and circumventing US sanctions on Russia’s financial system. This shift is seen in several large-scale bilateral trade agreements and financial projects, such as the *Sino-Russian Investment Fund*.

Sanctions and financial decoupling from the West imposition of sanctions on Russia has driven Russia to look for alternatives to the SWIFT financial system and Western financial institutions. One of the most

significant moves was Russia's increasing integration into the *Chinese-led Cross-Border Interbank Payment System (CIPS)*, which functions as an alternative to SWIFT for cross-border payments.

The Russia-China partnership has also seen the development of alternative financial platforms to bypass Western financial control. This includes agreements on direct currency exchanges, as well as the use of the *Chinese Yuan* for trade settlements, which has reduced Russia's reliance on the US dollar. China has become a crucial investor in Russia, particularly in infrastructure projects, mining, and technology. Notably, the two countries have cooperated on energy infrastructure, including the construction of pipelines and energy projects, such as the *Power of Siberia* pipeline and joint ventures in the Arctic oil and gas sectors. Russia is a key partner in China's Belt and Road Initiative, and this economic and infrastructure initiative is becoming increasingly important to Russia as it seeks to strengthen its economic ties with Asia. Russia's involvement in BRI projects includes transportation routes, energy infrastructure, and industrial development, which have intensified post-crisis.

The energy partnership between Russia and China is not only economic but also geopolitical. Both countries have deepened their cooperation in the energy sector, with Russia seeking to reduce its dependence on European markets and China looking to secure stable energy supplies. In addition, the two countries have engaged in joint military exercises, signaling growing strategic alignment. Counterbalance to western influence the growing Russia-China alliance serves as a counterbalance to the United States and the European Union. Both countries have openly criticized the Western-led international order, and their economic cooperation represents an effort to create an alternative global order based on multipolarity and shared economic interests.

The Ukrainian crisis has acted as a catalyst for the diversification of Russia's trade relationships. With European markets increasingly closed off due to sanctions, Russia has turned to China not only as a major market for energy but also as a partner for economic resilience. One of the major developments resulting from the crisis is the shift away from the dollar in Russia-China trade. This shift was accelerated by Western sanctions, which targeted Russia's access to dollar-based financial systems. As a result, China and Russia have moved toward using local currencies (the Yuan and Ruble) in their trade agreements, effectively reducing the influence of the US dollar in their economic exchanges. Infrastructure and Investment: China has used its growing economic leverage to become a central figure in Russian infrastructure projects, including the development of transport networks

and energy infrastructure. These projects have helped Russia mitigate the financial isolation it faced due to the Ukrainian crisis and sanctions.

The sanctions on Russia continue to pose challenges, including restrictions on financial transactions, technology imports, and access to global capital markets. This further complicates Russia-China relations, as both countries navigate international pressure. Although Russia-China economic relations have grown, there are concerns about the long-term balance of power in these relations. Russia remains heavily reliant on China for trade, technology, and investment, which may lead to a dependency dynamic that limits Russia's economic autonomy in the future.

The Russia-China economic relationship presents opportunities for both countries to deepen their collaboration in energy, infrastructure, and technology. Both countries are also well-positioned to influence the future of global governance and the global economic system, positioning themselves as leaders of a new multipolar order. With global attention turning to sustainability, there are opportunities for Russia and China to collaborate on green energy projects, such as renewable energy development, energy efficiency, and carbon capture technology. These initiatives could help diversify their economic portfolios and reduce reliance on fossil fuels [Joksimovic & Stoimenov, 2024].

The Russia-China relationship in the context of the Ukrainian crisis has evolved into a more strategic and economically significant partnership. The economic cooperation between the two countries has been shaped by the geopolitical realities of the crisis, particularly the imposition of Western sanctions on Russia. The crisis has accelerated Russia's pivot to China, and the two countries have used this opportunity to strengthen their financial and economic ties. Moving forward, Russia and China are likely to continue deepening their economic relations, leveraging their growing trade in energy, the financial de-dollarization process, and joint infrastructure projects to build a more resilient and mutually beneficial economic alliance. However, challenges remain, particularly in terms of balancing the power dynamic in this bilateral relationship and addressing the potential risks of over-reliance on one partner.

Developments in 2021 to 2025

The period from 2021 to 2025 has seen a significant deepening of financial and economic relations between Russia and China, driven by various factors such as the impact of the Ukrainian crisis, Western sanctions on Russia, and the broader geopolitical realignment. Below is an overview of key data and projections for the period 2021—2025.

Table 1. **Bilateral Trade Volume overview of key data and projections for the period 2021—2025**

Year	Bilateral Trade Volume Russia and China
2021	$146.9 billion USD
2022	$185 billion USD
2023	$185 billion USD
2024	$200 billion USD
2025	2025 Projection: $250 billion USD

Source: Author.

On Table no 1 we can see bilateral trade volume overview of key data and projections for the period 2021-2025. In 2021, the turnover reached approximately $146.9 billion USD, up by 37 % from the previous year (2020), indicating a strong recovery despite the pandemic's impact. Despite global uncertainties, trade has since continued to grow, and by 2025, it is projected to reach $250 billion USD, underpinned by expanded cooperation in energy, technology, and infrastructure sectors.

Data showed Energy cooperation in the period from 2021 to 2025. Energy is the cornerstone of the Russia-China economic relationship, and it is expected to continue growing in the period from 2021 to 2025. Russia remained China's largest oil supplier. By 2021, Russia provided about 15—20 % of China's crude oil imports. This share is expected to remain stable, with Russia continuing to send significant amounts of oil to China through the *Eastern Siberia-Pacific Ocean (ESPO)* pipeline. By 2021, the *Power of Siberia* pipeline, which started operation in 2019, was transporting over 5 billion cubic meters of natural gas annually. This figure is expected to rise to 38 billion cubic meters per year by 2025. A second pipeline, planned to be operational by 2025, is expected to further increase the volume of Russian gas flowing to China. Russia is also expected to increase its exports of nuclear fuel and technologies to China. Joint nuclear projects, such as the Tianwan Nuclear Power Plant, will continue to grow in importance. Both countries are exploring potential joint ventures in renewable energy sectors like solar, wind, and hydropower as part of their energy diversification plans.

The move to de-dollarize trade between Russia and China has accelerated significantly, with both countries aiming to reduce their reliance on the US dollar. In 2021, approximately 20 % of trade between Russia and China was conducted in local currencies and the trend toward local currency settlements is expected to grow. By 2025, the share of bilateral

trade conducted in yuan and rubles could increase to 30—35 %, as both countries seek to bypass the US-dominated financial system. Russia has been developing its own financial messaging system, SPFS (System for Transfer of Financial Messages), as an alternative to the SWIFT system. The use of SPFS in Russia-China transactions is expected to increase significantly. China's CIPS (Cross-Border Interbank Payment System), which facilitates yuan-based transactions, is also gaining traction in Russia, providing an alternative to Western payment systems. Both nations are expected to continue investing in their financial systems, facilitating cross-border investments and trade, and expanding their economic ties through enhanced financial infrastructure [Živkov, Joksimović & Balaban, 2021].

Investment flows and infrastructure development Investment is a key pillar of Russia-China relations, with China increasingly playing a leading role in financing large-scale infrastructure and industrial projects in Russia. In 2021, Chinese direct investment in Russia was estimated at $15 billion USD. By 2025, Chinese investment in Russia could grow to $25—30 billion USD, driven by projects in energy, high-tech, and transportation infrastructure. Key sectors receiving investment include the development of energy infrastructure (gas pipelines, nuclear reactors), transport (railways, ports), and technology (AI, telecommunications, electric vehicles). Russian investment in China remains more modest compared to Chinese investment in Russia but is expected to grow over the next few years, particularly in technology, energy, and high-value manufacturing sectors. Russia's involvement in China's Belt and Road Initiative (BRI) will deepen, particularly with the expansion of transport and logistics infrastructure across Central Asia, the Russian Far East, and into Europe. The development of new corridors, such as the China-Mongolia-Russia Corridor, is expected to further integrate Russian and Chinese markets.

Russia has increasingly relied on China for trade and investment to mitigate the economic impact of Western sanctions. In response to the growing geopolitical tensions with the West, Russia and China are expected to strengthen their strategic partnership, not only in economic terms but also in political and military cooperation. The two countries are expected to coordinate more closely on regional security issues, particularly in Central Asia, the Arctic, and the broader Asia-Pacific region.

As mentioned earlier, trade is expected to reach $200 billion USD by 2024, and possibly $250 billion USD by 2025. The energy trade between the two countries will continue to grow, with a significant increase in natural gas exports to China and continued oil trade through the ESPO pipeline. The use of local currencies and alternative financial systems (such as SPFS

and CIPS) will continue to rise, reducing Russia and China's reliance on US-dominated financial systems. Both countries will increase their investments in each other's economies, with Chinese companies likely to increase their stakes in Russian infrastructure, energy, and technology sectors.

From 2021 to 2025, Russia-China financial and economic relations are expected to continue expanding rapidly, with a focus on energy, trade, financial cooperation, and strategic investment. The ongoing geopolitical shifts, particularly the Ukrainian crisis, have provided a strong impetus for the two countries to deepen their economic ties, reduce reliance on Western markets, and develop alternative financial systems. These trends suggest a future of increasingly integrated bilateral relations, with implications for global trade and finance as Russia and China solidify their economic and geopolitical partnership.

The Ukrainian crisis has functioned as a powerful catalyst for deepening the financial and economic partnership between Russia and China. Confronted with sweeping Western sanctions and financial isolation, Russia has turned eastward, not only as a strategic imperative but as an economic necessity. This section examines the transformation in three core dimensions: financial cooperation, trade reorientation, and geopolitical asymmetry [Živkov, Balaban & Joksimović, 2022].

Financial realignment and de-dollarization one of the most significant developments in the bilateral relationship has been the accelerated move toward financial sovereignty and de-dollarization. Russia and China had already taken modest steps toward conducting trade in national currencies. Post-2022, this shift has become a strategic priority. The share of transactions settled in Yuan and Rubles surged, and Chinese financial platforms like CIPS began to replace SWIFT in Russia-China settlements. This adaptation has not only enabled Russia to continue international transactions but also supported China's long-term goal of internationalizing the Yuan. China, while cautious not to violate Western sanctions, has nonetheless provided financial breathing room to Moscow by keeping its banks engaged in non-sanctioned sectors and promoting Yuan liquidity in Russian markets. However, the relationship remains transactional rather than institutional, lacking the formal mechanisms typical of Western financial alliances.

Trade growth and energy dependence in terms of trade, the post-crisis period has witnessed a dramatic increase in bilateral trade volume. By the end of 2023, China had become Russia's largest trading partner, with trade exceeding $200 billion annually [Gopinath, Gourinchas, Presbitero & Topalova, 2023]. Much of this growth is driven by Russia's exports of energy

and raw materials at discounted prices, which China has strategically capitalized on.

This shift has led to a restructuring of supply chains, with Chinese firms replacing Western manufacturers and investors exiting the Russian market. Simultaneously, Chinese technology and infrastructure companies have expanded their footprint in Russia, further entrenching Chinese economic influence. However, this dependence is asymmetric — Russia has far fewer alternatives than China, giving Beijing increased leverage in negotiations and long-term agreements [Denisov & Lukin, 2021].

Strategic cooperation, not alliance geopolitically, the Russia-China relationship has deepened, but not matured into a formal alliance. Analysts agree that China remains strategically ambiguous in its support for Russia. While Beijing echoes Moscow's criticism of NATO expansion and supports a multipolar world order, it stops short of offering military or overt material support that could trigger secondary sanctions [Efremenko, 2024].

This delicate balance allows China to benefit from Russia's isolation without fully committing to its military objectives. It also reflects China's desire to maintain its global trade relations and avoid direct confrontation with the West. Therefore, the Russia-China partnership, while strengthened economically, remains pragmatic and interest-based, guided more by shared opposition to the U.S.-led global order than by mutual ideological alignment.

Overall, the Ukrainian crisis has undeniably accelerated the pace and scale of Russia-China financial and economic cooperation. However, this development is best understood not as a convergence of equals but as the repositioning of a sanctioned power within China's economic orbit. Financial innovation, alternative trade networks, and shifting currency dependencies are transforming Eurasian economic geography — yet this transformation is heavily tilted in China's favor.

Future Outlook

The future development of Russia-China financial and economic relations in the context of the Ukrainian crisis is likely to be shaped by several key factors, including geopolitical dynamics, evolving economic strategies, and the global response to the ongoing conflict. As Russia continues to navigate the international sanctions imposed by the West and China's growing economic influence, the trajectory of their relationship will play a crucial role in the future of global trade, finance, and security. Here are some key expectations for the future:

Energy will remain the cornerstone of Russia-China economic relations. Russia's increasing isolation from European energy markets will likely result in further deepening of energy exports to China. China's need for energy security, particularly natural gas and oil, will continue to make Russia an important partner. The expansion of projects like the *Power of Siberia* pipeline and other energy infrastructure initiatives will likely be prioritized. Meanwhile, as both countries face pressure from Western nations, Russia may also diversify the types of energy it supplies to China, including expanding cooperation in nuclear energy, renewable resources, and technological innovations in energy efficiency. The joint development of energy resources in the Arctic and other regions may also become a focus.

The trend of reducing reliance on the US dollar in bilateral trade is expected to continue, with both countries utilizing local currencies like the ruble and Yuan for trade settlements. This move is not just a response to Western sanctions but part of a broader strategy to establish a more independent financial ecosystem between Russia and China. With both nations increasingly sidelining Western financial networks like SWIFT, the expansion of alternative financial infrastructures such as China's *CIPS* (Cross-Border Interbank Payment System) and Russia's *SPFS* (System for Transfer of Financial Messages) is expected to grow. These systems will play a crucial role in maintaining secure financial transactions between the two countries and may gain traction in other non-Western countries [Grujić Vučkovski, Paraušić, Jovanović Todorović, Joksimović & Marina, 2022].

Russia's alignment with China's Belt and Road Initiative (BRI) will likely expand, particularly in areas of infrastructure development. The development of new trade corridors, transportation infrastructure (such as railways, highways, and ports), and energy projects will be a central part of the growing partnership. Russia could increasingly serve as a gateway for Chinese goods into Europe, strengthening its role as a transit hub. China is a global leader in advanced technologies, including 5G, artificial intelligence, and green energy. Russia, with its growing need for modernization and technological advancement, may look to deepen cooperation with China in these sectors. Collaborative efforts could include joint ventures, technology transfers, and R&D partnerships, particularly in energy technologies, artificial intelligence, and cybersecurity.

China's investment in Russia will likely increase, especially in sectors such as energy, manufacturing, technology, and agriculture. With the decline in Western investments due to sanctions, China may take a more prominent role in financing key Russian projects, helping to drive economic growth, particularly in Russia's eastern regions. Investments in

infrastructure, technology, and joint ventures are likely to grow, particularly in high-tech and green industries. New trade agreements and initiatives: The establishment of new trade agreements and initiatives between Russia and China is expected, covering a broader range of sectors, from agriculture to high-tech industries. These initiatives will help further solidify economic ties and diversify Russia's trade away from traditional Western markets.

As tensions with the West continue, Russia and China will likely enhance their political and strategic cooperation, positioning themselves as key players in a multipolar world order. This economic partnership will extend beyond trade, encompassing geopolitical issues such as regional security, military cooperation, and counterbalancing Western global influence. The Russia-China alliance will likely increase its influence in global institutions, particularly in organizations like the United Nations, BRICS, the Shanghai Cooperation Organization (SCO), and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). This growing economic and political clout could challenge existing global governance structures dominated by the US and EU, fostering the emergence of a new global order centered on multipolarity.

One of the major risks in the Russia-China economic relationship is the potential for economic imbalance. Russia may become increasingly dependent on China for trade and investment, potentially weakening its economic autonomy. Any geopolitical or economic shifts within China could also have significant consequences for Russia, especially given the strategic dependence on Chinese markets and technology. There are also underlying challenges, particularly concerning geopolitical ambitions. Both countries have different strategic goals, and tensions could arise over issues such as the control of regional trade routes, technological dominance, or the influence over Central Asia. These tensions may occasionally surface, particularly if either country perceives the other's actions as encroaching on their core interests.

The increased cooperation between Russia and China may lead to a shift in global trade patterns, particularly in Eurasia. As both countries forge stronger economic links, they could serve as a model for other countries seeking to circumvent Western sanctions and align with a rising multipolar world order. This shift could lead to the emergence of new economic blocs outside the Western-dominated system, further diversifying global trade networks. This would also have a significant impact on global supply chains, particularly in the areas of energy, technology, and manufacturing. Countries that rely on Russian energy and Chinese products may find themselves increasingly dependent on this alliance, which could alter the global supply chain dynamics and economic partnerships.

Conclusion

The Ukrainian crisis has profoundly reshaped the financial and economic landscape of Eurasia, with Russia and China emerging as increasingly interdependent — yet strategically unequal — partners. As Russia has faced mounting isolation from Western markets, it has turned to China not only as a trade partner but as a financial lifeline. In response, China has seized the opportunity to solidify its influence over a resource-rich neighbor while advancing its own goals of financial sovereignty and global currency diversification.

This deepening relationship, however, is marked more by pragmatism than partnership. While economic ties have expanded — particularly in energy, finance, and infrastructure — the underlying asymmetry has grown more pronounced. China has maintained a careful diplomatic posture, avoiding full alignment with Moscow while still enabling and benefiting from Russia's reorientation.

Ultimately, the evolution of Russia-China economic relations in the present context underscores a broader shift in the global order. Both nations are building alternative mechanisms to reduce their vulnerability to Western dominance — yet this process also reveals internal imbalances, diverging priorities, and the limits of their cooperation. For Russia, dependency on China risks long-term economic subordination; for China, support for Russia must be weighed against its global ambitions and economic ties with the West.

Thus, the current trajectory of the Russia-China economic relationship is not a new Cold special military operation bloc, but rather a strategic convergence of convenience, shaped by crisis, opportunity, and shared — but not identical — interests.

The future of Russia-China financial and economic relations in the context of the Ukrainian crisis is marked by both opportunities and challenges. While their growing partnership offers significant potential for mutual economic growth, especially in energy, finance, and technology, it also carries risks associated with economic dependence and imbalances. As the global geopolitical landscape continues to evolve, the Russia-China alliance will play a critical role in shaping global trade, finance, and international relations in the coming decades. The future of this relationship will depend on how both nations manage their mutual interests and navigate the complex global challenges ahead, with both cooperation and competition likely to define their evolving partnership.

The development of financial and economic relationships between Russia and China in the context of the Ukrainian crisis marks a significant

shift in global economic and geopolitical dynamics. The ongoing conflict has acted as a catalyst, pushing Russia to deepen its ties with China, as it faces increasing isolation from Western nations due to sanctions and diplomatic pressures. The growing partnership between the two nations is not only a response to geopolitical challenges but also an indication of a broader realignment in global power, with both countries seeking to reduce their reliance on Western-dominated financial systems and institutions.

Bilateral trade, particularly in energy resources, has flourished, with China becoming Russia's largest trading partner. Key projects such as the *Power of Siberia* gas pipeline and various joint infrastructure investments have solidified the energy dimension of the relationship. Moreover, financial cooperation between the two countries has intensified, with initiatives like the use of the yuan and ruble in bilateral trade, as well as the development of alternative payment systems to bypass Western financial networks, such as SWIFT.

However, while this partnership provides Russia with much-needed economic support, it also presents significant risks. Russia's increasing reliance on China, particularly in areas such as energy exports and technological imports, could lead to an imbalance in the relationship, potentially making Russia more vulnerable to Chinese economic pressures. The long-term sustainability of this alliance depends on both countries balancing their economic interests, navigating the challenges of dependency, and addressing issues related to governance and strategic cooperation.

Ultimately, the Russia-China economic partnership, catalyzed by the Ukrainian crisis, underscores the shifting contours of global economic power. As both nations continue to develop and expand their economic ties, the implications for global trade, finance, and international relations will be profound. While this alliance offers opportunities for mutual economic growth and a counterbalance to Western influence, it also requires careful management to avoid over-dependence and to ensure a balanced and sustainable partnership in the future. The evolution of this relationship will continue to play a crucial role in the broader geopolitical landscape as both countries pursue their respective strategies in a rapidly changing global order.

Библиографический список [References]

Balaban S., Joksimović M., & Stoiljković B. (2022). The determinants of growing agri-food export: The case of CEE countries, *Ekonomika poljoprivrede:* 69(3): 877—886. URL: https://www.researchgate.net/publication/364292013_THE_DETERMINANTS_OF_GROWING_AGRI-FOOD_EXPORT_THE_CASE_OF_CEE_COUNTRIES# read (accessed: 21 April 2025). DOI: 10.5937/ekoPolj2203877B

Balaban S., Milenkovic I., & Joksimović M. (2023). The euro exchange rate's resistance to the exogenous shock caused by COVID-19, *Strategic Management — International Journal of Strategic Management and Decision Support Systems in Strategic Management*. URL: https://www.researchgate.net/publication/375591099_The_Euro_exchange_rate's_resistance_to_the_exogenous_shock_caused_by_COVID-19 (accessed: 22 April, 2025). DOI: 10.5937/StraMan2300059B

Cohen M. A., & Lee, H. L. (2020). Designing the right global supply chain network, *Manufacturing & Service Operations Management*, 22(1): 15—24. URL: https://pubsonline.informs.org/doi/epdf/10.1287/msom.2019.0839 (accessed: 21 April, 2025). DOI: 10.1287/msom.2019.0839

Denisov I., & Lukin A. (2021). Russia's China policy: Growing asymmetries and hedging options, *Russian Politics,* 6(4): 531—550. URL: ttps://www.researchgate.net/publication/356058312_Russia's_China_Policy_Growing_Asymmetries_and_Hedging_Options (accessed: 21 April, 2025). DOI: 10.30965/24518921-00604007

Düben B. A. (2023). Omnibalancing in China-Russia relations: regime survival and the specter of domestic threats as an impetus for bilateral alignment, *Post-Soviet Affairs,* 39(6): 462—486. URL: https://www.bohrium.com/paper-details/omnibalancing-in-china-russia-relations-regime-survival-and-the-specter-of-domestic-threats-as-an-impetus-for-bilateral-alignment/877853218653077510-5499 (accessed: 21 April, 2025). DOI: 10.1080/1060586X.2023.2223059

Efremenko D. V. (2024). Beyond the Unipolar Moment Russian Interests and Identity in the Era of Transformation of the World Order, *Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences. Center for Interdisciplinary Studies,* 212 p. URL: https://inion.ru/site/assets/files/8496/092024_ss_rasstavaias_s_momentom_odnopoliarnosti.pdf (accessed: 19 April, 2025).

Fan X. (2024). The Impact of the Russia-Ukraine Crisis on China in Terms of the "Belt and Road Initiative", *The International Journal of Interdisciplinary Global Studies,* 19(2): 21. URL: https://brain.urjc.es/permalink/34URJC_INST/18ru26o/cdi_proquest_journals_3020691067 (accessed: 21 April, 2025). DOI:10.18848/2324-755X/CGP/v19i02/21-37

Gapon M. (2024) Integrating the Arctic Into the Belt and Road Initiative: Economic Interactions Between China and Russia, *Journal of Advance Research in Business, Management and Accounting.* URL: https://nnpub.org/index.php/BMA/article/view/2164/1620 (accessed: 21 April, 2025). DOI: 10.61841/fe5v0m40

Gopinath G., Gourinchas P.-O., Presbitero A.F., Topalova P. (2023). Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working Paper WP/24/76, Wash.: IMF,* 23 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357 (accessed: 21 April, 2025).

Gromyko A.A. (2024). The World of Polycentrism: The Role of Values in Major Powers' Competition, *Political Studies*, 6: 7—21. URL: https://www.politstudies.ru/en/article/6209?printmode (accessed: 23 April, 2025). DOI: 10.17976/jpps/2024.06.02

Grujić Vučkovski B., Paraušić V., Jovanović Todorović M., Joksimović M., & Marina, I. (2022). Analysis of influence of value indicators agricultural production on

gross value added in Serbian agriculture, *Custos e Agronegocio*: 18(4): 349-372. URL: https://www.researchgate.net/publication/371681412_Analysis_of_influence_of_value_indicators_agricultural_production_on_gross_value_added_in_serbian_Analysis_of_influence_of_value_indicators_agricultural_production_on_gross_value_added_in_serbian_agri#read (accessed: 21 April, 2025).

Joksimovic M., & Stoimenov S. (2024). The importance of green bonds for the development of the green economy, *BizInfo Blace:* 15(1): 107—111. URL: http://www.bizinfo.edu.rs/index.php/bizinfo/article/view/332 (accessed: 19 April, 2025). DOI: 10.5937/bizinfo2401107J

Kataf A. P. D. F. H. (2023). The Impact of the Russian-Ukrainian War on Russian-Chinese Relations. *Tec Empresarial (Costa Rica)*: 18: 2: 395-423. URL: https://revistas tecac.com/index.php/TEC/article/view/406/405 (accessed: 21 April, 2025).

Lukin A., & Novikov D. (2021). Sino-Russian rapprochement and Greater Eurasia: From geopolitical pole to international society? *Journal of Eurasian Studies,* 12(1): 28—45. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/18793665211000057 (accessed: 22 April, 2025). DOI: 10.1177/18793665211000057

Ptaszek G., Yuskiv B., & Bajor P. (2025). Mapping Russia's Global Influence: A Cluster Analysis of Strategic Goals and Instruments of Influence in the Post-Crimea Era (2014—2021). *Politeja,* 22(2 (96/2): 99—138. URL: https://doi.org/10.12797/Politeja.22.2025.96.2.04 (accessed: 21 April, 2025). DOI: 10.12797/POLITEJA.22.2025.96.2.05

Schachtschneider J. (2019). CIPS—China's Cross-Border Interbank Payment System and Its Role Within the RMB Internationalization Process. October 23, 2019. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4096107 (accessed 12 April, 2025). DOI: 10.2139/ssrn.4096107

Živkov D., Balaban S., & Joksimović M. (2022). Making a Markowitz portfolio with agricultural commodity futures, *Agricultural Economics—Czech*: 68(6): 219—229. URL: https://agricecon.agriculturejournals.cz/artkey/age-202206-0003_making-a-markowitz-portfolio-with-agricultural-commodity-futures.php (accessed: 21 April, 2025). DOI: 10.17221/78/2022-AGRICECON

Živkov D., Joksimović M., & Balaban S. (2021). Measuring parametric and semiparametric downside risks of selected agricultural commodities. *Agricultural Economics — Czech,* 67(8): 305—315. URL: https://agricecon.agriculturejournals.cz/artkey/age-202108-0001_measuring-parametric-and-semiparametric-downside-risks-of-selected-agricultural-commodities.php (accessed: 21 April, 2025). DOI: 10.17221/148/2021-AGRICECON

Поступила в редакцию: 28.04.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Apr 28, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.50.28.019

С.Л. Сазонов

КНР, ЕВРОСОЮЗ, США И ВОЙНА ПОШЛИН НА ЭЛЕКТРОМОБИЛИ

Аннотация. На начало 2025 г. Китай 11-й год подряд являлся мировым лидером в области производства электромобилей (ЭМ): ныне на его долю приходится более 60 % объема глобального производства ЭМ, более 70 % объема мирового производства литийионных аккумуляторных батарей. Глобальное доминирование Китая в области производства и экспорта ЭМ не устраивает автопроизводителей из США и стран Евросоюза, и правительства этих стран под разными предлогами ввели повышенные таможенные тарифы на китайские электромобили.

При введении заградительных пошлин в размере 100 % правительство США ссылалось на тот факт, что китайские ЭМ представляют угрозу для национальной безопасности страны, поскольку программное обеспечение этих ЭМ позволяет получать доступ к личным данным водителей. Введение дополнительных пошлин со стороны стран Евросоюза обосновывалось чрезмерной государственной поддержкой китайских автопроизводителей и наличием «избыточных мощностей», что обеспечило преференциальный режим при осуществлении экспорта китайских электромобилей на рынки европейских стран. Европейская комиссия заявила, что массовый экспорт дешевых ЭМ из Китая ослабляет европейскую промышленность и приводит к дисбалансу во взаимной внешней торговле. В свою очередь, правительство Китая подчеркнуло, что китайские компании по производству ЭМ выросли за счет инноваций, надежных цепочек поставок и рыночной конкуренции, а не за счет опоры на субсидии для получения конкурентного преимущества. Лидирующее положение ки-

тайского автопрома определяется исключительно технологическими инновациями, а агрессивный протекционизм со стороны западных стран направлен на снижение конкурентоспособности китайских автопроизводителей и создание несправедливого преимущества для западных компаний. В результате Китай подал иск в Суд Европейского союза, оспаривая решения Европейской комиссии о введении пятилетних антисубсидиарных пошлин на китайские ЭМ. В то же время, в «тарифной» битве начали звучать и примирительные нотки, поскольку некоторые европейские автопроизводители стали отказываться от конфронтации, предпочитая технологическое сотрудничество с ведущими китайскими производителями электромобилей.

Помимо анализа заявленной темы, автор также рассмотрит взгляды китайских политологов и экспертов на вопросы торгово-экономических отношений КНР с ЕС и США.

Ключевые слова: Китай, Евросоюз, США, электромобили, тарифы, пошлины, субсидии, конкурентоспособность.

Автор: *Сазонов Сергей Леонидович,* кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32). ORCID: 0000-0002-8889-7072.
E-mail: sazonovch@mail.ru.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Сазонов С.Л. КНР, Евросоюз, США и война пошлин на электромобили // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 295—308. DOI: 10.48647/ICCA.2025.50.28.019.

S.L. Sazonov

China, the EU, the US and the tariff war on electric cars

Abstract. In 2025, China is the world leader in electric vehicle (EV) production for the 11th year in a row, accounting for more than 60 % of global EV production and more than 70 % of global lithium-ion battery production. China's global dominance in the field of EV production and export does not suit automakers from the United States and European Union countries, and the governments of these countries have imposed increased customs tariffs on Chinese electric vehicles under various pretexts.

When imposing protective duties of 100 %, the US government referred to the fact that Chinese electronic devices pose a threat to the national

security of the country, since the software of these electronic devices allows access to personal data of drivers. The introduction of additional duties by the European Union countries was justified by excessive government support for Chinese automakers and the presence of «excess capacity», which provided preferential treatment for the export of Chinese electric vehicles to European markets. The European Commission has found that the massive export of cheap EV from China weakens the European EV manufacturing industry and leads to an imbalance in mutual foreign trade. For its part, the Chinese government said that Chinese EV companies have grown through innovation, reliable supply chains and market competition, rather than relying on subsidies to gain a competitive advantage. The leading position of the Chinese automotive industry is determined solely by technological innovations, and aggressive protectionism from Western countries is aimed at reducing the competitiveness of Chinese automakers and creating an unfair advantage for Western companies. As a result, China filed a lawsuit with the Court of Justice of the European Union, challenging the European Commission's decision to impose five-year anti-subsidy duties on Chinese EV. At the same time, conciliatory notes have recently begun to sound in the «tariff» battle, as some European automakers have begun to abandon confrontation, preferring technological cooperation with leading Chinese manufacturers of electric vehicles.

In addition to analyzing the stated topic, the author will also consider the opinions of Chinese political scientists and experts on issues of trade and economic relations between China and the EU and the USA.

Keywords: China, European Union, USA, electric vehicles, tariffs, taxes, subsidies, competitiveness.

Author: Sergey L. SAZONOV, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0002-8889-7072, E-mail: sazonovch@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support: The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Sazonov S.L. (2025). KNR, Evrosoyuz, SShA i vojna poshlin na elektromobili [China, the EU, the US and the tariff war on electric cars], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 295—308. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.50.28.019.

В наши дни мировой рынок электромобилей (ЭМ), в особенности рынок Китая, испытывает на себе давление торгово-протекционистских мер со стороны некоторых западных стран — коммерче-

ских партнеров. В феврале 2024 г. министр торговли США Дж. Раймондо (Gina Raimondo) предупредила, что «ЭМ китайского производства представляют собой значительные риски для национальной безопасности, и администрация Байдена рассматривает дополнительные пошлины на автомобили из КНР в качестве отдельной меры по защите личной информации американцев»[1], а в мае и августе 2024 г. США и Канада повысили тарифы на импорт ЭМ из Китая до 102,5 %[2] и 100 % соответственно[3]. В сентябре 2024 г. Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США *(US Department of Commerce's Bureau of Industry and Security/BIS)* объявило о правиле, согласно которому будет запрещен импорт транспортных средств, некоторого оборудования и программного обеспечения, производство которых связано с Китаем или Россией.

Предлагаемое правило относится к оборудованию и программному обеспечению (ПО), интегрированному в систему подключения транспортных средств *(Version Control System/VCS),* и/или в автоматизированную систему вождения *(Advanced Design System/ADS)*. Это критически важные системы, которые с помощью особого оборудования и ПО обеспечивают возможность автономного вождения в подключенных транспортных средствах. *BIS* заявило, что злонамеренный доступ к этим системам может позволить злоумышленникам получить доступ и собрать конфиденциальные данные о гражданах США и удаленно манипулировать автомобилями на американских дорогах.

Предлагаемое правило будет применяться ко всем колесным дорожным транспортным средствам, таким как автомобили, грузовики

---

[1] GT Voice: Warning about Chinese EVs underscores anxiety of US. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306550.shtml?id=11 (accessed: 27.02.2024).

[2] 1 февраля 2025 г. Президент США Д. Трамп, заявляя, что «пошлины соответствуют его поддержке протекционистских мер», подписал указ о введении 10%-ный пошлины на товары, импортируемые из Китая, а Белый дом заявил, что «10%-ная пошлина распространяется на весь импорт из Китая в дополнение к существующим пошлинам» (US imposes 10 percent tariff on Chinese goods. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202502/1327744.shtml?id=12 (accessed: 18.02.2025). В ответ на объявленные американским правительством дополнительные пошлины в размере 10 % на все импортируемые в США китайские товары, ссылаясь на так называемые проблемы, такие как фентанил, 4 февраля 2025 г. Китай объявил о введении, начиная с 10 февраля 2025 г., дополнительных пошлин на некоторые импортируемые товары из США, включая пошлину на уголь и сжиженный природный газ в размере 15 % и пошлину на сырую нефть, сельскохозяйственную технику, автомобили большого объема и пикапы в размере 10 % (China to impose additional tariffs on certain US goods. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202502/1327806.shtml (accessed: 17.02.2025).

[3] *Wang Yi.* Chinese EV sector unleashes potential amid fierce competition, protectionism. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202410/1322235.shtml (accessed: 06.11.2024).

и автобусы, но за исключением специальных колесных средств, не используемых на дорогах общего пользования, таких как сельскохозяйственные или горнодобывающие машины. Правило также запретит производителям, связанным с Китаем или РФ, продавать в США подключенные транспортные средства, оснащенные аппаратным или программным обеспечением *VCS* или программным обеспечением *ADS,* даже если транспортное средство было произведено в Америке. Запреты на ПО вступят в силу для ЭМ 2027 модельного года, а запреты на оборудование — для ЭМ 2030 модельного года или с 1 января 2029 г. для ЭМ без модельного года.

Генеральный секретарь Китайской ассоциации легковых автомобилей (КАЛА) Цуй Дуншу подчеркнул, что предлагаемое правило в основном касается программного и аппаратного обеспечения, связанного с интеллектуальными подключенными транспортными средствами. Сюда входит ПО для вождения; для помощи водителю и для управления транспортным средством. Он также отметил, что этот запрет направлен на снижение конкурентоспособности Китая и создание несправедливого преимущества для американских компаний. Однако меры по сдерживанию не остановят развитие китайской автомобильной промышленности, а для китайских компаний последствия будут минимальными, поскольку объемы продаж китайских автомобилей в США незначительны. По его мнению, китайские компании, которые производят комплектующие, в любом случае окажутся в выгодном положении, поскольку ограничения будут стимулировать освоение альтернативных рынков, включая Европу, Юго-Восточную Азию, Африку и Россию.

14 января 2025 г. уходящая администрация президента США Д. Байдена объявила о мерах по защите США от рисков, «связанных с эксплуатацией в США цепочек поставок подключенных автомобилей из Китая и России»[1]. В Белом доме заявили, что «Правило запрещает импорт или продажу определенных систем подключенных транспортных средств, спроектированных, разработанных, изготовленных или поставляемых организациями, связанными с Китаем и Россией, включая системы и компоненты, которые подключают транспортные средства к внешнему миру, в том числе через *Bluetooth*, сотовые, спутниковые и *Wi-Fi* модули, а также автоматизированные системы вождения». По мнению китайских аналитиков, — «этот шаг фактически

[1] MOFCOM blasts Biden admin's last-minute trade restrictions, says suppression only lifts China's capabilities for self-reliance, innovation. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202501/1326966.shtml (accessed: 13.01.2025).

запретит почти всем китайским легковым и грузовым автомобилям доступ на рынок США»[1].

В пресс-релизе, опубликованном еще 29 октября 2024 г., Европейская комиссия (ЕК), исполнительный орган ЕС, заявила, что завершила свое антисубсидиарное расследование, введя окончательные компенсационные пошлины на импорт ЭМ из Китая сроком на пять лет. В пресс-релизе отмечалось, что «компенсационные пошлины на китайские электромобили, варьирующиеся от 17 % до 35,3 %, вступят в силу на следующий день после публикации в «Official Journal», т. е. 30 октября 2024 г.[2]. Согласно документу, среди трех основных компаний, подвергшихся санкциям, шанхайский автопроизводитель *SAIC Motor Corp* столкнется с дополнительными пошлинами в размере 35,3 % сверх существующих 10 %; а автоконцерн *Geely Automobile Holdings Ltd* будет обложен дополнительными пошлинами в 18,8 % и корпорация *BYD Co* — в 17 %[3].

Другие китайские производители ЭМ сталкиваются с пошлиной в среднем в размере 20,7 % и с максимальной пошлиной в 35,3 % для тех китайских автопроизводителей, кто считается «не сотрудничающими с ЕК»[4]. Новые пошлины были введены в дополнение к стандартной импортной пошлине в размере 10 %, которая уже действовала в случае импорта китайских ЭМ в страны ЕС.

Евросоюз ввел тарифы в ответ «на несправедливые субсидии, включающие в себя кредиты с низкими процентными ставками, дешевую землю и скидки поставщикам»[5]. США и ЕС ввели дополнительные пошлины на ЭМ китайского производства, также обвиняя Китай «в наводнении» своих рынков более дешевыми электромобилями в результате «перепроизводства», которое США и ЕС приписали значительным государственным субсидиям в КНР.

Китайские эксперты отмечают, что «хотя ЕС и заявил о своей готовности продолжить переговоры с Китаем, он не проявил достаточ-

---

[1] *Wang Cong, Yin Yeping.* US rule against Chinese tech of connected cars 'economic coercion'. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202501/1326974.shtml (accessed: 26.01.2025).

[2] China 'does not accept' EU tariffs on EVs, vows to firmly defend interests. Brussels urged to advance talks to avoid escalating trade frictions. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202410/1322159.shtml?id=12 (accessed: 03.11.2024).

[3] *Jia Xinguang.* Toyota's Shanghai EV plant plan shows esteem in Chinese market. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202501/1326247.shtml (accessed: 20.01.2025).

[4] *Ma Jingjing, Yin Yeping.* China 'does not accept' EU's final ruling on anti-subsidy probe into Chinese EVs, files WTO suit over the matter: MOFCOM. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202410/1322115.shtml (accessed: 12.11.2024).

[5] Tesla suing EU over tariffs on China-made EVs. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/28/WS6798e141a310a2ab06ea9ac3.html (accessed: 17.01.2025).

ной искренности и, проводя переговоры с отдельными китайскими автопроизводителями, стремится уничтожить китайские компании одну за другой. ЕС прекрасно понимает, что Европа сильно отстает в разработке ЭМ, и стремится заставить китайские компании перенести часть своего производства в страны ЕС, поделиться своими технологиями и переместить в Европу свои цепочки поставок»[1].

9 февраля 2025 г. Министерство торговли КНР заявило: «Вследствие расследований ЕС китайские предприятия понесли значительные экономические потери, как прямые, так и косвенные, включая около 7,6 млрд юаней (около 1,06 млрд долл.) по отмененным тендерным проектам, а также по другим проектам на сумму более 8 млрд юаней»[2].

25 января 2025 г. Китайская торговая палата по импорту и экспорту машин и электронных изделий *(China Chamber of Commerce for Import and Export of Machinery and Electronic Products/CCCME)* подала иск в Суд Европейского союза *(Court of Justice of the European Union/CJEU),* оспаривая решения Европейской комиссии о введении 5-летних антисубсидиарных пошлин на китайские ЭМ. Палата обвиняет Европейскую комиссию в нарушении антисубсидиционных правил ЕС посредством неправомерных действий и решений, принятых в ходе расследования[3].

С целью оспорить пошлины Европейского союза на ЭМ китайского производства корпорации *Tesla* и *BMW* присоединились к китайским производителям ЭМ, подав в конце января 2025 г. иски в Суд Европейского союза. *Tesla* также призвала правительство Канады отменить тариф в размере 100 % на ЭМ, импортируемые из Китая[4]. Иски автопроизводителей последовали за исками, поданными китайскими производителями ЭМ — компаниями *BYD, Geely* и *SAIC*, оспаривающими дополнительные импортные пошлины ЕС, превышающие 35 %. Согласно тарифной схеме ЕС, американский автопроизводитель *Tesla,* который производит автомобили в Китае, сталкивается с

[1] China ‘does not accept’ EU tariffs on EVs, vows to firmly defend interests. Brussels urged to advance talks to avoid escalating trade frictions. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202410/1322159.shtml?id=12 (accessed: 29.10.2024).

[2] China says EU's foreign subsidy investigations constitute trade, investment barriers. URL: http://www.china.org.cn/business/2025-01/09/content_117654779.htm (accessed: 13.01.2025).

[3] China's machinery trade group challenges EU's EV anti-subsidy duties in court. URL: http://en.people.cn/n3/2025/0126/c90000-20270633.html (accessed: 04.02.2025).

[4] Tesla suing EU over tariffs on China-made EVs. URL: http://www.china.org.cn/business/2025-01/29/content_117690399.htm (accessed: 30.01.2025).

пошлиной в размере 7,8 %, а компания *BMW*, которая также производит некоторые модели в Китае, облагается пошлиной в размере 20,7 %[1].

Китайские эксперты утверждают, что «обвинения со стороны Европы и США в «избыточных мощностях» не имеют под собой оснований»[2]. Производственные мощности Китая по выпуску ЭМ составляют около 70 % от общемировых производственных мощностей, причем они опираются на полноценную промышленную систему поддержки и цепочки поставок для электромобильной промышленности. Проектирование, производство, стиль, функциональность, технологические инновации и многое другое вместе создали преимущества китайской отрасли производства ЭМ[3]. Китайские компании

---

[1] Tesla, BMW join Chinese EV makers in challenging EU tariffs. URL: http://www.china.org.cn/business/2025-01/28/content_117689535.htm.

[2] По словам заместителя министра Министерства промышленности и информационных технологий КНР Синь Гобиня (Xin Guobin), «Китайский автомобильный рынок далек от перенасыщения. В начале 2024 г. в Китае насчитывалось 340 млн автомобилей, что составляет около 240 ед. на 1 тыс. человек, что значительно ниже, чем в развитых странах и указывает на значительный потенциал роста. Между тем за последнее десятилетие почти 100 млн жителей страны вышли из черты бедности, и их основным стремлением является приобретение собственного автомобиля, что подчеркивает огромный потенциал китайского автомобильного рынка и развенчивает опасения по поводу «избыточных мощностей» (*Cao Yingying.* Major growth predicted for new energy cars worldwide. Challenges remain in getting nation past 50 percent target, vice-minister warns congress. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202410/14/WS670c76b1a310f1265a1c768 2.html (accessed: 18.10.2024).

[3] Хотя тарифные барьеры, установленные Европой и США на китайские ЭМ, начинают оказывать негативное влияние на экспорт, китайские электромобили и гибридные автомобили добиваются все большего успеха на развивающихся рынках, в частности, в странах Глобального Юга. Будучи крупнейшим автомобильным рынком Латинской Америки и шестым по величине в мире, Бразилия обладает значительным потенциалом для поглощения китайских ЭМ. Согласно отчету Bloomberg, в 2024 г. около 90 % легковых ЭМ, проданных в Бразилии в первой половине 2024 г., были произведены китайскими компаниями. В 2023 г. китайский автопроизводитель BYD, крупнейший производитель ЭМ в мире, объявил о планах по созданию производственного предприятия в бразильском штате Баия, а в марте 2024 г. автосборочный завод BYD начал работу и создал более 5 тыс. новых рабочих мест (*Wang Keju.* Latin America shows rising interest in Chinese NEVs. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202411/20/WS673d2 04ea310f1265a1ce77b_2.html (accessed: 22.11.2024). В Южной Африке китайские автопроизводители, включая Great Wall и BYD, выпустили широкий спектр моделей ЭМ, объемы продаж которых составляют более 75 % общего объема продаж ЭМ в этой стране. В Египте количество ЭМ, зарегистрированных в первом квартале 2024 г., составило треть всех регистраций ЭМ за последние три года, причем подавляющее большинство из них поступило из Китая. За первые девять месяцев 2024 г. экспорт ЭМ из Китая в Мексику показал впечатляющий рост на 557,9 % в годовом исчислении (*Ni Hao, Song Lin.* Exploring Global South market for NEVs. To accelerate global green transition, Chinese

по производству ЭМ выросли за счет инноваций, надежных цепочек поставок и рыночной конкуренции, а не за счет опоры на субсидии для получения конкурентного преимущества»[1].

В отчете Международного энергетического агентства *(МЭА/ International Energy Agency)* отмечалось, что в 2023 г. автомобили, использующие альтернативные источники энергии (как ЭМ, так и подключаемые гибридные автомобили), составили около 18 % объема проданных в мире автомобилей, по сравнению с 14 % в 2022 г. и 2 % в 2018 г. и, как говорилась в отчете, «Эти тенденции указывают на то, что рост производства ЭМ остается устойчивым в мире»[2].

Китайские эксперты особо отмечают, что «По данным МЭА, в 2030 г. мировой спрос на ЭМ будет в три раза выше показателя 2023 г. Все эти факты свидетельствуют, что так называемая риторика об «избыточных мощностях» в отношении китайской отрасли производства ЭМ — не что иное, как оправдание протекционистских торговых мер»[3]. Китайские эксперты также полагают, что «США и страны ЕС

---

automakers are ready to expand cooperation with more countries. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325623.shtml (accessed: 02.01.2025). В период 2022—2024 гг. страны АСЕАН стали важнейшим рынком для китайских производителей ЭМ, побуждая их увеличивать как объемы экспорта «зеленых» автомобилей, так и объемы инвестиций в автомобильную промышленность региона. В отчете ВТО «О глобальной торговле и статистике», опубликованном 11 октября 2024 г., отмечалось, что объем глобального экспорта в Азию в 2024 г. вырос на 7,4 %, опередив другие регионы мира, причем на 80 % этот рост был определен увеличением объема китайского экспорта ЭМ в страны АСЕАН (Global trade to increase 2.7 pct in 2024: WTO report. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202410/1321036.shtml (accessed: 25.10.2024).

[1] EU subsidies for lithium batteries, PV products, and EVs show double-standard protectionism: blue book. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325026.shtml (accessed: 27.12.2024).

[2] China's NEV annual production hits 10 million amid global carbon reduction efforts. URL: http://en.people.cn/n3/2024/1114/c90000-20242047.html (accessed: 15.11.2024).

[3] Некоторые политики в США продолжают продвигать нарратив об «избыточных мощностях Китая», несмотря на то, что он не соответствует экономическим принципам и фактическим данным. Такая безответственная риторика служит лишь оправданием для пропаганды торгового протекционизма. Субсидии, доступные в США, как по масштабам, так и по специфике, значительно превосходят аналогичные в Китае. Например, Закон США о снижении инфляции (US Inflation Reduction Act) расширяет налоговые льготы для потребителей, приобретающих ЭМ, предлагая до 7,5 тыс. долл. за 1 ЭМ. Закон также предусматривает, что окончательная сборка автомобиля должна производиться в Северной Америке, а компоненты АКБ должны производиться в определенных регионах, чтобы претендовать на субсидию правительства США. Эти нормативные акты ограничивают конкуренцию со стороны таких стран, как Китай. Если бы субсидии действительно были надежным средством повышения конкурентоспособности, отрасль производства ЭМ в США давно бы обогнала китайскую отрасль (*Liang Yongmei.* 'China's overcapacity' narrative can not justify protectionist US push. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202409/1319379.shtml?id=11 (accessed: 09.10.2024).

стремятся подавить развивающиеся отрасли Китая, такие как производство литиевых аккумуляторных батарей (АКБ) и ЭМ. В последнее время Китай придает большое значение независимым инновациям и продвигается вверх по цепочке создания прибавочной стоимости. Западным странам это трудно принять, поэтому они пытаются оклеветать Китай измышлениями об «избыточных мощностях», стремясь сдержать развивающиеся инновационные отрасли промышленности Китая»[1].

В то же время, в этой «тарифной» битве звучат и примирительные нотки. Торговая палата ЕС в Китае и Торговая палата Китая при ЕС упомянули в своих отчетах, опубликованных соответственно в Брюсселе в декабре 2024 г. и в Пекине в январе 2025 г., о политическом влиянии на двустороннюю торговлю. В ежегодном отчете ЕС говорится, что «политические факторы создают проблемы для китайских предприятий, работающих в Европе, и в то же время содержится призыв к снижению влияния политики на бизнес». В отчете Торговой палаты Китая для ЕС от 9 января 2025 г. отмечалось, что геополитические факторы и напряженная торговая ситуация между Китаем и Европой в некоторой степени увеличили экономические издержки для европейских компаний в Китае.

Китай и ЕС являются важнейшими торговыми партнерами, объем их товарооборота в 2023 г. достиг 740 млрд евро (756,88 млрд долл.), при этом структура торговли между Китаем и Европой продолжает оптимизироваться. *В 2013 г. наибольший рост объема импорта из Китая в ЕС пришелся на автомобили, стоимость которых достигла 12,9 млрд евро, в то время как наибольший рост объема экспорта из ЕС в Китай также пришелся на автомобили, стоимость которых составила 19,4 млрд евро.*

Китайские компании — производители ЭМ продолжают стремительно наращивать свою долю на европейском рынке: более 20 китайских брендов вышли или планируют выйти на европейский рынок. Китайские аналитики прогнозируют, что в 2025 г. Китай останется крупнейшим в мире экспортером автомобилей и подчеркивают, что «необходимо укреплять эффективное сотрудничество между Китаем и ЕС, важно поддерживать связь, устранять ненужные помехи и приносить реальную пользу потребителям обеих сторон. В связи с 50-летием установления дипломатических отношений между Китаем и ЕС в 2025 г. мы надеемся, что обе стороны продолжат добивать-

[1] *Pan Helin*. To boost domestic demand, China should adhere to its own need. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202407/1316137.shtml (accessed: 11.08.2024).

ся устойчивого прогресса на пути экономического и торгового сотрудничества»[1].

Хотя правительства стран ЕС стремятся защитить свой рынок с помощью протекционистских пошлин, европейские автопроизводители предпочитают сотрудничество конфронтации. Китайский производитель ЭМ стартап *NIO* создал в Берлине научно-исследовательский и опытно-конструкторский центр, ориентированный на технологии интеллектуального вождения и энергетические решения. С целью соответствия европейским стандартам инженеры центра работают над адаптивными системами вождения, инфраструктурой замены аккумуляторов и интегрированными электросетями. По признанию руководителя Центра технологий интеллектуального вождения компании *NIO Europe* Вэй Хэцзэна *(Wei Hezeng, head of NIO Europe's Smart Driving Technology Center)*, цель Центра — быстро адаптироваться к европейским рынкам, одновременно продвигая следующую волну инноваций. Его позицию разделяет старший системный инженер в *NIO Europe* Патрик Штумфол (Patrick Stumfol, senior system engineer at NIO Europe), отмечая, что сочетание немецкой инженерной точности и китайских технологических инноваций создает в Германии очень динамичную среду.

Стремление к совместному сотрудничеству выходит за рамки Берлина. Так, в Испании китайский автопроизводитель *Chery* объединился с компанией *Ebro-EV Motors* для разработки и производства ЭМ, а компания *BYD* строит производственные предприятия в Венгрии. Европейские автопроизводители также перенимают эту тенденцию. Для совместной разработки электромобилей немецкий автопроизводитель *Volkswagen* инвестировал 700 млн долл. в китайский стартап *XPeng*, а нидерландская транснациональная корпорация по производству автомобилей *Stellantis* выделила китайскому автопроизводителю *Leapmotor* 1,5 млрд евро (1,56 млрд долл.) на исследования, производство и зарубежную экспансию.

Карлос Таварес, бывший генеральный директор *Stellantis* (Carlos Tavares, Stellantis' former CEO), разделяет этот конструктивный подход к партнерству, заявив, что «Лучший способ конкурировать с Китаем — это сотрудничать с его автопроизводителями и «прыгать в их поезд»[2].

---

[1] *Zhang Zhouxiang.* Sino-EU economic relations of mutual benefit. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/14/WS6785a855a310f1265a1da8fb.html (accessed: 15.01.2025).

[2] Trade, trains, tech drive Sino-European biz. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/14/WS6785ce7aa310f1265a1daae3_2.html (accessed: 16.01.2025).

В 2025 г. исполняется 50 лет со дня установления дипломатических отношений между Китаем и Европейским союзом. В то время, когда глобальный экономический рост замедляется, а возвращение Д. Трампа в Белый дом усилило нестабильность и неопределенность, Китай и ЕС, как две крупнейшие экономики мира и убежденные сторонники экономической глобализации и либерализации торговли, могут обеспечить стабильность глобального экономического роста за счет укрепления сотрудничества. Китай и ЕС являются ключевыми экономическими и торговыми партнерами и в условиях сложной международной обстановки, чреватой рисками и неопределенностями, китайско-европейское экономическое и торговое сотрудничество продолжает динамично развиваться. Что касается двусторонней торговли, то, по данным Главного таможенного управления КНР, общий объем внешнеторгового оборота между Китаем и ЕС в 2024 г. составил 785,8 млрд долл., что на 0,4 % больше по сравнению с 2023 г., причем объем экспорта Китая в ЕС достиг 516,4 млрд долл., что на 3 % больше показателя 2023 г., а объем импорта из ЕС — 269,4 млрд долл., на 4,4 % меньше по сравнению с 2023 г. Согласно европейской статистике, ЕС является третьим по величине экспортным направлением Китая и вторым по величине источником импорта, в то время как Китай остается крупнейшим источником импорта в ЕС и третьим по величине экспортным направлением.

В последние годы инвестиционное сотрудничество между Китаем и ЕС продолжало расти, демонстрируя положительную динамику. В период с 2020 по 2023 г. приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из ЕС в Китай вырос с 5,69 млрд долл. до 10,58 млрд долл., а их доля в общем объеме ПИИ в Китай выросла с 3,8 % до 6,5 %. Согласно европейским данным, приток китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ЕС вырос с 6,27 млрд евро в 2020 г. до 8,06 млрд евро в 2023 г., причем объем китайских ПИИ в проекты развития «зеленых» транспорта и энергетики в странах Европы в 2023 г. достиг 5,3 млрд евро, что на 48 % больше, чем в 2022 г. Китай рассматривает ЕС как важного партнера для своей модернизации, делая упор на взаимовыгодном сотрудничестве. А такая инициатива, как китайско-европейский транзитный маршрут *«China-Europe Railway Express»*, по которому к началу 2025 г. было совершено более 100 тыс. грузовых рейсов, усиливает эту синергию[1].

[1] *Liu Zhihua, Wang Yu, Zhong Nan.* Sino-EU ties seen as key to global growth. Experts call for stronger economic, trade partnership amid US tariff hikes. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202502/04/WS67a14ee8a310a2ab06eaa04f.html (accessed: 06.02.2025).

Однако в последние годы ЕС все чаще характеризует Китай как «конкурента» и «системного соперника», отдавая приоритет соображениям безопасности перед экономическими интересами и применяя подход, позволяющий снизить риски в торгово-экономических отношениях с Китаем. Несмотря на это, экономический рост ЕС, как актора, ориентированного на экспорт, по-прежнему зависит от доступа к обширному и расширяющемуся рынку Китая.

Согласно как китайским, так и европейским статистическим данным, двусторонняя торговля обеспечивает занятость примерно 3 млн человек в странах Евросоюза и 6 млн человек в Китае. Что касается инвестиций, то взаимные вложения двух сторон увеличили прибыль европейских компаний и поддержали промышленное развитие в странах Европы. Благодаря этому сотрудничеству к 2025 г. половина объема мировых продаж автопроизводителя *Volkswagen*, треть объема глобальных продаж концерна *BMW* и 36 % объема мировых продаж компании *Mercedes-Benz* приходились на рынок Китая. Кроме того, ожидается, что к 2030 г. Венгрия станет крупнейшим в Европе и одним из пяти ведущих мировых центров по производству аккумуляторных батарей нового поколения, разработанных на основе китайских технологий. Отчет, опубликованный Китайским советом по содействию международной торговле *(China Council for the Promotion of International Trade)* в октябре 2024 г., показал, что более 41 % опрошенных европейских компаний оценивают перспективы китайского рынка как «хорошие», в то время как почти 48 % признали растущую привлекательность китайского рынка[1].

По мнению китайских аналитиков, глобальный экономический рост требует дальнейшего сотрудничества между Китаем и Европой. На фоне растущей геополитической напряженности и структурных проблем, таких как старение населения, слабые инвестиции и снижение общей производительности производства, в последние годы глобальному экономическому росту было трудно найти достаточный внутренний импульс. Однако на Китай и ЕС приходится более трети мировой экономики. В 2023 г. экономика Китая выросла на 5,2 % в годовом исчислении, в то время как экономика ЕС увеличилась на 0,4 % , и в совокупности они внесли вклад в глобальный экономический рост на 1,1 процентного пункта. Согласно последним прогнозам Европейской комиссии, в 2024 г. объем ВВП Китая вырос на 5 % в годовом исчислении, в то время как темпы роста ВВП стран ЕС соста-

[1] Commentary: Steer China-EU relations toward shared growth, global stability. URL: http://en.people.cn/n3/2025/0118/c90000-20267732.html (accessed: 19.01.2025).

вили 0,9 %, что позволяет утверждать, что совокупный вклад Китая и стран ЕС в глобальный экономический рост и развитие торговли станет еще более значительным.

Китайские аналитики утверждают, что в последние годы рост односторонности и протекционизма препятствовал глобализации экономики и либерализации торговли. По мере того, как США в рамках своего слогана «Америка превыше всего» отказываются от многостороннего, кооперационного подхода и переходят к индивидуалистскому одностороннему, мировая торговля сталкивается с риском фрагментации и нестабильности. В ответ на жесткую тарифную политику США, Китай и ЕС, по мнению китайских экспертов, несут общую ответственность за поиск путей поддержания нормального международного торгового обмена при сбалансированном развитии своих экономик. Китайские аналитики утверждают, что Китай и страны Европы должны противостоять политизации мировой коммерции и обеспечить возвращение торговле ее экономической сути, что вновь усилит ее позитивную роль в стимулировании глобального экономического роста. И как две крупнейшие экономики, Китай и ЕС несут ответственность за обеспечение совместного развития[1].

Библиографический список

Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй, Ли Фэн. Сотрудничество КНР и стран — участниц проекта «Пояс и путь» в области развития транспортной инфраструктуры и энергетики. Москва: ИКСА РАН, 2024. 448 с.

References

Sazonov, S.L.; Wang Jingwei; Li Feng (2024). Sotrudnichestvo KNR i stran-uchastnits proekta «Poyas i put» v oblasti razvitiya transportnoj infrastrukturi i energetiki[Cooperation between China and the participating countries of the Belt and Road project in the field of transport infrastructure and energy development], Moscow, Institut Kitaya i sovremennoj Azii, RAN [Institute of China and Contemporary Asia, RAS], 448 p.

Поступила в редакцию: 10.03.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Mar 10, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

[1] China-EU cooperation vital for inclusive global growth. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202502/03/WS67a00701a310a2ab06ea9f4b.html (accessed: 05.02.2025).

DOI: 10.48647/ICCA.2025.51.82.020

Я.В. Лексютина

ОРИЕНТИРЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ

Аннотация. В течение десятилетия Китай остается крупнейшим торговым партнером и одним из ключевых инвесторов Центральной Азии. Вместе с тем, в сфере торговли и инвестиций до сих пор сохраняются «узкие места», ограничители и дисбалансы, на устранение которых будет направлена внешнеэкономическая стратегия Китая в регионе в предстоящие годы. Перспективы углубления сотрудничества Китая со странами Центральной Азии зависят от устранения торговых барьеров между ними, развития региональной и трансграничной транспортной связанности и перехода к более сбалансированной модели взаимодействия, включая увеличение несырьевого экспорта из Центральной Азии, развитие электронной торговли, реализацию совместных проектов в области «зеленой» энергетики и цифровой экономики.

В статье выделяются основные проблемные места торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией в «послековидный» период (с 2022 г.) и раскрываются усилия Пекина по шести приоритетным направлениям торгово-экономического взаимодействия со странами региона: беспрепятственная торговля, промышленные инвестиции, взаимосвязанность, экологически чистые полезные ископаемые, модернизация сельского хозяйства и содействие обмену кадрами. Помимо мер по упрощению процедур торговли, в содействии наращиванию взаимной торговли китайская сторона делает упор на развитии электронной коммерции, где Китай уже сейчас сталкивается с конкуренцией со стороны глобальных, региональных и местных площадок электронной торговли.

В инвестиционном сотрудничестве Китай делает акцент на ускорении развития «производительных сил нового качества», увеличении добавленной стоимости промышленной цепочки и повышении технологического уровня сотрудничества, содействии промышленной модернизации стран Центральной Азии. Ярко проявляется заинтересованность Китая в расширении сотрудничества в новых областях — «зеленом» развитии и возобновляемых источниках энергии, цифровой экономике. В контексте усиления взаимосвязанности, Китай заинтересован в строительстве новых и повышении пропускной способности существующих пунктов пропуска между Китаем и странами Центральной Азии, дальнейшем развитии транспортной сети железнодорожных грузоперевозок «Китай—Европа», создании Транскаспийского международного транспортного коридора и иных альтернативных транспортных маршрутов через Центральную Азию. В статье красной нитью проводится мысль о том, что реализуемая Китаем экономическая стратегия в Центральной Азии, нацеленная на строительство там инфраструктуры, упрощение процедур торговли, гармонизацию региональных стандартов, цифровизацию экономики, «зеленое» развитие и пр., не только служит реализации экономических интересов Китая, но и направлена на содействие скоординированному региональному экономическому развитию и интеграции стран Центральной Азии как в международные транспортные коридоры, так и в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, торговля, торгово-экономическое сотрудничество, электронная коммерция, Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), связанность.

Автор: *Лексютина Яна Валерьевна*, доктор политических наук, профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7—9). ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

Для цитирования: Лексютина Я.В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 309—323. DOI: 10.48647/ICCA.2025.51.82.020.

Ya. V. Leksyutina

Vectors of China's trade and economic cooperation with Central Asia

Abstract. For more than a decade, China has been the largest trading partner and one of the principle investors for Central Asia. Yet, there are still bottlenecks, constraints and imbalances in the sphere of trade and investment, which China's economic strategy in the region will be aimed at eliminating in the coming years. Prospects for deepening China's cooperation with the Central Asian countries depend on the elimination of various trade barriers, the development of regional and cross-border transport connectivity and the transition to a more balanced model of interaction, including an increase in non-resource exports from Central Asia, the development of e-commerce, joint projects in the field of green energy and the digital economy.

The article reveals Beijing's efforts in six priority areas, namely, trade facilitation, industrial investment, connectivity, green mining, agricultural modernization, and streamlined people-to-people exchanges. In addition to trade facilitation measures, the Chinese side focuses on the development of e-commerce, where China is already facing competition from global, regional and local e-commerce platforms.

In developing investment cooperation, China focuses on accelerating the development of "new quality productive forces", increasing the added value of the industrial chain and raising the technological level of cooperation, promoting industrial modernization of the Central Asian countries. China is interested in expanding cooperation in new areas — green development and renewable energy sources, digital economy. In the context of strengthening connectivity, China is interested in building new and increasing the capacity of existing checkpoints between China and the Central Asian countries, further developing the China-Europe rail freight transport network, creating the Trans-Caspian International Transport Corridor and other alternative transport routes through Central Asia. The idea that China's economic strategy in Central Asia, aimed at building infrastructure there, trade facilitation, harmonizing regional standards, digitalizing the economy, green development, etc., not only serves the economic interests of China, but is also aimed at promoting coordinated regional economic development and the integration of Central Asian countries both into international transport corridors and into global value chains, is conveyed throughout the article.

Keywords: Central Asia, China, trade, trade and economic cooperation, e-commerce, Belt and Road Initiative (BRI), connectivity.

Author: Yana V. LEKSYUTINA, Dr.Sc. (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor of Saint-Petersburg State University (address: 7/9, Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, Russi-

an Federation, 199034). ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lexyana@ya.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support: The article is supported by the Russian Science Foundation. Grant No. 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

***For citation*:** Leksyutina Ya.V. (2025). Orientiry torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva Kitaya s Central'noj Aziej [Vectors of China's trade and economic cooperation with Central Asia], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 309—323. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.51.82.020.

Со снятием в 2022 г. коронавирусных ограничений, оказавших временный сдерживающий эффект на развитие торгово-экономических связей Китая со странами Центральной Азии, динамика и глубина взаимодействия сторон в торгово-экономической области значительно усилились. В 2024 г., согласно данным китайской статистики, товарооборот Китая со странами Центральной Азии увеличился более чем в 2 раза по сравнению с «доковидным» уровнем (46 млрд долл. в 2019 г.) и достиг нового исторического максимума — 94,8 млрд долл.[1] В 2024 г. объем прямых накопленных инвестиций Китая в пять стран Центральной Азии, согласно китайским оценкам, превысил 17 млрд долл. (против 14 млрд долл. в 2019 г.), а совокупная стоимость завершенных проектов — 60 млрд долл. [Wang Jinguo, 2024].

Интенсификации торгово-экономического взаимодействия сторон призван содействовать созданный в 2020 г. механизм «Китай — Центральная Азия», задумывавшийся изначально как новая платформа для многосторонней координации проектов в русле Инициативы «Пояс и путь» (ИПП), продвижения региональной связанности и торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией.

Уже в апреле 2023 г. по инициативе китайской стороны Министерство коммерции Китая и экономические и торговые ведомства стран Центральной Азии создали 6-сторонний механизм встреч министров экономики и торговли «Китай—Центральная Азия». Был также налажен механизм регулярных 6-сторонних встреч министерского уровня в сферах таможенного регулирования, промышленности и инвестиций, сельского хозяйства, транспорта. В марте 2024 г. был

[1] Customs statistics. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (accessed: 11.04.2025).

официально запущен секретариат механизма «Китай—Центральная Азия», призванный содействовать эффективной реализации достигнутых между сторонами соглашений в торгово-экономической области и качественному развитию торгово-экономического сотрудничества сторон [Wang Jinguo, 2024].

На 5-й встрече министров иностранных дел механизма «Китай — Центральная Азия» в Чэнду в начале декабря 2024 г. были выделены шесть приоритетных направлений сотрудничества, раскрывающих фокус сторон в предстоящие годы: беспрепятственная торговля, промышленные инвестиции, взаимосвязанность, экологически чистые полезные ископаемые, модернизация сельского хозяйства и содействие обмену кадрами[1].

С позиции китайской стороны, несмотря на уже достигнутые высокие объемы товарооборота со странами Центральной Азии (а с 2010 г. Китай для региона в целом остается крупнейшим торговым партнером) и улучшение общей торговой структуры, в сфере торговли до сих пор сохраняются «узкие места», ограничители и дисбалансы. Так, в качестве существенного фактора, сдерживающего торгово-экономическое сотрудничество, рассматривается низкий уровень работ по упрощению процедур торговли. Центральная Азия — один из немногих регионов мира, где у Китая ни с одним из государств нет соглашения о свободной торговле. Вхождение Казахстана и Киргизии в ЕАЭС серьезно осложнило возможный переговорный процесс о заключении соглашений о свободной торговле с этими странами и о создании зоны свободной торговли ШОС — идеи, которую Пекин долгое время продвигал на платформе этой организации. Более того, не все страны Центральной Азии даже являются членами ВТО (Узбекистан и Туркменистан). Хотя торговые барьеры между Китаем и странами региона постепенно снижаются, все еще существуют как тарифные, так и нетарифные барьеры, а также барьеры при таможенном оформлении.

Интерес Китая состоит в ***беспрепятственной торговле***, а именно — в упрощении и либерализации торговли со странами Центральной Азии, расширении взаимного доступа к рынкам, обеспечении стабильности и бесперебойности цепочек поставок и производства на фоне растущего давления со стороны стран Запада, стремящихся вытеснить Китай из сложившейся глобальной и региональной системы

[1] В Чэнду состоялась пятая встреча министров иностранных дел «Китая—Центральная Азия» // МИД КНР. 01.12.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202412/t20241218_11499445.html (дата обращения: 10.04.2025).

производственно-сбытовых цепочек. Повышенное внимание уделяется созданию условий, способствующих ускоренному прохождению экспортно-импортных процедур через приграничные территории, в том числе оптимизации и цифровизации документооборота и оформления документов и пр.

С точки зрения выстраивания гармоничного взаимодействия со всеми странами региона в Китае не очень благоприятной видится несбалансированность торговли со странами Центральной Азии. В экономиках стран региона по-прежнему доминируют сырьевые ресурсы, а различия в объемах ресурсов между странами привели к значительным дисбалансам в их развитии и масштабах их экспорта в Китай. Так, по результатам 2024 г., крупнейшим торговым партнером Китая в Центральной Азии по-прежнему остается Казахстан, на долю которого приходится свыше 46 % всей торговли Китая с регионом (в стоимостном выражении это 43,8 млрд долл.) и почти 52 % всего китайского импорта из Центральной Азии. Далее следует богатая природным газом Туркмения — ее доля в китайском импорте из региона также велика и превышает 31 %. Доля Киргизии составляет лишь 9 %, Узбекистана — 6,5 %, Таджикистана — менее 1 % (табл. 1). Чтобы соответствовать интересам и потребностям развития всех стран региона, сотрудничество Китая с Центральной Азией должно быть более диверсифицированным.

Таблица 1. **Торговля Китая со странами Центральной Азии, 2024 г., млрд долл.**

	Экспорт Китая	Импорт Китая	Товарооборот
Казахстан	28	15,9	43,8
Киргизия	19,9	2,8	22,7
Узбекистан	11,8	2	13,8
Туркмения	1	9,6	10,6
Таджикистан	3,5	0,3	3,9
Всего с Центральной Азией	64,2	30,6	94,8

Источник: Customs statistics. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (accessed: 11.04.2025).

Более того, неудовлетворенность результатами торговли с Китаем страны Центральной Азии могут испытывать ввиду дефицита торгового баланса с КНР, который характерен для всех стран региона, за исключением Туркмении, ориентированной на масштабные поставки

природного газа в Китай. Так, при экспорте Киргизии в Китай в объеме 2,8 млрд долл. импорт из Китая составляет 19,9 млрд долл., у Таджикистана соотношение составляет 0,3 к 3,5 млрд долл., у Казахстана — 15,9 к 28 млрд долл., у Узбекистана — 2 к 11,8 млрд долл. (см. табл. 1). Хотя сохраняющийся сильнейший дефицит в торговле с Китаем не приводит к торговым спорам с соответствующими странами Центральной Азии, китайская сторона между тем осознает необходимость выравнивания экспортно-импортных потоков с целью повышения эффективности сотрудничества для всех стран региона без исключения.

Есть понимание в Китае и необходимости изменения общей структуры торговли со странами Центральной Азии. Несмотря на достигнутый в последние годы определенный прогресс в ее оптимизации, в ней по-прежнему доминируют углеводороды. Так, в первом квартале 2023 г. импорт Китая из пяти стран Центральной Азии в основном включал энергоносители, такие как сырая нефть, природный газ и уголь; их доля достигла 55 % от общего объема импорта Китая из пяти стран Центральной Азии [Wang Jinguo, 2024]. По оценкам китайских экспертов, относительно однородная структура торговли между Китаем и Центральной Азией в определенной степени ограничивает торгово-экономическое сотрудничество сторон [Wang Jinguo, 2024].

На этом фоне все возрастающее внимание уделяется Китаем развитию новых форматов взаимодействия, таких как ***электронная коммерция,*** способная придать импульс развитию несырьевой торговли. С одной стороны, Китай является мировым лидером в сфере электронной торговли. В настоящее время ежедневно порядка 9 млн «посылок» перевозятся между Китаем и другими странами. За последние пять лет объем трансграничной электронной торговли в Китае вырос в более чем 10 раз. В первой половине 2024 г. объем трансграничной электронной торговли Китая составил 1,22 трлн юаней (170,47 млрд долл.), увеличившись на 10,5 % по сравнению с аналогичным показателем предшествующего года, и темпы ее роста на 4,4 п.п. выше, чем темпы роста внешней торговли Китая в тот же период[1].

С другой стороны, дополнительные возможности для Китая создает быстрое развитие электронной коммерции в Центральной Азии. По оценкам экспертов, электронная коммерция в этом регионе пере-

[1] Трансграничная электронная коммерция дает толчок к развитию мировых рынков // Жэньминь жибао. 08.08.2024. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2024/0808/c31518-20203485.html (дата обращения: 15.04.2025).

живает особенно быстрый рост в связи с низким проникновением современных розничных сетей в регион, где рынки и частные магазинчики доминируют в качестве основного формата торговли[1]. При этом, в Центральной Азии начинает развиваться конкуренция между местными, глобальными и региональными площадками электронной торговли. Глобальные торговые площадки, такие как *Amazon* и *Alibaba*, технически доступны для потребителей из Центральной Азии, но не подготовили местную инфраструктуру для быстрой доставки, что ограничивает их популярность.

Региональные игроки, такие как российская *Wildberries,* добились значительного успеха, инвестируя в логистику на местах и делая свои платформы более доступными для местных продавцов. Локальные компании, такие как *Kaspi.kz* и *Uzum*, в настоящее время лидируют на рынках электронной коммерции в крупнейших странах Центральной Азии, но в регионе ожидается рост конкуренции, поскольку местные потребители все чаще переходят на покупки в Интернете[2]. По данным за 2023 г., в Казахстане рынок электронной коммерции достиг 4,6 млрд долл., или почти 13 % розничного товарооборота, в Узбекистане — 1 млрд долл., или около 4 % розничного товарооборота страны, в Киргизии — 359 млн долл., или свыше 6 % розничного товарооборота, в Туркмении и Таджикистане электронная коммерция менее развита, но для нее имеется значительный потенциал[3]. Для сравнения, в Китае на электронную коммерцию приходится более 27 % розничного товарооборота.

Критически важную роль для Китая в контексте расширения его доли на рынках электронной коммерции стран региона играет строительство зарубежных складов в Центральной Азии, где существует острый дефицит складских мощностей. Скорость трансграничной электронной коммерции как важное конкурентное преимущество площадок электронной коммерции существенно возрастает в случае наличия зарубежных складов — экспортные компании могут отправлять товары оптом на зарубежные склады для продажи и дистрибуции на местах. В настоящее время некоторые предприятия, такие как *Xinjiang Asia—Europe International Material Trading Center Co.* (это первая в Китае платформа услуг для трансграничной торговли товарами в

[1] Central Asia emerges as new e-commerce hub // BNE. 27.12.2024. URL: https://www.intellinews.com/central-asia-emerges-as-new-e-commerce-hub-359639/ (accessed: 16.04.2025).

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

странах Центральной Азии), построили зарубежные склады для китайских товаров в Узбекистане, что призвано способствовать продвижению доли китайских товаров на рынках Центральной Азии. Еще в 2021—2022 гг. Международный сухой порт Ганьсу (Ланьчжоу)[1] наладил сотрудничество с предприятиями Узбекистана и создал зарубежный склад провинции Ганьсу в Ташкенте и зарубежный таможенный склад товаров из Узбекистана в китайской провинции Ганьсу. В последние годы китайское правительство стимулирует китайский бизнес строить зарубежные склады в странах Центральной Азии.

В фокусе усилий сторон — также и содействие предприятиям из стран Центральной Азии в выходе на китайские платформы электронной коммерции (такие, как, например, *Alibaba* и *JD.COM*) в целях продвижения центральноазиатской продукции на китайский рынок. Так, в 2022 г. объем трансграничной электронной коммерции между Китаем и Центральной Азией увеличился на 95 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, и почти 300 компаний из стран Центральной Азии вышли на платформы электронной коммерции Китая[2].

Казахстан в 2022 г. запустил специализированный раздел для своих товаров на *Alibaba*, и на начало 2025 г. он включал продукцию 290 казахстанских компаний более 7500 наименований общей стоимостью свыше 260 млн долл. В 2023 г. Казахстан также открыл свой национальный раздел на платформе *JD.COM*, где представлено более 60 продуктов[3].

Китай активно работает с Центральной Азией над продвижением строительства транспортной, коммуникационной и другой инфраструктуры для обеспечения удобных и эффективных логистических каналов и информационных платформ для трансграничной электронной коммерции.

В целях дальнейшего содействия развитию трансграничной электронной коммерции КНР и Центральной Азии, как отмечают китайские эксперты, необходимо оптимизировать платежный процесс,

---

[1] Сухой порт *(Dry Port)* — мультимодальный логистический центр или хаб, который находится недалеко от морского порта и связан с ним развитым железнодорожным или автомобильным сообщением. Служит перевалочным пунктом морских грузов на сухопутных или иных направлениях или местом временного хранения. URL: https://taisu-tb.ru/info/suhoy-port/ (дата обращения: 05.05.2025) *(прим. ред.)*.

[2] Central Asia emerges as new e-commerce hub // BNE. 27.12.2024. URL: https://www.intellinews.com/central-asia-emerges-as-new-e-commerce-hub-359639/ (accessed: 16.04.2025).

[3] Kazakhstan and China Set to Expand Trade and E-Commerce // The Times of Central Asia. 11.02.2025. URL: https://timesca.com/kazakhstan-and-china-set-to-expand-trade-and-e-commerce/ (accessed: 16.04.2025).

внедрить технологию блокчейн, наладить мультивалютные платежи (в частности, с использованием электронных и мобильных кошельков), а также расширить базу политической поддержки и усовершенствовать механизмы регулирования, чтобы сделать трансграничные операции электронной коммерции более надежными, эффективными и менее затратными, а также повысить уровень регионального экономического сотрудничества [Wang Jinguo, 2024].

Вторым приоритетным направлением сотрудничества, выделенным в ходе 5-й встречи министров иностранных дел «Китай—Центральная Азия» в декабре 2024 г., стало ***содействие инвестиционному сотрудничеству в сфере промышленности***. Китайская сторона демонстрирует заинтересованность в укреплении инвестиционного сотрудничества со странами региона в традиционных областях, таких как строительные материалы, легкая промышленность, обработка и производство, и в расширении сотрудничества в новых областях, таких как «зеленое» развитие и возобновляемые источники энергии, цифровая экономика. В развитии инвестиционного сотрудничества делается акцент на ускорении развития «производительных сил нового качества», увеличении добавленной стоимости промышленной цепочки и повышении технологического уровня сотрудничества, содействии промышленной модернизации центральноазиатских стран.

По-прежнему китайские эксперты обращают внимание на необходимость улучшения инвестиционного климата стран региона. Специальные налоговые льготы каждой из пяти стран Центральной Азии, как отмечают китайские эксперты, могут оказать влияние на инвестиционные стратегии китайских компаний: предлагаемые в настоящее время Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией налоговые льготы (такие, как освобождение от налога на прибыль и снижение НДС) способствуют привлечению китайских предприятий к инвестированию в эти страны, и, напротив, налоговая и инвестиционная политика Туркменистана относительно сложна, что может увеличить инвестиционные затраты и риски [Wang Jinguo, 2024].

Значимым фактором, ограничивающим торгово-экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии, выступает неадекватная инфраструктура стран региона. В последние годы в рамках реализации ИПП в строительстве инфраструктуры в Центральной Азии был достигнут определенный прогресс, но до сих пор во многих регионах отсутствует необходимая транспортная сеть, что приводит к высоким издержкам в торговле между странами Центральной Азии, создает проблемы для продвижения региональной интеграции в Центральной Азии и углубления торгово-экономического сотрудничества

с Китаем. В связи с этим еще одним приоритетным направлением сотрудничества сторон выступает ***усиление транспортной связанности***, включающее укрепление сотрудничества в строительстве трансграничных железных дорог, пунктов пропуска, создание регулярных трансграничных автомобильных и мультимодальных маршрутов грузоперевозок, строительство портов и оптических кабелей передачи данных и пр. Стороны нацелены на увеличение пропускной способности трансграничной инфраструктуры, оптимизацию железнодорожного и автомобильного сообщения в регионе, повышение эффективности мультимодального транспортного сообщения, развитие трансграничной цифровой сервисной платформы. Огромное значение придается цифровизации логистики.

Большое внимание уделяется дальнейшему развитию транспортной сети, ориентированной на грузовые поезда «Китай—Европа». В ноябре 2023 г. отмечалось 10-летие запуска маршрута международного грузового железнодорожного сообщения «Китай—Европа» из китайского города Сиань. За эти годы Сиань обслужил более 20 тыс. грузовых поездов по данному маршруту, что составило около четверти от общего числа всех грузовых поездов «Китай—Европа». Всего же за последнее десятилетие в рамках железнодорожного сообщения «Китай—Европа» было совершено в общей сложности 81 тыс. рейсов, перевезено более 7,6 млн единиц грузов в 20-футовом контейнерном эквиваленте (TEU) на сумму свыше 340 млрд долл.[1].

Серьезным прорывом в контексте развития региональной связанности стало подписание в июне 2024 г. соглашения о строительстве железной дороги Китай—Киргизия—Узбекистан. К этому соглашению стороны шли более двух десятилетий и, наконец, от переговорного процесса перешли не только к подписанию соглашения, но и к практическим шагам по его реализации. Так, в конце декабря 2024 г. состоялся официальный запуск строительства киргизского участка железной дороги. Проект строительства этого участка оценивается примерно в 4,7 млрд долл. и ввиду и так высокой закредитованности Киргизии (в том числе перед Китаем) будет реализовываться по специальной финансовой модели «строительство — эксплуатация — передача». Создается совместная трехсторонняя проектная компания с офисом в Бишкеке, Китай финансирует 51 % проекта, Киргизия и Узбекистан — по 24,5 %. После окупаемости вложений — предполо-

[1] Грузовые поезда Китай—Европа придают новый импульс развитию мировой экономики — МИД КНР // Синьхуа новости. 02.12.2023. URL: https://russian.news.cn/20231202/64177256458e4fcaa1d7427c2e63d729/c.html (дата обращения: 04.03.2025).

жительно спустя 31 год — соответствующие компании Китая и Узбекистана выйдут из проекта, а железная дорога полностью перейдет в распоряжение КР. Ввод в эксплуатацию железной дороги, как ожидается, послужит наращиванию масштабов региональной торговли и инвестиций, снижению транспортных издержек и раскрытию транзитного потенциала Центральной Азии.

На фоне новой геополитической ситуации импульс к развитию получил проект Транскаспийского транспортного коридора. В феврале 2024 г. был открыт казахстанский логистический терминал в сухом порту Сиань, что способствовало росту транзитных перевозок из Китая через Казахстан по Транскаспийскому маршруту. В 2024 г. через данный терминал и порт Актау прошло свыше 300 контейнерных поездов, что в 30 раз больше, чем в 2023 г.[1] В июле 2024 г. заработал Транскаспийский экспресс «Китай—Европа», призванный улучшить мультимодальные транспортные связи на евразийском пространстве, в том числе с использованием потенциала Транскаспийского международного транспортного маршрута.

В целом, страны Центральной Азии работают над усилением своей связанности с Китаем, видя для себя в этом большие возможности. В Казахстане, в частности, идет работа над четырьмя ключевыми проектами в области развития железнодорожного сообщения с Китаем: строительство железнодорожной линии в обход станции «Алматы», создание третьего железнодорожного пограничного перехода «Бахты—Тачэн» [2] с новой линией «Бахты—Аягоз»; модернизация участка «Достык—Мойынты» и возведение железнодорожной линии «Дарбаза—Мактаарал». Для привлечения грузовых потоков на казахстанские коридоры расширяется терминальная сеть: к уже работающим пяти терминалам (в порту Ляньюньган, в сухом порту в Сиане, на станции Достык, в сухом порту Хоргос, в порту Курык) в течение двух лет планируется добавить еще четыре (в Алматы, в азербайджанском морском порту Алят, в Будапеште, в поселке Селятино под Москвой, совместно с китайским партнером в порту Актау)[3].

---

[1] Объем железнодорожных перевозок между Казахстаном и Китаем достиг исторического максимума // Казинформ. 16.01.2025. URL: https://www.inform.kz/ru/obyom-zheleznodorozhnih-perevozok-mezhdu-kazahstanom-i-kitaem-dostig-istoricheskogo-maksimuma-455243 (дата обращения: 24.02.2025).

[2] Сейчас на китайско-казахстанской границе действуют только два железнодорожных пограничных перехода: Достык—Алашанькоу и Алтынколь—Хоргос.

[3] Итоги года подвели в КТЖ // Железнодорожник Казахстана. 30.12.2024. URL: https://rail-news.kz/ru/news/19508-qazaqstan-temir-zoly-zyl-qorytyndysyn-sygardy.html (дата обращения: 03.03.2025).

Другие страны также развивают свою транспортную связанность с Китаем. КР работает над повышением транзитной способности существующих контрольно-пропускных пунктов на границе с Китаем («Торугарт» и «Иркештам») и над созданием нового пункта пропуска «Бедель», ведется строительство автомобильной дороги «Барскоон—Учтурфан—Аксу». В апреле 2024 г. были достигнуты договоренности между Казахстаном и Узбекистаном об организации грузовых перевозок по маршруту Китай—Казахстан—Узбекистан и развитию трансафганского направления. В 2024 г. был организован транзит тестового китайского экспортного контейнерного состава по маршруту Сиань—Алтынколь—Болашак—Этрек—Тегеран (Китай—Казахстан—Туркменистан—Иран).

Четвертым приоритетным направлением взаимодействия, обозначенным на декабрьской встрече министров иностранных дел «Китай—Центральная Азия» в 2024 г., выступает ***углубление сотрудничества в области экологически чистых полезных ископаемых***, предполагающее кооперацию в разведке, добыче, плавильной промышленности, переработке, транспортировке, продаже и прочих областях, касающихся редкоземельных металлов, необходимых для «зеленого» развития. В последние несколько лет сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в области «зеленого» развития уверенно набирает обороты [Лексютина, 2024, 144—156].

И, наконец, к приоритетным направлениям сотрудничества относят ***кадровый обмен*** и ***содействие модернизации сельского хозяйства стран Центральной Азии и углубление их сельскохозяйственного взаимодействия с Китаем***. Особо выделяются задачи углубления сотрудничества в области семенной селекции, переработки сельскохозяйственной и побочной продукции, «умного» сельского хозяйства, водосберегающего орошения, мелиорации почв, производства сельскохозяйственной техники, подготовки специалистов и пр., а также общее содействие торговле и устойчивому росту инвестиций в сельское хозяйство.

Таким образом, в развитии торгово-экономического взаимодействия Китая со странами Центральной Азии для Пекина до сих пор остро стоят вопросы устранения различного рода ограничений, сдерживающих торговлю и инвестиционное сотрудничество — начиная от тарифных и нетарифных барьеров, медленного прохождения таможенных процедур при пересечении грузами границ, нехватки складских помещений в Центральной Азии, недостаточной транспортной связанности как внутри самой Центральной Азии, так и между Китаем и регионом и заканчивая недостаточно высокой эффективностью

народнохозяйственного комплекса стран Центральной Азии, дисбалансами регионального развития и пока сохраняющимся низким уровнем региональной интеграции. Китай демонстрирует готовность делиться со странами Центральной Азии собственными достижениями в области строительства транспортной и цифровой инфраструктуры, «умных» городов, развития электронной коммерции, мобильных платежей, «зеленого» развития и пр.

Содействие в подготовке кадров и передача китайского опыта странам Центральной Азии составляет важную часть сотрудничества Китая со странами региона. В последние годы в дополнение к традиционным сферам сотрудничества Китая со странами Центральной Азии, таким как энергетика, строительство и транспортная инфраструктура, сельское хозяйство, Пекин усиливает взаимодействие в новых сферах — электронная торговля, «зеленая» энергетика, цифровая экономика, высокие технологии, IT, искусственный интеллект и пр.

Переход сотрудничества Китая со странами Центральной Азии на новый уровень, где инновациям, цифровизации, «зеленому» развитию отводится большая роль, обусловлен общемировым контекстом и трендами и, соответственно, новыми запросами со стороны стран Центральной Азии (курс на «зеленое» развитие и цифровизацию), переходом Китая на новый уровень технологического развития и перемещения вверх по цепочке добавленной стоимости, а также коррекцией Пекином Инициативы «Пояс и путь». Сейчас в свете ИПП повышенное внимание уделяется «зеленому» и низкоуглеродному развитию, инновационному цифровому развитию, комплексному и скоординированному развитию, выполнению социальных обязательств, активизации деятельности по предотвращению рисков и пр. [Wang; Liu, 2024].

В целом, реализуемая Китаем экономическая стратегия в Центральной Азии, нацеленная на строительство там инфраструктуры, упрощение процедур торговли, гармонизацию региональных стандартов, цифровизацию экономики, «зеленое» развитие и пр., не только служит реализации экономических интересов Китая, но и содействует скоординированному региональному экономическому развитию и интеграции стран Центральной Азии как в международные транспортные коридоры, так и в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Библиографический список

Лексютина Я.В. «Зеленая» энергетика во взаимодействии Китая с Центральной Азией // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 144—156. DOI: 10.31857/S0131281224020115.

References

Leksyutina, Ya.V. (2024). «Zelenaya» energetika vo vzaimodeistvii Kitaya s Tsentral'noi Aziei [China in Central Asia's "green" energy sector], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]:* 2: 144—156. DOI: 10.31857/S0131281224020115 (In Russian).

* * *

Wang, Yijun; Liu, Fan (2024). Tuidong gongjian "yidai yilu" jinru gao zhiliang fazhan xin jieduan [Promoting the joint construction of the "Belt and Road" and entering a new stage of high-quality development]. URL: https://www.aisixiang.com/data/148896.html (accessed: 8 April, 2025) (In Chinese).

Wang, Jinguo (2024). Zhongguo yu zhongya jingmao hezuo de xianzhuang yu weilai zhanwang [The current situation and future prospects of economic and trade cooperation between China and Central Asia], *Renmin Luntan [People's Forum]*. URL: http://www.rmlt.com.cn/2024/1015/714324.shtml?show_loading=0&webview_progress_bar=1 (accessed: 16 April, 2025). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 17.04.2025 Received: Apr 17, 2025
Принята к публикации: 30.06.2025 Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.53.88.021

С.Б. Макеева

ПРОВИНЦИЯ ШЭНЬСИ В СИСТЕМЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (2000—2025 гг.)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению формирования системы межрегионального китайско-российского сотрудничества на примере взаимодействия северо-западной провинции Шэньси с городами и регионами России. Установлено, что Народное правительство провинции с 2000 г. расширяет связи с администрациями российских областей и городов в рамках «побратимского» сотрудничества и в ходе институционализации торгово-экономических отношений. «Побратимские» связи с Калужской областью способствовали развитию гуманитарного сотрудничества Шэньси с Россией, параллельно создавалась база для экономического взаимодействия.

Анализ нормативно-правовой основы «побратимского» сотрудничества показывает, что отношения провинции Шэньси с Россией включили установление контактов и взаимных обменов в области науки и здравоохранения, техники и высоких технологий, экономики и торговли, культуры и образования. Ведущая роль в расширении межрегионального сотрудничества данной северо-западной провинции с Россией отводилась деятельности Управления коммерции при Народном правительстве Шэньси. На протяжении последних двух десятилетий провинция сформировала систему торгово-экономического сотрудничества с Пензенской, Ульяновской, Свердловской, Калужской, Вологодской и Иркутской областями. 2010-е годы ознаменовались выходом провинции Шэньси на уровень сотрудничества со столицей России — городом Москвой в рамках строительства совместного китайско-российского инновационного парка «Шелковый путь».

Ключевые слова: Китай, Шэньси, Россия, «Шелковый путь», Чжао Ган, ассоциация китайцев, переговоры, «побратимы».

Автор: *Макеева Светлана Борисовна,* доктор исторических наук, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5); профессор Школы иностранных языков НИУ ВШЭ. ORCID: 0000-0003-2953-0411.
E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Грант № 24-28-00276. URL: https://rscf.ru/project/24-28-00276/

Для цитирования: Макеева С.Б. Провинция Шэньси в системе китайско-российского межрегионального сотрудничества (2000—2025 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 324—335.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.53.88.021.

S.B. Makeeva

Shaanxi province in the system of Chinese-Russian interregional cooperation (2000—2025)

Abstract. The article is devoted to the consideration of the formation of the system of interregional Russian-Chinese cooperation on the example of interaction of the northwestern province of Shaanxi with Russian regions. It is established that the People's Government of Shaanxi Province establishes relations with the administrations of Russian regions and cities within the framework of institutionalization of trade and economic relations, and through "sister city" cooperation. "Sister regions" relations with the Kaluga region contribute to the development of humanitarian cooperation between Shaanxi and Russia, while a basis for economic cooperation is being created. Over the past two decades, this northwestern province has formed a system of trade relations with the city of Moscow, Penza, Ulyanovsk, Sverdlovsk, Vologda, Irkutsk regions. An analysis of the legal framework for "sister regions" interaction shows that cooperation between Shaanxi Province and Russia since 2000 has included the establishment of contacts and mutual exchanges in the fields of science and healthcare, engineering and high technology, economics and trade, culture and education. The leading role in expanding interregional cooperation between this northwestern province and Russia is given to the activities of the Commerce Department under the People's Government of Shaanxi.

Keywords: China, Shaanxi, Russia, "Silk Road", Zhao Gang, Chinese Association, negotiations, sister regions/cities.

Author: Svetlana B. MAKEEVA, Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Scien-

ces (address: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korpus 5, Moscow, Russia, 117218); Professor, School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0000-0003-2953-0411. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Support: The study was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00276. URL: https://rscf.ru/en/project/24-28-00276/

For citation: Makeeva S.B. (2025). Provintsiya Shen'si v sisteme kitaysko-rossiyskogo mezhregional'nogo sotrudnichestva (2000—2025 gg.) [Shaanxi province in the system of Chinese-Russian interregional cooperation (2000—2025)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 324—335. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.53.88.021.

Северо-западная провинция КНР Шэньси в начале XXI в. выполняет ключевую роль в реализации китайской общегосударственной политики «открытости» на западном направлении. На территории данной провинции осуществляются комплексные преобразования по повышению аграрно-промышленного и инвестиционно-технологического потенциала, охраны обрабатываемых земель, поддержанию сельско-городского территориального равновесия и сохранения объектов всемирного историко-культурного наследия. С 2000 г. провинция Шэньси активно включена в систему межрегионального китайско-российского сотрудничества. Народное правительство провинции устанавливает связи с администрациями российских областей и городов как в рамках институционализации торгово-экономических отношений, так и по линии «побратимского» сотрудничества. У провинции Шэньси с 2000 г. в России регионом-побратимом является Калужская область, а городом-побратимом стала Калуга. «Побратимские» связи способствуют развитию гуманитарного сотрудничества Шэньси с Россией, параллельно создается база для экономического взаимодействия. На протяжении последних двух десятилетий провинция сформировала систему торговых связей с Московской, Пензенской, Калужской и Вологодской областями. К концу 2024 г. общий объем экспортно-импортных торговых операций Шэньси с российскими регионами достиг 33,7 млрд юаней. Россия вошла в тройку основных торговых партнеров провинции наряду с Южной Кореей и Малайзией.

Провинция Шэньси выходит на российские регионы, формируя новую региональную модель «открытости» Китая. Ведущая роль в расширении межрегионального сотрудничества провинции с Россией отводится деятельности Управления коммерции при Народном пра-

вительстве Шэньси. За несколько лет была организована глобальная онлайн-платформа на базе Управления коммерции по продвижению сотрудничества с различными российскими регионами. У шэньсийских предприятий появилась возможность выходить на мировой уровень и интегрироваться с международными компаниями России. В провинции Шэньси расположено множество крупных и средних системообразующих предприятий энергетической, аэрокосмической и химической промышленности [Tian Chunsheng, 2015].

Обладая преимуществами в сфере промышленности, транспорта и энергетики, провинция выступает важным звеном в реализации крупного международного проекта — китайской Инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Перспективными направлениями развития межрегионального сотрудничества Шэньси и России являются аэрокосмическая отрасль, производство оборудования, сферы торговой логистики, энергетики, химической промышленности, сельского хозяйства, научно-технологических инноваций и культурных обменов.

Как уже отмечалось, начало формирования современной системы межрегионального сотрудничества провинции Шэньси с российскими регионами было связано с подписанием в 2000 г. соглашений об установлении «побратимских» связей между Калужской областью и провинцией Шэньси, между городом Калугой и шэньсийскими городами Сяньяном и Биньчжоу. Анализ нормативно-правовой базы «побратимского» взаимодействия показывает, что сотрудничество провинции Шэньси с Россией с 2000 г. включает в себя установление контактов и взаимных обменов в области науки и здравоохранения, техники и высоких технологий, экономики и торговли, культуры и образования [Ge Xinrong, 2020]. Выбор провинцией Шэньси для межрегионального сотрудничества Калужской области был обусловлен значительным промышленно-инновационным потенциалом последней. На территории данного российского региона функционировали 12 индустриальных парков, две особые экономические зоны, агропарк, научно-технологический парк и зона опережающего развития [Булгаков, 2021].

Особое значение в формировании климата межрегионального сотрудничества провинции Шэньси с Калужской областью отводится регулярным встречам губернаторов данных регионов, на которых обсуждаются возникшие проблемы и оперативно принимаются решения по расширению взаимодействия шэньсийских и калужских организаций в различных сферах.

В первое десятилетие XXI в. проходили ежегодные регулярные встречи между губернатором Шэньси Цзя Чжибаном и губернатором

Калужской области А. Артамоновым. Состав делегаций с каждым годом расширялся. Так, например, в 2005 г. в Калужскую область прибыла шэньсийская делегация в составе 200 человек — представителей не только административных органов провинции, но и бизнес-сообщества Шэньси. Основными формами шэньсийско-калужского сотрудничества в 2000-е годы выступали проведение выставок-презентаций предприятий Калужской области и провинции Шэньси, организация совместных мероприятий по обсуждению вопросов инвестиционного сотрудничества, строительство китайского супермаркета для продажи одежды и чая в Калуге. Активными участниками межрегионального взаимодействия с Калужской областью являлись предприятия чаеперерабатывающей, фармацевтической и легкой промышленности провинции Шэньси. Начиная с 2000 г. Китай находился на второй строчке внешнеторговых партнеров Калужской области.

Из провинции Шэньси в основном импортируется машиностроительная продукция и текстиль. Калужская область поставляет в Шэньси металлы и изделия из них, химическую продукцию, каучук и древесину. В 2010-е формат шэньсийско-калужского сотрудничества стал включать в себя строительство совместных отраслевых кластеров в Калужской области. В переговорном процессе принимали участие представители администрации и бизнес-сообществ провинции Шэньси и Калужской области. Важным результатом данного сотрудничества явилось строительство в 2012 г. в провинции Шэньси совместного с Калужской областью предприятия по производству комплексных удобрений общего назначения с высоким содержанием калия, азота, фосфора и кальция.

С начала XXI в. провинция Шэньси активно развивает сотрудничество с российскими регионами и в научно-образовательной сфере. Для этих целей в 2000 г. в Шэньси было создано провинциальное отделение Центра по международному обмену при Министерстве образования КНР. Народное правительство Шэньси в рамках функционирования Центра проводило огромную работу по установлению образовательных контактов с городом Санкт-Петербургом. У жителей провинции появилась возможность получить зарубежное образование в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна, Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. На базе Центра по международному обмену были организованы подготовительные курсы русского языка для китайских абитуриентов из провинции Шэньси.

Расцвет межрегионального сотрудничества провинции Шэньси с Россией приходится на 2010-е — начало 2020-х годов. Появляются новые направления и формы взаимодействия, а также расширяется география участников с российской стороны. Второе десятилетие XXI в. было ознаменовано выходом провинции Шэньси на установление сотрудничества со столицей России — городом Москвой. Только за период с 2011 по 2014 г. было проведено свыше 2000 консультаций между правительственными учреждениями, бизнес-компаниями провинции Шэньси и города Москвы. Важным практическим итогом переговорного процесса явилось официальное решение от 13 октября 2014 г. об основании китайско-российского инновационного парка «Шелковый путь» на базе координационного центра развития инновационных технологий в Фэндуне (Шэньси) и в инновационном центре «Сколково» (Москва).

В ходе включения Шэньси в реализацию ИПП региональная инфраструктура провинции была сориентирована на высококачественное экономическое развитие через привлечение инвестиций, использование информационных технологий и подготовку высокопрофессиональных специалистов [Макеева, 2022]. Поэтому инфраструктурную основу китайско-российского парка «Шелковый путь» составили объекты с высокотехнологичными исследованиями и разработками. Управление данным парком было возложено на Китайско-российский комитет по инвестиционному сотрудничеству. Парк «Шелковый путь» объединил 40 крупных российских предприятий, а также такие ведущие китайские компании, как государственный производитель грузовых автомобилей «Чжунго чжунци», спутниковая навигационная система «Бэйдоу», автомобильная компания «Восточный ветер», китайская компания *ZTE*. На базе парка было создано 22 китайско-российских предприятия для реализации таких совместных проектов, как роботизированный экзоскелет *ExoAtlet*, подводные аппараты и технология лидар[1].

Успешный запуск проекта парка «Шелковый путь» оказал значительное влияние на продвижение межрегионального сотрудничества по линии «Москва—Шэньси». В 2018 г. в Москве прошла конференция по развитию торгово-экономического взаимодействия с Шэньси,

[1] Чжули «сань гэ цзинцзи» Чжун Э сы лу чуансинь юань дацзао Шэньси дэ Элосы чжунсинь. [Помощь в рамках программы «три экономики» российско-китайскому парку «Шёлковый путь» (провинция Шэньси) в строительстве российского центра] // *China Media Group International Online*. 09.01.2020. URL: https://sn.cri.cn/n/20200109/708b3955-abf3-cd23-f2b6-e7cfc60cc112.html (дата обращения: 23.04.2025).

на которой были представлены достижения инновационно-производственного сектора этой китайской провинции. Презентацию Шэньси на московской платформе курировал начальник Управления коммерции данной провинции Чжао Жуньминь.

В работе конференции приняли участие более 40 предприятий Шэньси, ведущих в сфере энергетики и химической промышленности, машиностроения, строительства, торговли и логистики. Также в мероприятии принял участие Ван Цзюнь, генеральный директор самой крупной компании в сфере геодезии и проектирования провинции Шэньси. Особое значение в расширении межрегионального сотрудничества Шэньси с Москвой сыграл визит губернатора данной провинции Чжао Гана в столицу России в апреле 2024 г.[1].

В ходе встречи с председателем Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития Б.Титовым обсуждались вопросы дальнейшего углубления обменов в таких областях, как научно-технологические инновации, промышленное развитие и социальное управление. В ноябре 2024 г. в Москве прошел 1-й китайско-российский конкурс научно-технических инноваций, в рамках которого был открыт совместный центр развития инновационных технологий между Москвой и Сяньяном (пров. Шэньси).

В 2010-е гг. одним из основных партнеров Шэньси становится Пензенская область. Было проведено свыше десяти раундов переговоров между правительством Шэньси и администрацией Пензенской области по вопросам установления деловых контактов. В результате в 2019 г. между Пензенской областью и новым городом Фэндун провинции Шэньси было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере машиностроения и приборостроения, нефтехимической промышленности.

В ноябре 2023 г. в городе Фэндун состоялась конференция, на которой представители Пензенской области презентовали свои агропромышленные достижения. В мероприятии приняли участие свыше 120 организаций пищевой промышленности, сельского хозяйства, технологической сферы, электронной коммерции и торговли Пензенской области и провинции Шэньси. По итогам конференции было подписано соглашение о сотрудничестве между китайско-российским парком «Шелковый путь» и Корпорацией развития Пензенской области.

---

[1] Чжаоган люй Шэньси шэн дайбяо туань цзай Элосы фанвэнь [Чжао Ган возглавил делегацию провинции Шэньси, посетившую Россию] // *Shaanxi Provincial People's Government*. 29.04.2024. URL: https://www.shaanxi.gov.cn/xw/sxyw/202404/t20240429_2327631_wap.html (дата обращения: 23.04.2025).

За последние годы шэньсийско-пензенское сотрудничество значительно расширилось. В апреле 2024 г. губернатор провинции Шэньси Чжао Ган совершил визит в Пензенскую область, в ходе которого посетил ведущие предприятия этого российского региона. К лету 2024 г. были согласованы вопросы межрегионального сотрудничества между Шэньси и Пензенской областью в сфере станкостроения, автомобилестроения, финансов, спорта и культуры. С ноября 2024 г. Пензенский областной станкостроительный завод «СтанкоМашСтрой» открыл свое представительство в зоне освоения новых высоких технологий Сяньян[1]. В столице провинции Шэньси городе Сиане началась реализация промышленного проекта Пензенской области по производству комплектных транспортных средств и деталей[2].

В начале 2025 г. в Сиане состоялась выставка продукции Пензенской области. Китайские компании из провинции Шэньси обсуждали с представителями администрации Пензенской области возможности реализации различных инвестиционных проектов — от строительства гостиниц, жилых домов до возведения нефтеперерабатывающих заводов в этом российском регионе. В настоящее время сферой общего интереса для Пензенской области и провинции Шэньси является производство оборудования, что позволяет создавать совместные российско-китайские предприятия соответствующего профиля.

Параллельно с развитием межрегионального сотрудничества по линии «Шэньси—Пензенская область» формировалась система межмуниципального взаимодействия «город Сяньян—город Пенза». 30 октября 2024 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между двумя городами[3]. Губернатор Пензенской области О. Мельниченко и вице-губернатор провинции Шэньси Чэнь Чуньцзян, член Постоянного комитета города Сяньян Ван Хунбин определили дорожную

[1] Элосы бэнь са чжоу юй Чжунго Шэньси шэн цзян кода хэцзо [Пензенская область и провинция Шэньси расширяют сотрудничество] // *Haike News*. 30.10.2024. URL: https://m.haiwainet.cn/middle/3545020/2024/1030/content_32807049_1.html (дата обращения: 23.04.2025).

[2] Чжунго (Шэньси шэн) — Элосы (Бэньса чжоу) цзинмао хэцзо дуйцзе хуэй чэнгун цзюйбань [Успешно завершилась конференция по установлению деловых контактов в сфере торгово-экономического сотрудничества между Китаем (провинция Шэньси) и Россией (Пензенская область)] // *Shaanxi Provincial Forestry Bureau*. 01.11.2024. URL: https://lyj.shaanxi.gov.cn/zwxx/sbxw/202411/t20241101_3102935.html (дата обращения: 23.04.2025).

[3] (Сяньян) юй Элосы бэнь са ши цяньшу хэцзо сеи. [Подписано соглашение о сотрудничестве с Пензой (Сяньян)] // *Shaanxi Daily*. 06.11.2024. URL: https://www.shaanxi.gov.cn/xw/ldx/ds/202411/t20241106_3125044_wap.html (дата обращения: 23.04.2025).

карту межмуниципального взаимодействия Сяньяна и Пензы. На переговорах были установлены такие ключевые направления в развитии сотрудничества, как упрощение таможенных процедур и совершенствование транспортной инфраструктуры, наращивание двусторонних инвестиций в различные совместные проекты.

В настоящее время кооперация России и Китая по линии «Сяньян—Пенза» выстраивается в основном в торгово-экономической и инвестиционной сферах. Оба города имеют большой потенциал в области машиностроения, пищевой промышленности и сельскохозяйственной отрасли. После подписания соглашения о сотрудничестве стороны принимают активное участие в совместных мероприятиях, посвященных вопросам развития инноваций и технологий, содействуя созданию единых коммерческих структур, а также реализуют совместные проекты по разработке новых продуктов и материалов. Города Сяньян и Пенза начали обмен кадрами в области здравоохранения, образования, науки, культуры, молодежной политики и спорта.

В начале 2020-х годов провинция Шэньси значительно расширила географию сотрудничества с российскими городами и регионами. Так, например, в ноябре 2021 г. между городом Тунчуань провинции Шэньси и российским городом Ульяновск также были установлены побратимские отношения. Ульяновские организации были привлечены в качестве партнеров для реализации совместных российско-китайских инновационных проектов на базе функциональной зоны нового города Фэндун и экспериментальной зоны свободной торговли провинции Шэньси.

С 2024 г. провинция Шэньси ведет активную работу по развитию сотрудничества с администрациями Свердловской области и города Екатеринбурга. В июле 2024 г. шэньсийское отделение Китайского комитета содействия развитию международной торговли организовало поездку представителей 26 основных предприятий провинции Шэньси из городов Сианя, Баоцзи, Тунчуаня для участия в Российской промышленной выставке ИННОПРОМ-2024, прошедшей в Екатеринбурге. Производители из Шэньси подготовили специальную экспозицию «Сделано в Шэньси» с демонстрацией достижений провинции в области производства машин и механических деталей, силовой электроники, металлообработки, приборостроения, изготовления новых материалов, авиакосмической и текстильной промышленности. Одновременно состоялось обсуждение вопросов межрегионального торгово-экономического сотрудничества по линии «провинция Шэньси — Свердловская область» между заместителем председателя

Уральской торгово-промышленной палаты М. Козловым, исполняющим обязанности генерального консула КНР в Екатеринбурге Ван Туном и консулом по торговым делам в Екатеринбурге Чжао Цзюньфаном. Было подписано соглашение о сотрудничестве между Тунчуаньским отделением Китайского комитета содействия развитию международной торговли и Уральской торгово-промышленной палатой.

20 ноября 2024 г. прошли переговоры губернатора провинции Шэньси Чжао Гана с губернатором Вологодской области Георгием Филимоновым и состоялось подписание соглашения о сотрудничестве этих двух регионов России и Китая[1]. Провинция Шэньси и Вологодская область отличаются высоким уровнем взаимодополняемости в промышленной сфере, что планируется использовать в интересах расширения взаимодействия в этой сфере. В январе 2025 г. прошли предварительные переговоры между представителями провинции Шэньси и администрацией Иркутской области о перспективах межрегионального сотрудничества.

Активное включение города Москвы, а также Калужской, Пензенской, Ульяновской, Свердловской, Вологодской, Иркутской областей в систему межрегионального сотрудничества с китайской провинцией Шэньси сопровождается становлением новых направлений взаимодействия.

Развитию межрегионального сотрудничества Шэньси с российскими регионами на рубеже 2010—2020-х гг. способствовало и создание Ассоциации китайцев из провинции Шэньси, проживающих в России. В конце 2010-х гг. выросло число жителей Шэньси, отправившихся в российские регионы с образовательными или коммерческими целями. Ассоциация, официально зарегистрированная в 2019 г. в Министерстве юстиции РФ и Посольстве КНР в России, была основана с целью продвижения китайского бизнеса в России, углубления шэньсийско-российского торгово-экономического сотрудничества[2].

С 2020 г. одним из перспективных направлений межрегионального сотрудничества провинции Шэньси с российскими регионами

[1] Чжао Ган хуэйцзянь Элосы Вологэда чжоучжан Фэйлимонофу исин [Чжао Ган встретился с губернатором Вологодской области Филимоновым и его делегацией] // *Shaanxi Provincial People's Government*. 21.11.2024. URL: https://www.shaanxi.gov.cn/xw/sxyw/202411/t20241121_3201498_wap.html (дата обращения: 23.04.2025).

[2] Во сяо цзюйбань Чжун Э шипинь юй цзянькан кэсюэ чуансинь хэцзо цзяолю ходун [На базе нашего университета состоялось российско-китайское мероприятие по взаимодействию в сфере здравоохранения и продовольствия] // Shaanxi Normal University. 25.05.2024. URL: https://www.snnu.edu.cn/info/1232/37661.htm (дата обращения: 23.04.2025).

стало взаимодействие в области сельского хозяйства. С этого времени ведется активная совместная работа по вопросам расширения шэньсийско-российского аграрного сотрудничества. В ней принимают участие Министерство сельского хозяйства России, Федеральный центр развития экспорта продукции агропромышленного комплекса России, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору России, Китайская торгово-промышленная палата по экспорту и импорту продуктов питания и местных продуктов животноводства, Шэньсийское отделение Китайского комитета содействия развитию международной торговли. В апреле 2024 г. в г. Сиане 40 российских и 96 шэньсийских аграрных предприятий, специализирующихся на производстве молочной, мясной, рыбной и зерновой продукции, приняли участие в Ярмарке по торгово-экономическому и сельскохозяйственному сотрудничеству Шэньси и России. Состоялось свыше 400 раундов деловых переговоров по двум направлениям: «продукты питания и напитки» и «мясная продукция». В рамках ярмарки при содействии китайско-российской юридической службы, созданной на время проведения данного мероприятия, был подписан ряд совместных соглашений. Ярмарка способствовала более глубокому анализу потребностей региональных рынков России и Китая, а также выстраиванию новых цепочек взаимодействия в сфере торговли продовольствием и сельскохозяйственной продукцией.

В настоящее время провинция Шэньси проводит с различными российскими регионами обсуждение вопросов по развитию транспортно-логистических связей. В Шэньси расположена Сианьская зона международного портового бизнеса, которая выступает одним из крупных объектов грузоперевозок в рамках Инициативы «Пояс и путь». Ежегодный рост объемов продукции, отправляемой из провинции Шэньси в Россию, порождает потребность в совершенствовании китайско-российской логистики. Поэтому регулярно проходят переговоры по строительству совместного росийско-китайского грузового терминала в Сиане и расширению таможенно-логистического терминала в российском Забайкальске.

Итак, можно констатировать, что в начале XXI в. был заложен фундамент системы межрегионального сотрудничества между провинцией Шэньси и российскими городами и регионами. По линии «побратимского» взаимодействия Шэньси развивала связи с Калужской областью, а в ходе расширения торгово-экономического сотрудничества, реализации совместных проектов были установлены отношения с городом Москвой, а также Пензенской, Ульяновской,

Свердловской, Вологодской, Иркутской областями. Основными направлениями межрегионального сотрудничества «Шэньси—российские регионы» выступило взаимодействие в сфере науки и образования, сельского хозяйства и высоких технологий, экономики и торговли.

Библиографический список

Булгаков С.А. Основные тенденции экономического развития провинции Шэньси в 2000-е гг. // Современные востоковедческие исследования. 2021. Т. 3. № 2. С. 206—213.

Макеева С.Б. «Западное развитие» как основной вектор стратегических региональных преобразований в КНР в начале XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 2. С. 140—151. DOI: 10.31857/S086919080014442-3.

References

Bulgakov, S.A. (2021). Osnovnye tendencii jekonomicheskogo razvitija provincii Shjen'si v 2000-e gg. [Main Trends of Economic Development of Shaanxi Province in the 2000s], *Sovremennye vostokovedcheskie issledovanija [Modern Oriental Studies]:* 3: 206—213. (In Russian).

Makeeva, S.B. (2022). «Zapadnoe razvitie» kak osnovnoj ector strategicheskih regional'nyh preobrazovanij v KNR v nachale HHI v. ["Western Development" as the Main Vector of Strategic Regional Transformations in the PRC at the Beginning of the 21st Century], *Vostok. Afro-aziatskie obshhestva: istorija I sovremennost' [Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity]*: 2:140—151. DOI: 10.31857/S086919080014442-3. (In Russian).

* * *

Ge Xinrong (2020). Eluosi quyu jingji zhengce yanbian ji qi dui Zhong E diqu hezuo de yingxiang yanjiu [Research on the evolution of Russia's regional economic policies and its impact on China-Russia regional cooperation], *Haerbin: Heilongjiang daxue chubanshe,* 304 p. (In Chinese).

Tian Chunsheng (2015). Eluosi jingji waijiao yu Zhong E hezuo moshi [Russian economic diplomacy and China-Russia cooperation model], *Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe*. 418 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 14.05.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: May 14, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.56.70.022

Н.А. Замараева

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В ПАКИСТАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (2024—2025 гг.)

Аннотация. Пакистан поставил себя перед необходимостью решения судьбоносного вопроса в определении своего будущего: оставаться зависимым и подчиняться внешнему давлению или заявить о себе как о независимой стране и взять под контроль свое будущее. Иностранные заимствования на протяжении многих лет подменяют механизм управления экономикой.

В современном мире, характеризующемся растущей геополитической напряженностью и разрушением международного порядка, ключевой задачей для Пакистана — это избежать негативных последствий усиления американо-китайской конфронтации, которая на протяжении многих лет является глобальной доминантой.

Китай остается главным приоритетом внешней политики Пакистана. Выдержав испытание временем, отношения отвечают как экономическим интересам, так и безопасности Пакистана.

Пакистан и Китай согласились и далее углублять взаимовыгодное сотрудничество, разрабатывать обновленную версию строительства Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и ускорять создание более тесного китайско-пакистанского сообщества единой судьбы в новую эпоху.

КПЭК — это один из шести проектов китайской Инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Завершение первой фазы КПЭК подтвердило его ключевую роль в содействии региональной связанности и взаимовыгодному сотрудничеству,

Пакистан и Китай подтвердили готовность реализовывать второй этап КПЭК, который включает проекты в области промышлен-

ной индустриализации, в сельском хозяйстве, сфере возобновляемых источников энергии, начинания в социальной сфере, специальные экономические зоны (СЭЗ) и т. д. Национальная структура развития Пакистана основана на пяти «Э»: экспорт/exports, электронный Пакистан/e-Pakistan, энергетика/energy, окружающая среда/environment и справедливость/equity. Успех реализации второго этапа КПЭК — это ответ на поставленный вопрос о будущем страны.

Ключевые слова: Пакистан, Китай, США, Международный валютный фонд (МВФ), торговые войны, санкции.

Автор: *Замараева Наталья Алексеевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12),
ORCID: 0000-0003-2457-0000, E-mail: olunja@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Замараева Н.А. Пакистано-китайские отношения (2024—2025 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 336—348.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.56.70.022.

N.A. Zamaraeva

Economics and politics in Pakistan-China relations (2024—2025)

Abstract. Pakistan is faced with a crucial decision in determining its future: to remain dependent and subservient to external pressures, or to assert itself as an independent country and take control of its future. Foreign borrowings have been a substitute for sovereign economic governance for many years.

In today's world of growing geopolitical tensions and erosion of the international order, the key challenge for Pakistan is to avoid negative consequences of the intensification of the US-China confrontation, which has been the global dominant for many years.

China remains the top priority of Pakistan's foreign policy. The relationship has stood the test of time and serves both Pakistan's economic and security interests.

Pakistan and China agreed to further deepen mutually beneficial cooperation, develop an updated version of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), and accelerate the building of a closer China-Pakistan community of shared destiny in the new era.

CPEC is one of the six projects of China's Belt and Road Initiative (BRI). The completion of the first phase of CPEC has confirmed its key role in promoting regional connectivity and mutually beneficial cooperation. Pakistan and China have confirmed their readiness to implement the second phase of CPEC, which includes projects in the field of industriali-

zation, agriculture, renewable energy, social initiatives, special economic zones (SEZs), etc. Pakistan's national development framework is based on the five "Es": exports, e-Pakistan, energy, environment and equity. The successful implementation of the second phase of CPEC is the answer to the question posed about the future of the country.

Keywords: Pakistan, China, USA, International Monetary Fund IMF), trade wars, sanctions.

Author: Natalia A. ZAMARAEVA, Ph.D (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address. Rozhdestvenka st., 12, Moscow, Russian Federation).
ORCID: 0000-0003-2457-0000. E-mail: olunja@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Zamaraeva N.A. (2025). Ekonomika i politika v otnosheniyakh Pakistana i Kitaya (2024—2025) [Economics and Politics in Pakistan-China Relations (2024—2025)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 336—348. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.56.70.022.

Иностранные заимствования

Китай продолжал оказывать финансовую помощь Пакистану во время экономического кризиса. В марте 2024 г. Исламабад получил депозит в виде кредита на общую сумму 4 млрд долл., что снизило растущее давление внешней задолженности страны на ее экономическое состояние и стабилизировало валютные резервы перед потенциальным «надвигавшимся» дефолтом в июне 2024 г. Срок депозита по кредиту в 2 млрд долл., полученного от Китая, заканчивался 23 марта 2024 г. Временно исполнявший обязанности премьер-министра Анваарул Хак Какар обратился к своему китайскому коллеге Ли Цяну с просьбой пролонгировать выплаты по долгу в размере 2 млрд долл. на 2024 г., и Пекин согласился[1].

В январе 2024 г. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) пролонгировали срок погашения Пакистаном кредита в размере 2 млрд долл. Позднее Саудовская Аравия также поместила 5 млрд долл. на депозит в Государственном банке Пакистана. На долю Китая приходится значительная часть заимствований — почти 13 % общего долга

[1] Pakistan asks China for $2b debt rollover // The Express Tribune. 26.01.2024. URL: https://tribune.com.pk/story/2454491/pakistan-asks-china-for-2b-debt-rollover (accessed: 26.03.2025).

Пакистана, в основном направленного на финансирование инфраструктурных проектов[1].

Двусторонние заимствования крайне важны для Исламабада не только с целью пополнения казны валютными резервами, но и недопущения дефолта в конце каждого финансового года. Кредиты, в частности, китайские, важны для Исламабада и как гарантия одобрения очередной Программы заимствования Международного валютного фонда (МВФ) и/или очередного транша указанной программы. Пролонгация двусторонних кредитов — обязательная часть переговорного процесса Пакистана с МВФ.

После пролонгации кредитов временное правительство обратилось в январе 2024 г. к МВФ для получения последнего транша в размере 1,2 млрд долл. из 7 млрд долл., одобренных МВФ в 2021 г. [Замараева, с. 125—136].

Коалиционное правительство премьер-министра Шехбаза Шарифа было сформировано по итогам парламентских выборов 8 февраля 2024 г. и уже через несколько дней его представители нанесли первый визит в Пекин[2], с которым они имеют проверенные временем отношения.

Китай придает большое значение развитию связей с Пакистаном и подтвердил готовность работать с новым правительством в Исламабаде для развития традиционной дружбы, практического сотрудничества в различных областях и повышения уровня всепогодного стратегического сотрудничества для построения еще более тесного китайско-пакистанского сообщества с общим будущим в новую эпоху[3].

Основные направления двусторонних отношений в 2022—2025 гг. можно охарактеризовать так:

- дальнейшая реализация проектов Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) с упором на индустриализацию;
- активное привлечение китайских инвестиций в специальные экономические зоны (СЭЗ) при реализации второй фазы КПЭК;
- финансовая помощь Пекина Исламабаду;
- расширение военной кооперации;

---

[1] Pakistan set to initiate ‘difficult’ IMF talks // Dawn. 11.03.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1820648/pakistan-set-to-initiate-difficult-imf-talks (accessed: 25.03.2025).

[2] How the next govt can cope with changing world order. Dawn. 24.01.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1808146/how-the-next-govt-can-cope-with-changing-world-order (accessed: 25.03.2025).

[3] China ready to work with Pakistan: Wang. The Express Tribune. 11.03.2024. URL: https://tribune.com.pk/story/2459065/china-ready-to-work-with-pakistan-wang (accessed: 24.03.2025).

- чистая энергия;
- сельское хозяйство;
- борьба с бедностью /проекты по обеспечению средств к существованию[1].

Однако двустороннее сотрудничество столкнулись с рядом проблем, среди которых — безопасность китайского персонала в Пакистане, финансовые трудности проектов КПЭК и т. д.

Все это тормозило прогресс КПЭК. Пекин ожидал от новой политической коалиции Пакистана решения этих проблемы в интересах укрепления политических и экономических связей двух стран.

Одним из вызовов безопасности в регионе для обеих стран является активность транснациональных террористических группировок в Афганистане. Пакистан и Китай согасились объединить силы с целью достижения стабильности в соседней стране; уделить особое внимание угрозе терроризма, и главное, — разработать адаптивные стратегии в ответ на вызовы безопасности[2].

Пакистан и экономическая модель Китая

Экономика Китая уже в 1-м квартале 2024 г. подтвердила свою устойчивость, способность к инновациям и открытость. Целевой показатель роста в 5 % подтверждал потенциал и жизнеспособность экономики Китая. В 2024 г. общий объем торговли китайскими товарами достиг 6,61 трлн юаней**,** увеличившись на 8,7 % в годовом исчислении. Китай оставался верен избранному курсу модернизации промышленного сектора и ускоренного развития новых, качественных производительных сил[3].

Восхищение пакистанцев вызвал китайский План смягчения экономического удара торговой войны, нанесенного введением США новых высоких пошлин. Пакистанские СМИ характеризовали его как План противодействия экономическому влиянию торговой войны

[1] Pakistan, China reaffirm commitment to high-quality CPEC 2.0 development. The Express Tribune. 11.01.2025. URL: https://tribune.com.pk/story/2521487/pakistan-china-reaffirm-commitment-to-high-quality-cpec-20-development (accessed: 20.03.2025).

[2] Ministry of foreign affairs. Government of Pakistan. 11th Round of Joint Pakistan-Russia Working Group Meeting on Counter-Terrorism, 22 April 2025, Moscow, Russia. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/11th-round-of-joint-pakistan-russia-working-group-meeting-on-counter-terrorism-22-23-april-2025-moscow-russia (accessed: .24.04.2025).

[3] Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Regular Press Conference on March 12, 2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/202403/t20240312_11259713.html (accessed: 26.04.2025).

США и как свидетельство укрепления экономики Китая на фоне сохраняющихся проблем, таких как кризис в секторе недвижимости, безработица среди молодежи и т. д.[1] Было также заявлено, что Пакистан с гордостью полагается на стратегического соседа и убежден в его поддержке.

Постоянные заимствования Пакистана с годами стали неотъемлемой чертой национального поведения и внешней политики. Гражданские, военные и военно-гражданские администрации обращались и обращаются к международным и двусторонним кредиторам. Практика заимствования лишает пакистанцев стремления решать проблемы самостоятельно и независимо [Замараева Н.А., 2024]. Многолетний долговой порочный круг поставил правящие элиты в режим чрезвычайной ситуации поиска кредитов или их пролонгации в сжатые сроки. И вопросы в экономическом секторе коалиционного правительства Ш.Шарифа стоят не столько об экономическом развитии и росте экономики, сколько о сумме займа валютных резервов, с тем чтобы избежать очередного дефолта.

Власти Пакистана вновь находятся в поисках модели экономического развития [Белокреницкий, с. 69—78]. Политические бури прошлых лет, такие как вотум недоверия бывшему премьер-министру И. Хану в апреле 2022 г., ошибки временного коалиционного правительства Ш. Шарифа (2022—2023 гг.), сложности в работе переходного правительства премьер-министра А. Какара (август 2023 — февраль 2024 гг.) и, наконец, проблемы, стоящие перед правительством, сформированным по итогам всеобщих парламентских выборов в феврале 2024 г. — все это не способствовало экономической стабильности в стране. Однако в настоящее время политические оппоненты действуют согласованно, избегают непримиримых противоречий.

Ситуация в экономике оставалась критической, и военно-гражданские власти ставили вопрос об угрозах национальной безопасности; в качестве одной из мер защиты которой было предложено расширение экспортных рынков для пакистанских товаров, развитие промышленного сектора[2]. В ряду первых официальных документов новой правящей коалиции Пакистанской народной партии (ПНП) и Пакистанской мусульманской лиги (Наваз) (ПМЛ(Н) еще в апреле

[1] Xi Jinping unveils Chinese plan to counter economic impact of US trade war. The Express Tribune. 25.04.2025. URL: https://tribune.com.pk/story/2542245/xi-jinping-unveils-chinese-plan-to-counter-economic-impact-of-us-trade-war (accessed: 26.04.2025).

[2] Govt, army align on SOEs sell-off. The Express Tribune.. 29.11.2024. The Express Tribune. URL: https://tribune.com.pk/story/2512621/govt-army-align-on-soes-sell-off (accessed: 20.04.2025).

2022 г. стоял Закон об экспортной политике 2022 г., который указывал на необходимость привлечения прямых иностранных инвестиций и т. д.[1]

Работа по привлечению иностранных инвестиций была возложена на Специальный совет по содействию инвестициям (ССПИ), возглавляет который премьер-министр и начальник штаба сухопутных войск. Это внеконституционный государственный комитет, контролируется генералитетом, его решения являются обязательными к исполнению. Усилия по оптимизации специальных экономических зон также являются одним из основных направлений деятельности ССПИ в рамках реализации проектов второго этапа Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК).

Выбор СЭЗ не случаен: за основу взят опыт Китая, который, как писал пакистанский журнал *Hilal,* благодаря использованию «модели СЭЗ стал глобальной экономической державой»[2]. Пакистан — не единственная страна, принявшая эту модель; многие страны развивают свою экономику на основе аналогичного подхода.

Закон об особых экономических зонах *The Special Economic Zones Act of 2012* был принят парламентом Пакистана в 2012 г. для укрепления промышленной базы страны. Он был призван благоприятствовать пакистанским и иностранным инвесторам, разрешая беспошлинный импорт оборудования для продвижения местного производства. В качестве стимула предлагались 10-летние налоговые каникулы для разработчиков зон. Помимо независимых СЭЗ, Пакистан определил несколько зон вдоль маршрута КПЭК.

Многие годы проекты СЭЗ в Пакистане до этого не развивались. Несмотря на усилия правительства по стимулированию инвесторов, СЭЗ с трудом привлекали бизнес из-за присущих модели первоначальных ограничений в виде требований покупки земли под зоны, развития инфраструктуры и начала экономической деятельности в определенные сроки.

ССПИ же разработал несколько иной подход: не покупка, а возможность сдачи земли в аренду инвесторам на 30 лет (с возможностью продления). Сумма аренды была установлена на доступном уровне, что позволило инвесторам сосредоточить свой капитал на

[1] Government of Pakistan. Ministry of commerce. The Export Policy Order, 2022. Islamabad, the 22nd April, 2022. URL: https://www.commerce.gov.pk/wp-content/uploads/2022/04/EPO-2022-SRO-544-2022-dt.22.4.22.pdf (accessed: 24.04.2025).

[2] Mir R. Lt Col , TI (M), (R). Shifting SEZs from a Real Estate Model to a Classic SEZ Model: Implications for Industrial Growth and Economic Development in Pakistan. Hilal English. April 2025 URL: https://hilal.gov.pk/view-article.php?i=9936 (accessed: 01.05.2025).

развитии бизнеса. К 2021 г. было создано 22 специальные экономические зоны, цель которых — привлечение прямых иностранных инвестиций и стимулирование промышленного роста.

СЭЗ также стали предметом спора между властями Пакистана и глобальным кредитором в лице МВФ, который неоднократно заявлял, что СЭЗ наносят ущерб экономическому росту страны. МВФ настаивал, чтобы Пакистан ввел ограничения на создание СЭЗ ввиду неоправданно либеральных налоговых льгот.

В июле 2024 г. Пакистан вновь сел за стол переговоров с МВФ об условиях выделения 7 млрд долл. в рамках Расширенного фонда финансирования. Правительство Ш.Шарифа приняло условия МВФ, включая

- введение рекордных 1,8 трлн рупий новых налогов;
- повышение цен на электроэнергию до 51 %;
- контроль МВФ над промышленной политикой Пакистана (кабинет министров принял условия МВФ);
- отказ создавать новые специальные экономические зоны или экспортно-обрабатывающие зоны; а налоговые льготы, уже предоставленные действующим СЭЗ, не будут продлены после истечения срока их действия[1].

Подобные условия демонстрируют, насколько глубоко влияние МВФ на экономическую и промышленную политику Пакистана, что может негативно повлиять на планы привлечь китайскую промышленность в эти зоны.

В 2024—2025 гг. Пакистан вновь обращается к Китаю с просьбой профинансировать промышленные проекты [Сазонов, Цзинвэй, с.229]. (В рамках первой фазы КПЭК Китай инвестировал 28 млрд долл. в энергетические и инфраструктурные проекты.)

24 мая 2024 г. Исламабад обратился к Пекину с просьбой начать работы по сооружению трех объектов:

- плотины Диамер-Бхаша;
- автомагистрали Хайдарабад—Суккур;
- проекта магистрали-I Пакистанских железных дорог

и четырех других проектов дорог и мостов. Оценочная стоимость этих девяти энергетических и инфраструктурных проектов превышает 17 млрд долл., включая стоимость энергетических сетей в 4,5 млрд долл. Обращение было подано во время 13-го заседания Объединенного комитета сотрудничества, высшего руководящего органа КПЭК.

[1] Rana Sh. Govt accepts IMF bar on new SEZs. The Express Tribune. 12.09.2024. URL: https://tribune.com.pk/story/2495112/govt-accepts-imf-bar-on-new-sezs (accessed: 20.04.2025).

Одновременно Китай поднял вопрос о погашении своих кредитов в размере 523 млрд рупий за счет закупок электроэнергии. В ответ Пакистан заявил, что сможет произвести эти выплаты только при улучшении экономической ситуации. Правительство подготовило план по реструктуризации китайского энергетического долга на сумму 17 млрд долл., что не вызвало энтузиазма Китая, ожидавшего более быстрого погашения.

Китай снижает интерес к дальнейшему участию в экономике Пакистана из-за многочисленных дисфункций и нехватки ликвидности, нестабильной политики и проблем безопасности. Долг Китаю составляет 13 % от общего внешнего долга Пакистана[1]. Пекин отказался предоставить инвестиции и участвовать в модернизации и/или строительстве участков железнодорожного проекта ML-1. Китай ясно дал понять, что ответственность за строительство транспортной инфраструктуры между Гвадаром и остальной частью страны лежит на Пакистане[2].

Торговая американо-китайская война и Пакистан

Президент США Дж. Байден (2021—2025 гг.) фактически не поменял курс своего предшественника Д. Трампа: тарифы оставались неизменными [Замараева Н.А., 2019]. Однако он ввел для Китая дополнительные ограничения, что и привело к интенсивной технологической войне. Это побудило китайских лидеров описывать стратегию администрации Байдена как стратегию «конфронтационного соревнования»[3].

Еще в январе 2024 г. кандидат в президенты от Республиканской партии Д. Трамп выступил с заявлением о возможном введении 60%-ной пошлины на весь импорт из Китая в случае возвращения в Белый дом[4]. Он неоднократно упоминал о миллиардах долларов, ко-

[1] PM Shehbaz's China trip geared towards more investment, says minister. Dawn. 03.06.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1837423/pm-shehbazs-china-trip-geared-towards-more-investment-says-minister (accessed: 21.04.2025).

[2] Husain Kh. The great CPEC mirage. Dawn. 30.05.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1836587/the-great-cpec-mirage (accessed: 20.04.2025).

[3] Lodhi M. Foreign policy under Trump 2.0. Dawn. 11.03.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1820658/foreign-policy-under-trump-20 (accessed: 21.04.2025).

[4] Трамп обсудил «новую торговую войну» с Китаем. РИА Новости. 28.01.2024. URL: https://finance.mail.ru/2024-01-27/tramp-obsudil-novuyu-torgovuyu-voynu-s-kitaem-59554624/ (дата обращения: 20.04.2025).

торые получил бюджет США благодаря тарифам, принятым во время его первого президентского срока (2017—2021 гг.).

Китай — третий по объему торговый партнер США; его опережают только Мексика и Канада. В ноябре 2024 г. на долю КНР приходилось 11,7 % от общего объема внешней торговли США.

Китай и США имеют схожие интересы в Пакистане: политическая стабильность, экономическое благополучие, мир и безопасность в регионе, а также борьба с терроризмом и экстремизмом.

Отношения Пакистана и Китая носят стратегический характер и характеризуются глубокой экономической зависимостью Исламабада от Пекина. Но они недостаточны для решения экономических проблем и проблем безопасности Пакистана.

Все годы Китай дистанцировался от роли единственного финансового спасителя, подчеркивая, что это поставит Пакистан в положение благожелательной зависимости и еще больше лишит стимулов к проведению структурных реформ. Помощь и давление МВФ/США на Пакистан отвечают позиции Китая.

Исламабад также заинтересован в поддержке США, которые также остаются важным экономическим партнером.

Внутриполитическая нестабильность Пакистана усиливает сепаратистские настроения, активизирует группировки боевиков и повышает вероятность пакистано-индийского конфликта, ставя под угрозу безопасность и стратегические интересы США.

Но годы подтвердили разные методы взаимодействия с Исламабадом: Вашингтон использует давление, как инструмент для достижения целей в Пакистане. Пекин же традиционно применяет методику стимулов.

Но в военно-политической области многолетнее пакистано-китайское сотрудничество, например, военно-морское, отвечают стратегическим интересам Китая в Южной Азии; потенциально позволяет Китаю обойти США и их «союзное» военно-морское доминирование ***в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)***. В свою очередь это оказывает прямое влияние на стратегию США в АТР, особенно на фоне напряженности между Индией и Пакистаном, которая влияет на вероятность для Нью-Дели сбалансировать связи с Пекином.

Таким образом, Пакистан крайне заинтересован и в Китае, и в США; и цели каждой из этих держав будут достигнуты, если Пакистан станет равноценно сотрудничать с обеими, но каждая из них имеет «красные линии» в отношениях с Пакистаном и друг с другом.

«Шелковый путь и Путь пряностей» — альтернатива китайской Инициативе «Пояс и путь»

В сентябре 2023 г. на полях саммита G20 в Нью-Дели премьер-министр Индии Нарендра Моди объявил о проекте «Шелковый путь и Путь пряностей». Согласно Генеральному плану, маршрут соединит Индию с Европой через Ближний Восток[1], через Аравийское море до Объединенных Арабских Эмиратов и далее — по территории Саудовской Аравии, Иордании и Израиля до рынков Европы[2], Для начала в феврале 2024 г. Индия и ОАЭ подписали рамочное соглашение о торговом коридоре.

«Шелковый путь и Путь пряностей» рассматривается как ответ на китайскую Инициативу «Пояс и путь».

Заключение

Пакистан и Китай в 2025 г. отметили 10 лет совместной практической работы и запуска в эксплуатацию более 20 объектов КПЭК. Конечно, это не революционное обновление экономики, но значительный шаг вперед в сторону модернизации энергетического и инфраструктурного ландшафта страны.

Накопившиеся за прошедшие годы двусторонние проблемы и вызовы регионального и глобального уровня привели к замедлению проектов второго этапа КПЭК. Причин несколько, но наиболее острыми являются:

- низкая квалификация местной рабочей силы,
- низкая финансовая дисциплина пакистанской стороны;
- постоянная реструктуризация и пролонгация действующих кредитов;
- критика со стороны глобальных кредиторов, обвиняющих китайские власти в выделении Исламабаду кредитов, что в свою очередь рассматривается как главная причина постоянных заимствований и, как следствие, высокого долга Пакистана и т. д.;

[1] Cornwell A. & Kamdar B.M. India, UAE sign pact on trans-continental trade corridor. Reuters. 14.02.2024. URL: https://www.reuters.com/world/india-uae-sign-pact-trans-continental-trade-corridor-2024-02-13/ (accessed: 19.04.2025).

[2] New Mideast corridor would include trains to India, Delhi says. Reuters. 11.09.2024. URL: https://www.reuters.com/world/india-saudi-discuss-ports-rail-project-local-currency-trade-2023-09-11/ (accessed: 20.04.2025).

• отсутствие гарантий безопасности для китайских специалистов, работающих в Пакистане.

Китай не спешил с запуском новых проектов, включая модернизацию части железнодорожного полотна в рамках проекта ML-I и перенос в Пакистан ряда китайских промышленных мощностей.

Замедление китайских инвестиций не означает, что Китай потерял интерес к проекту КПЭК. Однако внешние потрясения, включая торговую напряженность с Вашингтоном, продолжают влиять на экономику и внешнюю политику Китая. Пекин сталкивается с особыми вызовами: в первую очередь с растущей торговой напряженностью с США, которая удерживает его от новых инвестиций в КПЭК.

Пекин неоднократно указывал Исламабаду на необходимость «навести порядок у себя дома»[1], выполнить свою часть работы и не ждать возобновления китайского финансирования.

Библиографический список

Белокреницкий В. Я. Экономика Пакистана — причины и последствия замедленного роста. Мировая экономика и международные отношения, 2024. Т. 68. № 3. С. 69—78.

Замараева Н.А. Проект китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) — первые вызовы реализации // Востоковедение: История и методология. 2019. № I. С. 45—56.

Замараева Н.А. Пакистан — Международный валютный Фонд: помощь или вызов экономическому суверенитету? // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Том 68. № 9. С. 125—136. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-9-125-136.

Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй. Сотрудничество Китая и Пакистана в области развития инфраструктуры и энергетики. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Вып. XXVIII.№ 28. С. 225—238.

References

Belokrenitsky V. Ya. (2024). Ekonomika Pakistana — prichiny i posledstviya zamedlennogo rosta [Pakistan's Economy: Causes and Consequences of Slow Growth], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]:* 68: 3: 69—78.

[1] Xi Jinping unveils Chinese plan to counter economic impact of US trade war // The Express Tribune. 25.04.2025. URL: https://tribune.com.pk/story/2542245/xi-jinping-unveils-chinese-plan-to-counter-economic-impact-of-us-trade-war (accessed: 28.04.2025).

Zamaraeva N. (2019). Proyekt Kitaysko-pakistanskiy ekonomicheskiy koridor (KPEK) — pervyye trudnosti realizatsii [China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) Project — First Challenges of Implementation], *Vostokovedeniye: istoriya i metodologiya [Oriental Studies: History and Methodology], Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*: 45—56.

Zamaraeva N. (2024). Pakistan — Mezhdunarodnyy valyutnyy fond: pomoshch' ili vyzov kapitalu suverenitetu? [Pakistan — International Monetary Fund: Help or Challenge to Economic Sovereignty?], Mirovaya ekonomika i razvitiye otnosheniy *[Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya]:* 68: 9: 125—136. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-9-125-136.

Sazonov S.L., Wang Jingwei (2023). Sotrudnichestvo Kitaya i Pakistana v oblasti razvitiya zanyatosti i stabil'nosti [China-Pakistan cooperation in infrastructure and energy development], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics (History and Modernity)]:* 28: 225—238.

Поступила в редакцию: 28.04.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Apr 28, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI 10.48647/ICCA.2025.96.23.023

М.В. Александрова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНТЕЙНЕРНЫХ ПОЕЗДОВ «КИТАЙ—ЕВРОПА» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ТРАНЗИТА ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящее время мир переживает серьезные изменения, беспрецедентные в последние 80 лет. Чтобы адаптироваться к все более сложной и меняющейся международной торгово-экономической среде, а также с целью реализации стратегии «двойной циркуляции», КНР заложила основу для создания новой международной экономической платформы сотрудничества в лице контейнерного поезда «Китай — Европа». За более чем 10 лет функционирования поезд соединил 25 европейских и 11 азиатских стран. На сегодняшний день состав из КНР проходит через 6 погранпереходов, из которых 3 — на границе с РФ, 2 с Казахстаном и 1 с Монголией. Казахстанская сторона усмотрела важность транзита контейнерных потоков через свою территорию и начала модернизировать погранпереходы на границе в КНР под увеличивающийся объем контейнерных поездов. В результате контейнерооборот казахстанско-китайских погранпереходов стал расти быстрее, чем российско-китайских погранпереходов. В связи с обострением ситуации на российских западных рубежах в 2022 г. возникли определенные ограничения на транзит через территорию РФ грузов двойного и прямого военного назначения. К сожалению, некоторые транспортные фирмы, а также грузополучатели в западных странах считают нормальным фальсифицирование данных при заполнении транзитно-таможенных деклараций. В таких случаях российская сторона вынуждена проводить таможенный досмотр грузов, проходящих транзитом в контейнерных поездах в основном в строну Европы, в усиленном режиме, а в случае несоблюдения требований осуществлять возврат товаров китайским грузоотправителям.

Несмотря на некоторое сокращение числа контейнерных поездов «Китай—Европа», следующих через территорию РФ, в обратном направлении — из Европы в Китай — грузоотправители предпочитают отправлять контейнерные поезда через российскую территорию.

Ключевые слова: субсидии, погранпереходы, запрет на транзит, товары двойного назначения, Постановление правительства РФ, задержание транзитных грузов, таможня.

Автор: *Александрова Мария Викторовна*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7257-5573.
E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Александрова М.В. Функционирование контейнерных поездов «Китай — Европа» и особенности их транзита через территорию Российской Федерации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 349—369. DOI: 10.48647/ICCA.2025.96.23.023.

M.V. Alexandrova

Operation of “China—Europe” container trains and peculiarities of their transit through the territory of the Russian Federation

Abstract. The world is currently undergoing major changes unprecedented in the last 80 years. In order to adapt to an increasingly complex and changing international economic and trade environment, and to implement the «dual circulation» strategy, China has laid the foundation for a new international economic cooperation platform in the form of the China-Europe container train. Over more than 10 years of operation, the train has connected 25 European and 11 Asian countries. To date, the train from China passes through 6 border crossings, including 3 on the border with the Russian Federation, 2 with Kazakhstan and 1 with Mongolia. The Kazakhstan side saw the importance of transit container flows through its territory and has begun to modernize border crossings with China to accommodate the increasing volume of container trains. As a result, container turnover at Kazakhstan-China border crossings has begun to grow faster than at Russia-China border crossings. Due to the aggravation of the situation on Russia's western borders in 2022, certain restrictions have arisen on the transit of dual-use and direct military cargo through the territory of the Russian Federation. Unfortunately, some transport companies, as well

as consignees in Western countries, consider falsifications in filling out transit customs declarations to be normal. In such cases, the Russian side is forced to conduct customs inspection of container goods transiting (mainly towards Europe) in an enhanced mode, and in case of non-compliance with the requirements, the goods are returned to the Chinese shippers. Despite a certain reduction in the number of transit container trains «China-Europe» passing through the territory of the Russian Federation, in the opposite direction — from Europe to China — shippers prefer to send container trains through the Russian Federation.

Keywords: subsidies, border crossings, transit ban, dual-use goods, RF Government Resolution, detention of transit cargo, customs.

Author: Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7257-5573.
E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Alexandrova M.V. (2025). Funktsionirovaniye konteynernykh poyezdov «Kitay--Yevropa» i osobennosti ikh tranzita cherez territoriyu Rossiyskoy Federatsii [Operation of "China—Europe" container trains and peculiarities of their transit through the territory of the Russian Federation], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 349—369. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.96.23.023.

15 сентября 2023 г. председатель КНР направил поздравительное письмо Международному форуму сотрудничества «Китайско-европейский экспресс», в котором отметил, что с момента своего запуска контейнерный поезд «Китай—Европа» функционирует безопасно, стабильно и бесперебойно и что таким образом созданы как новая модель международных перевозок между Азией и Европой, так и новая платформа для торгово-экономического сотрудничества по всем маршрутам следования поезда, которая эффективно обеспечивает стабильность международных производственных цепочек и цепочек поставок, придав новый импульс развитию мировой экономики[1].

[1] Xi Jinping xiang ZhongOu banlie guoji hezuo luntan zhi hexin [Си Цзиньпин направил поздравительное письмо Форуме международного сотрудничества China-Europe Express] // *Chinese Government Network*. 15.09.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202309/content_6904054.htm (дата обращения: 16.04.2025)

Движение к большей открытости и более глубокой интеграции между странами является важнейшей тенденцией развития мировой экономики. Поскольку экономическая глобализация демонстрирует тренд к замедлению и изменениям, требования к международному экономическому и торговому сотрудничеству становятся все более строгими. Чтобы адаптироваться к новым историческим реалиям экономической глобализации, на 3-м пленуме 18-го созыва ЦК КПК (2013 г.) была выдвинута задача построения новой открытой экономической системы.

В связи с этим следует отметить, что контейнерный поезд «Китай—Европа», или экспресс «Китай—Европа» (анг. *China—Europe Express*), — это международная экономическая платформа сотрудничества, созданная КНР для восстановления и поддержания мировой экономики, которая должна помочь Китаю постепенно воплотить в жизнь стратегию «двойной циркуляции» [Zhang Liying, Shao Chen, 2021], соответствующую китайскому видению процессов глобализации.

Примечательно, что изначально инициатива контейнерного поезда «Китай—Европа» была выдвинута в 2009 г. американской компанией *HP*, которой было необходимо найти новое логистическое решение для доставки своей электронной продукции в Европу, причем быстрее, чем по морю и дешевле, чем по воздуху. В результате первый поезд был отправлен по маршруту Чунцин—Дуйсберг (ФРГ) в 2011 г.[1]

Логистический продукт *China—Europe Express*, фактически используемый тысячами грузоотправителей, хотя и может похвастаться серьезными преимуществами, такими как стоимость транспортировки, которая составляет лишь 20 % от стоимости авиаперевозок или 1/3 стоимости морских перевозок, не лишена и недостатков. Так, длина контейнерного поезда ограничена (полная загрузка в РФ — порядка 140 ДФЭ[2], или 38—39 фитинговых платформ[3]). Маршруты транспор-

[1] Yige jizhuangxiang butie 5000 meiyuan de mubu luoxia hou [После того, как опустился занавес, субсидия в за один контейнер составила 5000 долл.] // *GOFAR LOGISTICS*. 19.07.2024. URL: http://www.gofarlogistics.com/cn/wlxw/89.html (дата обращения: 28.03.2025).

[2] ДФЭ — двадцатифутовый эквивалент (TEU — Twenty-foot equivalent unit). 20-футовые контейнеры, называемые эквивалентными единицами (TEU), стали отраслевым стандартом для определения объемов груза 3. История появления и развития грузовых контейнеров // Cargotime. 06.05.2014. URL: https://cargotime.ru/useful/istoriya-poyavleniya-i-razvitiya-gruzovyx-kontejnerov (дата обращения: 22.11.2023).

[3] Фитинговая платформа (англ. fitting, от англ. fit — прилаживать, монтировать, собирать) — специализированная железнодорожная платформа (вагон), предназначенная для перевозки крупнотоннажных контейнеров и оборудованная специализированными узлами для их крепления — фитинговыми упорами (этот упор входит в замок контейнера).

тировки тоже ограничены наличием или отсутствием нужных железнодорожных линий и сооружений, как и типы перевозимых товаров, поскольку контейнерным поездом невозможно перевозить нефть и иные воспламеняющиеся вещества, жидкие и порошкообразные грузы, СПГ и т. п.[1]

Некоторые промежуточные достижения

С 2013 г. по конец 2024 г. в обе стороны прошло более 100 тыс. контейнерных составов, которые связывают 227 городов в 25 европейских и более 100 городов в 11 азиатских странах. На территории КНР проложено 93 регулярных рабочих маршрута, которые соединяют 125 городов стран[2]. В течение 13-й пятилетки количество контейнерных поездов «Китай—Европа» ежегодно увеличивается в среднем на 58 % [Liu Jie, 2023].

На конец 2024 г. контейнерные составы перевезли 11 млн ДФЭ на общую сумму 420 млрд долл[3]. При этом только за период с сентября 2023 г. по конец октября 2024 г. было перевезено 3,69 млн ДФЭ на сумму 80 млрд долл., в то время как в 2016 г. стоимость перевезенных грузов достигла лишь 8 млрд долл.[4]

Расширяется ассортимент перевозимых грузов: в настоящее время это 53 товарные группы более 50 тыс. наименований — от предметов первой необходимости до транспортных средств на новых источниках энергии, от сельскохозяйственной продукции до замороженных продуктов питания, при этом доля высокотехнологичных

---

[1] Yige jizhuangxiang butie...

[2] ZhongOu banlie leiji kaixing chao 10 wan lie (han huicheng), yunsong huowu yu 1100 wan biao xiang wei shijie jingji fazhan zhuru xin dongli [China-Europe Express осуществил более 100 000 рейсов (включая обратные рейсы), перевезя более 11 млн TEU грузов, что придало новый импульс развитию мировой экономики] // *Chinese Government Network*. 30.11.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202411/content_6990227.htm (дата обращения: 03.04.2025).

[3] 2024 nian woguo dui gong jian «yi lu yi dai» guojia heji jin chukou zhan waimao bizhong shouci guoban [В 2024 году общий объем импорта и экспорта моей страны в страны, участвующие в инициативе «Один пояс, один путь», впервые составит более половины ее внешней торговли] // *21 Jingji wang*. 13.01.2025. URL: https://www.21jingji.com/article/20250113/herald/15f9522c1d8c63124401611a43683e8a.html (дата обращения: 05.04.2025).

[4] ZhongOu banlie leiji kaixing tupo 10 wan lie fasong huowu chao 1100 wan biao xiang [Общее количество поездов Китай—Европа превысило 100 тыс., а количество отправленных грузов превысило 11 млн ДФЭ] // *CCTV.com*. 15.11.2024. URL: https://content-static.cctvnews.cctv.com/snow-book/index.html?item_id=12433599986665721507 (дата обращения: 11.04.2025).

товаров и товаров с высокой добавленной стоимостью увеличивается из года в год[1].

Следует отметить, что в период коронавируса, во время которого ситуация с международными морскими перевозками дестабилизировалась, контейнерный поезд оказался крайне полезным для европейских стран: в 2021 г. суммарная стоимость товаров, перевезенных контейнерным экспрессом, составила 8 % от общего объема торговли между КНР и ЕС, что на 6,5 п.п. превысило показатель 2016 г.[2]

Таблица 1. **Среднее время в пути и виды грузов, перевозимых по некоторым маршрутам контейнерных поездов «Китай—Европа»**

Маршрут	Расстояние (км)	Время в пути (дней)	Страны транзита	Наименование грузов
Чунцин—Дуйсбург	10 987	14—15	Казахстан, Россия, Беларусь, Польша, Германия (или) Монголия, Россия и далее	Электронная и электромеханическая продукция, химическая продукция, продукты питания, одежда, мебель
Чжэнчжоу—Гамбург/Мюнхен	Более 10 тыс.	15	Казахстан, Россия, Беларусь, Польша, Германия	Текстиль, автозапчасти, строительная техника, медицинское оборудование, электроника, табак, алкоголь, пищевая продукция
Чэнду—Лодзь	9965	12—14	Казахстан, Россия, Беларусь, Польша	Сельхозпродукция, механическое оборудование, продукты питания, алкоголь, электрооборудование, автомобили и запчасти к ним
Чэнду—Москва	8000	14—16	Монголия, Россия	Овощи, фрукты, одежда, обувь, головные уборы

[1] ZhongOu banlie leiji kaixing chao 10 wan lie (han huicheng), yunsong huowu yu 1100 wan biao xiang wei shijie jingji fazhan zhuru xin dongli [China-Europe Express осуществил более 100 000 рейсов (включая обратные рейсы), перевезя более 11 млн TEU грузов, что придало новый импульс развитию мировой экономики] // *Chinese Government Network*. 30.11.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202411/content_6990227.htm (дата обращения: 03.04.2025).

[2] ZhongOu banlie leiji kaixing tupo 10 wan lie fasong huowu chao 1100 wan biao xiang [Общее количество поездов Китай—Европа превысило 100 тыс., а количество отправленных грузов превысило 11 млн ДФЭ] // *CCTV.com*. 15.11.2024. URL: https://content-static.cctvnews.cctv.com/snow-book/index.html?item_id=12433599986665721507 (дата обращения: 11.04.2025).

Окончание табл. 1

Маршрут	Расстояние (км)	Время в пути (дней)	Страны транзита	Наименование грузов
Иу—Мадрид	Более 13 тыс.	18	Казахстан, Россия, Белоруссия, Польша, Германия, Франция, Испания	Кондиционеры, детали для механического оборудования, ткань для одежды, автозапчасти, электроинструменты
Гамбург/Мюнхен—Чжэнчжоу/Ухань	Более 10 тыс.	18	Германия, Польша, Белоруссия, Россия, Монголия	Автозапчасти, шины, стальные полосы, механическое оборудование
Лодзь—Чэнду	9965	15	Польша, Белоруссия, Россия, Казахстан	Электронная продукция, бытовая электротехника, автозапчасти, пресс-формы, одежда, обувь и головные уборы
Дуйсбург—Чунцин/Чэнду	11 179	18	Германия, Польша, Белоруссия, Россия, Монголия (или) через Казахстан	Товары повседневного спроса, сухое молоко, косметика, алкоголь
Томск—Чунцин	Более 3500	16		Лесоматериалы, метизы, зерно, растительное масло
Прага—Иу	Порядка 11 тыс.	15	Чехия, Польша, Белоруссия, Россия, Казахстан	Изделия из хрусталя, автозапчасти, пиво

Составлено на основе: Chang Sichun, 2021; ZhongOu banlie yunxing jihua biao [Расписание движения экспрессов Китай—Европа] // *Han lin guojj*. 25.11.2022. URL: http://www.zoblt.com/news/12306/128.html (дата обращения: 02.02.2024).

Во многом подобные результаты были достигнуты за счет финансовой и политической поддержки указанного проекта китайским правительством.

О субсидиях

В условиях жесткой конкуренции с морскими и воздушными перевозчиками у контейнерного поезда не было бы возможности показать «прорывные» результаты без государственного дотирования. Во многом высокие темпы были достигнуты благодаря субсидированию китайскими властями экспортных железнодорожных контейнерных

перевозок. Фактическое «обнуление» тарифа на провоз контейнеров по территории КНР способствовало оперативному переключению грузопотоков китайских экспортеров с морских маршрутов на железнодорожный транспорт. Существенное снижение стоимости железнодорожной перевозки контейнерных грузов между Китаем и Европой за счет субсидирования привело к росту контейнеропотока за период 2011—2017 гг. в 19 раз [Karlova N., Payurova E., 2023].

Таблица 2. **Субсидии экспресса «Китай—Европа» на начальном этапе функционирования проекта**

Маршрут	Расстояние (км)	Тарифы на перевозку грузов (юаней/ СФЭ[1])	Субсидия (юаней/ СФЭ)	Доля субсидии в тарифе на перевозку (%)
Чунцин—Дуйсбург (ФРГ)	11 179	10 200	6400	62,7
Чжэнчжоу—Гамбург (ФРГ)	10 214	9500	7400	77,9
Ухань—Пардубице (Чехия)	10 100	11 000	5600	50,9
Чэнду—Лодзь (Польша)	9826	10 600	7000	66,0

Источник: Yige jizhuangxiang butie 5000 meiyuan de mubu luoxia hou [После того, как опустился занавес, субсидия за один контейнер составила 5000 долл.] // *GOFAR LOGISTICS*. 19.07.2024. URL: http://www.gofarlogistics.com/cn/wlxw/89.html (дата обращения: 28.03.2025).

Согласно данным, представленным в табл. 2, грузовой поезд Чжэнчжоу—Синьцзян—Гамбург в начале своей эксплуатации получал субсидии, достигавшие 80 % от тарифа на перевозку. Субсидии делятся на прямые и косвенные. Прямые субсидии поступают от местных органов власти и выплачиваются непосредственно компаниям, эксплуатирующим поезда. Косвенные субсидии поступают от местных железнодорожных компаний, уменьшая тарифы на грузоперевозки при достижении определенного объема грузопотока.

Следует отметить, что государственные субсидии являются необходимым условием эксплуатации данных поездов по основной части маршрутов. Для обеспечения бесперебойности работы и привлечения грузов местные органы власти приняли планы субсидирования, предусматривающие, что расходы, превышающие стоимость морских перевозок, будут субсидироваться государством, при этом размер субси-

[1] СФЭ — FEU (Forty-foot equivalent unit), сорокафутовый эквивалент.

дий составит не менее 2000—3000 долл./СФЭ. Например, г. Чэнду субсидирует грузоперевозки из специально созданного фонда, г. Чунцин предоставляет специальные субсидии местным компьютерным компаниям, исходя из цен на морские грузоперевозки, а г. Чжэнчжоу субсидирует железнодорожные компании, учитывая цены на морские грузоперевозки.

При таком подходе стоимость перевозки контейнерными поездами едва ли равна стоимости морской перевозки или даже превышает ее, но при этом экономится время и сокращаются пути следования. Если местные субсидии будут отменены, то экспрессу по основной части существующих маршрутов будет сложно продолжать работу. Политика субсидирования привела к тому, что конкуренция между различными компаниями переросла в конкуренцию между местными органами власти, при этом ситуация доходила до абсурда. Так, товары из приморских районов дельты реки Янцзы и дельты реки Чжуцзян при изначально высоких размерах субсидий отправляли железной дорогой до Чжэнчжоу, Уханя или Чунцина, а затем товар на субсидируемом контейнерном поезде транспортировался в Европу. Нерыночные меры привели к жестокой конкуренции между железнодорожными службами, которая спровоцировала растрату ресурсов и вылилась в неэффективность организации логистики, приведя к нарушению законов о транспорте [Wang Jiao'e, Jing Yue, Wang Chengjin, 2017].

В начале эксплуатации международных контейнерных поездов Министерство финансов КНР разработало систему постепенной отмены субсидирования, исходя из полной ставки провозной платы, которая к 2020 г. не должна была превышать 30 % от общего объема стоимости грузоперевозок. Но из-за разразившегося коронавируса практика дотирования продолжилась и в 2023 г., и в 2024 г. через Фонды субсидирования «Экспресса Китай—Европа». Уже в 2019 г., после того как были достигнуты поставленные цели по ежегодной отправке 5000 поездов, зазвучали призывы к сокращению или отмене субсидий с требованием вернуться к рыночно-ориентированным принципам ценообразования. Однако до сих пор ситуация не изменилась.

Отмена субсидирования работы данного экспресса, вероятно, сильнее всего отразится на грузовладельцах. Расходы на логистику значительно возрастут. Это прямое и видимое воздействие. Кроме того, что касается товарной массы, отмена субсидий более всего скажется на малоценных наименованиях, которые в итоге могут быть изъяты из регулярных международных железнодорожных контейнерных перевозок. Если говорить о железнодорожных компаниях, то следует заметить, что крупные фирмы окажутся в преимущественном положе-

нии, так как на них падают большие объемы перевозок; они отличаются высокой частотой рейсов и стабильностью сроков доставки, поэтому в итоге небольшие транспортные компании пострадают больше[1].

План строительства и развития скоростного поезда Китай—Европа (2016—2020)

Влияние и помощь государства в продвижении и наращивании мощностей контейнерных поездов «Китай—Европа» были усилены благодаря принятию *«Плана строительства и развития скоростного поезда Китай—Европа (2016—2020)»* на уровне Государственного комитета по развитию и реформам КНР Госсовета КНР. В Плане описывается базовая схема маршрутов движения поездов, которая состоит из «трех транзитных магистралей, четырех основных погранпереходов, пяти направлений и шести основных маршрутов» (三大通道, 四大口岸, 五个方向, 六大线路, *san da tong dao, si da kou an, wu ge fang xiang, liu da xian lu*).

Под «тремя транзитными магистралями» подразумеваются западный маршрут поезда «Китай—Европа», следующий через Синьцзян, а также центральный и восточный маршруты, проложенные через Внутреннюю Монголию;

«четыре главных порта» — Алашанькоу, Маньчжурия, Эрэн-Хото (Эрлянь) и Хоргос, расположенные на трех основных маршрутах, являются основными «портами» прибытия и отправления поездов;

«пять направлений» — это основные пункты назначения экспресса «Китай—Европа», включая Европейский союз, Россию и некоторые страны Центральной и Восточной Европы, страны Центральной Азии, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии;

под «шестью основными маршрутами» подразумеваются маршруты, проложенные из городов Чэнду, Чунцина, Чжэнчжоу, Уханя, Сианя, Сучжоу, которые достигли значительных успехов в обеспечении грузооборота контейнерными поездами[2].

---

[1] ZhongOu banlie butie shidao luomu, mucai jinkou lu shang tongdao yu xin taiozhan! [Эпоха субсидий для поездов Китай—Европа подошла к концу, и сухопутные маршруты импорта древесины столкнулись с новыми вызовами!] // *Landbridge.com*. 13.05.2024. URL: http://www.landbridge.com/landbridgetransunion/2024-05-13/122301.html (дата обращения: 12.04.2025).

[2] ZhongOu banlie jianshe fazhan guihua (2016—2020 nian) [План строительства и развития экспресса Китай—Европа (2016—2020 гг.)] // *CRCT*. URL:https://www.crct.com/uploadfile/2017/1201/20171201813606.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

С момента принятия вышеназванного Плана произошли заметные изменения: на сегодняшний день контейнерный поезд из КНР проходит через 6 погранпереходов, из которых 3 — на границе с РФ, 2 с Казахстаном и 1 с Монголией. Следует отметить, что по грузообороту и количеству проходящих контейнеров КПП не равноценны. Лидируют по грузообороту казахстанско-китайские погранпереходы, при этом существует некоторая нестабильность в статистике проходящих поездов.

Таблица 3. **Соотношение отправляющихся и прибывающих через погранпереходы контейнерных поездов «Китай—Европа»**

Погранпереход	2023		Соотношение отправленных и прибывающих поездов	2024		Соотношение отправленных и прибывающих поездов
	Отправляющиеся	Прибывающие		Отправляющиеся	Прибывающие	
КНР—Казахстан						
Алашанькоу—Достык	3168	1872	1,692:1	3995	2802	1,426:1
Хоргос—Алтынколь	2127	1111	1,914:1	2540	830	3,060:1
Итого	5295	2983	1,775:1	6535	3632	1,799:1
КНР—Монголия						
Эрэн-Хото (Эрлянь)— Замынь-Ууд	1791	1526	1,174:1	1867	1933	0,966:1
КНР—РФ						
Маньчжурия—Забайкальск	2178	2829	0,769:1	1917	2461	0,779:1
Суйфэньхэ—Гродеково	56	830	0,067:1	111	777	0,143:1
Тунцзян—Нижнеленинское	23	12	1,916:1	116	43	2,697:1
Итого	2257	3671	0,614:1	2144	3281	0,653:1

Рассчитано: Gui tie tongji shuju, qing shoucang! 2023 nian ge kouan, sheng shi ZhongOu banlie kaixing qingkuang [Пожалуйста, сохраните национальную железнодорожную статистику! Состояние движения грузовых поездов Китай—Европа по КПП, провинциям и городам в 2023 году] // Сайт LOG, 15.01.2024. URL: https://adm.logclub.com/articleInfo/Njk2ODE= (дата обращения: 05.04.2025); 2024 nian ZhongOu banlie yunying baogao: Xi'an kaixing liang reng gaoju bangshou ChengYu xieshou fahui "1+12" xiaoying qingkuang [Отчет о работе экспресса «Китай—Европа» в 2024 году: Сиань по-прежнему лидирует по количеству рейсов, Чэнду и Чунцин работают вместе, чтобы достичь эффекта «1+1>2»] // CTSN. 22.01.2025. URL: https://stcn.com/article/detail/1504733.html (дата обращения: 12.03.2025).

Данные, приведенные в табл. 3, свидетельствуют, что через КПП с Казахстаном в основном проходят отправляющиеся в западном направлении поезда, тогда как прибывающие в КНР поезда чаще всего проходят через границу с Россией или Монголией. Ярким тому примером служит погранпереход Суйфэньхэ—Гродеково, где количество прибывающих поездов в 7 раз превышает число отправленных. Вторым примером может служить погранпереход Алашанькоу—Достык, где на казахстанской стороне в 2021 г. была построена первая очередь терминала *Dostyk TransTerminal*.

Прибывающие из КНР контейнеры перегружаются с узкой колеи 1435 мм (стандарт, действующий в КНР) на широкую — 1520 мм, а также формируются полносоставные маршрутные контейнерные поезда сообщения «Китай—Европа». На первом этапе терминал обрабатывает до 160 тыс. ДФЭ в год, но в дальнейшем его мощности планируется увеличить в 4 раза[1]. Одним из технических преимуществ терминала является необходимая длина приемно-отправочного пути для перегруза, которая позволяет осуществлять перевалку с одного поезда непосредственно на другой, без дробления составов на части, как это происходит на российских и терминалах[2].

Еще одна причина, почему следующие в западном направлении поезда в основном движутся через Синьцзян и Казахстан, связана с обострением отношений стран ЕС с Россией. Начиная с марта 2022 г. иностранные транспортные компании перестали пользоваться железнодорожным транзитом через территорию РФ. Этой ситуацией пользуется Казахстан и Закавказские государства, активизируя Транскаспийский транспортный коридор. Так, в марте 2025 г. на 1-м саммите форума «Центральная Азии и ЕС» президент Казахстана отметил заметный рост контейнерных перевозок по Транскаспийскому международному транспортному маршруту (ТМТМ): «в 2024 г. объем контейнерных перевозок по ТМТМ вырос на 62 %, составив 4,5 млн т. Планируется увеличение грузопотока к 2027 году до 10 млн т»[3].

---

[1] Достык увеличивает мощность // сайт Новая перевозочная. 19.06.2021. URL: https://www.npktrans.ru/media/novosti/dostyk-uvelichivaet-moshnost/ (дата обращения: 01.04.2025).

[2] Карабаев Тимур: Трансказахстанский транзит из Китая растет // *Сайт ERAI*. 27.10.2022. URL: https://index1520.com/news/timur-karabaev-transkazakhstanskiy-tranzit-iz-kitaya-rastyet/ (дата обращения: 04.04.2025).

[3] Грузопоток по Транскаспийскому маршруту увеличат до 10 млн тонн к 2027 году // *Сайт РЖД партнер.ру*. 04.04.2025. URL: https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/gruzopotok-po-transkaspiyskomu-marshrutu-uvelichat-do-10-mln-tonn-k-2027-godu (дата обращения: 04.04.2025).

По мере того, как все больше выезжающих контейнерных поездов стараются двигаться в сторону Европы по западному маршруту, Турция становится важным связующим звеном для железнодорожных грузоперевозок между Азией и Европой. Китай рассматривает возможность инвестирования 60 млрд долл. в модернизацию железнодорожной инфраструктуры Турции, включая электрификацию железнодорожной сети, строительство новых внутренних линий и расширение сети высокоскоростных железных дорог. Министерство транспорта Турции подтвердило завершение строительства туннеля в Стамбуле. Тоннель станет частью высокоскоростной железнодорожной линии с направлением на Болгарию. Время перевозки грузов между двумя странами сократится с 8 до 3,5 часов[1].

После запуска экспресса «Китай—Европа» он получил широкую известность как механизм восполнения «пробела» между морским и воздушным транспортом, и крупнейшие логистические компании мира стали задействовать его возможности. Можно условно разделить транспортные компании, использующие *China-Europe Express*, на три группы:

- компании с иностранным капиталом, представленные ведущими европейскими и американскими транспортными фирмами, сфера деятельности которых сосредоточена на перевозках между Китаем и Европой;
- китайские компании, которые ведут бизнес между Китаем и Европой, а также Китаем и Россией;
- российские компании, которые в основном занимаются грузоперевозками между Китаем и Россией.

После обострения отношений на российско-украинской границе первая группа логистических компаний объявила о прекращении транзита своих грузов на *China-Europe Express* через территорию России. Эти меры на самом деле нанесли огромный ущерб европейским грузополучателям и потребителям китайских товаров. Европа и США приняли ряд законов, чтобы ввести санкции против России, включая отказ от транзитных услуг через нашу страну. В контексте коллективных санкций, введенных в различных сферах против РФ, поведение иностранных логистических компаний, прекративших использовать первоначальные маршруты экспресса «Китай—Европа», не стало

[1] Jushi ehua! Shu bai jizhuangxiang bei Eluosi qiangzhi tui yun hui Zhongguo [Ситуация ухудшается! Россия принудительно вернула в Китай сотни контейнеров] // *山东利贸通. Shan'dun Limaotun* 03.03.2025. URL: https://www.cross-bordershandong.com/platform/index/3/HZ9f3a1491db045f019559a56ba70a64.html (дата обращения: 12.04.2025).

чем-то удивительным. В результате объем грузоперевозок контейнерных поездов резко сократился в 2022 г. К примеру, объем перевозок с Италией снизился на 91,62 % в годовом исчислении, с Чехией — на 79,81 %, с Нидерландами — на 62,09 %, с Францией — на 61,05 %, со Швецией — на 60 %. С Польшей, которая является основным пунктом назначения грузовых поездов «Китай—Европа», в годовом исчислении наблюдалось снижение товаропотока на 21,87 %. Германия следует за ней с небольшим отставанием: ее объем TEU упал на 38,81 % — до 171868. Единственные позитивные данные поступили из Венгрии, где объемы грузов выросли на 1266 %[1].

Россия в свою очередь также предприняла оградительные меры: постановлениями Правительства РФ от 2022 г. № № 311, 312 и 313 был утвержден перечень товаров двойного назначения, запрещенных к транзиту через территорию РФ. В него было включено технологическое, телекоммуникационное, медицинское оборудование, транспортные средства, сельхозтехника, электрическая аппаратура — всего более 200 наименований.

Несмотря на бойкотирование странами Запада транзита контейнерными поездами через территорию РФ, заметного снижения количества контейнерных поездов, проходящих через российско-китайские и российско-монгольские погранпереходы, не произошло, хотя и очевидного роста не отмечено (табл. 4). Необходимо учитывать, что после 2022 г. международная турбулентность лишь усилилась: ситуация в Красном море и арабо-израильский конфликт — все это повышает привлекательность сухопутного контейнерного железнодорожного маршрута «Китай—Европа».

После достаточно успешного 2024 г. объемы грузоперевозок поездами по маршруту «Китай—Европа» с начала 2025 г. сократились. Статистические данные показывают, что за первые три месяца 2025 г. экспресс совершил в общей сложности 4250 исходящих и прибывающих рейсов, что на 6,4 % меньше, чем в 2024 г., и перевез суммарно более 445 тыс. ДФЭ, что на 9,7 % меньше чем в 2024 г. При этом следует отметить, что резко сократилось количество исходящих поездов. За первые три месяца по исходящему маршруту «Китай—Европа» было отправлено 1936 грузовых поездов, что на 22,5 % меньше чем в

[1] 2020 nian ZhongOu banlie yun liang dafu xiahua, Yidali tongbi xiajiang 91.62 % [Объемы перевозок поездов по маршруту Китай—Европа резко сократились в 2022 году, при этом в Италии объемы сократились на 91,62 % в годовом исчислении] // *Сайт Zouchuqiu*. 16.03.2023. URL:https://www.investgo.cn/article/gb/tjsj/202303/659146.html (дата обращения: 07.03.2025).

Таблица 4. **Количество контейнерных поездов «Китай—Европа», проследовавших через погранпереходы (ед.)**

Погранпереход	2020	2021	2022	2023	2024
КНР — Казахстан	**9679**	**12 210**	**8291**	**8278**	**10 137**
Алашанькоу—Достык	5027	5848	5141	5040	6767
Хоргос—Алтынколь	4652	6362	3150	3238	3370
КНР—Монголия	**2297**	**2605**	**2549**	**3317**	**3800**
Эрэн-Хото (Эрлянь)—Замынь-Ууд	2297	2605	2549	3317	3800
КНР—РФ	**3802**	**4784**	**5722**	**5928**	**5425**
Маньчжурия—Забайкальск	3585	4235	4838	5007	4378
Суйфэньхэ—Гродеково	217	549	884	886	888
Тунцзян—Нижнеленинское				35	159

Составлено на основании: ZhongOu banlie 2020 nian kaixing shu ju zongjie fenxi [Сводка и анализ данных о движении поездов Китай—Европа в 2020 году] // Сайт *Tieheng International*. 07.01.2021. URL: https://www.tieheng-sh.com/blog/2020 (дата обращения: 01.03.2025), ZhongOu banlie fazhan baogao (2021) [Отчет о развитии экспресса «Китай—Европа»] // National Development and Reform Commission. 18.08.2022. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fzggw/jgsj/kfs/sjdt/202208/P020220818311703111697.pdf (дата обращения: 08.04.2025); Gui tie tongji shuju, qing shoucang! 2023 nian ge kouan, sheng shi ZhongOu banlie kaixing qingkuang [Пожалуйста, сохраните, национальную железнодорожную статистику! Состояние движения грузовых поездов Китай—Европа по КПП, провинциям и городам в 2023 году] // Сайт LOG, 15.01.2024. URL: https://adm.logclub.com/articleInfo/Njk2ODE= (дата обращения: 05.04.2025); 2024 nian ZhongOu banlie yunying baogao: Xi'an kaixing liang reng gaoju bangshou ChengYu xieshou fahui "1+12" xiaoying qingkuang [Отчет о работе экспресса «Китай—Европа» в 2024 году: Сиань по-прежнему лидирует по количеству рейсов, Чэнду и Чунцин работают вместе, чтобы достичь эффекта «1+1>2»] // *CTSN*. 22.01.2025. URL: https://stcn.com/article/detail/1504733.html (дата обращения: 12.03.2025).

2024 г. При этом количество прибывающих в Китай из Европы поездов выросло на 13,3 %. В предыдущие годы после окончания празднований китайского Нового года начиналось быстрое восстановление грузопотоков, но в 2025 г. этого не произошло[1].

[1] 2025 nian 3 yue ZhongOu banlie kaixing xinxi an jingnei kou'an zhan tongji [Статистика грузовых железнодорожных перевозок по маршруту Китай—Европа в марте 2025 года по внутренним погранпереходам] // *China Railway Express*. 16.04.2025. URL: https://www.crexpress.cn/#/rankingExportPorts (дата обращения: 21.04.2025).

Подобное снижение связано со следующими факторами:

- нерешенность проблемы застрявших контейнеров (в Европе, России, Казахстане и других странах-получателях);
- тяжелая экономическая ситуация в странах ЕС;
- введение ЕС пошлин на китайские электромобили на 5 лет;
- наконец, российский фактор.

На последнем пункте следует остановиться детально.

Во-первых, вероятное снижение покупательной способности населения РФ. Рост инфляционного давления, который вызван увеличением издержек производителей, и девальвации рубля. Повышение цен производителей широкого спектра товаров и услуг (проезд на общественном транспорте, продукты питания, электроника и бытовая техника, стройматериалы и другое) вместе с ростом акцизов, штрафов, налогов и сборов приведет к снижению покупательной способности не только низкодоходных групп населения, но и среднего класса[1].

Во-вторых, запрет на транзит через территорию РФ товаров двойного назначения. С 20 октября 2024 г. вступило в силу постановление Правительства РФ от 15 октября 2024 г. № 1374 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Данным постановлением внесены изменения, в том числе в постановление Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 г. № 313, в соответствии с которым запрещен транзит ряда грузов через территорию РФ[2]. В список 2024 года попала не только машино-техническая продукция, к примеру, беспилотные летательные аппараты и их части, рации, интегральные схемы, генераторы, но и все виды специальной, тактической и камуфляжной одежды и обуви. И это не случайно, поскольку в начале 2024 г. Читинская таможня задержала партию груза на железнодорожном погранпереходе Маньчжурия—Забайкальск. «Груз транзитом шел через Китай в Польшу. По декларации шла спортивная и рабочая одежда. На ЖДПП при досмотре инспекционно-досмотровый комплекс просвечивает каждый контейнер. И он показал, что там не совсем спортивная одежда по плотности ткани и другим параметрам. Один контейнер «выдернули», вскрыли, а там баулы с адресами на Украину. В них было упаковано обмундирование

[1] В России допустили снижение покупательной способности среднего класса // *Сайт Lenta.ru*. 20.01.2025. URL: https://lenta.ru/news/2025/01/20/v-rossii-dopustili-snizhenie-pokupatelnoy-sposobnosti-srednego-klassa (дата обращения: 01.03.2025).

[2] О запрете вывоза отдельных категорий товаров // *Asman*. 24.10.2024. URL: https://www.asmap.ru/detail-news/o-zaprete-vyvoza-otdelnykh-kategoriy-tovarov (дата обращения: 10.03.2025).

с символикой украинской армии», — сообщил начальник Читинской таможни.

Всего было таких 8 контейнеров в поезде[1]. Помимо камуфляжа в отдельных контейнерах, также отправленных в Польшу, были обнаружены узлы и части беспилотников, а этот экспорт нарушает не только российское, но и китайское законодательство. Китайские власти с 1 сентября 2024 г. ужесточили контроль над экспортом беспилотных летательных аппаратов и связанной с ними продукции. Эта продукция не должна использоваться для «распространения оружия массового поражения, терроризма или в военных целях», сообщило Министерство коммерции КНР. Эту продукцию добавили в документ, впервые опубликованный год назад — 31 июля 2023 г. Далее в течение 1 года представители Министерства коммерции КНР обсуждали предложения «различных заинтересованных сторон» для более эффективной защиты национальной безопасности и интересов Китая и выполнения его международных обязательств. В результате помимо готовых изделий был запрещен экспорт из КНР двигателей для беспилотников мощностью более 16 кВт, специальной радиоаппаратуры и гражданских беспилотных авиационных систем[2].

В связи с фактами задержания незаконных грузов в контейнерных поездах «Китай—Европа», следующих в направлении ЕС, российские таможенники усилили контроль над товаропотоками, следующими транзитом через территорию РФ. Китайский интернет отреагировал на это: появились сообщения, что с конца октября 2024 г. некоторые контейнеры, отправленные в Европу на поездах «Китай—Европа», были задержаны при проезде через Россию. По состоянию на 20 ноября 2024 г. было изъято в общей сложности 70 контейнеров с автозапчастями, электронной продукцией и механическим оборудованием[3]. Видимо, китайские экспортные и транспортные компании более двух лет не были ознакомлены с постановлением Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 г. № 313 или же российские

[1] Контейнеры с формой ВСУ задержали в Забайкалье на транзитном рейсе через Китай в Польшу // *ТАСС*. 02.02.2024. URL: https://tass.ru/proisshestviya/19882225 (дата обращения: 10.03.2025).

[2] Китай расширил ограничения на экспорт беспилотников после визита Кулебы // *РБК*. 31.07.2024. URL:https://www.rbc.ru/politics/31/07/2024/66aa39019a7947276a37247f (дата обращения: 04.04.2025).

[3] Zhexie huowu jinzhi guojing yunshu! ZhongOu banlie chukou Ouzhou guojing Eluosi de zuixin qingkuang laile [Эти товары запрещены к транзиту! Последняя информация о поездах Китай—Европа, экспортирующих в Европу и следующих транзитом через Россию, представлена здесь] // Сайт *www.5688.cn*. 20.03.2025. URL: https://www.5688.cn/news/detail-47782.html (дата обращения: 11.04.2025).

таможенные чиновники с излишним доверием относились к китайской таможенной документации на транзитный груз.

Задержание российскими таможенниками транзитных контейнерных поездов вызвало бурное обсуждение в китайских интернет- ресурсах. Как пишет китайский журналист, — «скорее всего, задействованная логистическая компания — китайская, но это не обязательно вина китайской компании, поскольку грузополучатель и грузоотправитель могли намеренно скрыть подробную информацию о грузе. Международная торговля — сложный процесс, и существует множество способов скрыть данные о реальном грузе, чтобы избавить себя от проблем; китайские экспортные компании оставляют все вопросы иностранным грузополучателям... В конце концов, мы (*пояснение автора — китайцы КНР*) занимаем нейтральную позицию в российско-украинском конфликте...»[1].

На некоторых китайских сайтах накал страстей оказался подобным тональности западных СМИ. Так, на сайте шаньдунской логистической компании *Shangdong li mao tong* (山东利贸通) была размещена заметка под названием «Ситуация ухудшается! Россия принудительно вернула в Китай сотни контейнеров», в которой цитируется руководитель китайской компании *Eurasian Railway International Freight Forwarding* (Шанхай) Ян Цзе, заявивший, что «новое Постановление Правительства РФ предоставляет российской таможне широкие полномочия по задержанию товаров, которые, по подозрениям автора, могут иметь военное или двойное назначение. Проверки могут проводиться на любой станции, а это значит, что грузы, пересекающие границу, могут по-прежнему подвергаться задержаниям в глубине российской территории»[2]. Г-н Лю, генеральный директор одной из китайских транспортных компании, сообщил, что контейнеры с одеждой, отправленные одним из клиентов его компании к Рождеству, все еще задерживаются. Другой инсайдер логистической отрасли подсчитал, что было изъято около 100 контейнеров его компании, а в общей сложности пострадало более 1000 контейнеров»[3].

---

[1] Zuo Qianhu: E haiguan «cha kou» ZhongOu banlie de huowu? Tanjiu hou faxian you ren zai «shihuai» [Цзо Цяньху: Российская таможня «изъяла» товары, следующие в грузовых поездах Китай—Европа? После расследования было установлено, что кто-то «творил плохие дела»] // Сайт www.observersnews.com. 19.02.2025. URL: https://www.guancha.cn/zuoqianhu/2025_02_19_765551_1.shtml (дата обращения: 02.04.2025).

[2] Jushi ehua! Shu bai jizhuangxiang bei Eluosi qiangzhi tui yun hui Zhongguo [Ситуация ухудшается! Россия принудительно вернула в Китай сотни контейнеров] // ???061. Shan'dun Limaotun. 03.03.2025. URL:https://www.cross-bordershandong.com/platform/index/3/HZ9f3a1491db045f019559a56ba70a64.html (дата обращения: 12.04.2025).

[3] Там же.

Однако подобных заметок в китайском интернете в целом немного, чаще всего дается сдержанная и взвешенная оценка: авторы понимают, почему российская сторона ужесточила досмотр грузов. Так, в одном обзоре автор пишет: «фактически, задержание контейнеров для досмотра является основным средством для таможни страны контролировать входящие и исходящие товары. Если таможня хочет узнать, что за товары находятся в контейнере, ее представители могут вскрыть контейнер для детального досмотра товаров... В новостных сообщениях упоминалось, что застряло более 1000 контейнеров с товарами, то есть частота досмотра составляет 1 из 1000 контейнеров. .... Россия находится в состоянии войны и должна быть крайне бдительна в отношении любых товаров двойного назначения, которые, как предполагается, отправляются на Украину. Фактически, действия не выходят за рамки обычных мер таможенного контроля. Китайская таможня также задержит контейнеры для проверки, если будут обнаружены какие-либо очевидные доказательства экономических проблем; они будут переданы в таможенный отдел по борьбе с контрабандой. Если они связаны с уголовными вопросами, они будут переданы в органы общественной безопасности. Другими словами, пока товары находятся в стране, местные таможни имеют право обеспечивать соблюдение закона. Это один из символов национального суверенитета. Так обстоит дело в России, США и Китае»[1].

Ситуацию с досмотром контейнеров и их задержанием на российско-китайской границе прокомментировал Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ 10 марта 2025 г. в интервью телеканалу *Phoenix TV*. Посол подтвердил, что транзитные контейнерные грузовые поезда «Китай—Европа» были задержаны в России, и это мера была принятая российским правительством в связи с проведением СВО. «Во-первых, это не направлено против Китая. Российская сторона доложила нам, что, с одной стороны, есть отдельные компании, которые нарушают правила перевозки, то есть транспортируют через территорию РФ продукцию двойного назначения, часть которой может быть легко использована на поле боя, и такую продукцию нельзя перевозить. Другая ситуация заключается в том, что формы таможенной декларации, заполняемые китайскими компаниями на китайской таможне, слишком упрощены, в них заносятся только группу товаров, поэтому российская сторона не имеет представления о том, что на самом деле находится в контейнере. Таким образом, после коммуникации с соответствующими российскими ведомствами такие

[1] Zuo Qianhu: E haiguan «cha kou» ZhongOu banlie de huowu?...

товары, как автозапчасти, были исключены из ограничений транзита. Мы обработали возвраты проблемных продуктов, а остальные были пропущены, так что эта проблема в основном решена»[1].

В результате вышеуказанных сложностей китайская сторона пытается в обход России строить новые маршруты, хотя их экономическая целесообразность сомнительна. Казахстан и Китай запустили новый железнодорожный маршрут, который позволит доставлять грузы в Европу. Об этом сообщила пресс-служба Казахстанских железных дорог. Первый контейнерный поезд, груженый телевизионными компонентами, отправился из КНР в польский Лодзь. «Поезд преодолеет путь через Казахстан, Туркменистан, Иран и Турцию. Ожидаемое время в пути составляет 40 дней», — отмечается в сообщении. В компании указали, что «данный маршрут не только расширяет транспортные возможности региона, но и делает международную логистику еще более гибкой, быстрой и надежной»[2]. Конечно, 40 дней по новому маршруту по сравнению с 12—14 днями транзита через нашу страну — это сомнительная быстрота, но, видимо, «телевизионные антенны», о которых идет речь, имеют несколько другое применение, если их не стали везти через территорию РФ.

В заключение, стоит отметить, что:

Во-первых, запуск контейнерных поездов «Китай—Европа» помог «смягчить» удары в сфере морских контейнерных перевозок (закрытие портов во время коронавируса, авария контейнеровоза *Ever Given* в Суэцком канале, обострение ситуации в Красном море и др.).

Во-вторых, без активной государственной поддержки и, прежде всего, субсидирования невозможно было бы достигнуть столь высоких показателей.

В-третьих, созданные на границе с соседними странами КПП, через которые идут экспрессы, не равноценны по пропускной способности и по направлениям движения. Так, через казахстанско-китайские КПП грузы чаще двигаются в западном направлении, а через российско-китайские и монголо-китайские — из Европы в КНР.

---

[1] E Mei guanxi gaishan yingxiang Zhong E zhanlьe xezuo? ZhongOu banlie bei E kou cha? Zhongguo zhu E dashi huiying» [Повлияет ли улучшение российско-американских отношений на стратегическое сотрудничество Китая и России? Россия захватил экспресс Китай—Европа? Посол Китая в России отреагировал] // *Ifeng.com*. 10.03.2025. URL: https://news.ifeng.com/c/8hbcwd4JTBN (дата обращения: 01.04.2025).

[2] Казахстан и Китай запустили новый железнодорожный маршрут в Европу // Сайт ИА «Анадолу» (AA). 05.03.2025. URL: https://www.aa.com.tr/ru/% ... (дата обращения: 12.04.2025).

И наконец, в связи с обострением ситуации на российских западных рубежах начиная с 2022 г. существуют определенных ограничения на транзит через территорию РФ грузов двойного и прямого военного назначения. К сожалению, некоторые транспортные фирмы, а также грузополучатели в западных странах считают нормальным обман при заполнении транзитных таможенных деклараций. В этих случаях российская сторона вынуждена устрожать меры по досмотру грузов и возврату китайским грузоотправителям сомнительных грузов.

Библиографический список

Карлова Н.А., Паюрова Е.Н. Потенциал развития экспорта российской и казахской агропродукции в Китай // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 2. С. 17—29. DOI: 10.20542/0131-2227-67-2023-2-17-29.

References

Karlova, N.; Payurova, E. (2023). Potencial razvitiya eksporta rossijskoj i kazahskoj agroprodukcii v Kitaj [Development potential of Russia and Kazakh agricultural exports to China], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [*World economy and international relations*]: 67: 2: 17—29. DOI: 10.20542/0131-2227-67-2023-2-17-29. (In Russian).

* * *

Chang Sichun (2021). Cong « ZhongOu banlie» kan Zhong Ri di san fang shichang hezuo de jiyi yu qianjing [Opporyunities and prospects of Sino-Japanese third-party market cooperation through the development of China-Europe Railway Express], *Dongbei Ya xuekan [Journal of northeast Asian studies]:*4: 56—69 (In Chinese).

Liu Jie (2023). Neimenggu ZhongOu banlie gao zhiliang fazhan dui jianyi [Suggestions on high-quality development of China-Europe trains in Inner Mongolia], *Beifang jingji [Northern Economy]:*6: 20—23. (In Chinese).

Wang Jiao'e, Jing Yue, Wang Chengjin (2017). « ZhongOu banlie» yunshu zuzhi celье yanjiu [Research on the transport organization strategy of «China-Europe Express»], *Zhongguo kexueyuan yuan kan [Bulletin of the Chinese Academy of Sciences]:4:* 370—376 (In Chinese).

Wang Xia, Su Shijie (2023). ZhongOu banlie zhuli gao shuipin duiwai kaifang de chengxiao, wenti ji duice, *Tongji yu guanli [Statistics and Management]*:8: 119—128 (In Chinese).

Zhang Liying, Shao Chen (2021). ZhongOu banlie tielu yundan de gongyue kunjing ji jiejue lujing [The convention dilemma and solution of China-Europe Railway Express Waybill], *Guoji maoyi [International Trade]: 3*: 60—65. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 25.04.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Apr 25, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.73.99.024

А.Р. Неустроева

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНТЕЙНЕРНЫХ ПЕРЕВОЗОК МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Аннотация. Статья анализирует тенденции развития глобальных контейнерных перевозок, а также проблемы и перспективы контейнерооборота между Россией и Китаем. При этом анализ глобальных тенденций развития контейнерных перевозок в условиях нестабильной военно-политической обстановки в мире свидетельствует о том, что эти тенденции негативно сказываются на китайских и международных компаниях, занимающихся контейнерными перевозками в тех регионах мира, где обстановка отличается особой остротой. Особенно это касается ситуации в Красном море, являющемся важной частью морского грузового коридора, связывающего Европу и Азию. Ввиду этого китайские и международные компании вынуждены искать маршруты в обход таких акваторий, тратить больше средств на фрахт судов и наращивать транспортные тарифы.

Исследование состояния контейнерных перевозок показывает, что Китай является лидером в этой сфере. Это подтверждается индексом связанности линейного судоходства, согласно которому он возглавляет список стран — контейнерных перевозчиков. Этому способствует строительство в Китае интеллектуальных портов, которые оптимизируют процессы контейнерных перевозок. Помимо этого, Китай освоил ключевые технологии в области проектирования, строительства, производства оборудования и оперативного управления автоматизированными контейнерными терминалами. В портах КНР введено в эксплуатацию интеллектуальное транспортное обору-

дование и беспилотные управляемые транспортные средства с поддержкой мобильной связи формата 5G.

Экономические санкции в отношении к РФ со стороны западных стран, а также недостаточность российско-китайской приграничной инфраструктуры оказывают негативное влияние на объем контейнерных перевозок между Китаем и Россией. Тем не менее, перспективы этой отрасли остаются благоприятными благодаря запланированному росту инвестирования в развитие восточного полигона Транссибирской магистрали, модернизации северных и дальневосточных портов России, а также внедрению цифровых технологий в перевозочный процесс. Развитие Северного морского пути, совершенствование и увеличение числа российских атомных ледоколов также открывают новые возможности для улучшения логистики и сокращения сроков доставки контейнеров из Китая, России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона в страны Европы.

Ключевые слова: Россия, Китай, контейнерные перевозки, ставки фрахта, интеллектуальные порты, Транссибирская магистраль, Северный морской путь.

Автор: *Неустроева Анастасия Рудольфовна,* менеджер по продажам ООО «АЗИЯ ТРАНС» (адрес: г. Санкт-Петербург, ул. Верейская 16, офис 315). E-mail: nuh.081@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Неустроева А.Р. Проблемы и перспективы развития контейнерных перевозок между Россией и Китаем // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 370—382. DOI: 10.48647/ICCA.2025.73.99.024.

A. R. Neustroeva

Problems and prospects for the development of container transportation between Russia and China

Abstract. The article analyzes the trends in the development of global container transportation, as well as the problems and prospects of container turnover between Russia and China. At the same time, the analysis of global trends in the development of container transportation in the context of an unstable military and political situation in the world shows that they have a negative impact on Chinese and international companies engaged in container transportation in those regions of the world where the situation is particularly acute. This is especially true for the situation in the Red Sea, which is an important part of the sea cargo corridor connecting Europe and Asia. In view of this, Chinese and international companies are forced to look for routes around such waters, spend more money on ship chartering and increase transport tariffs.

A study of the state of container transportation shows that China is the leader in this area. This is confirmed by the liner shipping connectivity index, according to which it tops the list of container carrier countries. This is facilitated by the construction of smart ports in China, which optimize container transportation processes. In addition, China has mastered key technologies in the design, construction, production of equipment and operational management of automated container terminals. Intelligent transport equipment and unmanned controlled vehicles with 5G mobile communications support have been put into operation in Chinese ports.

Economic sanctions against the Russian Federation by Western countries, as well as the inadequacy of the Russian-Chinese border infrastructure, have a negative impact on the volume of container transportation between China and Russia. Nevertheless, the prospects for this industry remain favorable due to the planned increase in investment in the development of the eastern section of the Trans-Siberian Railway, the modernization of the northern and Far Eastern ports of Russia, as well as the introduction of digital technologies in the transportation process. The development of the Northern Sea Route, the improvement and increase in the number of Russian nuclear icebreakers also open up new opportunities for improving logistics and reducing the delivery time of containers from China, Russia and the countries of the Asia-Pacific region to European countries.

Keywords: Russia, China, container shipping, freight rates, smart ports, Trans-Siberian Railway, Northern Sea Route.

Author: Anastasiia R. NEUSTROEVA, Sales Manager, AZIA TRANS LLC (address: st. Vereyskaya 16, office 315, St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: nuh.081@gmail.com

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Neustroeva A.R. (2025). Problemy i perspektivy razvitiya konteynernykh perevozok mezhdu Rossiyey i Kitayem [Problems and prospects for the development of container transportation between Russia and China], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 370—382. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.73.99.024.

Анализ глобальных тенденций развития контейнерных перевозок

Согласно данным Международной палаты судоходства (International Chamber of Shipping/ICS), ведущей мировой судоходной организации, международная судоходная отрасль обслуживает около 90 % объема мировой торговли, при этом в международных морских перевозках участвуют более 50 тыс. торговых судов и контейнерово-

зов. Согласно докладу (опубликованному на веб-сайте Всемирного банка в июне 2024 г.), в 2023 г. количество судозаходов в ведущие контейнерные порты мира превысило 182 тыс.; было обработано около 381 млн контейнеров.

Это свидетельствует о том, что в современных условиях контейнерные перевозки являются важнейшей составляющей мировой логистики, обеспечивая быструю и надежную доставку товаров по всему миру.

Наибольшее распространение контейнерные перевозки получили в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), где темпы роста ВВП некоторых стран (от 4,5 до 5 % в год) значительно превышают среднемировой показатель, а также инновационное и высокотехнологичное развитие портовой инфраструктуры делают контейнеризацию ключевым фактором, способствующим резкому росту объемов региональной торговли.

В настоящее время Китай занимает 1-е место в мире по объему контейнерных перевозок, при этом объем его международных морских перевозок в 2024 г. составил почти треть от общемирового показателя. В Китае находятся восемь из десяти самых загруженных портов мира по грузообороту и семь из десяти ключевых портов мира по контейнерообороту.

В 2024 г. объем контейнерооборота порта Шанхай достиг 51,51 млн ед. (EU), что сделало его первым в мире портом, чей контейнерооборот превысил показатель в 50 млн ед. Это подтвердило положение Шанхайского порта как самого загруженного в мире, причем 15-й год подряд. Помимо этого, он уже пять лет подряд входит в тройку крупнейших портов мира. Порт обслуживает почти 350 международных маршрутов, которые связывают Шанхай с 700 портами в 200 странах, что позволяет ему сохранять мировое лидерство по связности портов уже в течение 13 лет.

В 2024 г. объем грузооборота порта Нинбо-Чжоушань (пров. Чжэцзян) превысил 1,37 млрд т, что позволило ему подтвердить 1-е место в мире по грузообороту, занимаемое уже 16-й год подряд. Через него проходит свыше 300 контейнерных маршрутов, соединяющих более 600 портов в свыше чем 200 странах. Порт также предлагает услуги интермодальных морских и железнодорожных перевозок, соединяя 67 административных единиц уровня префектур. В 2024 г. порт обработал более 1,8 млн контейнеров.

Руководство порта Циндао (пров. Шаньдун) заявило о достижении показателя грузооборота в 712 млн т и о контейнерообороте в 30,87 млн ед., что соответственно на 4,2 % и 7,3 % больше чем

в 2023 г. Ожидается, что к 2035 г. пропускная способность портов провинции Шаньдун достигнет 2 млрд т, а объем обработки контейнеров превысит 50 млн ед.

Анализируя глобальные тенденции развития контейнерных перевозок, эксперты из Шанхайского международного института судоходства (Shanghai International Shipping Institute) отмечают, что «в последние годы спрос на своевременную доставку грузов значительно вырос, особенно из-за сбоев в цепочке поставок, таких как кризис с перевозками в Красном море, из-за которого многим судам пришлось следовать более длительными обходными путями. Поэтому ведение в эксплуатацию прямых морских маршрутов между КНР и Европой является альтернативой и ценным дополнением к стимулированию торговли между Китаем и ЕС. При этом, следует отметить, что хотя прямые морские контейнерные перевозки обходятся дороже морских контейнерных перевозок с многочисленными заходами в порты (для дозагрузки, дозаправки топливом, водой и т. п.), они остаются более доступными и обеспечивают большую пропускную способность по сравнению с авиаперевозками и грузовыми поездами Китай—Европа. Поэтому долгие годы Китай является мировым лидером по индексу связанности линейного судоходства[1] (рис. 1).

Помимо Китая, активно развиваются контейнерные перевозки в странах Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), особенно после введения в эксплуатацию Нового сухопутно-морского торгового коридора (International Land-Sea Trade Corridor/ILSTC) по маршруту Экономический круг Чэнду—Чунцин — порты залива Бэйбу (Бэйхай, Фанчэнган, Циньчжоу) — порты стран АСЕАН.

В 2024 г. порты залива Бейбу обработали более 9,3 млн контейнеров, тем самым демонстрируя двузначный рост в течение восьми лет подряд и входя в число крупнейших прибрежных портов Китая. В начале 2025 г. порты залива были связаны 82 морскими маршрутами, включая 48 внешнеторговых маршрутов, охватывающих ключевые порты в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии.

Красное море является важной частью морского грузового коридора, связывающего Европу и Азию. Согласно отчету *Fitch Ratings*, около 60 % объема китайской торговли с Европой осуществляется

[1] Индекс связанности линейного судоходства определяет, насколько хорошо страны связаны с глобальными судоходными сетями. Он рассчитывается Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) на основе пяти компонентов сектора морского транспорта: количества судов, их контейнеровозности, максимального размера судна, количества услуг и числа компаний, которые размещают контейнеровозы в портах страны *(прим. автора)*.

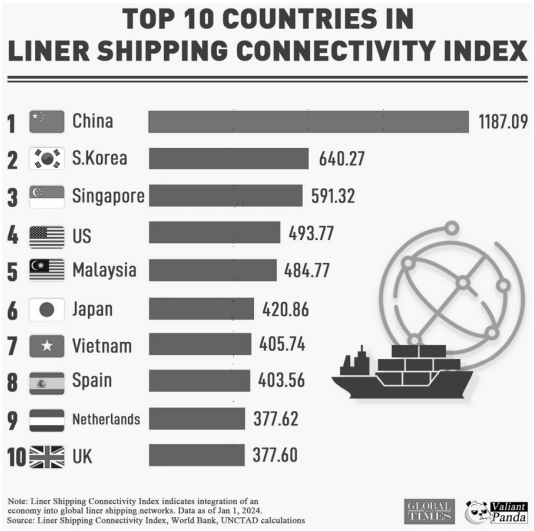


Рис. 1. Первая десятка стран мира по индексу связанности линейного судоходства (2024 г.).

Источник: Which country is most connected in global liner shipping networks? URL: https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325238.shtml?id=11 (accessed: 19.01.2025).

транзитом через Суэцкий канал, который предполагает прохождение через Красное море. Йеменские хуситы с конца 2023 г. стали нападать на коммерческие суда, «связанные с Израилем и направляющиеся в Израиль», называя это актом солидарности с палестинцами в секторе Газа. В марте 2025 г. йеменская группировка хуситов объявила о возобновлении атак на израильские суда, проходящие через Красное море, Аравийское море, Баб-эль-Мандебский пролив и Аденский залив.

В ответ США, Израиль и другие страны активизировали военные действия против хуситов. Эскалация этого «асимметричного конфликта» негативно повлияла на ситуацию в Красном море и на юге Аравийского полуострова, причем кризис в Красном море продолжает углубляться и оказывает негативное влияние на мировое контейнерное судоходство: в период глобального экономического спада и повышенных рисков для международной торговли любое нарушение глобальных цепочек поставок отрицательно сказывается на экономиках стран, зависящих от судоходных маршрутов.

Еще одним негативным фактором, влияющим на мировое контейнерное судоходство, стало намерение президента США Д. Трампа

вернуть под контроль Вашингтона Панамский канал (через который проходит около 40 % всех контейнерных перевозок, поступающих в США). За период 2023—2025 гг. международное морское судоходство Китая пострадало из-за сбоев в работе основных каналов (Суэцкого и Панамского), что вызвало рост затрат на транзит контейнеров, а также сбой в глобальных цепочках поставок.

Все это побудило судоходные компании изменить традиционные маршруты, направив их через мыс Доброй Надежды в обход Суэцкого канала, что увеличило как протяженность морской транспортировки (с 6 тыс. до 10 тыс. км), так и сроки доставки. Чтобы снизить риски, несколько международных судоходных компаний объявили о приостановке судоходства по Красному морю. Они также заявили, что расходы на изменение маршрута привели к росту транспортных расходов и соответственно — к корректировке ставок фрахта. Например, французская судоходная компания CMA CGM с 15 января 2024 г. повысила тариф на услуги по перевозке контейнеров для всех типов грузов из Азии в Средиземноморье с 3 до 6 тыс. долл. за контейнер. До этого несколько судоходных компаний, включая датскую Maersk Line, немецкую Hapag-Lloyd AG и базирующуюся в Женеве Mediterranean Shipping Company SA, также объявили о введении с 1 января 2024 г. дополнительных сборов. Одновременно наблюдалось резкое увеличение заказов на строительство контейнеровозов, что в перспективе может привести к перенасыщению этого рынка.

Чтобы преодолеть негативные тенденции в контейнерных перевозках и повысить прозрачность цепочек поставок, современные порты внедряют автоматизированные системы управления грузопотоками и цифровые платформенные решения. Так, китайские порты разрабатывают высокотехнологичные решения для облегчения соответствующих проблем. В качестве примера можно привести порт Тяньцзинь, который оснащен мобильной связью формата 5G. На его портовом терминале контейнерные краны работают в автоматическом режиме, а беспилотные электрические контейнеровозы, оборудованные камерами слежения и радарами миллиметрового диапазона, под управлением китайской навигационной спутниковой системы *BeiDou* (Белая Медведица) без участия человека выбирают самый оптимальный маршрут перевозки контейнеров по портовой территории со скоростью до 35 км/час [Семенова Н.К., 2024].

Внедрение этих технологий принесло порту ощутимые выгоды. Если ранее для доставки контейнеров на площадку порта требовалось огромное количество контейнеровозов, что означало высокие затраты на привлечение водителей-специалистов, то в нынешние времена в

порту Тяньцзинь за счет внедрения инновационных технологий каждый кран без участия человека автоматически перемещает 39 контейнеров в час. Поэтому Тяньцзинь является одним из самых технологически развитых портов КНР.

Следует добавить, что в настоящее время в Китае построены 49 автоматизированных терминалов для контейнерных и навалочных грузов, в процессе строительства находятся 44 терминала — КНР является первой в мире страной по количеству уже построенных и строящихся интеллектуальных портовых терминалов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Китай успешно адаптируется к новым экономическим и логистическим реалиям глобальной экономики. Развитие мультимодальных перевозок, внедрение цифровых технологий и экологические инициативы формируют будущее контейнерных перевозок, создавая условия для их дальнейшего роста. При этом глобальные вызовы, включая экономические санкции и необходимость модернизации инфраструктуры, оказывают негативное влияние на интенсивность контейнерных перевозок между Россией и Китаем.

Существующие проблемы контейнерных перевозок между РФ и КНР

В 2024 г. объем товарооборота между Россией и Китаем составил 244,8 млрд долл., увеличившись на 1,96 % по сравнению с 2023 г. Тем не менее, в области контейнерных перевозок остаются проблемы, препятствующие эффективной логистике между этими государствами. К одной из них относится накопление китайских пустых контейнеров на территории России. Это приводит к операционным трудностям и увеличивает логистические расходы, поскольку для возврата порожних контейнеров требуются дополнительные затраты времени и средств.

Дополнительным препятствием стали сбои на пограничных железнодорожных переходах, таких как Забайкальск—Маньчжоули, Гродеково—Суйфэньхэ и Наушки—Эрэн-Хото, где регулярно фиксируются заторы и значительные задержки. Эти сложности обусловлены технической необходимостью перегруза вагонов на платформы иной ширины колеи из-за отличия в технических параметрах российской и китайской железнодорожных систем. Кроме того, ситуация осложняется несогласованностью таможенных и нормативных процедур РФ и КНР, включая сферу документационного сопровождения

и таможенного регулирования. При этом процесс пересечения границы сталкивается с многократным дублированием процедур, что приводит к дополнительным издержкам и увеличению времени простоя вагонов [Власова Н.В., 2024].

Другая проблема — дисбаланс в логистических потоках, связанный с неэффективным использованием контейнерного парка и приводящий к увеличению издержек. Дополнительным фактором, влияющим на удорожание перевозок, являются рост тарифов, дефицит контейнеров в Китае, рост страховых ставок и переход на расчеты в национальных валютах, что также вносит элемент неопределенности в процессы транспортировки. При этом рост объема грузоперевозок, переориентируемых с западных на восточные направления, приводит к перегрузке Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей.

Следует отметить и то, что в связи с глобальным потеплением в Арктике российский Северный морской путь (СМП), который в Китае называют «Ледовым Шелковым путем», стал привлекать внимание международных грузоперевозчиков, особенно китайских, так как он почти в 2 раза короче морского маршрута из стран АТР в страны Европы через Суэцкий канал. Это связано с тем, что протяженность маршрута транспортировки грузов от Владивостока до стран Евро-

Рис. 2. Маршруты морской транспортировки грузов из Владивостока до стран Европы по Северному морскому пути и через Суэцкий канал*.

Источник: Почему Запад «набросился» на Северный морской путь. URL: https://topcor.ru/980-est-li-perspektivy-u-severnogo-morskogo-puti.html (дата обращения: 22.03.2025).

союза по СМП составляет 14 тыс. км, а аналогичный маршрут через Суэцкий канал по протяженности равен 23 тыс. км. (рис. 2) [Ерохин В.Л., 2018].

В принципе интеграция СМП в глобальную логистическую сеть создает новые значительные возможности для увеличения объемов внешнеторгового оборота между Россией и Китаем. Однако сфера контейнерных перевозок здесь пока не лишена ряда устойчивых проблем. Все это важно учитывать при определении векторов развития контейнерных перевозок между РФ и КНР.

Перспективы развития контейнерных перевозок между РФ и КНР

Несмотря на существующие проблемы, перспективы развития контейнерных перевозок между РФ и КНР имеют положительную тенденцию. Так, в 2022 г. правительство РФ утвердило план развития Севморпути до 2035 г., предусматривающий рост объемов перевозки по СМП, строительство новых портов, ледоколов и судов ледового класса. Одним из ярких примеров успешной реализации этого плана является терминал сжиженного природного газа (СПГ) «Утренний», который будет введен в эксплуатацию в ближайшем будущем, рядом с портом Сабетта, который в перспективе будет ежегодно отгружать до 22 млн тонн продукции на экспорт.

Другим примером, свидетельствующим об успешной реализации этого плана, является ввод в эксплуатацию в 2026 г. контейнерного терминала «Западный транспортно-логистический узел» в Мурманской области, который будет способствовать увеличению грузопотока, в том числе в контейнерах. Помимо этого, важным фактором успешности работы СМП является развитие судоходных технологий, включая создание атомных ледоколов нового поколения, которые обеспечивают круглогодичную навигацию в Арктике. Так, в марте 2025 г. Балтийский завод в Санкт-Петербурге передал госпредприятию «Атомфлот» новый атомный ледокол проекта 22220 «Якутия», который будет осуществлять проводки по Северному морскому пути. Таким образом, по сравнению с другими приарктическими странами, в составе российского «Атомфлота» в ближайшем будущем будут работать 8 атомных ледоколов, что подтверждает его позиции как самого передового в мире.

Китай активно инвестирует в развитие СМП, так как для него это не только выгодная альтернатива традиционным маршрутам, но и

важная составляющая его глобальной стратегии по реализации проекта «Ледового Шелкового пути» в рамках инициативы «Пояс и путь».

Еще одним путем совершенствования контейнерной транспортировки в целом является развитие российской инфраструктуры. В РФ активно строятся новые контейнерные терминалы и модернизируются существующие. Например, в 2023 г. был введен в эксплуатацию новый контейнерный терминал в порту Владивосток. Наряду с уже упоминавшимся «Западным транспортно-логистическим узлом» в Мурманской области он значительно увеличит пропускную способность портов и терминалов, а также улучшит процесс перевалки и обработки контейнеров, что в свою очередь позволит снизить заторы и ускорить доставку грузов.

Помимо этого, за счет модернизации Восточного полигона Транссиба, введения системы контроля и мониторинга движения грузов и цифрового документооборота была значительно увеличена пропускная способность этой магистрали, что позволило увеличить объемы транспортировки экспортных товаров в Китай [Сазонов С.Л., 2024].

А за счет упрощения и ускорения таможенных процедур были сокращены задержки на российско-китайских пограничных переходах Забайкальск—Маньчжоули, Гродеково—Суйфэньхэ и Махалино—Хуньчунь. Кроме того, важным шагом стало создание совместных рабочих групп и центров для решения оперативных вопросов, связанных с таможней, транспортировкой и логистическими потоками. Важно также разработать механизмы для сокращения времени простоя контейнеров на границе и ускорения процедуры возврата пустых контейнеров в Китай. Для дальнейшего роста контейнерных перевозок важно не только развивать инфраструктуру и цифровые технологии, но и совершенствовать систему двусторонних соглашений, направленных на стимулирование торговли и создание взаимовыгодных условий для бизнеса.

Заключение

В заключение видится целесообразным изложить следующие выводы.

Глобальные тенденции в развитии контейнерных перевозок подтверждают растущую значимость последних для международной торговли, несмотря на существующие трудности на их пути и геополитическую нестабильность.

Особенно активно контейнерные перевозки получают развитие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где Китай занимает лидирующие позиции. Помимо КНР, государства АСЕАН также успешно адаптируются к новым реалиям глобальной экономики, торговли и логистики. Развитие ими систем мультимодальных перевозок, внедрение цифровых технологий формируют будущее контейнерных перевозок на глобальном уровне.

В то же время геополитические вызовы, включая экономические санкции со стороны западных стран, а также необходимость модернизации приграничной инфраструктуры, оказывают свое негативное влияние на объем контейнерных перевозок между Россией и Китаем. Здесь следует отметить наличие ряда серьезных проблем, включая дисбаланс контейнерного оборота, т. е. накопление пустых контейнеров на территории РФ (иногда до 150—200 тыс. ед.), заторы на пограничных переходах и несогласованность таможенных процедур. Эти проблемы способствуют повышению операционных расходов и увеличению времени простоя подвижного состава в ожидании смены колесных пар, что снижает эффективность логистики между Россией и Китаем.

В целях устранения этих проблем правительство РФ предпринимает меры по улучшению логистики, ускорению контейнерооборота и сокращению времени доставки товаров, постоянно корректирует и обновляет задачи развития контейнерных перевозок между Россией и Китаем. С этой целью оно утвердило Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, включая третий этап модернизации БАМа и Транссиба, что позволит к 2032 г. увеличить пропускную способность магистралей до 270 млн тонн. В стране осуществляется строительство новых контейнерных терминалов, внедрение в перевозочный процесс цифровых технологий, модернизация северных портов и сооружение новых атомных ледоколов для Северного морского пути. Эти меры будут способствовать укреплению торгово-экономического взаимодействия РФ и КНР, включая сферу контейнерных перевозок.

Библиографический список

Власова Н.В., Сидорова В.С., Суханова А.Г. Международные контейнерые перевозки: Россия — Китай // Молодая Наука Сибири. 2024. № 4 (26). С. 20—27.

Ерохин В.Л. Северный морской путь и Суэцкий канал: сравнительный анализ экономической эффективности использования торговых маршрутов для Китая // Маркетинг и логистика. 2018. № 6 (20). С. 13—26.

Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй, Ли Фэн. Сотрудничество КНР и стран — участниц проекта «Пояс и путь» в области развития транспортной инфраструктуры и энергетики. М.: ИКСА РАН, 2024. 448 с.

Семенова Н.К. 45 лет реформ и открытости: трудный путь и достижения портового строительства в Китае // Российское китаеведение. 2024. № 3 (8). С. 58—90.

References

Erohin, V.L. (2018). Severnyj morskoj put' i Sujeckij kanal: sravnitel'nyj analiz jekonomicheskoj jeffektivnosti ispol'zovanija torgovyh marshrutov dlja Kitaja [Northern Sea Route vs Suez: A Comparative Analysis of Economic Viability of Trade Routes for China], *Marketing i logistika [Marketing and Logistics]*: 6 (20): 13—26.

Sazonov, S.L.; Wang Jingwei; Li Feng (2024). Sotrudnichestvo KNR i stran-uchastnits proekta «Poyas i put» v oblasti razvitiya transportnoj infrastrukturi i energetiki [Cooperation between China and the participating countries of the Belt and Road project in the field of transport infrastructure and energy development], *Moscow, Institut Kitaya i sovremennoj Azii, RAN [(Institute of China and Contemporary Asia, RAS],* 448 p.

Semenova, N.K. (2024). 45 let reform i otkrytosti: trudnyj put' i dostizhenija portovogo stroitel'stva v Kitae [45 years of reforms and openness: the difficult path and achievements of port construction in China], *Rossijskoe kitaevedenie [Russian Chinese Studies]*: 3(8): 58—90.

Vlasova, N.V.; Sidorova, V.S.; Suhanova, A.G. (2024). Mezhdunarodnye kontejnerye perevozki: Rossija — Kitaj [International container transportation: Russia — China], *Molodaja Nauka Sibiri [Young Science of Siberia]*: 4 (26): 20—27.

Поступила в редакцию: 10.04.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Apr 10, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.54.42.025

Е.Е. Сергиенко

ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР КИТАЙ—КЫРГЫЗСТАН—УЗБЕКИСТАН: ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Исторически железнодорожная сеть в современной Центральной Азии формировалась в период, когда регион входил в состав Российской империи, а затем Советского Союза, причем руководство страны решало задачу обеспечения связанности всех территорий в единое государство. Во времена СССР железнодорожная политика была направлена на развитие сети по принципу центр—регионы, что приводило к относительной ограниченности региональных сетей в их связях с внешним миром. Китай и Центральную Азию связывали только две железные дороги, ведущие из КНР в Казахстан, в то время как другие республики оказывались в стороне от этих маршрутов.

После распада Советского Союза руководство образовавшихся независимых государств Центральной Азии приняло решение о создании новых транспортных коридоров, обеспечивающих странам ЦА выход на внешние рынки. Китай также проявил заинтересованность в развитии трансграничных железнодорожных сетей стран ЦА, позволяющих диверсифицировать маршруты экспортных поставок китайских товаров. По прошествии многолетних переговоров о строительстве железнодорожного сообщения Китаем, Кыргызстаном и Узбекистаном в 2024 г. было подписано соглашение о начале строительства железнодорожной магистрали между этими тремя странами. Проект стал важным начинанием в рамках Инициативы «Пояс и

путь», направленным на развитие инфраструктуры и укрепление связей между Китаем и Центральной Азией.

Железная дорога Китай—Кыргызстан—Узбекистан имеет стратегическое значение, поскольку она может стать ключевым транспортным коридором для соединения Китая с Центральной Азией и дальнейшим продвижением в Европу. Прокладка этого маршрута также способствует улучшению экономической ситуации в странах-участницах, создавая новые рабочие места и содействуя развитию торговли. Кроме того, реализация проекта поможет разнообразить существующие торговые пути и уменьшить зависимость от морского транспорта, который в условиях геополитических рисков становится все более уязвимым. Таким образом, проект железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан не только отвечает на вызовы современности, но и открывает новые возможности для углубления экономического сотрудничества в Евразии. Важно отметить, что перспективы развития данного коридора, даже до окончания его строительства, уже вызывают интерес у инвесторов по всему миру.

Ключевые слова: Китай, Кыргызстан, Узбекистан, Центральная Азия, железнодорожная сеть, транспортный коридор, экономическое сотрудничество, мультимодальный маршрут.

Автор: *Сергиенко Елена Евгеньевна*, аспирант ИКСА РАН, заместитель Ученого секретаря ИКСА РАН, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0009-0000-1318-3262; E-mail: teb5678@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Сергиенко Е.Е. Транспортный коридор Китай-Кыргызстан-Узбекистан: перспективы и значение // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 383—395. DOI: 10.48647/ICCA.2025.54.42.025.

E.Ye. Sergienko

The China-Kyrgyzstan-Uzbekistan transport corridor: prospects and significance

Abstract. Historically, the railway network in contemporary Central Asia was formed during the period when the region was a part of the Russian Empire and then the Soviet Union. The country's leadership solved the problem of ensuring the connectivity of all territories into a single state.

During the Soviet years, the railway transport policy was aimed at developing the network according to the center-regions principle, which led to the relative limitations of regional networks in terms of their connection with the outside world. China and Central Asia were connected by only two railway lines leading from the PRC to Kazakhstan, while other republics found themselves on the sidelines of these transport routes. After the collapse of the Soviet Union, the leadership of the newly independent Central Asian states decided to develop new transport corridors that would provide Central Asian countries with access to external markets. China has also shown interest in developing cross-border railway networks of Central Asian countries, which would allow diversifying the routes for export deliveries of Chinese goods. After many years of negotiations on the construction of a railway link between China, Kyrgyzstan and Uzbekistan, an agreement was signed in 2024 to begin construction of the railway line. The project has become an important step in the framework of the Belt and Road Initiative, aimed at developing infrastructure and strengthening ties between China and other countries.

The China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway is of strategic importance, as it can become a key transport corridor for connecting China with Central Asia and further advancing to Europe. The construction of this route also helps to improve the economic situation in the participating countries, creating new jobs and promoting trade. In addition, the implementation of the project will help diversify existing trade routes and reduce dependence on maritime transport, which is becoming increasingly vulnerable in the face of geopolitical risks. Thus, the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway project not only responds to the challenges of our time, but also opens up new opportunities for deepening economic cooperation in Eurasia. It is important to note that the prospects for the development of this corridor, even before its construction is completed, are already of interest to investors around the world.

Keywords: China, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Central Asia, railway network, transport coridor, economic cooperation, multimodal route

Author: Elena Ye. SERGIENKO, deputy Academic Secretary, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0000-1318-3262; E-mail: teb5678@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Sergienko E.Ye. (2025). Transportnyy koridor Kitay-Kyrgyzstan-Uzbekistan: perspektivy i znacheniye [The China-Kyrgyz-

stan-Uzbekistan transport corridor: prospects and significance], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 383—395. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.54.42.025.

Введение

Исторически железнодорожная сеть в современной Центральной Азии формировалась в период, когда регион входил в состав Российской империи, а затем Советского Союза, причем руководство страны на тот момент решало задачу обеспечения связанности всех территорий в единое государство. Во времена СССР в Средней Азии и Казахстане (ныне составляющих Центрально-Азиатский регион, ЦАР) были проложены в том числе железнодорожные магистрали Москва—Ташкент (Узбекистан), Москва—Бишкек (Туркменистан), функционирующие в настоящее время. Следует отметить, что предыдущая железнодорожная политика в СССР была направлена на развитие сети по принципу центр—регионы, что приводило к относительной ограниченности региональных сетей в их связях с внешним миром. Китай, Казахстан и Среднюю Азию связывали только две железнодорожные ветки, ведущие из КНР в Казахстан, в то время как другие республики оказывались в стороне от этих транспортных маршрутов. Поэтому наземный транспорт между Китаем и азиатскими республиками СССР осуществлялся по автомобильным трассам или в объезд через Казахстан[1]. После распада Советского Союза руководство образовавшихся независимых государств Центральной Азии (ЦА) приняло решение о развитии новых транспортных коридоров, обеспечивающих странам ЦАР выход на внешние рынки. Китай также проявил заинтересованность в развитии трансграничных железнодорожных сетей стран ЦА, позволяющих диверсифицировать маршруты экспортных поставок китайских товаров.

Решение о начале строительства

Переговоры о строительстве нового трансграничного маршрута, проходящего по территории Кыргызстана и Узбекистана, продолжались около 20 лет, однако драматические изменения геополитической обстановки в 2022—2023 гг. дали импульс принятию окончательного

[1] В южной части СУАР, которая граничит с Кыргызстаном, в настоящее время нет трансграничной железнодорожной линии, и есть только одна автомагистраль, которая соединяется с Кыргызстаном и Пакистаном (дата обращения: 12.11.2024 г.).

решения о строительстве железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан в рамках Инициативы «Пояс и путь»[1].

В декабре 2023 г. хуситы начали атаки на суда, проходящие по Красному морю и Суэцкому каналу, принося огромные убытки международным компаниям-перевозчикам, вынужденным направлять суда в обход — через Мыс Доброй Надежды в ЮАР, увеличивая срок и стоимость доставки товаров. К концу 2024 г. было атаковано по меньшей мере 100 судов общей валовой вместимостью 3,2 млн т, что привело к дополнительным расходам, увеличению протяженности морской транспортировки с 7 тыс. до 10 тыс. км и задержкам на срок от семи до десяти дней.

Количество контейнеровозов в Красном море сократилось на 70 %, что за короткий период времени нанесло сильнейший удар по маршрутам контейнерных перевозок, проходящим через Красное море [Сазонов С.Л., 32]. В этих условиях особенно актуальным стал вопрос о создании нового сухопутного железнодорожного коридора транспортировки китайских товаров в Европу через территорию стран ЦА. Меморандум о сотрудничестве в развитии транспортного маршрута КНР—Кыргызстан—Узбекистан—Афганистан и совместном создании нового международного интермодального поезда, который свяжет четыре страны, был подписан в Ланьчжоу (пров. Ганьсу) в начале 2022 г., а в сентябре 2022 г. на саммите ШОС, прошедшем в Самарканде (Узбекистан), три страны — Китай, Кыргызстан и Узбекистан, подписали соглашение о строительстве железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан. Проект, разработанный в рамках этого соглашения, предполагает прокладку 523 км железных дорог, причем 213 км пути будет построено в Китае, 260 км в Кыргызстане и 50 км в Узбекистане.

В июле 2022 г. Государственный комитет по делам развития и реформ Госсовета КНР сообщил, что группа китайских экспертов прибыла в Кыргызстан для проведения полевых работ на маршруте планируемой железной дороге Китай—Кыргызстан—Узбекистан. Это совпало с началом разработки технико-экономического обоснования нового крупного евразийского логистического проекта[2].

[1] О важности региона для имплементации инициативы «Пояс и путь» свидетельствует участие Си Цзиньпин в 22-м заседании Совета глав государств ШОС в Самарканде (Узбекистан), который прошел с 14 по 16 сентября 2022 г. Си Цзиньпин совершил государственные визиты в Казахстан и Узбекистан, которые стали первыми визитами китайского лидера за границу с тех пор, как разразилась пандемия COVID-19 (дата обращения: 12.11.2024 г.).

[2] *Xu Wei.* China bolsters links with Central Asian nations. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202209/12/WS631f473ea310fd2b29e772ad_3.htm. (accessed: 22.11.2024).

Рис. 1. Маршрут железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан. *Источник: Li Xuanmin.* China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway to open 'southern Eurasia corridor, 'facilitates BRI cooperation with Central Asia: analysts. Highly anticipated project facilitates BRI cooperation with Central Asia, spurs Xinjiang's growth: analysts. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275365.shtml (accessed: 12.11.2024).

В сентябре 2022 г. китайская компания *China High-Speed Railway Technology (CHSR)*, являющаяся ведущим поставщиком китайских систем высокоскоростных железных дорог и городского железнодорожного транспорта, и 1-й исследовательский и проектный институт *China Railway Group* сообщили, что они активно приступили к проектированию железнодорожной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан[1]. К октябрю 2022 г. китайские специалисты завершили работы по обследованию маршрута и картографированию, в то время как геологоразведочные и другие работы проводились в соответствии с установленным планом. В начале июня 2024 г. в Пекине министры транспорта Китая, Кыргызстана и Узбекистана подписали окончательное соглашение о строительстве железной дороги стоимостью 4,8 млрд долл., которая соединит три государства и позволит создать новый коридор транспортировки товаров из КНР и стран ЦА в Европу.

[1] *Li Xuanmin.* China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway to open 'southern Eurasia corridor' facilitates BRI cooperation with Central Asia: analysts. Highly anticipated project facilitates BRI cooperation with Central Asia, spurs Xinjiang's growth: analysts. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275365.shtml. (accessed: 12.11.2024).

Реализация проекта

Ранее одним из сложнейших являлся вопрос финансирования, без его решения начало строительства не могло начаться. Теперь стороны договорились, что половину всех средств внесет Китай, по четверти — Кыргызстан и Узбекистан. Строительные работы планируется начать в 2025 г., а завершить через шесть лет.

Предполагается, что по железной дороге будут ежегодно перевозиться порядка 15 млн тонн грузов и около 300 тыс. пассажиров. На всей линии планируется оборудовать 18 станций, 81 мост и 41 тоннель. До завершения строительства будут действовать железнодорожный маршрут, предполагающий смену колесных платформ (вследствие разной ширины колеи в КНР и странах ЦА) и мультимодальный маршрут, обеспечивающие транспортировку грузов из Китая в страны ЦА. Контейнеры, прибывающие по железной дороге из центральных и западных провинций Китая на КПП Кашгар (Каши, СУАР), где заканчивается действующая железнодорожная магистраль, связывающая КПП с центральным и западным регионами Китая, будут перемещаться на большегрузные автомобили, после чего автомобильным транспортом доставляться на КПП Иркештам (Кыргызстан). Затем контейнеры будут транспортироваться до города Ош, южной столицы Кыргызстана, связанного действующей веткой с железнодорожной сетью Узбекистана. Ош может превратиться в важный хаб, через который в будущем будет проходить большой объем грузов, причем в перспективе грузы могут доставляться также до афганского города Мазари-Шариф.

22 сентября 2023 г. первый китайский грузовой состав в тестовом режиме прибыл в пограничный город Хайратан в северной афганской провинции Балх, тем самым связав не имеющий выхода к морю Афганистан с Китаем. Грузовой поезд с 12 контейнерами отправился 10 сентября 2022 г. в г. Кашгар в Китае и за 12 дней пересек территорию Кыргызстана и Узбекистана, прежде чем прибыть в Афганистан[1].

В перспективе магистраль через территорию Туркменистана и государства кавказского региона протянется до Турции и стран Европы, Южной Азии (Пакистана и Афганистана), Ирана и стран Ближнего Востока[2]. Китайские специалисты подсчитали, что объем

[1] Land corridor via rail connects Afghanistan to China. URL: http://www.china.org.cn/business/2023-09/23/content_78435422.htm. (accessed: 08.02.2025).

[2] Belt and Road helps drive joint development. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202309/28/WS6514d217a310d2dce4bb84a3.html; *Yin Yeping.* China-Uzbekistan partnership enters a new era as presidential visit seals agreements on stronger cooperation, connectivity under BRI. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202401/1306080.shtml (accessed: 12.11.2024).

Рис. 2. Мультимодальный коридор КНР—Кыргызстан—Узбекистан—Афганистан.
Источник: Разработано автором.

ежегодного грузооборота магистрали может составить порядка 13 млн тонн, из которых 80 % будут составлять транзитные грузы в пределах территории Кыргызстана, что означает рост доходов этой страны от транзитных перевозок до 200 млн долл. в год[1]. После завершения строительства магистраль будет способствовать превращению Кыргызстана и Узбекистана в крупные региональные логистические центры[2]. Железная дорога с проектной скоростью движения 120 км/ч станет кратчайшим грузовым маршрутом из Китая в страны Европы и Ближнего Востока, что позволит сократить расстояние перевозки на 900 км, а время доставки на 7—8 дней[3]. Ввод железной дороги в эксплуатацию не только сократит время транспортировки, но и освободит грузы от многочисленных операций по перегрузке. Это упростит и удешевит транспортировку скоропортящихся товаров, таких как сельскохозяйственные продукты [Приходько А.А., с. 89].

Выступая в Пекине на подписании трехстороннего соглашения о сотрудничестве в совместном продвижении проекта железной дороги

[1] *Li Xuanmin*. China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway to open 'southern Eurasia corridor,' facilitates BRI cooperation with Central Asia: analysts. Highly anticipated project facilitates BRI cooperation with Central Asia, spurs Xinjiang's growth: analysts. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275365.shtml (accessed: 01.11.2024).

[2] China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway set to enhance regional connectivity. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/14/WS6785ceeca310f1265a1daaeb.html (accessed: 03.02.2025).

[3] Chinese investors growing more interested in companies connected to Central Asian countries. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275279.shtml. (accessed: 15.12.2024).

6 июня 2024 г., президент Узбекистана Ш. Мирзиёев подчеркнул, что «начало реализации этого важнейшего инфраструктурного проекта является поистине историческим событием» и отметил, что данная железнодорожная магистраль станет кратчайшим наземным «плечом», соединяющим Китай с нашим регионом»[1].

Новая магистраль посодействует и значительному увеличению объема внешней торговли между тремя странами, обеспечит рост доходов бюджета стран ЦА за счет транзитных сборов[2]. Кроме того, строительство магистрали произведет мультипликативный эффект в сопредельных отраслях промышленности стран ЦА (производство строительной техники для прокладки магистрали, развитие сталелитейной промышленности для производства рельсов, развитие отрасли производства бетона и т. п.)[3].

Как известно, Кыргызстан и Узбекистан (как и другие страны ЦА) не имеют выхода к морю и это значительно сокращает возможности их экспорта. Строительство железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан позволит двум странам ЦА, используя железнодо-

---

[1] Узбекистан, Кыргызстан и Китай подписали межправсоглашение по проекту железной дороги URL https://www.gazeta.uz/ru/2024/06/06/railway/ (дата обращения: 12.11.2024 г.).

[2] Объем внешней торговли между КНР и Узбекистаном в 2019 г. составил 7,2 млрд долл., в 2020 г. — 6,6 млрд долл., в 2021 г. — 8,0 млрд долл., 2022 г. — 13 млрд долл, 2023 г. — 13,93 млрд долл., а между КНР и Кыргызстаном — 6,3 млрд долл., 2,9 млрд долл., 7,6 млрд долл., 9,3 млрд долл. и 9,6 млрд долл. соответственно(дата обращения: 12.11.2024 г.). (*Li Xuanmin*. China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway to open 'southern Eurasia corridor,'facilitates BRI cooperation with Central Asia: analysts. Highly anticipated project facilitates BRI cooperation with Central Asia, spurs Xinjiang's growth: analysts. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202401/1275365.shtml; *Zhang Han*. China, Uzbekistan expected to lift ties to new level as Uzbek president starts China visit. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305924.shtml; *Xu Changzhi, Su Chang, Chen Dongjie*. Uzbekistan seeking new path to progress and prosperity with China. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304476.shtml) (accessed: 15.12.2024).

[3] 29 ноября 2023 г. председатель правления строительной компании Узбекистана Enter Engineering Б. Фазылов прибыл в Промышленный парк компании SANY, крупного китайского производителя тяжелого оборудования, дорожно-строительной, погрузочной и другой специальной техники, где провел переговоры с главой Sany Heavy Industry Сян Вэньбо. Стороны обсудили строительство совместного предприятия и укрепление многопрофильного сотрудничества и подписали «Меморандум о строительстве завода с совместным капиталом в городе Галляарал и создании производства машин специального назначения с полной производственной цепочкой». Согласно меморандуму, стороны совместно построят завод в Специальном промышленном парке Галляарала в Узбекистане; планируется, что завод с годовой производственной мощностью 2 тыс. ед. и площадью 48 тыс. кв. м будет использоваться в основном для производства скреперов, грейдеров, автобетоносмесителей, самосвалов и другой техники для строительства железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан (дата обращения: 12.11.2024 г.).

рожную сеть КНР, перевозить товары в направлении морских портов восточного побережья Китая, а затем морским путем поставлять их в страны АТР, Африки и Латинской Америки.

Поскольку расстояние от стран ЦА до морских портов Китая и Европы практически одинаково, то у Кыргызстана и Узбекистана появляется возможность выбора маршрута экспорта своих товаров — либо по сухопутному маршруту в Европу, либо по мультимодальному маршруту через территорию Китая в другие страны.

Следует отметить, что реализация проекта будет иметь важное стратегическое значение для ЦАР, поскольку проектируемая железнодорожная магистраль Китай—Кыргызстан—Узбекистан заложит основу для создания единой железнодорожной сети Центральной Азии. После завершения строительства магистраль позволит превратить Кыргызстан и Узбекистан в крупные региональные логистические центры[1].

КНР также получает значительные выгоды от появления новой магистрали. Поскольку Китай является главным спонсором прокладки железной дороги, то ее строительство на территории стран ЦА будет осуществляться согласно китайским стандартам, включая ширину колеи в 1425 мм. Это позволит избегать перегрузки контейнеров при пересечении границ, что значительно увеличит скорость движения грузовых составов и снизит стоимость транспортировки.

Строительство новой магистрали подстегнет спрос на импорт из КНР определенных строительных материалов, специализированного оборудования и высокотехнологичного подвижного состава с высокой добавленной стоимостью и последующее послепродажное его обслуживание с использованием китайских комплектующих. Это в свою очередь активизирует рост экспортных поставок отраслевой продукции и увеличит бюджетные доходы Китая от ее экспорта. Кроме того, по мнению китайских экспертов, магистраль укрепит связанность СУАР, который граничит с рядом стран Центральной Азии, включая Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Магистраль расширит открытость автономного района и посодействует росту объема региональной внешней торговли, обеспечивая коммерческим фирмам СУАР выход на ранее недоступные региональные рынки.

Новая магистраль, обеспечивая снижение затрат и времени перевозки, повышение доступности внешних рынков также позволит

[1] China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway set to enhance regional connectivity. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/14/WS6785ceeca310f1265a1daaeb.html (accessed: 15.01.2025).

компаниям из СУАР при прочих равных внутренних производственных условиях извлекать дополнительную прибыль и повышать конкурентоспособность продукции. В конечном итоге, магистраль станет дополнением к «северному» и «центральному» (Транскаспийскому) транзитным маршрутам экспорта китайских товаров, и подобная транспортная диверсификация будет стимулировать рост объемов внешней торговли Китая в целом.

В российской научной литературе высказывается мнение, что железная дорога Китай—Кыргызстан—Узбекистан может составить конкуренцию двум другим транзитным маршрутам Китай—Европа, отчасти сократив объемы перевозки по территории Казахстана и России. Однако это утверждение не совсем корректно и выглядит несостоятельным с точки зрения логистической практики.

Железнодорожная магистраль Китай—Кыргызстан—Узбекистан считается «южным» сухопутным маршрутом в континентальной транспортной сети Евразии[1], который станет значимым дополнением к «северному» евразийскому маршруту между Китаем и Европой (КНР—Казахстан—РФ—Белоруссия—Европа). На фоне бурно растущего спроса на транзит грузов между двумя крупными территориями — КНР и Европой, «северный» маршрут может обеспечить сухопутную транспортировку не более 6 % внешнеторгового оборота между Китаем и странами ЕС, что для КНР явно недостаточно. Что касается «среднего» маршрута («Транскаспийского»), то он предполагает транспортировку грузов из Китая по территории Казахстана до портов Актау (Казахстан) или Туркменбаши (Туркменистан), затем переправу контейнеров на паромах через Каспийское море в порт Алят (Азербайджан) [Зуенко И.Ю., с. 177]. И лишь после этого контейнеры через территорию Закавказья смогут попасть в страны ЕС. Данный маршрут не способен составить конкуренцию «северному» маршруту, поскольку он предполагает многочисленные мультимодальные перегрузки транзитных каргопотоков, что неизбежно порождает проблемы со сроками доставки и увеличивает стоимость транспортировки.

[1] 4 декабря 2022 г. на Центральном железнодорожном вокзале Ташкента состоялась церемония встречи первого грузового поезда из Турции — состав из 40 вагонов, груженных бытовой техникой (холодильное оборудование), прибыл в Узбекистан, проследовав через территорию Турции, Ирана и Туркменистана. Грузовой железнодорожный маршрут Турция—Иран—Туркменистан—Узбекистан общей протяженностью свыше 4,5 тыс. км разработан компанией «Узбекистон темир йуллари» («Железные дороги Узбекистана») совместно с турецкой стороной (В Узбекистан прибыл первый грузовой поезд из Турции. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2022/1205/c31519-10179624.html) (дата обращения: 12.11.2024 г.).

После запуска железной дороги «Баку—Тбилиси—Карс» в обход Армении ситуация изменилась, но незначительно, поскольку итоговый транскаспийский маршрут для китайских грузов остается мультимодальным и, соответственно, затратным по себестоимости и времени. По пути следования из Китая в Европу контейнерному грузу предстоит выдержать три-четыре перевалки, связанных с паромными переправами, а также пересечь четыре таможенные границы. Кроме того, по пути следования несколько раз меняется весовая норма состава, что определяет необходимость расцепки и переформирования груза. Вынужденные мультимодальные перегрузки транзитных потоков (железная дорога—паром—железная дорога), необходимость состыковки расписаний паромов и железнодорожных составов неизбежно ослабляют конкурентоспособность «среднего» маршрута, по которому сегодня перевозится незначительная часть китайских внешнеторговых грузов.

Библиографический список

Зуенко И.Ю. Проблемы развития международных транспортных коридоров «Восток — Запад» в Каспийском регионе // Журнал фронтирных исследований. 2024. № 4. С. 169—185. DOI: 10.46539/jfs.v9i4.581. URL: https://jfs.today/index.php/jfs/article/view/581/430 (дата обращения: 12.01.2025).

Приходько А.А. Проект МТК «Север — Юг» в контексте внешнеэкономических интересов Белоруссии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 5. С. 85—102. DOI: 10.15211/vestnikieran5202485102.

Сазонов С. Л., Ван Цзинвэй, Ли Фэн. Сотрудничество КНР и стран — участниц проекта «Пояс и путь» в области развития транспортной инфраструктуры и энергетики. М.: ИКСА РАН, 2024. 448 с.

References

Prikhodko, A.A. (2024). Proekt MTK “Sever-Yg” v kontekste vneshneekonomicheskih interesov Belorussii [The ITC “North — South” project in the context of foreign economic interests of Belarus], *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*: 5: 85—102. DOI: 10.15211/vestnikieran5202485102 (In Russian).

Sazonov, S.L.; Wang Jingwei; Li Feng (2024). Sotrudnichestvo KNR i stran-uchastnits proekta «Poyas i put» v oblasti razvitiya transportnoj infrastrukturi i energetiki [Cooperation between China and the participating countries of the Belt and Road project in the field of transport infrastructure and energy development], *Moscow,*

Institut Kitaya i sovremennoj Azii, RAN (Institute of China and Contemporary Asia, RAS), 448 p. (In Russian).

Zuyenko, I.Yu. (2024). Problemy razvitijay mezhdynarodnyh transportnyh koridorov "Vostok-Zapad" v Kaspiiskom regione [Problems of development of international transport corridors "East — West" in the Caspian region], *Zhurnal frontirnyh issledovanii [Journal of Frontier Studies]*: 4: 169—185. DOI: 10.46539/jfs.v9i4.581 URL: https://jfs.today/index.php/jfs/article/view/581/430 (accessed: 12, January, 2025)). (In Russian).

Поступила в редакцию: 04.03.2025 Received: Mar 4, 2025
Принята к публикации: 30.06.2025 Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.62.32.026

Т.М. Мамахатов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОДОРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В КИТАЕ. ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация. Сегодня водород как источник энергии — это инновационный и наиболее экологичный вид топлива, имеющий огромный потенциал для использования в интересах достижения углеродной нейтральности в экономически передовых странах. Тематика перехода к устойчивой и ресурсосберегающей энергетике, а также разработка новых источников, методов передачи и хранения энергии становятся все более насущными в Китае. Это обусловлено постановкой амбициозных целей по сокращению выбросов и стремлением достичь углеродной нейтральности к 2060 г. Одним из наиболее многообещающих путей в этом направлении является развитие и использование низкоуглеродного водорода в качестве топлива. Такой водород открывает широкий спектр возможностей и является хорошим подспорьем в вопросе декарбонизации экономики и развития «зеленой» энергетики в стране.

Основной источник «зеленого» водорода — природный газ. Он является наиболее экологичным источником энергии из всех углеводородных ресурсов, что делает его очень привлекательным для внедрения. С его помощью государство сможет снизить темпы климатических изменений, а также адаптировать энергетическую инфраструктуру страны к современным требованиям. «Зеленый», или же низкоуглеродный, водород применяется во множестве различных сфер: электроэнергетика и транспорт, а также бытовое потребление и промышленность. С помощью внедрения водорода на производстве можно добиться значительных успехов в вопросе декарбонизации и производства, и транспорта. Таким образом, Китай на сегодня явля-

ется мировым лидером по производству и внедрению использования водородного топлива в промышленности и экономике страны, особенно в транспортном секторе, однако же он сталкивается с рядом препятствий и проблем на пути применения этого инновационного источника энергии.

Ключевые слова: Китай, БРИКС, энергетика, водородная энергетика, источники энергии, «зеленая» экономика, углеродная нейтральность.

Автор: *Мамахатов Тлеш Муратович*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0001-7212-6831.
E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 25-28-00554 «Развитие водородной энергетики в рамках БРИКС: национальная специфика и общие задачи».

Для цитирования: Мамахатов Т.М.. Современное состояние и перспективы развития водородной энергетики в Китае. Значение для мировой энергетики // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 396—406. DOI: 10.48647/ICCA.2025.62.32.026.

T.M. Mamakhatov

Current state and prospects of hydrogen energy development in China. Importance for global energy

Abstract. Hydrogen as an energy source is currently the most innovative and environmentally friendly type of fuel, with great potential for implementation within the framework of achieving carbon neutrality for economically advanced countries. The topic of transition to sustainable and resource-efficient energy, as well as the development of new sources, methods of energy transmission and storage are becoming increasingly urgent in China. This is due to the setting of ambitious emission reduction targets and the desire to achieve carbon neutrality by 2060. One of the most promising ways in this direction is the development and use of low-carbon hydrogen as a fuel and energy resource. Such hydrogen opens up a wide range of possibilities and is a good help in decarbonizing the economy and developing green energy in the country.

The main source of green hydrogen is natural gas, which is the most environmentally friendly energy source of all hydrocarbon resources, thereby making it very attractive for introduction into the Chinese economy. With its help, the state will be able to reduce the trends of climate change,

and will also be able to adapt the country's energy infrastructure to modern requirements. Green or low-carbon hydrogen is used in many different fields. Electric power industry and transport, as well as household consumption and industry. With the introduction of hydrogen in production, significant progress can be made in decarbonization of this key industry, as well as transport. Thus, China is currently a world leader in the production and use of hydrogen fuels in the country's industry and economy, especially in the transport sector, but it faces a number of obstacles and challenges to the successful use of this innovative energy source..

Keywords: China, BRICS, energy, hydrogen energy, energy sources, green economy, carbon neutrality.

Author: Tlesh M. MAMAKHATOV, Ph.D (Economics), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0001-7212-6831.
E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared with the support of the Russian National Science Foundation, project No. 25-28-00554 «Development of hydrogen energy within the framework of the BRICS: national specifics and common tasks».

For citation: Mamahatov T.M. (2025). Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya vodorodnoy energetiki v Kitaye. Znacheniye dlya mirovoy energetiki [Current state and prospects of hydrogen energy development in China], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 396—406. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.62.32.026.

Водородная промышленность на сегодня является наиболее передовой и инновационной отраслью, тесно связанной с «зеленой» экономикой и достижением углеродной нейтральности. Уже сейчас Китай является одним из крупнейших в мире производителей и потребителей водорода [Мамахатов, Маллах, с. 660]. Правительство КНР подготовило и приняло в работу среднесрочный и долгосрочный планы по развитию водородной отрасли на период 2021—2035 г.[1] Основная цель программы по достижению к 2025 г. производства «зелено-

[1] 氢能产业发展中长期规划 (2021–2035 年), Qīngnéng chanyè fāzhan zhōngchángqī guīhuà (2021—2035) [Medium and Long-term Plan for the Development of Hydrogen Energy Industry (2021—2035), Средне- и долгосрочный план развития водородной энергетики (2021—2035 гг.]. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202203/P020220323314396580505.pdf (дата обращения: 15 .03.2025).

го» водорода в рамках использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в объеме 100—200 тыс. т в год уже была достигнута. К 2025 г. показатели по производству 50 тыс. автомобилей на водородном топливе были успешно достигнуты: построены множество водородных заправочных станций, главным образом в городе Чанчунь. Чистый водород также получил свое применение в области хранения и производства электроэнергии, стал внедряться в работу промышленных отраслей, традиционно энергоемких.

Технологические аспекты

На сегодня водородная энергетика как источник топлива является наиболее перспективной отраслью, но при этом и технически более сложной в развитии. Водородное топливо при его сжигании выделяет только водяной пар, что делает его наиболее экологичным топливом по сравнению с другими. Однако далеко не все виды водородного топлива являются углеродно нейтральными. Среди них существуют разные виды водородов в зависимости от способа получения.

Одним из методов производства низкоуглеродного водорода стал электролиз, то есть расщепление посредством электрического тока молекул воды на кислород и водород. Если сравнить этот процесс с получением электричества из альтернативных источников энергии, как, например, солнечная энергия или ветряная, то водород, полученный электролизом, можно считать экологически чистым. Такой водород называется «зеленым» водородом и, к сожалению, сейчас его в Китае очень мало.

В Китае внедрение водородных технологий сталкивается с рядом серьезных вызовов. На сегодня в стране больше половины водородного топлива получается из ископаемых ресурсов, тем самым ставя под вопрос экологичность данного источника энергии. Основная часть водородного топлива, добытого таким путем, называется «серый» водород и получается из природного газа. Но наиболее распространенным в Китае и самым дешевым по стоимости получения является «бурый» водород. Этот водород, произведенный из угля и соответственно наиболее вредный для окружающей среды. В Китае такой водород составляет около 60 % от всего топлива, в то время как на серый водород приходится около 25 %. Для получения серого водорода метан перерабатывают вместе с водяным паром методом паровой конверсии, образуя углекислый газ. Доля серого водорода в энергетике Китая по-прежнему велика из-за дешевизны его производства [Юдин Д.А., Овчинников А.М., с. 8].

Помимо технических сложностей в производстве, существуют серьезные вопросы, связанные с хранением и транспортировкой водородного топлива. Водород — высокореактивный газ, способный вызывать коррозию металлических материалов, что увеличивает риск аварий и взрывов в хранилищах. Создание и поддержка инфраструктуры для обращения с водородом — дорогостоящий и сложный процесс, доступный лишь ограниченному числу экономик, к числу которых относится и Китай благодаря своим масштабным инвестиционным ресурсам на научно-технические цели.

В марте 2022 г. Китайская национальная комиссия по развитию и реформам совместно с Национальным энергетическим управлением представила средне- и долгосрочные планы развития водородной энергетики на период с 2021 по 2035 г. Этот документ официально вводит технологии водорода в национальную энергетическую стратегию, открывая новую веху в совершенствование отрасли. Центральное правительство установило ряд обязательств в рамках Парижского соглашения, известных как «двойные углеродные цели», которые направлены на сокращение климатических изменений с учетом специфики страны[1].

В рамках этих целей к 2030 г. предусмотрено уменьшение выбросов углекислого газа на 65 % на единицу ВВП по сравнению с 2005 г., включая достижение пиковых значений парниковых газов. Также в структуре энергопотребления планируется довести долю энергии из невозобновляемых источников минимально до 80 % к 2060 г., что приведет к достижению углеродной нейтральности [Хубаева А.О., Соловова Ю.В., с. 17].

Китайский Альянс водородной энергетики разработал документ «Стандарт и оценка низкоуглеродного, чистого и возобновляемого водорода» (T/CAB 0078—2020), призванный содействовать развитию водородной сферы и реализации национальных задач в области климата. Этот стандарт базируется на учете потенциала производства и потребления как конечного, так и промежуточного водорода в нефтехимии, химической и коксохимической промышленности.

Классификация водорода проводится по уровню углеродного следа:

Серый водород: от 14,51 до 29,02 кг CO_2-экв./кг H_2;

Низкоуглеродный водород: от 4,90 до 14,51 кг CO_2-экв./кг H_2;

Чистый водород: менее 4,90 кг CO_2-экв./кг H_2.

[1] Guide to Chinese climate policy 2022. URL: https://chineseclimatepolicy.oxfordenergy.org/wp-content/uploads/2022/11/Guide-to-Chinese-Climate-Policy-2022.pdf (accessed: 15.03.2025).

Методика оценки углеродного следа соответствует директивам Европейской комиссии, в том числе статье 25(2) и приложению V к Директиве (ЕС) 2018/2001. Порог в 29,02 кг CO_2-экв./кг H_2 соответствует водороду, получаемому из угля через газификацию, а низкоуглеродный водород достигается благодаря технологиям улавливания углерода. Водород, произведенный из возобновляемых источников с минимальным углеродным следом, относится к категории «зеленого», хотя доля таких ресурсов пока точно не определена[1].

Согласно оценкам Китайского Альянса водородной энергетики, чтобы обеспечить углеродную нейтральность к 2060 г., ежегодный спрос на водород в стране увеличится с 37,15 млн т в 2030 г. и до возможных 130 млн т к 2060 г. При этом доля «зеленого» водорода возрастет до 15 % в 2030 г. и далее — до 75 % в общем объеме водородного спроса к 2060 г.[2]

Перспективы развития использования водородного топлива в общественном транспорте Китая

В рамках стремления к декарбонизации городского транспорта, Китай активно внедряет водородные технологии, ориентируясь на таксомоторный парк и общественный транспорт. Данная инициатива является частью национальной стратегии достижения углеродной нейтральности к 2060 году и предполагает развитие инфраструктуры для заправки водородным топливом. Эффективное использование водорода обеспечивает сокращение выбросов и увеличение запаса хода, что критически важно для коммерческого транспорта, функционирующего в городских условиях.

Текущая ситуация и водородные пилотные программы

Пилотные проекты по внедрению водородного топлива стартовали в 2022 г. В провинциях Аньхой и Цзилинь реализуются проекты по строительству водородных заправочных станций и производству водорода из возобновляемых источников энергии. В 2024 г. в Цзилине запущен проект, ориентированный на производство «зеленого» водо-

[1] Нормативное регулирование оценки углеродного следа при производстве водорода. URL: https://energypolicy.ru/normativnoe-regulirovanie-oczenki-uglerodnogo-sleda-pri-proizvodstve-vodoroda/energoperehod/2024/14/06 (дата обращения: 15.03.2025).

[2] Мировой лидер в производстве водорода // ЦДУ ТЭК. 15.04.2024. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/8/1230 (дата обращения: 15.03.2025).

рода для использования в такси и общественном транспорте. Водородные автобусы успешно прошли испытания во время зимних Олимпийских игр в Пекине, продемонстрировав экологическую эффективность и устойчивость технологии [Халова Г.О., Юдин Д.А.., с. 45].

Поддержка правительства и вызовы на пути к внедрению

Несмотря на государственную поддержку, широкое внедрение водородных технологий сталкивается с экономическими и логистическими трудностями. Высокая стоимость водородного топлива, а также капиталоемкость производства и транспортировки сдерживают рост потребления. Создание разветвленной сети заправочных станций требует дальнейших значительных инвестиций.

Правительство Китая привлекает частные инвестиции и технологические компании для решения соответствующих задач. Компании *Geely, BYD* и *SAIC* разрабатывают автомобили на водородном топливе, планируя их массовое производство в ближайшие годы.

Китай действительно достиг впечатляющих результатов в сфере электромобильного транспорта, что демонстрирует его стремление к экологически чистым технологиям. Китай подписал Декларацию на 26-й Конференции РКИК ООН (COP26), подчеркивающую важность перехода на электрифицированный транспорт. Цель — достигнуть 20 % новых электромобилей к 2025 г. и 40 % к 2030 г. в общем автопарке страны.

Эти амбициозные цели были достигнуты досрочно. Китай не только увеличил долю электромобилей в общем автопарке страны, но и превзошел собственные ожидания.

Так, в 2023 г. Китай стал лидером по продажам электромобилей в мире, изготовив более 8 млн новых электромобилей.

Продажи электромобилей в Китае составляют 60 % от всех продаж электромобилей в мире. Это свидетельствует о несомненном доминировании Китая в данной области.

Успехи Китая в производстве электромобилей прямо способствуют развитию инфраструктуры, улучшению технологий и снижению цен на электроавтомобили, что открывает новые горизонты для развития устойчивого транспорта[1]. В результате, в июле 2024 г. на долю электрокаров и гибридных автомобилей уже приходилось больше половины от всего числа проданных в Китае машин.

[1] EVs, Hybrids Set to Exceed 50 % of China Car Sales for First Time. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-08-07/evs-hybrids-set-to-exceed-50-of-china-car-sales-for-first-time (accessed: 15.03.2025).

Водородный транспорт: экологические и экономические выгоды

Внедрение транспортных средств на водородном топливе оказывает значительное положительное воздействие на окружающую среду. В отличие от автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, использующих бензин или дизельное топливо, водородные топливные элементы генерируют в качестве побочного продукта только водяной пар, исключая выбросы диоксида углерода (CO_2)[1].

Применение водородных технологий особенно актуально для густонаселенных городских агломераций КНР, таких как Пекин и Шанхай, где критически высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха обуславливает необходимость срочных мер по его очистке[2]. Для Китая, как крупнейшего мирового потребителя энергии и эмитента парниковых газов, переход на водородный транспорт является стратегическим шагом, направленным на улучшение общественного здоровья и сокращение совокупного углеродного следа.

Несмотря на существующие технологические и экономические сложности, Китай демонстрирует устойчивое стремление к широкомасштабному внедрению водородного топлива. Специалисты полагают, что развитие производственной и распределительной инфраструктуры, а также оптимизация процессов получения водорода, позволят существенно снизить его стоимость и обеспечить доступность для конечных потребителей[3]. В частности, водородный транспорт рассматривается как перспективное направление, соответствующее глобальной тенденции к экологической устойчивости, и Китай, благодаря своим масштабным государственным программам, имеет потенциал занять лидирующие позиции в данной области.

Таким образом, эксплуатация водородных такси и автобусов в крупнейших городах Китая способна не только смягчить остроту природоохранных задач, но и открыть новые горизонты в развитии экологически чистых транспортных технологий, оказывая благоприятное воздействие на мировую транспортную индустрию.

---

[1] IEA (International Energy Agency). (2019). The Future of Hydrogen. Paris. (accessed: 15.03.2025).

[2] World Health Organization. (2018). Ambient air pollution: A global assessment of exposure and burden of disease. Geneva (accessed: 15.03.2025).

[3] BP. (2020). Statistical Review of World Energy 2020 (accessed: 15.03.2025).

Проблемы отрасли

Как уже отмечалось, главная проблема заключается в высокой капиталоемкости внедрения данной технологии в промышленности и на транспорте, однако соответствующие проекты в Китае уже успешно реализуются, несмотря на то, что необходимость задействования высоких технологий и инновационных передовых материалов для получения, хранения, транспортировки и использования водорода усложняет задачу реализации поставленных задач.

Еще следует упомянуть высокую степень зависимости экономики Китая от угля. Обладая собственными огромными ресурсами угля, а также массированно импортируя его со всего мира и являясь лидером по валовому потреблению угля, Китаю очень сложно перестроить свой ТЭК в сторону получения водорода больше из природного газа, чем из дешевого угля. Для достижения углеродной нейтральности Китай увеличивает поставки природного газа от своих ключевых партеров — Туркменистана, Катара, России.

Заключение и выводы

К 2030 г. КНР поставил задачи сформировать эффективную промышленную структуру и широко использовать возобновляемые источники энергии в целях производства водородного топлива, создав основу для достижения к указанному году пика выбросов углерода, с последующим их снижением. К 2035 г. ожидается значительное увеличение доли водорода, полученного из возобновляемых источников, в конечном энергопотреблении страны, что внесет большой вклад в развитие «зеленой» энергетики Китая[1].

Стремясь к массовому применению водорода, Китай сталкивается с ключевой проблемой: необходимостью снижения стоимости водородного транспорта в интересах повышения его конкурентоспособности. В этом направлении уже наблюдаются значительные успехи. Так, за период 2020—2024 гг. китайским инженерам удалось увеличить расчетный срок службы водородных топливных элементов с 10 тыс. до 20 тыс. часов, одновременно сократив их стоимость на 50 %[2].

---

[1] National Development and Reform Commission, 2022. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://en.ndrc.gov.cn/policies/202303/P020250508625941776479.pdf (accessed: 15.03.2025).

[2] Hydrogen Industry Development Plan (2021—2035) — Policies — IEA. URL: https://www.iea.org/policies/16977-hydrogen-industry-development-plan-2021-2035 (accessed: 15.03.2025).

Одним из важнейших вопросов остается снижение расходов на производство самого водорода. Здесь на первый план выходит необходимость совершенствования технологий, ответственных за создание водородного топлива. В настоящий момент в экономическом плане наиболее востребованным остается производство «серого водорода» (из угля и газа), однако этот процесс полон недостатков, включая выброс в атмосферу углекислого газа. Это не благоприятствует достижению желаемых показателей углеродной нейтральности в стране.

Наиболее актуальным и экологичным считается так называемый зеленый водород, производимый путем электролиза воды энергией, полученной на гидроэлектростанциях, солнечных и ветровых установках. Пока такое производство оценивается как экономически дорогостоящее и потому — нецелесообразное.

Как отмечают эксперты из *China International Capital Corp.,* технология получения «зеленого» водорода сталкивается с проблемами ее окупаемости. Так, например, для достижения рентабельности такого водородного производства в Китае необходимо снизить стоимость энергии ветряных и солнечных установок на треть, поскольку стоимость «зеленого» водорода на 70 % складывается из затрат на электроэнергию.

По прогнозам аналитиков, таких показателей по ветряной энергии можно будет добиться только к 2030 г., а по солнечной энергии— к 2040 г. Именно тогда вероятен всплеск интереса к «зеленому» водородному транспорту, который, по мнению специалистов, займет важное место в кластере тяжелого транспорта, используемого для перевозок на расстояния свыше 200 км. В случае коротких маршрутов и легковых автомобилей предпочтение, как и прежде, будет отдано электрическим машинам.

С помощью использования водорода Китай стремится достичь углеродной нейтральности, к которой планирует прийти к 2060 г. Водородный транспорт является одним из самых экологически чистых решений, поскольку его выхлоп состоит из обычной воды.

Также важным обстоятельством является повышение благодаря использованию водородных мощностей уровня национальной энергетической безопасности и сокращение зависимости от импорта энергоресурсов.

В настоящее время Китай импортирует около 70 % потребляемой в стране нефти, причем 70 % этих поставок проходит через Малаккский пролив и далее — через Южно-Китайское море с их сложной обстановкой в сфере безопасности, усугубляемой действиями США и их союзников. Все это является фактором уязвимости для Китая. Снижение зависимости транспортной системы КНР от ископаемого топ-

лива за счет увеличения доли новых источников энергии в структуре энергопотребления существенно повысит уровень энергетической безопасности Китая.

Библиографический список

Мамахатов, Т.М., Маллах, Дж.М.. Роль стран ШОС в обеспечении энергетической безопасности Китая // Экономический журнал РУДН. 2021. Т. 29. № 4. С. 653—663.

Халова Г.О., Юдин Д.А. Обзор зарубежных водородных стратегий // Научно-экономический журнал «Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом». 2022. № 11—215. С. 43—47.

Хубаева А. О., Соловова Ю. В. Устойчивое развитие национальных нефтегазовых компаний Китая в условиях глобального энергетического перехода // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 1. С. 64—84. DOI: https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/64-84

Юдин Д. А., Овчинников А. М. Государственная политика Китая в области водородной энергетики // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С 46—50. DOI: 10.24412/2307-180X-2023-4-46-50.

References

Halova, G.O.; Yudin, D.A. (2022). Obzor zarubezhnyh vodorodnyh strategij [Review of foreign hydrogen strategies], *Nauchno-ekonomicheskij zhurnal «Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom» [Problems of Economics and Management of the Oil and gas complex]:* 11:11—215: 43—47. (In Russian).

Hubaeva, A.O.; Solovova, Yu.V. (2022). Ustojchivoe razvitie nacional'nyh neftegazovyh kompanij Kitaya v usloviyah global'nogo energeticheskogo perekhoda [Sustainable development of China's national oil and gas companies in the context of the global Energy Transition], *Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. [Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law]*: 1: 64—84. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/64-84

Mamakhatov, T.M.; Mallah, J.M. (2021). Rol' stran ShOS v obespechenii energeticheskoj bezopasnosti Kitaya [The role of the SCO countries in ensuring China's energy security], *Ekonomicheskij zhurnal RUDN* [*RUDN Economic Journal]*: 29: 4: 653—663. (In Russian).

Yudin, D.A.; Ovchinnikov, A.M. (2023). Gosudarstvennaya politika Kitaya v oblasti vodorodnoj energetiki [China's State policy in the field of hydrogen energy], *Innovacii i investicii. [Innovation and Investment]*: 4: 46—50. (In Russian). DOI: 10.24412/2307-180X-2023-4-46-50.

Поступила в редакцию: 14.05.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: May 14, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.48647/ICCA.2025.85.76.027

А.Ф. Клименко

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СССР, КИТАЯ И КОРЕИ В ХОДЕ МАНЬЧЖУРСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1945 ГОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с оккупацией милитаристской Японией Северо-Восточного Китая и Корейского полуострова. Характеризуются проблемы геноцида местного населения со стороны японских властей, пытавшихся насильственно ассимилировать его и/или лишить родного языка.

Показано дружеское отношение к местному населению, проявленное советскими войсками при освобождении захваченных Японией территорий в ходе проведения Манчьжурской наступательной операции, а также факты оказания помощи китайскому и корейскому народам в воссоздании органов местного управления на освобожденной от японской оккупации территории.

С другой стороны, освещены вопросы отношения местного населения к советским воинам, а также его добровольного содействия и оказания всяческой помощи соединениям и частям Красной Армии при освобождении ими Северо-Восточного Китая и Корейского полуострова от японских оккупантов.

Автор обращает внимание на то, что многие из входивших в состав Квантунской группировки соединений и частей созданного японцами марионеточного государства Маньчжоу-Го не только добровольно сдавались в плен, но и изъявляли готовность содействовать

Красной Армии в освобождении своей родины от японских захватчиков.

Заложенные в тяжелые годы военных испытаний дружеские взаимоотношения народов Советского Союза, Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики заложили прочную основу для будущих союзнических отношений. Память об этом они пронесли через годы испытаний в непростые времена холодной войны и возобновили их в форме «всеобъемлющего стратегического партнерства» после дезинтеграции Союза Советских Социалистических Республик и образования Российской Федерации.

Цель работы в год 80-летнего юбилея Победы Советского Союза над милитаристской Японией заключается в восстановлении в памяти наших народов исторического опыта, полученного нашими государствами в этот сложный период, для его использования в новых условиях коренных преобразований в мире и строительства нового миропорядка. Это и обусловливает актуальность настоящей статьи.

Ключевые слова: японский милитаризм, японская оккупация Китая, Северо-Восточный Китай, Корейский полуостров, Маньчжурская стратегическая наступательная операция, освобождение, всеобъемлющее стратегическое партнерство.

Автор: *Клименко Анатолий Филиппович*, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-4925-6229.
E-mail: klimenko46@mai.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Для цитирования: Клименко А.Ф. Некоторые вопросы сотрудничества СССР, Китая и Кореи в ходе Маньчжурской наступательной операции 1945 года: история и современность // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 407—423. DOI: 10.48647/ICCA.2025.85.76.027.

A.F. Klimenko

Some issues of cooperation between the USSR, China and Korea during the the Manchurian offensive of 1945: history and modernity

Abstract. The article highlights issues related to the occupation of Northeastern China and the Korean Peninsula by militaristic Japan. The issues related to the genocide of the local population by the Japanese aut-

horities, their attempts to forcibly assimilate and/or eradicate their native language are touched upon.

It shows the friendly attitude towards the local population shown by the Soviet troops during the liberation of the territories occupied by Japan during the Manchurian offensive operation, as well as assistance to the Chinese and Korean peoples in restoring local government in the territory liberated from Japanese occupation.

The issues of the attitude of the local population towards the Soviet soldiers, as well as their voluntary assistance and provision of all possible assistance to the formations and units of the Red Army during their liberation of Northeastern China and the Korean Peninsula from the Japanese occupiers were touched upon.

The author draws attention to the fact that many of the formations and units of the Japanese-created puppet state of Manchukuo that were part of the Kwantung group not only voluntarily surrendered, but also expressed their willingness to assist the Red Army in liberating their homeland from the Japanese invaders.

The friendly relations between the peoples of the Soviet Union, the People's Republic of China and the Democratic People's Republic of Korea, laid down during the difficult years of military trials, laid a solid foundation for future allied relations. They carried the memory of this through the years of trials during the difficult times of the Cold War and resumed them in the form of a "comprehensive strategic partnership" after the disintegration of the Union of Soviet Socialist Republics and the formation of the Russian Federation.

The purpose of the work in the year of the 80th anniversary of the Victory of the Soviet Union over militaristic Japan is to revive in the memory of our peoples the historical experience gained by our states during this difficult period, for its use in the new conditions of fundamental transformation in the world and the construction of a new world order. This determines the relevance of this article.

Keywords: Japanese militarism, Japanese occupation of China, Northeast China, Korean Peninsula, Manchurian strategic offensive operation, liberation, comprehensive strategic partnership.

Author: Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D (Military Sciences), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4925-6229.
E-mail: klimenko46@mai.ru

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment

of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Klimenko A.F. (2025). Nekotorye voprosy sotrudnichestva SSSR, Kitaya i Korei v hode Man'chzhurskoj nastupatel'noj operacii 1945 goda: istoriya i sovremennost' [Some issues of cooperation between the USSR, China and Korea during the the Manchurian offensive of 1945: history and modernity] // *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 407—423. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.85.76.027.

Введение

В начале сентября 2025 г. народы Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики отметили знаменательную дату — 80-летие Победы над милитаристской Японией и освобождения оккупированных ею Северо-Восточного Китая и Корейского полуострова. На этом фоне на международной арене продолжается нарастание негативных процессов, несущих угрозу безопасности России, а также мирному существованию и развитию других государств Северо-Восточной Азии (СВА) и всего Индо-Тихоокеанского региона (ИТР).

Северо-Атлантический альянс, наряду с активным участием в российско-украинском конфликте на стороне неофашистского режима В. Зеленского, по инициативе США продолжает экспансию в ИТР. Япония оказывает активное содействие англо-саксонским странам, своим бывшим противникам. Вопреки взятым на себя обязательствам по Портсмутскому договору, это государство вновь идет по пути милитаризации. При этом нельзя не упомянуть, что Японию в этом поощряют США, бывший союзник СССР во Второй мировой войне, а ныне «непримиримый соперник» его преемницы — России.

Не без влияния Вашингтона «летом 2014 года кабинет премьера Синдзо Абэ принял резолюцию с новым юридическим толкованием конституции Японии. В соответствии с этой резолюцией Силы самообороны этого государства (фактически трансформировавшиеся в полноценную армию) теперь могут использоваться за пределами японской территории для защиты союзников от нападения общего врага»[1]. Естественно, возникает вопрос: кто же этот враг?

[1] Япония готова воевать // Газета RU. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/07/02_a_6094733.shtml (дата обращения 16.05.2025).

Ответ на данный вопрос можно найти, анализируя «итоги состоявшегося 18-го августа 2023 года в Кэмп-Дэвиде (США) трехстороннего саммита США, Японии и Южной Кореи. На саммите впервые в истории общими усилиями был принят внушительный пакет документов. Главными из них эксперты называют «Принципы Кэмп-Дэвида», «Дух Кэмп-Дэвида» и обязательства по проведению консультаций»[1].

Вновь созданный трехсторонний альянс США—Япония—Южная Корея совместно с AUKUS и QWAD замыкает цепь альянсов вокруг России, Китая и Северной Кореи. С другой стороны, Вашингтону удалось привязать к своей антикитайской политике Токио и Сеул, которые не желали портить отношения с Пекином. Этим самым США институционализировали военную структуру, нацеленную на противоборство с Россией, Китаем и Северной Кореей[2]. Одновременно Вашингтон сделал решительный шаг к созданию подконтрольной себе глобальной структуры военно-политических альянсов по периметру этих трех государств.

Следует оговориться, что Республика Корея в новоиспеченном альянсе является более слабым звеном, в сравнении с Японией, которая, оправдывая доверие США, продолжает наращивать усилия по милитаризации страны. Так, «японский парламент и правительство в 2024 году одобрили увеличение расходов на оборону на 16,5 % (7,94 трлн иен (53,8 млрд долл.))»[3]. За десятый бюджетный год это рекордный показатель для национальной обороны страны.

Рост военных расходов Японии оправдывается нерешенными территориальными спорами с Китаем относительно статуса островов в Восточно-Китайском море и с Россией из-за принадлежности четырех островов курильской гряды. Кроме того, среди основных угроз Токио рассматривает оборонную деятельность Китая и Северной Кореи.

Что характерно, в принятой в 2022 г. новой военной доктрине Японии «впервые предусматривается право на превентивный удар»[4].

---

[1] Воронцов А. Реинкарнация треугольника США—Япония—Южная Корея. 23.08.2023. URL: https://ru.valdaiclub.com/reincarnatsia-treugolnica/ (дата обращения: 10.01.2025).

[2] Там же.

[3] В Японии утвердили бюджет на 2024 год. 28.03.2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/20381591 (дата обращения: 14.01.2025).

[4] Военные доктрины стран Азии на примере Китая, Тайваня, Японии и стран Корейского полуострова. 04.10.2023. URL: https://irsepi.ru/voennye-doktriny-stran-azii-na-primere-kitaya-tajvanya-yaponii-i-stran-korejskogo-poluostrova/?ysclid=m5ns53a7h3765664530 (дата обращения: 14.01.2025).

По мнению Токио, это решение вызвано тем, что «с учетом российского опыта проведения СВО, Китай может начать реализацию силового варианта решения тайваньского вопроса. Тем более, что успехи Пекина и Пхеньяна в создании ракетного и гиперзвукового вооружения обесценивают японскую систему ПРО, которая уже в меньшей степени может обеспечить защиту государства». Поэтому Япония закупает американские ракеты «томагавк», позволяющие наносить удары по территории КНР и КНДР. В планах Токио — приобретение новейших многоцелевых самолетов F-35, стратегических беспилотников, патрульных транспортных средств и другой военной техники. К 2030 г. планируется разработка и постановка на боевое дежурство гиперзвукового оружия собственного производства»[1].

Все это обязывает нас, ученых, в год 80-летнего юбилея со дня разгрома милитаристской Японии освежить в памяти события Второй мировой войны, в которой Япония, будучи союзником фашистской Германии, проводила захватническую политику в отношении территорий соседних с ней стран. «Лживые измышления со стороны западных государств об истории Второй мировой войны ставят российское общество, по мнению президента России В.В. Путина, перед испытанием на зрелость и единство, на прочность «наших исторических традиций и связи поколений»[2]. Поэтому обращение к теме, поднятой в предлагаемой вниманию читателя статье, также представляется актуальным.

Сотрудничество СССР, Китая и Кореи в ходе Маньчжурской наступательной операции 1945 года. Освобождение Манчжурии.

Как известно, важную роль в поражении милитаристской Японии в конце Второй мировой войны сыграл Советский Союз, который в конце августа 1945 г. принес свободу народам Китая и Северной Кореи, разгромив в ходе проведения Маньчжурской наступательной операции (рис. 1) основной контингент сухопутных сил японского агрессора.

Цели вступления Советского Союза в войну с Японией определялись решениями, принятыми в 1943 г. на тегеранской конференции

[1] Там же.

[2] Вести Ru: Путин: Цель наглой лжи о войне — подточить силу России. Из речи на заседании организационного комитета Победа 17 марта 2015 г. URL: http://www.vesti.ru/doc.html ?id=2432296&cid=7 (дата обращения: 14.01.2025).

Рис. 1. Маньчжурская наступательная операция Красной Армии (9 августа — 2 сентября 1945 г.).
Источник: URL: https://dzen.ru/a/ZPI0FAm7BXTGN4GQ

главами СССР, США и Великобритании — И.В. Сталиным, Ф.Д. Рузвельтом, У. Черчиллем и заключались: «во-первых, в выполнении союзнических обязательств; во-вторых, в приближении завершения Второй мировой войны; в-третьих, в обеспечении безопасности границ советского Дальнего Востока от постоянной угрозы и, наконец, в оказании помощи Китаю и Корее в освобождении от японской оккупации» [Алепко А.В., 3—12].

Япония, после захвата Северо-Восточного Китая, «создала на его территории квазигосударство Маньчжоу-Го, население которого подверглось с ее стороны насильственной ассимиляции и жестокой эксплуатации. Жители Маньчжурии должны были называть себя гражданами Маньчжоу-Го, а не китайцами. Японские власти крайне жестоко обращались с ними, подвергая арестам за малейшие провинности. Часть арестованных использовалась в качестве подопытного материала в 5-ти лабораториях японского секретного бактериологического отряда № 731» [Бойко В.Р., с. 272—105]. Из них около 10 тыс. человек (в том числе более 70 % китайцы, а около 30 % — русские) погибло. Японские колонизаторы «безжалостно грабили китайское население, оставляя его без продуктов и одежды» [Бойко В.Р., с. 201].

Униженное за годы оккупации население Маньчжурии на фоне дружелюбного отношения к себе советских солдат увидело в них не завоевателей, а освободителей. Командующий 1-й Краснознаменной армии генерал-полковник А.П. Белобородов писал в своих мемуарах,

что «встречи наших воинов с китайским населением выливались в волнующие манифестации искренней дружбы двух народов... Как только появлялись подразделения советских войск, было видно, что нас ждали, на нас надеялись все эти годы японской оккупации. Словно вся страна, все ее население, вздохнули разом с облегчением и радостью» [Белобородов А.П., с. 169—45]. Бывший член военного совета 39-й армии генерал В.Р. Бойко также отмечал в своих воспоминаниях: «Китайское население помогало нам во всем. Охотно выполнялись наши просьбы по ремонту дорог, мостов, а затем и по охране их» [Бойко В.Р., с. 272—104].

Неудивительно, что многие китайцы и корейцы настойчиво просили командиров советских частей и соединений дать им оружие, чтобы вместе сражаться против японских захватчиков. Кстати, не во всех исторических источниках приводятся такие факты, как готовность регулярных войск марионеточного государства Маньчжоу-Го тем или иным способом содействовать Советской армии в освобождении территории Маньчжурии. Например, «7-я пехотная бригада армии этого квазигосударства 18 августа 1945 года добровольно сдалась в плен войскам Забайкальского фронта; 1-я маньчжурская дивизия во главе с командиром полковником Ли Чэн-цзяном встретила со знаменем подходившую к населенному пункту войсковую часть Советской Армии» [ЦАМО, ф. 32]. А 12 августа 1945 г. командир 94-го стрелкового корпуса Забайкальского фронта генерал И.И. Попов получил письмо от командующего 10-м военным округом армии Маньчжоу-Го генерала Чжоу Линя. В письме говорилось: «В 6 часов утра 11 августа я услышал, что войска, вверенные Вам, вступили в местечко Улап-Дарган. А потому спешу доложить Вам о своем желании со всеми моими силами вступить под Ваше высокое покровительство» [ЦАМО, ф. 394].

Вся Маньчжурия с населением свыше 40 млн человек к концу августа 1945 г. была освобождена от японских захватчиков. Советские войска оставались на ее территории до мая 1946 г. Их присутствие способствовало укреплению китайских вооруженных сил, находившихся под контролем Коммунистической партии Китая. За первые два месяца пребывания советских войск на маньчжурской территории КПК смогла провести работу по реорганизации китайских ВС.

В октябре 1945 г. в связи с массовым притоком китайских добровольцев «командованию 8-й армии Хэбэй-Жэхэ-Ляонинского округа удалось преобразовать партизанские полки в регулярные части. К 23-му ноября вооруженные силы Компартии Китая в Маньчжурии насчитывали уже 195 тыс. человек» [ЦАМО, ф. 210]. На поддержку

этих войск «Центральным Комитетом КПК были направлены соединения 8-й национально-революционной армии и Новой 4-й армии Народно-освободительной армии Китая. На базе всех этих формирований в январе 1946 г. и была образована Объединенная демократическая армия в Маньчжурии численностью до 300 тыс. чел., а также созданы корпус охраны мира и полиция» [(FRUS). — 1946].

По настоятельной просьбе руководства Компартии Китая, СССР оказал значительную помощь в оснащении вооруженных сил КПК в Маньчжурии оружием и боевой техникой. «Советское командование передало руководимым ею войскам вооружение и материальные запасы бывшей Квантунской группировки японской армии. В их числе были корабли Сунгарийской военной флотилии, 861 самолет, 600 танков, 1,2 тыс. пулеметов, сотни тысяч единиц стрелкового оружия, боеприпасов и другого военного имущества. Это дало возможность руководству КПК и Военно-революционного комитета перевооружить, а также оснастить вновь сформированные части и соединения НОАК. Несколько позже китайским вооруженным силам была передана и часть советского оружия» [Алепко А.В., с. 10—12].

Таким образом было предотвращено вторжение в Северо-Восточный Китай американских и гоминьдановских войск и создана Маньчжурская военно-революционная база Компартии Китая. Китайский народ благодарен народам Советского Союза и Красной Армии, освободившим Маньчжурию.

Конечно, при этом нельзя забывать и о героической борьбе китайских революционеров, внесших свой вклад в освобождении Родины. Но победа Компартии Китая обошлась бы слишком дорого китайскому народу, «если бы СССР в этот период не вел дипломатической борьбы в его интересах *(интересах Китая. — Прим. автора),* используя свой авторитет, политическое и военное влияние, особенно в условиях первоначальных неудач в ходе гражданской войны неокрепшей Народно-освободительной Армии Китая. Этими действиями Советского Союза было сорвано прямое вмешательство США во внутренние дела Китая. Необходимо отметить и тот факт, что в 1945—1949 гг. Советский Союз эффективно использовал на благо китайской революции быстрый захват и свое присутствие в военно-морской базе Порт-Артур и на Китайско-Чанчуньской железной дороге» [Алепко А.В., с. 10].

Давая оценку освободительной миссии Советской армии, в 1946 г. видный общественный и политический деятель Китая, один из руководителей партизанского движения в Маньчжурии Ли Чжаолинь отмечал, что «без разгрома советскими войсками японской Квантун-

ской армии и оказанной помощи вооружением и боеприпасами неизвестно сколько бы времени пришлось китайскому народу находится под гнетом Японии» (цит. по [Рахманин О.Б., с. 3—18]). В связи с этим Мао Цзэдун в своей работе «Обстановка после победы в войне сопротивления и наш курс» писал: «...Красная Армия пришла на помощь китайскому народу в изгнании агрессора. Это небывалое в истории Китая событие...» (цит. по [Мао Цзэдун, с. 20]).

Освобождение Корейского полуострова от японской оккупации

Как известно, с 1910 г. Корея была частью Японской Империи. С середины 1930-х годов Япония, как и в случае с Китаем, «проводила политику насильственной ассимиляции ее [Кореи] населения. Создавалась жесткая военно-полицейская система насилия и угнетения. Колонизаторы захватывали плодородные земли, целенаправленно уничтожали корейские язык и культуру, внедрялась японская религия синто» [1].

После вступления СССР в войну против Японии «в результате Харбино-Гиринской наступательной операции к 15 августа 1945 года Красная армия при поддержке корейского национально-освободительного движения заняла северную часть Корейского полуострова. 15 августа японский император объявил по радио о прекращении сопротивления»[2].

Локальные боевые действия на Корейском полуострове продолжались еще некоторое время. К концу августа разоружение японских войск в северных районах Кореи было завершено. «Части 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта под командованием генерал-полковника И. Чистякова вышли к 38-й параллели, служившей, по согласованию между союзниками, временной разграничительной линией между зонами ответственности вооруженных сил СССР и США. Американские же войска высадились в южнокорейском Инчхоне только 8 сентября после подписания акта о капитуляции Японии»[3]. Таким

[1] Японская империя. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Японская_империя (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Сегодня этот день является государственным праздником и в КНДР, и в Республике Корее.

[3] Советские войска освободили Северную Корею от японской оккупации. URL: https://rus.team/events/amerikanskij-desant-vysadilsya-v-yuzhnoj-koree (дата обращения: 20.01.2025).

образом, южная часть Корейского полуострова оказалась под контролем американских войск. В тот же день, 8 сентября 1945 г., на подконтрольной США части Кореи начинает действовать Американское военное правительство в Корее. В дальнейшем все это привело к разделению Кореи на Северную и Южную, хотя большинство жителей полуострова выступали за единое государство.

Тем временем на освобожденных Красной Армией территориях было создано Управление советской гражданской администрации во главе с генерал-майором Андреем Романенко, главной задачей которого стало содействие постепенно создававшимся народным комитетам — новым местным органам власти. Во второй половине сентября в Корею прибыл назначенный помощником советского коменданта Пхеньяна Ким Ир Сен. «Он вернулся в Корею в звании капитана РККА, награжденного Орденом Красного Знамени как «активный участник партизанского движения в Маньчжурии по борьбе с японскими оккупантами с 1931 по 1940 годы»[1]. 14 октября 1945 года он впервые выступил на митинге в Пхеньяне. Командарм Чистяков представил его как «национального героя и знаменитого партизанского вождя»[2], который со своим отрядом вел борьбу против японцев в Маньчжурии. В декабре 1945 г. Ким Ир Сен был назначен председателем Северокорейского оргбюро Компартии Кореи[3].

В декабре 1945 г. Советский Союз организовал и провел конференцию министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, по результатам которой был создан Временный народный Комитет Северной Кореи, который в феврале 1946 г. возглавил Ким Ир Сен.

9 сентября 1948 г. в северной части Корейского полуострова было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики. Ким Ир Сен возглавил ее правительство. «12 октября 1948 года Советский Союз установил дипломатические отношения с КНДР. А 26 декабря 1948 года был завершен вывод советских войск с территории КНДР. Таким образом, Советская администрация способствовала приходу к власти Компартии Кореи во главе с Ким Ир Сеном, в то время как американцы в своей зоне покровительствовали

[1] Ким Ир Сен. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ким_Ир_Сен (дата обращения: 20.03.2025).

[2] Там же.

[3] Из жизни великого руководителя, товарища Ким Ир Сена. URL:https://vk.com/wall-27989623_259932 (дата обращения: 10.06.2025).

«отцу корейского народа» Ли Сын Ману и продвигали идею демократического строительства на капиталистической основе»[1].

25 июня 1950 г. противостояние двух Корей вылилось в кровопролитную войну, длившуюся три года и унесшую полтора миллиона жизней. США открыто выступили на стороне Южной Кореи, а СССР и Китай оказывали всестороннюю помощь Северной Корее. Ход боевых действий отличался кардинальными и неожиданными поворотами и чрезвычайным напряжением. Сначала Корейская Народная армия взяла Сеул, затем американские войска отбили назад столицу южан и захватили Пхеньян. После вступления в войну Китая удалось восстановить статус-кво.

Многочисленные попытки наступления с обеих сторон в последующие годы не принесли существенных результатов. «Неоценимую помощь Северной Корее оказали как китайские «добровольцы», так и советские летчики-истребители и зенитчики, сбившие сотни американских самолетов и не давшие уничтожить важнейшие объекты инфраструктуры КНДР. В итоге 27 июля 1953 года было подписано соглашение о перемирии. Корейская война окончательно разделила полуостров на два враждебных лагеря и сделала каждый из них форпостом одного из противоборствующих военно-политических блоков — социалистического и капиталистического»[2].

Не вдаваясь в общеизвестные как негативные, так и позитивные подробности той войны, следует отметить первый опыт зарождения в те годы де-факто военно-политического союза СССР, Китая и КНДР, благодаря которому народу Северной Кореи удалось сохранить свою государственность.

Вместо заключения

Разгром японской армии Советским Союзом в ходе Маньчжурской наступательной операции принес освобождение жителям Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. В результате военно-политическая обстановка в Азии изменилась коренным образом. Были созданы благоприятные условия для восстановления государственно-

[1] Россия и Корея. История отношений. URL: https://histrf.ru/read/articles/rossiya-i-koreya-istoriya-otnosheniy https://histrf.ru/read/articles/rossiya-i-koreya-istoriya-otnosheniy (дата обращения: 16.01.2025).

[2] Россия и Корея: история отношений 27.09.2023 URL: https://histrf.ru/read/articles/rossiya-i-koreya-istoriya-otnosheniy (дата обращения: 17.01.2025).

сти в Китайской Народной Республике и в Корейской Народно-Демократической Республике. И в КНР, и в КНДР помнят о той помощи, которую оказали Советский Союз и его Красная Армия в их борьбе с японскими захватчиками.

«На территории Северо-Восточного Китая находится множество мемориалов, памятников, братских захоронений советских военнослужащих, погибших при его освобождении. Эти захоронения советских воинов и монументы поддерживаются в хорошем состоянии, а окружающая их территория благоустроена населением городов, поселков и уездных центров КНР»[1].

Первым государством, признавшим Китайскую Народную Республику после ее образования в 1949 г., стал Советский Союз. В феврале 1950 г. между нашими государствами был заключен первый «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи». Этот Договор обеспечил решение проблем безопасности на Дальнем Востоке, способствовал укреплению взаимоотношений добрососедства и дружбы между народами наших стран.

После дезинтеграции СССР правительство Китая признало Российскую Федерацию как правопреемницу международных прав и обязательств Советского Союза. В настоящее время российско-китайские отношения определяются как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху».

С началом российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. Китай не прекращал сотрудничество с Россией: «Перед лицом непростой и далеко не однозначной международной обстановки мы готовы наращивать с Россией стратегическое взаимодействие, предоставлять друг другу возможности развития, быть глобальными партнерами на благо народов наших стран и в интересах стабильности во всем мире» — заявил председатель КНР Си Цзиньпин»[2].

По понятным соображениям в печати нет официальных данных о той помощи, которую КНР оказывает России в ходе СВО на Украине. В то же время, по информации, основанной на рассекреченных разведданных и полученной от официальных лиц США на одном из бри-

[1] Авдеев В. На территории Китая стоит более 50 памятников советским воинам. URL: https://rg.ru/2020/08/30/na-territorii-kitaia-stoit-bolee-50-pamiatnikov-sovetskim-voinam.html?ysclid=m8x4cnop pg622992556 (дата обращения: 17.02.2025).

[2] Российско-китайские переговоры. Владимир Путин в режиме видеоконференции встретился с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. 30.12.2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70303 (дата обращения: 17.01.2025).

фингов, Китай помогает России, не предоставляя при этом «летальной помощи». По их данным, «в 2023 году 90 % российского импорта микроэлектроники поступило из Китая, которую Россия использовала для производства ракет, танков и самолетов». Кроме того, по словам американских чиновников, «Россия, вероятно, использовала импорт станков из Китая для увеличения производства баллистических ракет. В качестве одной из компаний-поставщиков они назвали *Dalian Machine Tool Group*, одного из ведущих китайских производителей станков. Такие компании, как *Wuhan Global Sensor Technology Co, Wuhan Tongsheng Technology Co Ltd* и *Hikvision*, поставляют китайские оптические компоненты для использования в российских системах, включая танки и бронетехнику, военную оптику для танков и бронетехники производства китайской фирмы *iRay Technology* и Северо-Китайского научно-исследовательского института производства электрооптики»[1].

В памяти корейского народа также осталась неоценимая помощь Северной Корее, которую, совместно с другими социалистическими государствами ей оказал Советский Союз. Так, советские летчики-истребители и зенитчики уничтожили сотни американских самолетов и не дали сравнять с землей важнейшие объекты инфраструктуры КНДР. В центральном парке столицы КНДР — города Пхеньяна установлен памятник советским солдатам и офицерам, погибшим в боях на Корейском полуострове в августе 1945 г.

Оценивая возрождение военного сотрудничества в российско-украинском конфликте между Москвой и Пхеньяном на современном этапе, нельзя не отметить предшествующее ему «известное заявление сестры Ким Чен Ына — Ким Е Чжон о том, что КНДР всегда будет стоять в одном окопе вместе с армией и народом России»[2].

Есть основания полагать, что Центральное телеграфное агентство Кореи привело цитату столь близкого к лидеру КНДР человека (к тому же уже видного в партийной иерархии функционера) не только в пропагандистских целях. Это высказывание было подтверждено последующим оформлением Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР, который вступил в силу

[1] Шумов Д. США обвинили КНР в военной помощи РФ. Китай все отрицает. 13.04.2024. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2024/04/13/18567812.shtml?ysclid=m63qdi8yxf282334661&updated (дата обращения: 19.01.2025).

[2] Цит. по: Федоров Е. Возвращение к истокам: всеобъемлющее партнерство России и КНДР. 30.10.2024. URL: https://topwar.ru/252746-vozvraschenie-k-istokam-vseobemljuschee-partnerstvo-rossii-i-kndr.html (дата обращения: 18.01.2025).

4 декабря 2024 г.[1] Благодаря этому документу появилась юридически оформленная основа для полноформатного военного и военно-технического сотрудничества наших стран. В том числе и на полях сражений в специальной военной операции, проводимой Вооруженными силами России на Украине.

По словам главы МИД КНДР Цой Сон Хи, «с самого начала этой военной операции на Украине лидер Северной Кореи дал указание, чтобы мы ни на кого не оглядываясь, неизменно и мощно поддерживали и оказывали помощь российской армии и российскому народу в их священной войне»[2].

Как известно, Ст. 4 упомянутого выше Договора между РФ и КНДР предусматривает, что «если одна из сторон окажется в состоянии войны из-за вооруженного нападения одного или нескольких государств, другая сторона немедленно окажет ей военную помощь всеми имеющимися у нее средствами в соответствии со ст. 51 Устава ООН и законами КНДР и Российской Федерации»[3].

После ратификации Госдумой РФ этого Договора южнокорейская и украинская разведки начали сообщать сперва о планируемой, а затем и о фактической переброске войск КНДР в Россию для участия в военной спецоперации. Позже эти данные подтвердили в Пентагоне. Накануне зампред США в ООН Р. Вуд заявил, что «в Курскую область прибыли уже 8 тыс. северокорейских военных. Ни Москва, ни Пхеньян не подтверждали данных о переброске войск»[4]. В то же время Президент России В.В. Путин, комментируя данные южнокорейской разведки, пояснил, что «спутниковые снимки — вещь серьезная и, если они есть, значит, они чего-то отражают»[5].

Как известно, между Россией и Китаем нет соглашения, подобного российско-северокорейскому. Тем не менее, в ст. 9 Договора между РФ и КНР о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 года говорится о том, что «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу

---

[1] Текст документа: Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения: 19.01.2025).

[2] МИД КНДР: Ким Чен Ын дал указание оказать помощь российской армии на Украине. 01.10.1024 URL: https://www.rbc.ru/politics/01/11/2024/6724996d9a79476ab5c9a2df (дата обращения: 19.01.2025).

[3] Там же.

[4] МИД КНДР заявил об указании Ким Чен Ына оказать помощь российской армии. 01.11.24. URL: https://www.rbc.ru/politics/01/11/2024/6724996d9a79476ab5c9a2df (дата обращения: 18.01.2025).

[5] Там же.

миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»[1]. Нет оснований сомневаться в том, что в случае дальнейшей эскалации российско-украинского конфликта, с непосредственным вступлением в него вооруженных сил стран НАТО, эта статья названного Договора будет реализована в том или ином виде.

В настоящее время становится все более очевидным, что даже с завершением победой России конфликта на Украине обстановка в мире будет оставаться, мягко говоря, неспокойной. Поэтому необходимо создавать благоприятные условия для укрепления сплоченности и развития сотрудничества трех наших стран в политическом, военном и международно-правовом аспектах. Среди других необходимых для этого мер одним из первых шагов в этом направлении могло стать рассмотрение вопроса о выдвижении кандидатуры КНДР для вступления в Шанхайскую организацию сотрудничества, первоначально в качестве партнера по диалогу.

Библиографический список

Алепко А.В. Некоторые аспекты советско-китайских международных отношений в период Маньчжурской наступательной операции1945 г. // Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вып. 3 / под ред. В.Н. Тимошенко; Центр изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2015. 277 с.

Белобородов, А.П. Прорыв на Харбин / Литературная запись Н.С. Винокурова. М.: Воениздат, 1982. 160 с.

Бойко В.Р. Большой Хинган — Порт-Артур. М.: Воениздат: 1990. 272 с.

Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4-х томах: перевод с китайского. Т. 4. Пекин: Изд-во лит. на иностранных языках, 1969. 569 с.

Рахманин О.Б. 50 лет победы на Дальнем Востоке // отв. ред. Мясников В.С. Институт Дальнего Востока (Москва). Информационный бюллетень. 1996. N 6: Победа на Дальнем Востоке: Воспоминания. (Статьи и документы о войне Советского Союза против Японии в августе 1945 г.). 124 с.

ЦАМО, ф. 32. оп. 11289, д. 777, л. 150.

ЦАМО, ф. 394, оп. 9072, д. 379, л. 30.

ЦАМО, ф. 210, оп. 3173, д. 144, л. 227.

[1] Договор от 16 июля 2001 года о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=732 (дата обращения: 18.01.2025).

References

Alepko, A.V. (2015). Nekotory`e aspekty` sovetsko-kitajskix mezhdunarodny`x otnoshenij v period Man`chzhurskoj nastupatel`noj operacii1945 g. [Some aspects of the Soviet-Chinese International Relations during the Manchurian offensive operation1945], *Vestnik Centra izucheniya mezhdunarodny`x otnoshenij v Aziatsko-Tixookeanskom regione. — Vy`p. 3 / pod red. V.N. Timoshenko; Centr izucheniya mezhdunarodny`x otnoshenij v Aziatsko-Tixookeanskom regione* [*Bulletin of the Center for the Study of International Relations in the Asia-Pacific Region. Iss. 3 / edited by V.N. Timoshenko; Center for the Study of International Relations in the Asia-Pacific Region, Khabarovsk: Publishing House of DVGGU*], 277 p. (In Russian).

Beloborodov, A.P. (1982). Proryv na Xarbin. [Breakthrough to Harbin], Literaturnaya zapis` N.S. Vinokurova. *Moskva: Voenizdat.* [Literary record of N.S. Vinokurov, *Moscow: Voenizdat]*. 160 p. (In Russian).

Bojko, V.R. (1990). Bol`shoj Xingan — Port-Artur. [Bolshoy Khingan — Port Arthur], *Moscow: Voenizdat,* 272 p. (In Russian).

Central`ny`j Arxiv Ministerstva Oborony, fond 210, opis` 3173, delo 144, listov 227. [*Central Archive of the Ministry of Defense*, fund 210, inventory 3173, file 144, 227 sheets]. (In Russian).

Central`ny`j Arxiv Ministerstva Oborony, fond 394, opis` 9072, delo 379, listov 30. [*Central Archive of the Ministry of Defense*, fund 394, inventory 9072, file 379, 30 sheets]. (In Russian).

Central`ny`j Arxiv Ministerstva Oborony`, fond 3, opis` 11289, delo 777, listov 150. [*Central Archive of the Ministry of Defense,* fund 3, inventory 11289, file 777, 150 sheets]. (In Russian).

Mao Zedong (1969). Izbranny`e proizvedeniya: v 4-x tomax: perevod s kitajskogo. [Selected works: in 4 volumes: translated from Chinese. Vol. 4]. *Pekin: Izd-vo lit. na inostranny`x yazy`kax [Beijing: Publishing House lit. in foreign languages]:* 4. 569 p. (In Russian).

Rakhmanin, O.B. (1996). 50 let pobedy` na Dal`nem Vostoke [Rakhmanin O.B. 50 years of victory in the Far East.]. otv. red. Myasnikov V.S. Institut Dal`nego Vostoka (Moskva). *In: Informacionny`j byulleten`. N 6: Pobeda na Dal'nem Vostoke: Vospominaniya. (Stat`i i dokumenty` o vojne Sovetskogo Soyuza protiv Yaponii v avguste 1945 g.). [ed. Myasnikov V.S. Institute of the Far East (Moscow), Information bulletin: 6: Victory in the Far East: Memories. (Articles and documents on the Soviet Union's war against Japan in August 1945)],* 124 p. (In Russian).

* * *

Foreign Relations of the United States (FRUS) (1946): IX, 752 p.

Поступила в редакцию: 24.01.2025 Received: Jan 24, 2025
Принята к публикации: 30.06.2025 Accepted: Jun 30, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.45.57.028

А.Л. Верченко

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА КИТАЯ В СССР (на примере «Писем из Китая» Д.И. Заславского. 1927 г.)

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) проведено исследование публикаций журналиста Д.И. Заславского, работавшего в Шанхае в 1927 г. Он был одним из первых журналистов, направленных в командировку в Китай. Целью организованной газетой «Известия ЦИК СССР» поездки было ознакомление советской аудитории с ситуацией в Китае после прихода к власти Чан Кайши. Корреспондент работал в сложных условиях, обусловленных напряженностью внутриполитического положения, настороженным отношением к владельцу советского паспорта и ограничениями в контактах и передвижениях по стране. Несмотря на отсутствие китаеведческой подготовки и проблемы с иностранными языками, Заславский сумел в «Письмах из Китая» представить достаточно объективную картину событий лета—осени 1927 г. Помог большой опыт публикационной деятельности и острое журналистское чутье. В направляемых в Москву корреспонденциях журналист описывал то, что видел собственными глазами, делал акцент на своих впечатлениях от увиденного. Написанные живым языком, его статьи с интересом воспринимались советскими читателями, помогали представить, что происходило в стране, где совсем недавно наблюдался подъем революционного движения, и как изменилась ситуация.

Темами статей Заславского были: положение в Шанхае и Ханькоу после переворота Чан Кайши; острые вопросы китайского общества: борьба с опиумом, положение женщин, детский труд, иностранное присутствие; культурная и общественная жизнь в сеттльменте, путевые заметки; русская колония в Шанхае. Он подробно описал нападение русских эмигрантов на Генеральное консульство СССР в Шанхае. Подобные сведения, опубликованные в одной из центральных газет, имели большое значение для формирования представлений советской общественности о Китае.

Заметки Заславского дополняли краткие телеграфные сообщения других корреспондентов живыми картинами, давали возможность советской общественности лучше узнать и понять Китай. Сегодня материалы Заславского как иностранного наблюдателя представляют собой ценный исторический материал, помогающий с помощью конкретных деталей более углубленно изучать состояние китайского общества и оценивать ситуацию в Китае в 1920-е годы.

Ключевые слова: Д.И. Заславский, «Известия ЦИК СССР», Китай, «Письма из Китая».

Автор: *Верченко Алла Леонидовна*, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8718-8338.
E-mail: veailan@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Благодарность. Автор выражает благодарность директору РГАЛИ Ольге Александровне Шашковой за помощь в подборе документов.

Для цитирования: Верченко А.Л. Роль средств массовой информации в формировании имиджа Китая в СССР (на примере «писем из Китая» Д.И. Заславского. 1927 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. С. 424—441. DOI: 10.48647/ICCA.2025.45.57.028.

A.L. Verchenko

The role of the media in shaping image of China in the USSR («Zaslavsky's "Letters from China" as an example. 1927)

Abstract. The article is based on the documents of the State Archive of Literature and Art (RGALI), which are being introduced into the scientific circulation for the first time. It studies the publications of the journalist D. I. Zaslavsky, who worked in Shanghai in critical days of 1927. He was one

of the first journalists sent to China. The purpose of the trip undertaken by the newspaper "Izvestia CEC of the USSR" was to familiarize the Soviet audience with the situation in China after Chiang Kai-shek came to power. The correspondent worked under difficult conditions due to the tense internal political situation, wary attitude towards the Soviet passport holder and restrictions on contacts and travel in the country. The lack of Chinese studies training and problems with foreign languages did not affect Zaslavsky's ability to present a fairly objective picture of the events of the summer-autumn of 1927 in his 'Letters from China'. In his correspondence sent to Moscow, the journalist described what he had seen with his own eyes and emphasised his impressions of what he had seen. His articles, written in a lively language, were received with interest by Soviet readers, helped to visualize what was happening in a country that had recently witnessed the rise of the revolutionary movement and how the situation had changed.

The topics of Zaslavsky's articles were: the situation in Shanghai and Hankow after Chiang Kai-sh'ek's coup; acute issues of Chinese society: the fight against opium, the status of women's, child's labor, foreign presence; cultural and social life in the Settlement, travel notes; the Russian colony in Shanghai. He described in detail the attack by Russian émigrés on the Consulate General of the USSR in Shanghai. Such information, published in one of the central newspapers, was of great importance in shaping the Soviet public's true image of China.

Zaslavsky's articles supplemented the brief telegraphic reports of other correspondents with vivid pictures and gave the Soviet public a better knowledge and understanding of China. Today, Zaslavsky's materials as a foreign observer represent valuable historical material that helps to study the state of Chinese society in more depth and to assess the situation in China in the 1920s with the help of specific details.

Keywords: D.I. Zaslavsky, "Izvestia CEC of the USSR", China, "Letteres from China".

Author: Alla L. VERCHENKO, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Acknowledgments. The author would like to thank Olga Aleksandrovna Shashkova, Director of RGALI, for her valuable assistance in the selection of documents.

For citation: Verchenko A.L. (2025). Rol' sredstv massovoj informacii v formirovanii imidzha Kitaya v SSSR (na primere «pisem iz Kitaya» D.I. Zaslavskogo. 1927 g.) [The role of the media in shaping image of China in the USSR («Zaslavsky's "letters from China" as an example. 1927)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity],* 30(30): 424—441. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.45.57.028.

Введение

В середине 1920-х годов тема Китая оставалась одной из самых обсуждаемых в политизированном советском обществе. Ожидалось, что Китай внесет вклад в победу мировой революции, поэтому к информации из страны проявляли пристальное внимание, особенно в связи с подъемом китайского национально-революционного движения в 1925—1927 гг. Китайскую тему освещали журналисты, к ней обращались советские работники искусства разных художественных жанров (писатели, поэты, драматурги, кинодокументалисты), но сообщений из самого Китая, с места событий, было недостаточно. Не все газеты имели корреспондентов в Китае, информировавших о последних новостях.

Решение редакции «Известий ЦИК СССР» направить в Китай собственного корреспондента

«Известия ЦИК СССР», как и другие СМИ, печатали материалы о Китае, освещали мероприятия в поддержку СССР китайского народа, способствовали созданию в Советском Союзе атмосферы сочувствия китайскому национально-революционному движению. Именно в «Известиях» Вл. Маяковский опубликовал стихотворение «Руки прочь от Китая», в котором провозгласил, что СССР выступает на стороне Китая, готов «помочь, сражаясь, уча и питая» [Маяковский].

В 1927 г. редакция газеты «Известия ЦИК СССР» решила направить в Китай своего корреспондента, чтобы получать самые актуальные новости с места событий, помочь читателям разобраться в происходивших событиях. Общая информация о перевороте Чан Кайши 12 апреля 1927 г. уже дошла до Москвы, однако конкретики не хватало. Газета была заинтересована в освещении истинного положения дел непосредственно из Китая.

В конце мая 1927 г. недавно пришедшему на работу в «Известия» Давиду Иосифовичу Заславскому было предложено отправиться в Шанхай. Корреспондент отличался эрудицией, острым репортерским чутьем и умением ухватить главное в огромном потоке событий, обладал большим опытом редакционной и литературной деятельности, которую начал еще в 1904 г. Он изучал идеи социализма, писал об истории революционно-освободительного движения, о внешней политике СССР. Представляется, что в выборе кандидатуры сыграла роль уверенность редакции в политической благонадежности Заславского, его лояльности линии партии и государства. После Октября журналист быстро вышел из роли активного противника советской власти и большевиков, отказался от активной политической деятельности и решил посвятить себя работе в области культуры[1]. В 1924 г. в письме в «Правду» Заславский официально заявил о полной солидарности с курсом ВКП(б) и готовности быть «в борьбе рядом с коммунистической партией»[2].

Командировку в Китай в сложившихся условиях трудно было назвать более точным словом, чем авантюра. Во-первых, было недостаточно информации о реальном положения дел в стране после переворота Чан Кайши и возможностях для работы советского корреспондента. Во-вторых, Заславский не был специалистом по Китаю, профессионально ранее не занимался его проблематикой, к тому же имел проблемы с иностранными языками. Тем не менее, 47-летний Заславский, который находился в расцвете журналистской карьеры, не побоялся неопределенности и предложение принял.

Редакция предоставила Заславскому достаточно хорошее материальное обеспечение в Китае. Он получал в месяц 250 ам. долл. на так называемые ординарные расходы, в которые входили «средние расходы по найму помещения (пансион в частной квартире), питанию, обычной одежде, разъездам в пределах города». Редакция оплачивала также расходы по паспортам и визам, поездкам по стране, по связи, переводчикам и переписчикам материалов, а также все расходы, превышающие среднюю прожиточную норму (дорогие гостиницы, специальная одежда и др.) [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 761. Л. 1]. Заславский должен был в течение трех месяцев подготовить для газеты 6 очерков и 6 информационных писем-телеграмм [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 761. Л. 1]. Он получил задание ознакомиться с положением в городах, где происходили главные революционные события: Шанхай,

[1] *Правда*. 20 апреля 1920 г.

[2] *Правда*. 25 июля 1925 г.

Ханькоу, Кантон (Гуанчжоу), «хорошо поездить по деревням, поехать на фронт, к Фэн Юйсяну и вместе с южной армией победоносно вступить в Пекин» [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп.1. Д. 39. Л. 1; Д. 40. Л. 3]. Очевидно, в Москве в мае 1927 г. еще оставалась надежда на победу «великой революции» и успех Северного похода, хотя на самом деле революционные события резко пошли на спад. 12 апреля Чан Кайши, совершив военный переворот в Шанхае, начал репрессии против рабочих организаций и коммунистов. 18 апреля пало Уханьское правительство, что положило начало процессу размежевания недавних участников единого фронта — КПК и Гоминьдана. Фэн Юйсян, к которому должен был направиться Заславский, активно включился в подавление рабочих и крестьянских выступлений, быстро сблизился с Чан Кайши, потребовал разрыва с коммунистами и немедленной высылки М.М. Бородина[1] [История Китая, 1974, с. 303]. Достижения революции стремительно уничтожались. Единый национальный революционный фронт перестал существовать [История Китая, 2013, с. 178]. Внутриполитические события явно не способствовали выполнению плана, составленного редакцией «Известий».

Прибытие в Шанхай, условия работы советского журналиста

Поездка в малоизвестный Китай таила много неожиданностей для советского корреспондента.

В 1925 г., когда еще действовал единый фронт КПК и Гоминьдана и власти внешне терпимо относились к посланцам СССР, они чинили всяческие препятствия работе советских корреспондентов, искали большевистский след и усматривали большевистские интриги в их работе. Через два года подозрительность в отношении представителей СССР возросла, антисоветская риторика резко усилилась, подогреваемая западными державами и белой эмиграцией в Шанхае. Новая власть в перспективе планировала ликвидировать любое советское присутствие [Чжоу Гочан, с. 147—158].

Заславский прибыл в Шанхай 20 июня 1927 г. на китайском теплоходе «Хэнли», который под гоминьдановским флагом совершал регулярные товарно-пассажирские рейсы из Владивостока. Китайские суда перевозили осиновые чурки на спички. На теплоходе Давид Ио-

[1] Михаил Маркович Бородин (1884—1951) — с сентября 1923 г. по июль 1927 г. главный политический советник ЦИК Гоминьдана.

сифович смог пообщаться с русскими, работавшими в Шанхае, получил начальные сведения о положении в Китае. В первом репортаже он отметил: сразу бросилось в глаза, что китайские пассажиры держались отдельно. Особое положение иностранцев и разделение жизни на два мира — иностранный и китайский — Заславский отмечал постоянно во время командировки, подчеркивал в своих репортажах полуколониальное состояние страны.

В гостинице *Plaza Hotel* на территории французской концессии, где он сначала поселился, ощущалась обстановка западного мира, напоминавшая американские кинофильмы с участием Дугласа Фэрбенкса и Гарольда Ллойда. Даже китайский обслуживающий персонал выглядел по-европейски. В ресторане гостиницы выступала русская балетная труппа. Русские владели многими магазинами и ресторанами. Для тысяч русских эмигрантов Шанхай стал прибежищем. После 1926 г. они жили в основном на бульваре Жоффр, во французской концессии [Хисамутдинов, с. 68]. Гуляющие соотечественники и звучание русской речи напомнили Заславскому Кисловодск. «Странно, что не встречаешь знакомых», — писал он [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 177. Л. 64].

Описывая в своих корреспонденциях рабочие кварталы, Заславский рисовал совсем другой Китай, в котором чувствовалась молчаливая настороженность и сдержанность. В одном из репортажей он заметил: «У европейцев Шанхай известен как китайский Париж, но в последнее время рядом с ним вырос китайский Ленинград» [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 37. Л. 3]. Его поразило сходство политических карикатур в Шанхае с советскими: тот же Чемберлен, схвативший за горло китайского рабочего, те же империалисты с толстыми задами, усевшиеся на китайский народ. И тут же жирный красный удав, охвативший кольцами китайца — так был представлен СССР, якобы угрожавший Китаю [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 38. Л. 4].

Шанхай совсем недавно был центром подъема профсоюзного движения, победы трех вооруженных восстаний, образования народного правительства. И.А. Заславский не стал непосредственным свидетелем этих революционных событий. Его приезд в Шанхай совпал с разоружением рабочих дружин, спадом революционной активности, уходом коммунистов в подполье. Он прекрасно сумел передать атмосферу города, где побеждена революция: в Шанхае и Ханькоу начались аресты и казни коммунистов, профсоюзных активистов, репрессии против профсоюзных деятелей и организаций; особо жестоко относились к тем, в ком даже не видели, а только подозревали коммунистов.

Новозеландский писатель Реви Элли[1] тогда же свидетельствовал, что город «был окутан белым террором, улицы наполнены тревожными звуками сирен, а головы бастовавших рабочих висели в корзинах на деревьях»[2]. Сходную картину рисовали режиссер Я. Блиох и кинооператор В. Степанов, находившиеся в Шанхае одновременно с Заславским летом 1927 г. Они проводили съемки для документального фильма «Шанхайский документ». Им приходилось всячески маскироваться от следовавшей по пятам английской и французской контрразведки, чтобы запечатлеть сцены жестокого подавления арьергардных стачек шанхайских рабочих, казней участников забастовок и пикетов и др. [Верченко, 2020, с. 624].

Заславский тоже находился под неусыпным надзором полиции, что затрудняло контакты с рабочими и коммунистами. В Ханькоу ему повезло собрать материал о деятельности рабочих и женских организаций, о крестьянском движении, но использовать его для печати не получилось. Он писал: «Изящный детектив из русских белогвардейцев унес с собой собранные мной для корреспонденций материалы. Унес все: записные книжки, письма дочери, старые газеты...» И добавил: «так хорошо я еще ни разу не был обыскан...» [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 38. Л. 21].

Журналист оказался в изоляции и планировал вернуться. Передвижения даже по Шанхаю были ограничены. Английская печать писала о нем как о военном советнике советского правительства[3]. Одна русскоязычная газета назвала его старым каторжником [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 177. Л. 68]. Подобные характеристики не способствовали успешной работе.

Отличительной особенностью репортажей И.А. Заславского было то, что он описывал только увиденное своими глазами, у него не было привычки писать с чужих слов. Он понимал свою задачу как «непосредственные впечатления» [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 156. Л. 2]. В корреспонденциях он затрагивал бытовые моменты китайской жизни, культурную жизнь как в сеттльменте, так и в китайской части города, стремился, чтобы читателю не было скучно, хотя писал

[1] Реви Элли (Rewi Alley, 1897—1987) — с 1927 г. жил в Китае. В 2021 г. в Пекине открыт дом-музей «иностранного друга» Реви Элли.

[2] Hongse yinji. Di 26 ji. Ninju liliang de “zhongguo husheng” [The Red Seal. Episode 26. ”The Voice of China” is gaining ground] // Site www. 12371.CN. 24.04.2021. URL: https://www.12371.cn/2021/04/24/VIDE1619226361444914.shtml (accessed: 12.10.2024).

[3] Когда Д.И. Заславский уезжал из Шанхая в декабре 1927 г., газеты позиционировали его как члена большевистской террористической тройки, имевшей целью убить видных руководителей международного сеттльмента в Шанхае.

о серьезных материях. Он не хотел дублировать краткие официальные сообщения корреспондентов ТАСС и «Правды». Напрашивается сравнение с Сергеем Третьяковым[1]. Он, как и Заславский, «записывал сердечным микрофоном», обращал внимание на все, чем жило китайское общество, рисовал свой образ Китая и делился знаниями о нем с советскими людьми, чтобы они поняли и полюбили Китай [Верченко, 2018, с. 32—54].

Интересны заметки Заславского о работе журналиста в Китае. Он пришел к выводу, что источники информации находились в руках ограниченного круга доверенных советских партийных и военных работников, большей частью законспирированных. Со стороны работников Генконсульства в Шанхае и миссии военных советников М.М. Бородина в Ханькоу, хорошо знакомых с положением дел, Заславский не встретил того содействия, на которое рассчитывал и которое обещал ему в Москве Л.М. Карахан[2]. Журналист сетовал, что «ориентировка для человека свежего и мало подготовленного была чрезвычайно затруднительной», секреты ревниво оберегались от печати. Заславский полагал, что это могло быть вызвано отсутствием у него партийного билета, но из бесед с другими корреспондентами он заключил, что подобное положение не относилось лично к нему, а ко всем газетчикам.

Источником корреспонденций в основном были шанхайские газеты на английском языке, в первую очередь, *The North-China Daily News*. Заславский не упоминает русскоязычные газеты, хотя, скорее всего он их читал и черпал из них определенные сведения. В Ханькоу, куда Заславскому удалось съездить, его иногда выручали переводчики Бородина, пока не уехали. В Шанхае с переводом помог секретарь по китайским делам Генконсульства СССР в Шанхае И.М. Ошанин [Черникова, с. 127]. Но было признано неудобным, чтобы сотрудник Генконсульства сопровождал журналиста на собрания, рабочие митинги, в разные учреждения. Найти хорошего переводчика из китайцев, как и в среде русской диаспоры, было крайне трудно. Некомпетентность и необязательность были их визитной карточкой. Например, сорвалась поездка на «китайский Кавказ» — в Гулин[3] по той

[1] Сергей Михайлович Третьяков (1892—1937) — русский советский публицист, писатель, драматург. В 1924—1925 гг. преподавал русскую и советскую литературу в Пекинском университете.

[2] Лев Михайлович Карахан (1889—1937). В 1923—1926 гг. — полномочный представитель СССР в Китае, в 1926—1934 гг. — заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

[3] Гулин — курорт, основанный западными миссионерами исключительно для иностранцев на склоне горы Лушань (Цзюцзян, пров. Цзянси).

причине, что переводчик в день отъезда сообщил, что нашел постоянную работу и не может сопровождать его. Однажды удалось воспользоваться помощью переводчика, помогавшего писателю Б.А. Пильняку, который посетил Шанхай в 1926 г. И.А. Заславский отмечал, что на правильность перевода большинства местных помощников полагаться было нельзя.

Работать приходилось скрытно, особенно в рабочих кварталах. С трудом организовывались беседы с бастующими рабочими и их активистами, посещение забастовочных комитетов, общественных и партийных организаций. Заславскому бросилось в глаза обилие портретов Сунь Ятсена, по обе стороны от которого обычно висели изображения К. Маркса и В.И. Ленина, причем они были не литографические, а рисованные на китайский манер.

События, связанные с конкретной деятельностью КПК, Гоминьдана и китайского правительства Заславский освещал мало. Зато в своих репортажах он показывал проявления политики властей на практике, делая информацию более доступной и понятной для простых советских людей. Репортеру было важно донести до читателей, что реакция интенсивно наступала, активисты профдвижения и коммунисты переходили на нелегальное положение, левые гоминьдановцы сворачивали деятельность, портреты Сунь Ятсена исчезали с улиц. Заславский фиксировал подавленность в рабочих организациях: он договаривался о беседе в профсоюзе, но когда приходил на следующий день, никого в помещении не заставал. В Учане еще бился живой пульс, а Ханькоу мгновенно превратился в мертвый город: фабрики остановились, работы не было, в Шанхае в рабочих рядах царила мертвящая атмосфера апатии и нервозности. Заславский отмечал, что газеты, а они в абсолютном большинстве были гоминьдановскими, вместе с Комиссией по объединению и реорганизации рабочего движения, заменившей распущенный Генеральный совет профсоюзов Шанхая (ГСПШ), вели к расколу рабочих рядов, встали за защиту бизнеса, проповедовали коллаборацию классов, отказ рабочих от выдвижения собственных требований, вели к ликвидации профдвижения [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 40. Л. 5, 20].

К концу третьего месяца пребывания в Шанхае Заславский писал, что «Шанхай приобретал первостепенный интерес, и уезжать теперь было бы бессмысленно» [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 170. Л. 83]. Командировку продлили. Журналист совершенно верно оценил, что рабочее движение полностью искоренить не удалось, появились признаки возобновления работы компартии, члены которой продолжили работу в подполье. Его наблюдения, получившие отражение в «Пись-

мах из Китая», совпадали с информацией из Постпредства СССР и отчетами иностранных дипломатов[1]. Например, поверенный в делах США в Китае Мэйер (Mayer) считал, что «коммунисты рассеяны, но никоим образом полностью не уничтожены, они по-прежнему представляют серьезную потенциальную опасность, будучи всегда готовыми снова проявить активность» [Papers Relating...]. Помочь китайским коммунистам возродить партию и продолжить борьбу помог VI съезд КПК, который с помощью Коминтерна состоялся в следующем, 1928 году под Москвой.

Сообщения о совмещении коммунистами легальной работы на фабриках, в школах, в книжных магазинах, в конторах и проч. с нелегальной деятельностью в массах пробуждали аналогию с еще хранившейся в памяти людей среднего поколения подпольной работой большевиков в России. Члены КПК, как и большевики в свое время, нелегально выпускали печатную продукцию, например, еженедельник «Народ», издание которого было запрещено в апреле 1927 г., но в ноябре того же года возобновилось. С удивительной смелостью они распространяли листовки и прокламации от имени распущенного властями ГСПШ. В августе в Шанхае начала выходить газета «Шанхайский рабочий»[2], публиковавшая последние новости о положении в шанхайском рабочем движении и директивы КПК и Генерального совета шанхайских профсоюзов (ГСШП). С октября по декабрь продолжались забастовки рабочих Британско-американской табачной компании *BAT*, английских и японских фабрик, типографий и др. [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 38. Л. 317]. Статья под названием «Стачечная волна» была опубликована в «Известиях ЦИК» в ноябре 1927 г.

После Кантонского восстания (декабрь 1927 г.) китайское правительство заявило о закрытии всех советских консульств и государственных коммерческих организаций в Китае [Чжоу Гочан, с. 18], Заславский вернулся в СССР и продолжил свою журналистскую деятельность в партийной прессе.

Тематика репортажей Д.И. Заславского

И.А. Заславский публиковал в «Известиях», «Ленинградской правде» и литературно-художественном журнале «Красная Нива» корреспонденции, которые назвал «Письмами из Китая». Действи-

[1] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1927. V. II. www. Office of the Historian. No date. URL: https://history.state.gov/%20history (accessed: 12.07.2024).

[2] *Шанхайский рабочий* — печатный орган КПК и ГСПШ.

тельно, корреспонденции, напечатанные на приобретенной в Китае пишущей машинке, он отправлял родным и знакомым по обычной почте, как и личные письма с фотоснимками.

Заславский, преодолевая трудности по освоению китайской действительности, затрагивал в корреспонденциях самые разные темы, которые могли быть важны для советской общественности. В меру своей компетенции он освещал внутренние события китайской жизни: от разгрома рабочего движения в Шанхае и Ухане, наступления белого террора и ухода КПК в подполье до возобновления нелегальной деятельности коммунистов уже осенью 1927 г., касался иностранного присутствия и доминирования иностранного капитала, политики нанкинского правительства, жизни русских эмигрантов в Шанхае, среди которых он обзавелся некоторыми знакомыми. Он подготовил несколько культурно-этнографических очерков о Шанхае и его истории, о районе Цзюцзян[1], реке Янцзы, буддистском центре на острове Путошань; писал о состоянии внешней торговли, кооперации в Китае, спортивной жизни, работе суда и др. Представляется, что благодаря его репортажам советская общественность познакомилась со многими сторонами китайской жизни, о которых до него никто не писал. Например, ярким свидетельством иностранного господства в Шанхае, описанном в статье «Последние монументы»[2], стало упоминание о памятниках Шанхая: в честь британской армии, участвовавшей в подавлении *ихэтуаней*, или в память о генеральном таможенном инспекторе Роберте Харте (Robert Hart).

Представляется, что в контексте знакомства с состоянием китайского общества весьма интересны детальные корреспонденции Заславского на самые «больные» для Китая темы: засилье иностранцев, опиумокурение, положение женщин и детей.

Заславский во многих репортажах акцентирует внимание читателей на том, что Шанхаем управляли иностранцы, представители 15 государств. От их имени и в их интересах действовал председатель Шанхайского муниципалитета американец С. Фессенден[3], который при принятии решений обычно совещался с генеральным консулом Великобритании С. Бартоном[4]. Вероятно, что не без попустительства

[1] Цзюцзян — город в Восточном Китае, порт на р. Янцзы на севере провинции Цзянси. В 1927 г. британская концессия Цзюцзян была возвращена Китаю.

[2] *Известия ЦИК СССР*. 12.08.1927.

[3] Стерлинг Фессенден (Stirling Fessenden, 1875—1944) — председатель Шанхайского муниципального совета в 1923—1929 гг.

[4] Сидни Бартон (Sydney Barton, 1876—1946) — британский дипломат, генеральный консул Великобритании в Шанхае в 1922—1929 гг.

городских властей 7 ноября 1927 г., в день 10-летия Октября, произошло нападение русских эмигрантов, в том числе кадровых офицеров и молодежи из фашистских организаций, на советское Генконсульство. Как писала английская печать, причиной нападения стала «демонстрация красного»: на фронтоне Генконсульства светилась надпись «7 ноября 1917—7 ноября 1927», раздражавшая русских эмигрантов. Ее на следующий день выключили по требованию английского полицейского чина. Заславский оказался на месте происшествия и вместе с сотрудниками Генконсульства включился в отражение атак нападавших [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп 1. Д. 36. Л. 11—37]. Из-за бездействия полиции и агрессивности толпы в задании произошло возгорание, были выбиты стекла, повреждена входная дверь, сорван советский флаг. Генконсульство СССР располагалось в центре международного сеттльмента, на центральной улице рядом с другими консульствами, и руководство миссии надеялось на защиту полиции в так называемом образцовом сеттльменте, поэтому, несмотря не угрозы в прессе, не предприняло заранее никаких мер по защите здания, тем более что в апреле, когда чжанцзолиневская полиция напала на Постпредство СССР в Пекине, полиция в Шанхае не допустила бесчинств. Заславский подробно описал, как в 1927 г. одетые в английскую форму русские полицейские, известные своими симпатиями к погромно-монархическим группам, никак не препятствовали продолжавшимся в течение всего дня хулиганским выходкам русских эмигрантов, попыткам толпы ворваться в помещение дипмиссии. Под стенами Генконсульства нападавшие соорудили виселицу и подожгли чучело «коммуниста». По наблюдениям И.А. Заславского, в акции участвовал бывший консул Российской империи Гроссе[1]. Пытавшихся прийти на помощь и прорваться к зданию матросов с парохода «Индигирка», стоявшего в порту Шанхая, толпа не пропустила.

Заславский знакомил советских читателей и с китайскими традициями. Время его пребывания в Китае совпало с кульминацией кампании «за естественную женскую грудь», которая вместе с отказом от бинтования ног вписывалась в идею нанкинского правительства об обновлении общества и воспитании нового человека. В ее проведение включились не только общественность и пресса, но и государственные органы[2]. Заславский писал, что китайским женщинам естествен-

[1] Виктор Федорович Гроссе (1869—1931) — русский дипломат, последний консул Российской империи в Шанхае.

[2] В 1927 г. Нанкинское правительство приняло специальное постановление, требующее от женщин прекратить стягивать грудь.

ная грудь казалась уродством, хотя на улице он встречал немало горожанок с естественным размером ступней. Преодолевать одну старую традицию оказалось легче, чем другую. Видимо, большое влияние оказывали приверженность старой эстетике и тогдашняя мода на прямые по крою платья *ципао*.

Еще одним дискуссионным вопросом были женские короткие стрижки с большой челкой. Газета *The North-China Daily News* считала их признаком оживления большевизма: «Женщины со стрижеными волосами раньше прятались по домам и боялись выходить на улицу, а теперь уже показываются открыто, не вызывая возмущения против себя» [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 38. Л. 23]. В сельской местности короткие волосы носили только активистки женского движения. Короткие стрижки у шанхайских женщин, как в свое время у первых студенток Пекинского университета, стали неким символом получения равных с мужчинами прав. И.А. Заславский отмечал как новое явление широкое использование женского труда на фабриках. И хотя этот труд был очень тяжелым, по 12—14 часов в день, женщины гордились этим завоеванием. Работа для них стала переворотом в семейных отношениях, они приобрели некоторую независимость.

Мимо внимания журналиста не прошла деятельность женских союзов, во главе которых номинально стояли жены гоминьдановских партийных руководителей, а практическую работу вели рядовые коммунистки. В провинции Хубэй, например, в союзы были объединены учителя, работницы ткацких и спичечных фабрик. Огромную роль женские союзы играли в деревне, где они начали пробивать толстую стену старых обычаев и традиционного семейного уклада. Союзы, в которых в период единого фронта работали вместе члены Гоминьдана и КПК, проводили занятия для женщин. В программу 6-недельных курсов входили: ознакомление с историей, теорией и практикой революционного женского движения, элементарные сведения по гигиене, санитарии, уходу за ранеными. На основе собранного материала Заславский пришел к верному заключению, что женское движение среди пролетариата и буржуазии шло по двум разным руслам, причем второе в тот период было более активным [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 38. Л. 23].

Шанхай в начале XX в. оставался портом, через который в Китай поступали наркотики. Заславский писал, что из южных районов Азии десятки пароходов с контрабандой, в том числе опиумом, следовали «на Владивосток», пользуясь существованием легального маршрута. По условиям перевозок судно не могли досматривать на промежуточной стоянке, поэтому контрабанду свободно выгружали в Шанхае,

передавая груз проверенным агентам. Находившаяся в руках англичан таможня знала о переправке опиума, но не препятствовала этим операциям. Нередко суда до Владивостока не доходили, оставляя весь груз в порту Шанхая [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 36. Л. 8].

В одном из репортажей Заславский писал о борьбе с опиумом. В сентябре 1927 г. был принят Временный регламент, по которому предполагалось в течение трех лет полностью запретить его употребление. В Министерстве финансов образовали Отдел по борьбе с курением опиума. Курильщики старше 25 лет могли продолжать курить, но обязаны были получить разрешение и платить налог. Китайская пресса писала, что на самом деле это вело к увеличению сбора средств, шедших на военные нужды, вытеснению с рынка частных торговцев и освобождению места для государственной торговли.

И.А. Заславский стал свидетелем проведения в октябре в Шанхае четвертой недели борьбы с опиумом[1] и развернувшейся в иностранной прессе дискуссии о том, кто больше вреда приносит стране: китайское правительство или иностранцы. Внешне кампания проводилась очень активно: уличная агитация, публикации в газетах, лекции и собрания, но была направлена не против производства, ввоза и торговли наркотиками, а только против их употребления. Купечество предлагало казнить злостных курильщиков, девушки-активистки призывали не выходить замуж за курильщиков, замужние дамы обязывались на разговаривать с мужьями и не дарить им любовные ласки, пока они не бросят курить опиум [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 36. Л. 3]. В первый день недели публично сожгли небольшую партию контрабандного опиума и наркотиков. По мнению Заславского, сложившегося на основе разговоров с местными журналистами, эту акцию можно было расценить как ответ на запросы специального опиумного комитета Лиги Наций о том, как поступает Китай с конфискованным опиумом.

Заславский отметил присутствие определенной националистической ноты в проведении антиопиумной недели. Среди расклеенных на улицах плакатов были замечены такие, где звучало, что пока иностранцы пользуются исключительными правами в Китае и могут беспрепятственно ввозить опиум, борьба с опиумной торговлей бесполезна. Всплеск националистических настроений был связан с недав-

[1] 1927 нянь цюань минь цаньюй цзюй ду юньдун чжоу [1927: People across the country participate in the anti-opium week]. Site www. Sina. 26.06.2024. URL: https://finance.sina.com.cn/jjxw/2024-06-26/doc-incaatqw9769587.shtml (accessed: 29.01.2024) (на кит.яз.).

ним успехом Китая — возвращением в марте 1927 г. суверенитета над бывшими британскими концессиями в Ханькоу и Цзюцзяне. Китайским властям было выгодно переложить ответственность за торговлю опиумом с себя на иностранцев. По едкому замечанию Заславского, вся кампания была «для любителей культурно-просветительского шума» [РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 36. Л. 3].

Выводы

Средства массовой информации во все времена должны выполнять функции пропаганды, информации и воспитания. «Письма из Китая» И.А. Заславского в полной мере отвечают этим требованиям. Они несли актуальную и так необходимую для советского общества информацию о разных сторонах жизни соседней страны в переломный момент ее истории. Они пропагандировали важность поддержки национально-освободительного движения и борьбы за независимость и суверенитет народов, находившихся в колониальной или полуколониальной зависимости. Они пробуждали сочувствие к борющемуся китайскому народу и акцентировали необходимость оказания ему всяческой поддержки.

Деятельность И.А. Заславского в Китае можно классифицировать как полевые исследования, носившие фрагментарный характер и проводившиеся на доступной ему территории, и как впечатления иностранного наблюдателя от увиденных реалий китайской жизни. Именно правдивость его корреспонденций вызывала доверие читателей и интерес к его публикациям. В советском обществе они расширяли представления о таком важном для СССР соседе, как Китай. «Письма из Китая» привлекали внимание также своими яркими заголовками, тщательно продуманными талантливым журналистом. В написанных в непринужденной манере корреспонденциях Заславский делился впечатлениями о событиях, свидетелем которых ему довелось стать. Они дополняли краткие сухие телеграфные сообщения корреспондентов «Правды» и ТАСС живыми картинами, помогали советским читателям знакомиться с многочисленными не известными ранее широкой общественности фактами и событиями из настоящей жизни Китая, чтобы понять, что представлял из себя Китай в новых условиях.

Репортажи Заславского не только познакомили с событиями в Китае простых советских людей, но и как ценный исторический материал внесли вклад в научное изучение истории Китая республикан-

ского периода. Они содержат множество конкретных деталей, осмысление и обобщение которых позволяет уточнить отдельные эпизоды, дополнить и углубить исследования состояния китайского общества, общей внутриполитической ситуации в Китае и советско-китайских отношений после прихода к власти Чан Кайши.

Библиографический список

Верченко А.Л. Значение документального кино для формирования представлений о Китае в массовом сознании в СССР в 1920-е годы // *Общество и государство в Китае*. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. Т. 50-1, № 34. С. 614—627. DOI: 10.31696/2227-3816-2020-50-1-614-627.

Верченко А.Л. Художественная литература и публицистика как источник исследования истории Китая (на примере литературного творчества С.М. Третьякова) // *Проблемы новой и новейшей истории Китая: сб. ст*. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 32—54.

Документы Российского Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ).

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 томах. Том VII. Китайская Республика (1912—1949). М.: Наука—Вост. лит., 2013. 863 с.

История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: Наука. 1974. 534 с.

Хисамутдинов А.А., Гао М. Русские в Шанхае на авеню Жоффр (Хуайхай-роуд) (2023) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2023. Т. 45. С. 65—77. DOI: 10.26516/2222-9124.2023.45.65.

Черникова Л.П. Илья Михайлович Ошанин: путь китаеведа // *Российское китаеведение*. 2023. № 3. 120—149. DOI: 10.48647/ICCA.2023.92.64.007.

Чжоу Гочан, Сунь Ичжи. Ликвидация советского присутствия в Шанхае 1927—1928 гг. // Вопросы истории. 2020. № 10-4. С. 147—158. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi96.

References

Chernikova, L.P. (2023). Il'ya Mikhaylovich Oshanin: put' kitayeveda [Ilya Mikhailovich Oshanin: the Path of a Sinologist] // *Rossiyskoye kitayevedeniye:* 3: 120—149. DOI: 10.48647/ICCA.2023.92.64.007 (In Russian).

Zhou Guochang; Sun Yizhi. (2020). Likvidatsiya sovetskogo prisutstviya v Shankhaye 1927—1928 gg. [Elimination of the Soviet Presence in Shanghai 1927—1928]. *Voprosy istorii*: 10-4: 147—158. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi96. (In Russian).

Dokumenty Rossijskogo Gosudarstvennogo arhiva literatury i iskusstva (RGALI). [Documents of the Russian State Archives of Literature and Art (RGALI)]. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. VII. Kitayskaya Respublika (1912—1949) (2013) [History of China from Ancient Times to the

Beginning of the XXI Century. 10 Vol. Vol. VII. History of the Republic of China (1912—1949)], Institut Dal'nego Vostoka [Institute of Far Eastern Studies], Moscow, 863 p. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nashikh dney (1974) [History of China from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Nauka [Science], 534 p. (In Russian).

Khisamutdinov, A.A.; Gao M. (2023). Russkiye v Shankhaye na avenyu Zhoffr (Khuaykhay-rud) [Russians in Shanghai on Avenue Joffre (Huaihai-road)], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. [Irkutsk State University Journal] :* 45: 65—77. DOI: 10.26516/2222-9124.2023.45.65. (In Russian).

Verchenko A.L. (2018). Khudozhestvennaya literatura i publitsistika kak istochnik issledovaniya istorii Kitaya (na primere literaturnogo tvorchestva S.M. Tret'yakova) [Fiction and Journalism as a Source of Research on the History of China (on the Example of the Literary Work of S.M. Tretiakov), *Problemy novoy i noveyshey istorii Kitaya [Problems of Modern and Contemporary History of China],* Moscow: Institut Dal'nego Vostoka [Institute of Far Eastern Studies]: 32—54. (In Russian).

Verchenko A.L. (2020). Znacheniye dokumental'nogo kino dlya formirovaniya predstavleniy o Kitaye v massovom soznanii v SSSR v 1920-ye gody,) [The Importance of Documentary Films in the Process of Formation of the Opinion about China in the Mass Thinking in the USSR in the 1920s*]* In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye [Society and State in China],* Moscow, Institut Vostokovedenia [Institute of Oriental Studies]: 50-1: 614—627. DOI: 10.31696/2227-3816-2020-50-1-614-627. (In Russian).

Поступила в редакцию: 22.03.2025
Принята к публикации: 30.06.2025

Received: Mar 22, 2025
Accepted: Jun 30, 2025

Научное издание

Китай в мировой и региональной политике
История и современность

Выпуск XXX
Ежегодное периодическое издание

ISSN 2618-6888 (print)
ISSN 2949-0774 (online)

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 05.09.2025. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 27,6. Уч.-изд. л. 28,2.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Электронная библиотека ИКСА РАН
www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН
Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32